

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Княжеские жития средневековой Руси

Городские протопопы Смутного времени

Проведение переписи 1701–1703 гг. в монастырях

Реорганизация церковных приходов в Олонецком крае

*Европейская культура, мировая война
и русская революция*

*Террор красных партизан против верующих
на юге Западной Сибири*

*«Украинский кризис»
в Обществе историков-марксистов*

Тема материнства в советском кино

Книжные полки И.Е. Зеленина

Обсуждаем книги

И.Е. Барыкина.

«Типичный петербургский чиновник»:
граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889).
Опыт биографии министра

А.Л. Беглов.

Православный приход на закате Российской империи:
состояние, дискуссии, реформы

МОСКВА

4
июль
август
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингдаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: А.В. Маковский. На пасеке (1916)

Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси (конец XIII — начало XIV в.)

Пётр Стефанович

**Space and identities in two princely vitae of Medieval Russia
(late 13th — early 14th centuries)**

Petr Stefanovich

(HSE University, Moscow, Russia;

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24040018, EDN: FGERGL

Описание и презентацию пространства, образы и представления об окружающем мире, привязанном к географическим объектам, некоторые учёные, занимающиеся историей доиндустриального мира, называют ментальной или когнитивной картой¹. Особый и сложный случай такого рода воображаемой карты — осмысление пространства, населённого людьми. Человек идентифицировал себя среди других людей, группируя их в некие общности, определяя (называя) их и солидаризуясь с какими-то из них или, напротив, противопоставляя их себе. «Представления человека о мире вместе с тем отражают его представления и о самом себе. Так и восприятие человеком пространства связано с его самооценкой», — писал А.Я. Гуревич уже более полувека назад, не используя термина «идентичность»². Сегодня, вероятно, большинство учёных прибегнут именно к этому термину, имея в виду критерии идентификации *своих* и *чужих*, базовые для этнокультурного самосознания³.

На древнерусских материалах уже ставился вопрос о ментальных картах, отражавших восприятие мира средневековым человеком⁴. Понятие «идентичность», которым оперируют исследователи, позволяет вскрыть разные стратегии (само)идентификации людей и разные уровни (локальный, надрегиональный) этнокультурного и этнополитического сознания⁵. Но пока речь идёт

© 2024 г. П.С. Стефанович

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

¹ См., например, на русском языке: *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // *Политическая наука*. 2001. № 4. С. 4–17; *Подосинов А.В.* Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // *Древнейшие государства Восточной Европы*: 2006. М., 2010. С. 10–16. Ср. обсуждение понятия «ментальные карты» в специальном выпуске журнала: *Mental maps: geographical and historical perspectives* // *Journal of Cultural Geography*. 2018. № 2.

² *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 78.

³ Ср.: *Чумакова Т.В.* «Свои» и «чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации // *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования*. Вып. 5. М., 2011. С. 184–196.

⁴ См., например: *Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. С. 209–230.

⁵ *Стефанович П.С.* Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // *Историческая память и российская идентичность*. М., 2018. С. 467–486.

скорее о постановке проблемы, чем о глубоких и детальных исследованиях отдельных источников, за исключением, пожалуй, лишь «Повести временных лет» (в связи с происхождением руси⁶).

В настоящей статье предпринимается попытка выявить ментальную карту, представлявшую свою общность в определённых отношениях с чужими, на материале двух древнерусских текстов, близких по идеям и происхождению, но в то же время во многом различных по содержанию. Речь идёт о житиях Александра Невского и Михаила Тверского — князей Северо-восточной Руси эпохи татаро-монгольского ига. В обоих житиях моделирование пространства, заполненного теми или иными общностями, тесно связано с представлениями о прошлом, т.е. с образованием и историей этих общностей, а прежде всего, своей общности. Таким образом, отталкиваясь от географических указаний, анализ приводит к выявлению своего рода хронотопов (темпорально-пространственных координат), на которых построены житийные нарративы.

Оба текста давно попали в поле зрения историков. Особенно известно Житие Александра Невского — основной источник сведений о князе, ставшем знаковой или даже культовой фигурой в русскоязычной историографии и российской публичной истории. Сегодня мы располагаем текстологическими исследованиями житий и их академическими изданиями, выполненными на высоком уровне с учётом их бытования в книжно-литературной традиции. Нельзя сказать, что доступны или надёжно и полностью реконструированы оригинальные тексты, но сохранившиеся списки, судя по всему, достаточно точно их отражают.

Ю.К. Бегунов, специально изучавший Житие Александра Невского, считал список в Псковской летописи основным для наиболее близкого к оригиналу «I вида первой редакции» жития⁷. Важно учитывать также список Лаврентьевской летописи 1377 г. как древнейший (тоже принадлежащий к «первой редакции», по Бегунову, но другого вида) и другие списки, так как есть отдельные разночтения, пока не получившие убедительных объяснений⁸. Бегунов датировал создание оригинального текста 1280-ми гг., но некоторые данные позволяют предложить более раннюю датировку — вскоре после смерти князя Александра в 1263 г.⁹ Житие написано явно во Владимире и человеком близким князю, происходившим, возможно, из Переславля Залесского¹⁰.

Житие Александра Невского довольно своеобразно по литературному стилю, а также по выборке и трактовке биографических сведений о князе. Традиционные агиографические образцы и каноны соблюдены в незначительной

⁶ Здесь и далее слово *русь* пишется со строчной буквы как обозначение народа; когда речь идёт о стране и государстве, используется прописная.

⁷ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 16–19, 186.

⁸ Колущи М. Первоначальная редакция «Жития Александра Невского»: заметки по истории текста // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. 50. СПб., 1996. С. 252–260. Впрочем, в тех местах и пассажах, которые анализировались в данной работе, принципиально важных по смыслу разночтений между списками не обнаружилось.

⁹ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 36–39.

¹⁰ Коняевская Е.Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. Т. 35. М., 2021. С. 71.

степени, зато много черт, свойственных жанру воинской повести. Есть заимствования из ветхозаветной части Библии и из светских произведений, но мало из Нового Завета и агиографической традиции. Эти особенности Жития даже трактовались в науке как результат механического соединения в нём текстов разного происхождения — церковно-религиозных и светских (воинских). Однако, как показали специальные исследования, текстологических оснований такие трактовки не имеют¹¹.

Житию Михаила Тверского посвящено фундаментальное исследование В.А. Кучкина¹². Позднее он же подготовил публикацию текста по списку, наиболее близкому к оригиналу (хотя в некоторых случаях другие списки дают лучшие чтения)¹³. Михаил Тверской был убит в Орде 22 ноября 1318 г., а его житие составлено, вероятно, вскоре после похорон князя в Твери осенью 1319 г., но во всяком случае до 1325 г. Автором являлся близкий князю человек, писавший в Твери и не сомневавшийся в святости своего бывшего «господина». Возможно, как считает Кучкин, это был игумен тверского Отроча монастыря Александр, сопровождавший князя в его последней поездке в Орду.

С литературной точки зрения Житие Михаила Тверского гораздо больше соответствует канонам агиографии¹⁴. Но в нём тоже есть некоторая композиционная нестройность. От основной части, где описана борьба Михаила с московским князем Юрием Даниловичем и ордынским баскаком Кавгадыем, а затем его мученическая смерть, отличается историческое введение. В старой литературе даже высказывалась мысль об инородном происхождении введения, более позднем относительно основного рассказа о «страсти» Михаила¹⁵. Однако, опять же, для этой мысли нет текстологических оснований.

В литературе исследовалось идейное содержание обоих житий, однако в основном учёные подходили к этим исследованиям либо со стороны политической истории, либо с чисто литературной. Нередко историки оценивали фактическое содержание житий критически и скептически (особенно это касается Жития Александра Невского, апологетического и тенденциозного в подборе и умолчании фактов)¹⁶, но не пытались понять особый художественный мир этих произведений. С предложенной точки зрения ни каждое из житий само по себе, ни оба в сопоставлении, до сих пор не изучались¹⁷.

¹¹ Последняя работа в таком духе текстологически и содержательно совершенно неубедительна: *Ostrowski D. Dressing a Wolf in Sheep's Clothing: Toward Understanding the Composition of the Life of Alexander Nevskii* // *Russian History*. 2013. Vol. 40. P. 41–67. В русскоязычной историографии эта и другие работы Д. Островского не удостоились реакции, в англоязычной критика высказывалась: *Torres-Prieto S. «A Godly Regiment in the Heavens Came to help Aleksandr...»: The Sanctity of Heroic Princes in Kievan Rus'* // *Dubitando. Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*. Bloomington, 2012. P. 67–83.

¹² *Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*. М., 1974.

¹³ *Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском* // *Средневековая Русь*. Вып. 2. М., 1999. С. 116–163.

¹⁴ *Коняевская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв.* М., 2007. С. 28–46; *Андреева Е.А. Михаил Тверской глазами древнерусских книжников*. М., 2019. С. 47–97.

¹⁵ *Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском...* С. 220–222.

¹⁶ *Лурье Я.С. К изучению летописной традиции об Александре Невском* // *ТОДРЛ*. Т. 50. С. 387–399.

¹⁷ Есть лишь небольшая статья, где сопоставляются биографии князей как набор фактов: *Гадолова Г.С. Александр Невский и Михаил Тверской* // *Александр Невский: личность, эпоха, исто-*

Начну с хронологически более раннего Жития Александра Невского. Для него характерна широта пространственной перспективы. Автор, торжественно возвещая славу своего героя, как бы возвышает его фигуру над всеми мыслимыми рубежами и границами и целенаправленно подбирает из его биографии события международного значения. С самого начала говорится о выдающихся чертах героя, которые, как бы сказали сегодня, получили международное признание. Доказывается это ссылкой на его встречу с неким предводителем Ливонского ордена, о которой сказано так: приходил «нѣкто силенъ от западныхъ страны, иже нарицаются слугы Божия... именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: “Прошед страны, языкъ, не видѣхъ такового ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя”»¹⁸. Возможно, речь шла о дипломатическом визите (в реальности, разумеется, чисто практического свойства) орденского рыцаря Андреаса фон Вельвена¹⁹. После описания подвигов Александра специально сказано о его известности: «И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ, и до моря Хонужьскаго²⁰, и до горъ Араратскихъ²¹, и об ону страну моря Варяжскаго, и до великаго Риму»²². Мысленный охват пространства — от южных морей и горных хребтов до Балтийского моря и Рима.

В уста самому Александру вкладываются слова, переносящие политические конфликты в некую божественно определённую картину сосуществования народов. Отправляясь из Новгорода к Неве в 1240 г., Александр молится: «Боже... положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чужую часть»²³. Эти слова отталкиваются от библейского текста (Втор. 32:8 и др.). Но не менее важна ориентация на «Повесть временных лет», которая начинается с обширной панорамы расселения народов и в которой звучит та же мысль о противозаконности «преступать» чужие «пределы» (хотя в другом контексте — межкняжеских, а не международных отношений)²⁴. Эта летописная парадигма явно учитывалась агиографом, мыслящим в категориях «языцев», «стран», «земель» и «пределов».

Нарративная композиция Жития Александра Невского устроена так, чтобы показать, как князь противостоит враждебным силам с Запада и Востока. Акцент сделан на взаимодействии с Западом, и именно с этого начинается рассказ: после упоминания об Андрееше «от Западныхъ страны» говорится о победах в Невской битве и Ледовом побоище. Во второй части Жития сообщения о контактах перемежаются: и с Западом (имеем в виду, прежде всего, рассказ

рическая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 226–237.

¹⁸ *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 161–162. Ср. в Лаврентьевской летописи, где житие сохранилось лишь в начальной части (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 477–481).

¹⁹ *Кучкин В.А.* Александр Невский — правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 111–112.

²⁰ Какое имеется в виду море, неясно. Предполагают, что Каспийское. Возможно, вариант других списков правильнее: «моря Египетскаго» — тогда речь идёт о Средиземном море.

²¹ Вариант в других списках: Аравитских.

²² *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 173.

²³ Там же. С. 162–163; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 478.

²⁴ *Ранчин А.М.* Об одном мотиве в Житии Александра Невского // Воинство земное — воинство небесное. Материалы XVIII всероссийской научной конференции памяти святителя Макария. Вып. 18. Можайск, 2011. С. 447–450; *Ляпин Д.А.* Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра» // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память... С. 340–345.

о папских посланниках), и с Востоком — с Ордой. Рассказ о об этой второй стороне вводится словами, описывающими восточного «царя» (то ли монгольского хана Гуюка, то ли Батю, о котором говорится ниже): «В то же время бѣ царь силенъ на вѣсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языки многы, от вѣстока даже и до запада. Тѣй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: “Александре, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языки? Ты ли един не хоцещи покорити ми ся? Но аще хоцещи съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего”»²⁵. Деяния Александра становятся как бы частью глобальной политики лидеров и повелителей «многих языков» (народов) в разных сторонах света.

Естественно, встаёт вопрос: как характеризовалась та территория или область, которой правил сам Александр и которую он должен был оберегать между Западом и Востоком, каково было её место среди прочих? Удивительно, но точного ответа Житие Александра Невского не даёт.

В первой его части, где речь идёт о победах невской и чудской, Александр выступает защитником Новгорода. Об этом говорится эксплицитно, причём подчёркивается, что Александр возглавлял новгородцев и получил благословение на Невскую битву от новгородского архиепископа непосредственно в Софийском соборе. Нападение шведов предваряется изложением помыслов их предводителя, «короля части Римьскыя от полунощныя страны», и затем его угрожающим посланием Александру. Так сказано о замыслах: «Поиду и плѣню землю Александрову». Так в послании: «Аще можещи противитися мнѣ, то се есмь уже zde, плѣняя землю твою»²⁶. Дважды используется слово «земля», и в контексте столкновения Швеции и Новгорода его надо понимать как указание на Новгородскую землю. Из летописных и других источников известно, что в начале 1240-х гг. Александр был только новгородским князем (и, вероятно, тверским). Лишь в 1249 г. он получил Киев, а в 1252 г. стал великим князем владимирским.

Дальше для описания владений Александра используются ещё два слова. Сразу после описания Невской битвы агиограф пишет: «Въ второе же лѣто по возвращении с побѣды князя Александра приидоша паки от западныя страны и возградиша град въ отечествѣ Александровѣ»²⁷. Речь идёт о строительстве крепости Копорья немцами Ордена в 1241 г. Это была территория Новгородской земли, которая теперь названа «отечеством» Александра. Древнерусское слово «отечество» было многозначно²⁸. В данном случае оно не могло обозначать родину Александра (он родился в Переславле Залесском) и вряд ли имело какой-то возвышенный смысл (подобно современному слову). Видимо, автор хотел подчеркнуть наследственные права князя на территорию, т.е. имелось в виду наследство от отца, которое обычно называлось «отчиной». Ниже, сразу после описания Ледового побоища, другая часть Новгородской земли называется «волостью» Александра. О нападении литовцев на Торжок и Бежецкий Верх в 1245 г. сказано так: «В то же время умножися языка литовьскаго, и начаша пакостити волости Александрове»²⁹.

²⁵ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 173–174.

²⁶ Там же. С. 162.

²⁷ Там же. С. 169.

²⁸ Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 256–258.

²⁹ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 173. Вариант некоторых списков — вместо «волости» «(в) области» — представляется вторичным.

Во второй части Жития для характеристики владений Александра используется исключительно слово «земля». Однако речь идёт уже не только о Новгороде и Новгородской земле. Описываются отношения князя с Батыем и принятие посланников папы римского. В Орду и далее в Монголию Александр ездил в 1247–1249 гг. как претендент на великое княжение Владимирское. С 1252 г., после Неврюевой рати и бегства брата Андрея, Александр окончательно утвердился в великом княжестве Владимирском. Когда папские послы нанесли визит Александру и где, не ясно (если вообще верить этому сообщению)³⁰. Раньше считали, что князь должен был принимать их в 1251 или начале 1252 г. в Новгороде; по последней версии, он принимал их уже как великий князь Владимирский в конце 1252 — начале 1253 г.³¹

Все эти события изложены в Житии Александра Невского в не вполне внятной последовательности и без каких-либо хронологических указаний. Во всех речах, которые агиограф вкладывает в уста героев, и в словах от его собственного лица говорится только о «земле» Александра в самом общем смысле. О «земле своей» упоминается в процитированном выше пассаже с речью хана (Гююка или Батыея), обращённой к Александру («но аще хоцещи съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего»). Тут же сказано, что Александр въехал во Владимир «в силѣ велицѣ. И бысть грозень приездъ его, и промчеса въсть его и до устья Волгы»³². Чуть ниже, сообщая о восстановлении великого княжества после Неврюевой рати, агиограф пишет от себя: «Распространи же Богъ землю его богатствомъ и славою, и удольжи Богъ лѣтъ ему»³³. В речи папских послов говорится о «великой земле»: «Папа нашъ тако глаголет: “Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика”»³⁴.

Очевидно, в этих пассажах Александр выступает уже как великий князь Владимирский (хотя формально он в каких-то эпизодах ещё им и не был), а под его «землѣй» имелось в виду Владимирское великое княжение в смысле всех владений потомков Всеволода. Оно в этой части Жития и упомянуто дважды под названием «Суздальская земля». Сначала сказано, что Неврюй «повоева» «землю Суждальскую», а в самом конце, в описании смерти и похорон князя звучат знаменитые слова, которые вложены в уста митрополита Кирилла, провожавшего князя в последний путь во Владимире: «Чада моя, разумѣте, яко уже заиде солнце земли Суздальской»³⁵.

Обозначение великого княжения Владимирского как Суздальской земли вполне соответствовало терминологии XIII в. Оно было наиболее употребительным в древнерусских источниках для той территории, которая к середине XII в. сформировалась вокруг трёх центров — Суздаля, Ростова и Владимира — и оставалась в XIII в. под властью потомков Всеволода Юрьевича («Большого Гнезда»). Хотя вообще называть её могли по всем трём городам: Суздальская

³⁰ См. скептический взгляд: *Селарт А. К истории текста Жития Александра Невского. Эпизод о папских посланниках* // Страны Балтии и русский Северо-Запад: исторический опыт взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции, Великий Новгород, 30 ноября — 1 декабря 2017 года. Великий Новгород, 2018. С. 58–67.

³¹ *Майоров А., Руденкова И.* Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории // *Quaestio Rossica*. Т. 11. 2023. № 3. С. 931–949.

³² *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 174.

³³ Там же. С. 175.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 178.

земля, Ростовская и Владимирская, но чаще других до начала XIV в. использовалось именно первое из трёх названий³⁶.

Таким образом, территория под властью Александра очерчивается по его Житию как Новгородская земля и великое княжение Владимирское (Суздальская земля). Очевидно, эта территория была для автора «своей» в том смысле, в каком он писал о возвращении Андреяша после встречи с Александром к «своим». Но какая *общность* являлась «своей» для агиографа, что объединяло людей, живших на этой территории, и роднило с ним, и имела ли эта общность название? Можно попытаться выявить факторы солидарности, действенные для автора Жития, рассмотрев, какие области и общности и по какому принципу выделяются по соседству и вступают в то или иное взаимодействие с главным героем.

Выше говорилось о некоторых контрагентах Александра. Следуя сторонам света, автор Жития писал сначала о контактах с рыцарями «от западных страны» и о нападении на Александра «короля части Римьския от полуношныя страны», а потом о встрече Александра с «царем сильным на восточней стране». Правда, фактически представители полуношной и западной сторон оказываются из одной общности — области католической Церкви. В описании Невской битвы автор несколько раз называет подданных «короля»³⁷ «римлянами», подчёркивая их принадлежность Римской церкви, в то время как шведами (свеями) они ни разу не названы. И такое обозначение связывает их с папой римским, о котором говорится во второй части Жития, в описании его посольства («Нъкогда же приидоша къ нему послы от папы из великого Рима...»)³⁸.

С католической Церковью (Римом) прямо связывается и Ливонский орден. В общем, связь с Римской кафедрой «Божиих риторей» (рыцарей) или «слуг Божиих» (как они названы в другом месте Жития) и так очевидна. Но она подчёркивается ещё в рассказе о защите Пскова и Ледовом побоище. Агиограф начинает этот рассказ сообщением о военных действиях Александра против «немцев»: «По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди *короля*, в третии год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: “Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе”. Уже бо бяше град Псков взят, и намѣстники от немецъ посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немецъ изсѣче, а инѣх повяза, и градъ свободи от безбожныхъ немецъ, а землю ихъ повоева и пожже и полона взя бес числа, а овѣхъ иссече. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: “Поидемъ и побѣдимъ Александра и имемъ его рукама”» (далее следует рассказ о Ледовом побоище)³⁹.

Из слов, которые вложены в уста «немцев», следует, что они противопоставляют себя «словенскому языку». Разумеется, это не отражение некоего средневекового панславизма, и здесь не надо искать конфронтацию германцев и славян в духе национально-романтической историографии XIX в. В данном случае в древнерусском слове *язык* главным значением выступает не «народ»

³⁶ Горский А.А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию упоминания Суздаля в летописях. Владимир, 2015. С. 27–32.

³⁷ Король в Невской битве, как известно, не принимал участия. Это мифология автора жития.

³⁸ «Это не ошибка автора. Это его позиция», — справедливо пишет по этому поводу современный историк: Кудрявцев О.Ф. Александр Невский и католический Запад // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память... С. 81.

³⁹ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 169–170.

(как в других случаях), а собственно «язык» (*lingua*), и имеется в виду церковнославянский язык — язык богослужения и религиозной литературы в православных славянских странах. «Словенский язык» — это общность людей, объединённых верностью церковнославянскому богослужению. Таким образом, противопоставление «немцев» и «немецкой земли» «словенскому языку» в контексте Жития Александра Невского имеет религиозный смысл: католики, «часть римская» *versus* православные. Обозначение «немцы» в таком контексте приобретает надэтнический характер, и поскольку шведы не названы шведами, можно думать, что по умолчанию агиограф их фактически тоже числит немцами.

Именно немцев автор Жития рассматривает как главных врагов, и основной негативный заряд он направляет в их сторону. Но среди ругательных эпитетов и выражений, которыми он их награждает, наиболее сильны те, в которых проглядывает религиозный смысл. Немцы — не только «гордии» и «иноплеменники», но и «безбожны» и «язык непреподобен». Последнее выражение происходит из Библии, откуда агиограф брал и сравнения для подвигов Александра, имевшие смысл противостояния верных неверным (Александр защищает свою землю как «град святой» Иерусалим защищали от ассирийцев и т.п.).

Религиозный смысл заложен и в противопоставление «земли» Александра и Орды. Первое упоминание восточных «царя» и «царства» вводится в нейтральном контексте. Однако затем, описывая поездку к Батыю Александра, агиограф пишет о «моавитских женах», отсылая к библейскому сюжету о войнах израильтян с моавитянами, а ещё ниже, имея в виду военную повинность с Руси ордынским ханам, пишет так: «Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя»⁴⁰. В этом пассаже «людии», подвластные Александру (жители его «земли»), противопоставлены татарам как «христиане» «иноплеменникам»-нехристианам.

Рассказывая об отношениях Александра с Ордой, автор Жития не употребляет этнонима «татары». Получается, что для него этнические обозначения не были главным способом указывать на чуждые общности, с которыми приходилось иметь дело его герою. Собственно этнический характер имело только обозначение литовцев в известии, процитированном выше: «В то же время умножися языка литовскаго, и начаша пакостити волости Александрове» и т.д. Но это краткое сообщение имело второстепенное значение в общем нарративе. Все остальные международные размежевания в хронотопе Жития обусловлены политически и религиозно. На Западе и Севере — «римляне», на Востоке — «царство» Орды. «Немцы» — по умолчанию католики, и это скорее квазиэтническое или надэтническое обозначение. Под «Немецкой землёй» фактически имелись в виду полиэтнические политические образования в Прибалтике, которые контролировались колониальными религиозными властями (Ливонский орден, Рижское архиепископство).

Само по себе деление человеческих сообществ автор Жития Александра Невского представляет именно в виде народов: слово «языцы» (в значении «народ») — одно из наиболее частотных в его лексиконе. И он не игнорирует полностью этнонимии; он обозначает литовцев как «язык», он пишет про Пелгусия и Ижорскую землю (очевидно, подразумевая, что она населена наро-

⁴⁰ Там же. С. 177. В ряде списков Жития Александра Невского вместо «иноплеменник» сказано «поганых», и противостояние их «христианам» таким образом усиливается.

дом ижорой). И Орда, и немцы названы «иноплеменниками» — словом, прямой смысл которого указывал на родовые (племенные) связи. Но важнейшими для него являются политические и религиозные границы. «Земля» / «волость» Александра предстаёт именно в таком ключе: с политической точки зрения это те территории, где он княжил, с религиозной — выступал лидером «словенского языка», который хотели «укорить ниже себе» католики. Первичными для автора являются политическое подданство и церковно-религиозная принадлежность, и в конце Жития великий князь Владимирский и митрополит — важнейшие фигуры. *Своя* общность для агиографа — территория их власти.

Сам по себе такой подход (акцентировать политические и религиозные границы) для Средневековья обычный и вполне нормальный. Нестандартно другое — в Житии Александра Невского не упоминаются ни русь, ни слова, производные от этого этнонима. Такой общности как будто и не существует для агиографа, который поставил перед собой задачу оценить роль своего героя в широком, как бы сказали сегодня, геополитическом контексте. Он проигнорировал название, которое было столь важно для самосознания правящей династии («князья русские»), фигурировало в титуле митрополита («всея Руси») и служило самоидентификации подданных князя. Каким бы принципиальным ни был надэтничный подход средневекового книжника, всё-таки такое игнорирование руси не вписывается в традиции древнерусской литературы от «Повести временных лет» до «Слова о погибели Русской земли». Сравнение Жития Александра Невского с подходами автора Жития Михаила Тверского позволит высказать предположения о возможных причинах этого обстоятельства.

Ментальная карта Жития Михаила Тверского на первый взгляд структурирована совсем иначе. Здесь почти с первых строк появляется Русь. В то же время географическая перспектива гораздо уже, взгляд автора не скользит над полями и горами обширных пространств, а сосредоточен на относительно компактной территории. Попыток раскинуть действие по сторонам света здесь нет, и о международном контексте можно говорить только условно. Главное содержание произведения — конфликт Михаила и Юрия Московского, который разворачивается во Владимире и Твери, а затем казнь тверского князя в Орде после суда. Юрий выставлен в неприглядном свете, хан Узбек, вынесший приговор, осуждается, но основная вина возлагается на ханского приспешника Кавдадыя, выступающего орудием в руках дьявола.

Разбор географических ориентиров и объектов, которые фигурируют в Житии Михаила Тверского, логичнее начать с понятия руси, тем более что оно оказывается не вполне однозначным. Во вводной части, которая несколько отделяется от основной, понятие руси — и важное, и широкое по смыслу, и оно сразу вписано в главную парадигму противостояния Орде. В предлагаемом здесь историческом обзоре автор излагает основные моменты распространения христианства «в последняя лета» и наравне с апостольской проповедью важнейшим моментом этого процесса определяет крещение Руси: Бог «яви благодать свою на русскомъ языкѣ: приведе великаго князя Володимера русскаго въ крещение. Володимеръ же, просвъщенъ Святого Духа благодатию, введе всю землю Русскую въ крещение»⁴¹. Трижды употребленный эпитет «русский» указывает и на народ («язык»), и на страну («земля»), и на правителя — князя-основателя династии.

⁴¹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 128.

Опираясь на заимствованные из летописи идеи и выражения, автор объясняет установление власти татар над русью: за умножение грехов Бог «посла на ны казнь» — «в конечную пагубу преда нас в руцѣ измаилтяном». «По великомъ жестокомъ пленении русстѣмъ», т.е. после нашествия монголов на Русь, сформировался такой политический режим: мы (русь) «оттолѣ начяхом дань даяти татарьскому языку. И егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареву, носящи множество имѣния своего»⁴².

Характеристика Владимира как «великого князя» предполагает прямую преемственность от него к тому «княжению великому» (владимирскому), современником которого был автор. Чуть ниже звеньями этой цепи указываются отец и дед Михаила (Ярослав Ярославич и Ярослав Всеволодич), оба, как подчёркивается, великие князья. Михаил предстаёт одним из «русских князей», которые владели раньше Русской землёй, но теперь вынуждены подчиняться «царю» в Орде.

Намеченное в этом обзоре противопоставление русского «языка» (народа) и татарского было не только этническим, но и политическим («русские князья» vs ордынский «царь»), а также религиозным: русь христианская оказывается в «плёну» у «измаилтян» (язычников или мусульман). На религиозное противостояние работает библейская модель вавилонского пленения, применяемая агиографом для описания отношений руси и татар⁴³.

Религиозное осмысление событий становится главным в дальнейшем нарративе, в целом вполне выдержанном в агиографическом жанре. Последовательно на протяжении всего текста Жития развивается противопоставление религиозных общностей с акцентированными негативными оценками «поганых», угнетающих «христиан». Ярослав Всеволодич погиб «нужною смертию в Орде за крестьяны»; татары, приняв при Узбеке ислам («веру срацинскую»), «начаша не щадити рода крестьяньска»; татары «беззаконные измаилтяне», у них «скверные поганские руки» и «обычай»; Кавгадый «кровопийца», «беззаконный» и «окаянный» и даже хан Узбек «законопреступный» и «оканний» — вот лексика и оценки, которыми оперирует книжник. Этот резко антитатарский тон выделяется на фоне древнерусской литературы⁴⁴.

После «исторического введения» в тексте Жития Михаила Тверского нет специальных комментариев о Руси / руси. Однако упоминания её присутствуют как бы само собой разумеющимся фоном, задавая рамки ментальной карты всего произведения. Эти упоминания можно разделить на несколько категорий. Во-первых, в тех случаях, когда говорится о митрополите Максиме, всегда приводится его титул «митрополит всея Руси». Тем самым митрополичья власть или кафедра выступает носителем идеи христианской Руси, которая обозначена в историческом введении. Во-вторых, это понятие здесь имеет чисто географический смысл. Татары «отпустиша в Русь» или «на Русь» (о князьях), «бысть тягота велика в Руси», «повезоша его в Русь», «везуще по градом по русским» (о теле убитого Михаила) — в этих контекстах о Руси говорилось как

⁴² Там же. С. 129.

⁴³ См. об этой модели: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 163–193.

⁴⁴ *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском... С. 247–255; *Коняевская Е.Л.* Очерки по истории... С. 33–40; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М., 2014. С. 113–121.

о территории, отдельной от остальной территории Орды, фактически же, по контексту, о северо-восточной части древней домонгольской Русской земли. В-третьих, слово «русь» употреблялось в контексте сопоставления разных народов. В описании суда над Михаилом, вершившегося в ханской ставке, сообщалось, что там присутствовали люди «от всех язык», т.е. от всех народов. Ниже, уже после описания его казни, сказано, что «дворъ блаженааго разграбиша русь же и татарове», «а имѣние русское повезоша к сѣбѣ в станы» татары⁴⁵. О руси говорилось как об одном из народов, представленных при ханском дворе.

Наконец, автор прибегает к выражению «князья русские», уже использованному им в «историческом введении». Один раз оно встречается в описании политики татар: «Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею князи русскими, себѣ множайшая дары възимають»⁴⁶. Автор имел в виду князей-потомков Всеволода Большое Гнездо, боровшихся за великое княжение. Подразумевая ту же борьбу за «грады и власти», агиограф обращается к «возлюбленным русским князьям» в кратком поучении, заимствованном из летописи, призывая «не прельщаться» мирскими благами⁴⁷.

Сопоставляя все эти упоминания и высказывания о Русской земле, можно сформулировать понимание руси, которое обнаруживал эксплицитно и имплицитно агиограф. В принципе он исходил, очевидно, из широкого понимания Русской земли как всей территории, население которой хранило христианскую веру, привитую Владимиром Святым, и признавало власть «русских князей», т.е. династии Рюриковичей. Вместе с тем его реальный кругозор ограничен той Русью, в рамках которой приходилось действовать его герою, — Северо-восточной. Соотнося власть Михаила с Русской землёй, автор Жития фактически отождествлял последнюю с великим княжением Владимирским, которым обладал князь.

Такое «узкое» понимание Руси не было уникальной особенностью Жития Михаила Тверского. После Батыева нашествия с середины XIII в. и на протяжении XIV в. в летописях и других памятниках письменности Северо-восточной Руси распространяется и закрепляется использование слов «русь» / «Русская земля» для характеристики не всей той территории, которая была подвластна Рюриковичам в домонгольское время, а именно Северо-восточной Руси — системы великого княжения Владимирского⁴⁸.

Основой великого княжения Владимирского была территория Суздальской земли в том смысле, в котором о ней писал агиограф Александра Невского (владения Всеволода Большое Гнездо, а в XIII — начале XIV в. — его потомков). Понятие Суздальской земли употребляется и в Житии Михаила Тверского, однако в другом, причём довольно своеобразном контексте. Определение «суздальский» упоминается дважды. Когда рассказывается о конфликте Михаила и Юрия, кульминацией которого стала битва у Бортенева (декабрь 1317 г., в ней Михаил победил Юрия и Кавгадыя), сказано, что Юрий пришёл «ко Тѣѣри ратью, совокупя всю землю Суздальскую». Позднее, когда Юрий отправился в Орду, он, согласно Житию, взял с собой «все князи суздальские

⁴⁵ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 155.

⁴⁶ Там же. С. 131.

⁴⁷ Там же. С. 157. Ср.: Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 242.

⁴⁸ См. подробнее: Стефанович П.С. Русь / Русская земля в северо-восточных текстах конца XII — начала XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 4(94). С. 45–58.

и бояре из городовъ и отъ Новагорода»⁴⁹. Оба эти упоминания связаны с Юрием Московским, врагом и антагонистом Михаила, и это заставляет внимательнее присмотреться к ним.

Двойное напоминание, что Юрий пришёл именно со «всей» землёй Суздальской и со «всеми» суздальскими князьями, выглядит тем более нарочитым, что не соответствовало реальности. В тот момент, когда происходили описываемые события, Юрий был уже великим князем Владимирским, но фактически не мог собрать ни на битву, ни потом в поездку всех князей Суздальской земли, если понимать под ней владения потомков Всеволода Юрьевича. С Юрием в одной коалиции выступали лишь два его брата, московских князя, несколько князей незначительного Суздальского княжества (включавшего лишь сам Суздаль и небольшую территорию к северу от него) и, вероятно, один из младших князей Ростовских. Скорее всего, эти указания в Житии как раз и были вызваны тем, что главным элементом коалиции Юрия являлись второстепенные князья мелкого Суздальского княжества⁵⁰. Отталкиваясь от реального факта участия суздальских князей в борьбе против Михаила, агиограф в то же время явно хотел представить силы, противостоявшие его герою, серьёзными и внушительными. Лидером этого вражеского союза был Юрий Данилович — главный соперник Михаила, представленный в Житии узурпатором, который пошёл на поводу у татар, разжигавших «вражду» между князьями. Легитимность власти Юрия ставится под сомнение, и определение «суздальский» служит как раз для того, чтобы показать условность или ущербность его полномочий. Если Михаил выступает «князем русским», то Юрий — «суздальским» (интересно, кстати, что он не величается московским князем). В принципе оба определения имели в виду одно и то же, но на уровне терминологии книжник пытался противопоставить статусы князей, выставляя определение «русский» как более почётное и высокое.

Термин «земля» (в значении некоего территориального образования) в Житии Михаила Тверского употребляется ещё раз — в описании суда над Михаилом. Здесь агиограф указывал на присутствие разных народов, и одному из наблюдателей, по-видимому, симпатизировавшему князю, приписал такие слова: «А преже ты слышахом царствующаго во своеи земли; абы еси, господине, во своею землю шель» («а прежде слышали, что царствовал ты в своей земле. Шёл бы ты, господин, в свою землю»)⁵¹. В какой земле мог «царствовать» Михаил? Надо думать, в Русской, если учитывать, что агиограф считал статус великого князя унаследованным Михаилом от Владимира Святого и называл великое княжение Владимирское Русью. Косвенно автор жития давал понять, что Михаила можно считать «русским царём», и справедливо заключение В.А. Кучкина, что это был способ показать «суверенный характер власти» князя и возвысить её авторитет⁵².

Помимо Руси и Орды важнейший объект хронотопа Жития Михаила Тверского — Тверское княжество, для обозначения которого используется не термин «земля», а несколько других слов. Хотя во вводной части Жития акцент

⁴⁹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 134, 138.

⁵⁰ Городилин С.В. «Все князи Суждальстии»: к вопросу о составе союзников и противников князя Михаила Ярославича в конце 1317–1318 гг. Часть II // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 13. Тверь, 2020. С. 75–83.

⁵¹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 150.

⁵² Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 259–261.

сделан на великокняжеском статусе Михаила, в основной его части на всём протяжении текста князь выступает преимущественно правителем Твери. Уже начиная рассказ о споре Михаила и Юрия из-за великого княжения, агиограф говорит о своём герое: «князю же ему въ [о]тчинѣ свои въ Тѣри»⁵³. Далее он ещё несколько раз использует слово «отчина» для указания на Тверское княжество как наследственное владение Михаила. Близким по смыслу выступает в Житии слово «отечество». Но если в Житии Александра Невского оно фигурировало в значении «владение, доставшееся по наследству от отца», то здесь оно имеет несколько другой оттенок, подразумевая скорее область происхождения, с которой у человека есть некая эмоциональная связь, т.е. значение, близкое современному слову «отчизна» (родина).

В конце Жития Михаила Тверского помещено благодарственное восхваление князя-мученика, подчёркивается связь Михаила с его «отечеством»: «Радуися, воине Христовъ непобѣдимый, но всегда побѣжавый врагы, находящая во отечество твое. Радуися, стратотерпче Христовъ, яко проиде святое имя твое въ всю вселеную. Радуися, ею же вжелѣ, то и сътвори, течение съверши, въру съблуди, прият венець от всѣх Христа Бога, Его же моли за отечество свое» (цитируется апостольское послание 1Тим. 4:7)⁵⁴. Михаил выступает здесь защитником и молитвенным заступником своего «отечества». По контексту именно Тверь надо понимать под этим «отечеством», святым покровителем которого стал Михаил после смерти. Непосредственно перед этим восхвалением рассказывается с особым пиететом о возвращении тела князя в Тверь. Нетленность тела свидетельствует о святости мученика. «Мощи святого» будут почитать в Спасском соборе Твери, охраняя его «отечество»⁵⁵.

Со словами «отчина» и «отечество» связана одна важная для агиографа мысль. Уже в начале Жития и затем несколько раз на протяжении всего текста агиограф вспоминает евангельскую максиму о спасении того, кто «положит душу свою за други» (Ин. 15:13)⁵⁶. Вкладывая эту евангельскую заповедь в уста главного героя и рассуждая от своего лица, автор настойчиво проводит мысль, что Михаил сознательно принёс себя в жертву ради «своих друзей» и «христиан», — а эти люди и были жителями Тверской земли, населением его «отечества».

Показательны в этом смысле речи, которыми обмениваются Михаил и призванные им тверские епископ и знать («князи и бояре») перед Бортеневской битвой. Призванные Михаилом подтверждают его правоту перед Юрием и выражают готовность защищать своего князя: Юрий и Кавгадый «взяша всю волость твою, а на другои стране (т.е. на другом берегу Волги. — Л.С.) в отчине твоеи то же хотят сътворити. А ныне, господине, поиде противу имъ, а мы за тебя хотимъ животомъ своимъ». О Тверской земле говорится как о «волости» и «отчине» Михаила. Ответное слово князя начинается с евангельской цитаты, выражается уверенностью в спасительном смысле жертвы ради тех, кого собравшаяся элита Тверской земли собирается защищать: «Братие, слышите, что глаголетъ святое Евангелие: “иже аще кто положитъ душу свою за други своя”, “велик наречется въ царствии небеснѣмъ”. Нам же не за единъ другъ, ни за два положить душа своя: селико народа въ полону, а ини избиении суть, жены

⁵³ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 130.

⁵⁴ Там же. С. 162–163.

⁵⁵ Там же. С. 159–162.

⁵⁶ Там же. С. 126, 135.

же и дщери их осквернении суть от поганных, а нынѣ мы иже за толика народа положимъ своя душа. Да вменится намъ слово Господне въ спасение»⁵⁷.

Ниже приводится речь Михаила к боярам, уговаривавшим его не ехать в Орду. Князь снова вспоминает евангельскую максиму, утверждая, что лучше «положить душу свою за многия душа», чем видеть, как «отчина моя вся в полону избиени будуть». Затем агиограф от своего лица поясняет: Михаил «умысли положить душу свою за отечество, избави множество от смерти своею кровию и от многоразличных бѣд»⁵⁸.

Одна и та же мысль передаётся в разных контекстах, и слова «отчина» и «отечество» используются как синонимы, указывая на Тверское княжество и подразумевая тверичей «своими людьми», за которых идёт на смерть мученик. Не случайно Михаил как святой защитник и покровитель своего «града» уподобляется Дмитрию Солунскому, представлявшему некий архетип небесного заступника локальной (городской) общины⁵⁹. В целом, культ Михаила в Житии конструировался как элемент именно тверской региональной идентичности; это должен был быть *свой* местный святой.

И в нарративной композиции Жития, и в идейном содержании общность тверичей, правителем (и даже, если угодно, лидером) которой выступал Михаил, оказывается важнейшей и центральной. Однако эта общность напрямую не противопоставляется каким-либо другим (например, Московскому княжеству). Противопоставление заложено автором Жития на другом уровне — между Русью и Ордой, причём оно осмысливается не только политически, но и религиозно: как конфронтация между христианами и «погаными». Соответствующим образом представлены два столпа русской идентичности — «князья русские» и «святая вера», принятая Владимиром. В хронотопе Жития эти два столпа имеют, так сказать, онтологическую сущность — несмотря на те или иные исторические изменения и обстоятельства, они пребывают как бы изначально (с Владимира) и навсегда. Власть «татарского языка» представляется как чуждая и не касающаяся самой сущности бытия «в Руси»: внешняя с политической точки зрения, чуждая и по вере, и по «обычаям».

В самом изложении фактов мы видим, что Русь, окружающая автора и его героя, гораздо меньше Русской земли, крещёной Владимиром. Эта Русь «сжалась» до Северо-восточного региона, где Михаил сражается с Юрием и Кавгадыем. Это, однако, не смущает автора, который с помощью своеобразной метонимии — по принципу *pars pro toto* — переносит черты и саму сущность «всей Русской земли» на Русь под властью великого князя Владимирского. Та Русь, в которой пришлось жить и герою повествования, и его автору, оказывается как бы частным воплощением некой «идеи» Русской земли. Такой подход позволяет автору вписать деяния князя, принесшего себя в жертву ради своей «малой родины» (Тверской «отчины» / «отечествия»), в более широкую историческую и политическую перспективу, обозначенную понятием Русской земли как «большой родины».

Если сравнивать Жития Михаила Тверского и Александра Невского, основным различием между ними надо признать наличие в Житии Михаила Тверского русского сознания, которое занимает как бы промежуточное ме-

⁵⁷ Там же. С. 135–136.

⁵⁸ Там же. С. 140.

⁵⁹ Там же. С. 140.

сто между локальной идентичностью и осмыслением межконфессионального и междивизиационного взаимодействия. Вообще коммуникативные уровни с соответствующими им общностями и идентичностями в этом агиографическом тексте выстроены более ясно и логично и терминологически («отчина» / «отечество» Тверь — земля Русская — царство Орды), и идейно-содержательно (защита «друзгов своих»-тверичей — борьба «русских князей» с татарами — антагонизм христиан и поганых). Автор Жития Александра Невского в этом плане более сбивчив и неясен.

Во-первых, в этом памятнике нет ясно выраженной локальной идентичности. Агиограф пишет, что Александр стал «солнцем земли Суздальской». Но под этой землёй имеются в виду владения потомков Всеволода, ставших основой системы княжения Владимирского. Политически это была сложная конфигурация княжеств, которые начали обособляться в XIII в. и стали называться уделами в XIV в. Если автор и имел в виду какую-то идею единства земли Суздальской, он явно недостаточно её обосновал⁶⁰, а с другой стороны, он не выделяет и какой-то части в этой области (например, Переяславского княжества, родного для Александра). В любом случае, с Суздальской землёй плохо сочетается упоминание Новгорода как земли и отчины Александра. Новгород, хотя и был связан договорами с великими князьями Владимирскими, представлял собой отдельное автономное образование (со своей локальной идентичностью). Псков оказывался тем более чуждым и Александру, и Суздальской земле, которая за ним стояла. Не случайно, что в Житии Александра Невского нет последовательной терминологии: и «земля», и «волость», и «отечество» — все эти слова используются в равной мере для описания разных владений Александра, состав которых был непостоянен.

Во-вторых, не логично и, главное, в ярком противоречии с реальностью подаётся противостояние с соседями с западной и восточной «сторон». Акцентируется конфликт с римской Церковью и немцами — на них обрушиваются обвинения и негативные эпитеты. Зато реальная опасность от татар и их господство затушёвываются. Религиозный антагонизм тоже перекошен: язычество татар, гораздо более страшное и неприемлемое для христиан, даже и не замечается, зато христиане-католики эксплицитно отвергаются как чуждые. Религиозное различие с последними выражено квази-этническими терминами: «немецкая земля» и «словенский язык».

Наконец, автор Жития Александра Невского, хотя само этническое разнобразие признавал, понятия *русь* / *русский* не использовал. Между тем он их без сомнения знал, они были в живом употреблении. И даже более того, мы знаем точно, что современники осмыслили деятельность Александра именно в русле русской идентичности. Причём свидетельство об этом происходит из Новгорода, где, казалось бы, проявления общерусского сознания следовало ожидать менее всего. Современник событий, летописец, ведший владычную летопись при Софийском доме (скорее всего, некий пономарь Тимофей, упомянувший себя в летописи), записал такую посмертную похвалу Александру: «Даи, Господи милостивыи, видѣти ему лице Твое в будущи вѣкъ, иже потрудися за Новгородъ и за всю Русьскую землю»⁶¹. Новгородец, выходит,

⁶⁰ Ср.: Halperin Ch. Alexander Nevskii and the Suzdalian Land // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память... С. 331–339.

⁶¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 84, 313.

труды князя «за всю Русскую землю» признавал, а владимирский агиограф их так не расценивал.

Размытость и непоследовательность хронотопа Жития Александра Невского можно связывать, на мой взгляд, с двумя обстоятельствами. С одной стороны, сказывались сам замысел и общая композиция нарратива. Подход автора сконцентрирован на фигуре Александра как светского правителя, причём с желанием показать только успехи и только на внешнеполитической арене. Но такой подход не мог не привести к очевидным перекосам, поскольку сама эпоха была далеко не героическая, наполненная трагедиями и горечью иноземного господства и борьбы разных центров власти на Руси. Автор явно озабочен тем, чтобы дать отпор тем или иным притязаниям именно с «западной страны», и, возможно, сознательно или бессознательно ориентировался на термины и лекала принятого там политического языка. Между тем, например, в папских посланиях, адресованных Александру Невскому (сохранились два письма 1248 г.), князь титулуется как Суздальский или Новгородский, а Русь вообще не упоминается⁶². Обратившись на Запад, агиограф мог перенять в какой-то мере ту ментальную карту, которая транслировалась оттуда и в которой Руси, по тем или иным причинам, не придавалось большого значения.

С другой стороны, сложность и противоречивость эпохи сказывались на этнокультурном сознании. Монгольское нашествие и возникновение Орды с «русским улусом» в составе привели к кризису общерусской идентичности, сложившейся в домонгольское время, и стали важнейшим фактором в формировании системы новых политических образований в Восточной Европе. Углубился раскол западно- и восточнохристианской цивилизаций. Автор Жития Александра Невского писал в переходную или даже переломную эпоху, и ему трудно было адекватно представить геополитическую картину мира в момент её структурной перестройки.

Житие Михаила Тверского отражает уже тот период, когда кризис начал преодолеваться и определились общности, вокруг которых стали складываться идентичности. Понятие Суздальской земли оказалось бесплодным и тупиковым; в Житии оно выступает как параллельное, но в негативном отношении к понятию Русской земли. Региональная идентичность стала выстраиваться вокруг удельных центров (таких, как Тверь), надрегиональная этническая — вокруг обновлённого понятия руси. Автор Жития понимал под Русью, прежде всего, систему великого княжения Владимирского, но соотносил её с Русской землёй в широком смысле как областью, принявшей крещение при Владимире и находящейся под властью «русских князей». Устойчивость этого русского самосознания поставлена в прямую зависимость от борьбы с Ордой и преодоления её господства.

Несмотря на различия, два жития, конечно, во многом сходны. Не говоря о требованиях агиографического жанра и библейском фундаменте, подчеркну общность дискурса, опирающегося на идею провиденциальной истории и божественно определённых иерархии и власти. Оба автора работают в од-

⁶² Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь: конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 262–272. В то же время, в посланиях папы римского 1246–1248 гг. «Королём Руси» назван Даниил, князь Волынский и Галицкий (см.: Майоров А.В. Послания римского папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому: материалы для историко-археографического комментария // *Rossica antiqua*. 2015. № 1. С. 63–120). Отличия в титулатуре посланий, обращённых к русским князьям, могут объясняться по-разному.

ной идейно-литературной парадигме, предполагающей оперирование одними и теми же понятиями, в том числе территориально-географической номенклатуры, и такими приёмами, как экскурсы в историю религии (в Житии Александра Невского изложение истории христианства в диспуте с папскими послами; в Житии Михаила Тверского вводная часть с изложением истории веры) или создание образа чуждой общности («римлян» в Житии Александра Невского и татар в Житии Михаила Тверского) и т.п. Оба автора признают этническое многообразие мира вокруг них, поделённого на «языцы», но приоритетными выделяют политические и религиозные границы и критерии различения разных общностей. Но главное: агиографы конструировали образы своих святых героев как защитников «людей» / «христиан», что вверены самим Богом в их руки, и так между князьями и общностями, которые они возглавляли, создавалась духовная и символическая взаимосвязь. В обоих житиях утверждается идея, общая и с другими житиями святых князей средневековой Руси, что судьбы (героические или даже мученические) князей выражают «один и тот же подвиг жертвенного служения любви: за свой град, за землю Русскую, за православных христиан. В этой жертвенной любви, конечно, и закл ючается христианская идея княжеского подвига»⁶³. Вместе с тем эта главная идея могла насыщаться разными смыслами, и естественно, что средневековые книжники приспособливали её к разным лицам и историческим обстоятельствам, транслируя или конструируя разные ментальные карты и идентичности.

⁶³ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 102–103.

Городские протопопы в общественной жизни России в эпоху политического кризиса начала XVII в.

Дмитрий Давиденко

**Urban *protopopy* in the public life of Russia during the era
of the political crisis of the early 17th century**

Dmitry Davidenko

*(Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Russian State University for the Humanities, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X24040023, EDN: FGDFAA

Настоящая статья посвящена рассмотрению роли протопопов — представителей верхушки белого духовенства, служивших в городских соборах, — в событиях Смутного времени. Анализ их деятельности позволяет дополнить наши знания об отношении Церкви и отдельных её служителей к быстро меняющейся политической ситуации и к концепции государственного устройства; конкретизировать специфику положения белого (в первую очередь городского) духовенства среди иных категорий духовного сословия; расширить представление о статусном портрете протопопов, их происхождении, имущественном положении и связях с городским духовенством, а также с посадским и служилым населением.

Кафедрой предстоятеля Русской церкви был Успенский собор Московского Кремля. Здесь проходили важнейшие мероприятия, направленные на репрезентацию государственной власти. Старший священник собора имел по должности сан протопопа. 31 августа 1605 г. Лжедмитрий I выдал жалованную грамоту на имя протопопа Успенского собора Богдана¹, к тому времени занимавшего должность менее двух лет; 30 октября 1603 г. протопопом там служил Григорий². Протопоп Богдан пережил Лжедмитрия I, и 27 июня 1606 г. царь Василий Шуйский подтвердил на его имя жалованную грамоту, выданную Борисом Годуновым протопопу Ефимию 24 декабря 1598 г.³ Сохранение Богданом должности при Василии Шуйском, а также указание в «Сказании о Гришке Отрепьеве» на Успенский собор как на место заговора в пользу Василия Шуйского, позволяют предположить, что кто-то из его клириков (возможно, и сам протопоп) был во всём этом замешан⁴. Следующее подтверждение гра-

© 2024 г. Д.Г. Давиденко

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00218, <https://rscf.ru/project/20-18-00218>.

¹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв. М., 1998 (далее — АПГ). № 10. С. 31.

² Там же. № 9. С. 28.

³ Там же. № 6. С. 23–25.

⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). Т. 13. СПб., 1909. Стб. 747–748; *Корецкий В.И.* Успенский собор как памятник идейно-политической жизни Москвы конца XV — начала XVII вв. // История и реставрация памятни-

моты от 14 сентября 1613 г., уже на имя нового протопопа Кондратия, дал царь Михаил Фёдорович⁵.

В соседнем Архангельском соборе — царском некрополе — виднейшим лицом в конце XVI — начале XVII в. был архиепископ Елассонский (Архангельский) Арсений, участвовавший в церемониях, направленных на легитимизацию сменявших друг друга правителей. Вскоре после воцарения Михаила Фёдоровича архиепископ Арсений ушёл на Тверскую, а затем на Суздальскую кафедру⁶. В годы Смуты протопопом Архангельского собора служил Димитрий, заступивший в 1598 г. и упомянутый в сане 4 февраля 1608 г. В духовной грамоте 1611/12 г. отмечены «архангельского протопопа Дмитрия» сын Семён и брат Далмат, но из текста документа не вполне понятно, находился ли тогда протопоп Димитрий при должности. 28 октября 1613 г. протопопом там был Иван, иногда упоминаемый как Иван Дмитриев⁷. Возможно, он приходился сыном протопопу Димитрию и получил должность по наследству.

Благовещенский протопоп в течение XVI—XVII вв. по должности являлся государевым духовником, однако Борис Годунов и Лжедмитрий I отступили от этой традиции⁸. Благовещенский протопоп Терентий известен как автор посланий Лжедмитрию I. По предположению В.И. Ульяновского, создавая эти произведения, тот хотел вернуть статус царского духовника⁹. Уже 8 мая 1606 г. в брачном обряде Лжедмитрия I и Марины Мнишек участвовал благовещенский протопоп Феодор, считающийся одним из наиболее видных церковных композиторов¹⁰. Однако вскоре Терентий вернулся в домовый царский храм: ему адресована грамота Василия Шуйского на вотчины Благовещенского собора от 26 июля 1606 г. Он известен как автор «Повести о видении некоему мужу духовну» — произведения, созданного в октябре 1606 г. и хорошо укладывавшегося в контекст царствования Василия Шуйского¹¹. Но вскоре после составления этого сочинения Терентий оставил должность. Ульяновский обратил внимание, что в свадьбе царя Василия Шуйского и Марии Петровны

ков Кремля (Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 6). М., 1989. С. 73; *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство» в начале Смуты. М., 2021. С. 271–272.

⁵ АРГ. № 6. С. 25.

⁶ *Давиденко Д.Г.* Служители Кремлёвского Архангельского собора в общественной жизни и на представительных собраниях в конце XVI — начале XVII вв. // Представительные институты в России в контексте европейской истории XV — середины XVII в. М., 2017. С. 292–296.

⁷ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII вв. (далее — АСЗ). Т. 3. М., 2002. № 262. С. 214; АРГ. № 23. С. 72; № 26. С. 82; *Давиденко Д.Г.* Служители Кремлёвского Архангельского собора... С. 287–291, 296; *Давиденко Д.Г.* Священнослужители Кремлёвского Архангельского собора и их материальное обеспечение в XVII веке // Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. Т. 2. М., 2011. С. 257.

⁸ *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство»... С. 276.

⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук (далее — ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. № 24. С. 383–385; *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство»... С. 276.

¹⁰ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его по русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 111; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Ч. 2. М., 1819. № 138. С. 289–293; *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство»... С. 268–269, 278.

¹¹ Переписная книга Московского Благовещенского собора по спискам архива Оружейной палаты и Донского монастыря // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 42; РИБ. Т. 13. Стб. 101–106, 177–186; *Буладин Д.М., Енин Г.П.* Терентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 4. СПб., 2004. С. 7–11; *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 185–213.

Буйносовой-Ростовской 17 января 1608 г. участвовал «духовник его, благовещенской протопоп Кондратей»¹². Очевидно, Василий IV возродил традицию настоятельства в Благовещенском соборе государева духовника, а точнее — привёл своего духовника в этот собор, отстранив Терентия.

Дальнейшая судьба прежнего благовещенского протопопы решилась указом польского короля Сигизмунда III от 30 ноября 1610 г., предписавшего «протопопу Терентию быти по прежнему у Благовещенья, а благовещенскому протопопу... быти у Спаса на Дворце»¹³. Терентий, по всей видимости, старался быть лояльным и к Лжедмитрию I, и к Василию Шуйскому, и к польским властям, что создавало ему сомнительную репутацию. Царь Михаил Фёдорович относился к нему, по-видимому, прохладно. В чине венчания на царство Михаила Романова 11 июля 1613 г. как государев духовник фигурирует протопоп Кирилл. Последний отмечен и как получатель жалованья под 24 января и 3 июля 1614 г.¹⁴ Между тем в переписной книге собора упомянута грамота от 24 июня 1614 г., выданная на имя протопопы Андрея. Не сталкиваемся ли мы с уникальным случаем одновременной службы в причте Благовещенского собора двух протопопов? По предположению Н.Д. Извекова, «протопоп Андрей хотя и занимал должность настоятеля Благовещенского собора, но не был духовником царя Михаила Фёдоровича»¹⁵.

Таким образом, в Благовещенском соборе причт возглавляли часто сменявшие друг друга протопопы. Они нередко были государевыми духовниками, и их смене способствовала смена правителей. Запутывало ситуацию желание некоторых государей искать духовников вне клира Благовещенского собора.

В Успенском и Архангельском соборах в рассматриваемый период первыми лицами были архиереи, возглавлявшие церемониальные мероприятия, прославлявшие часто менявшихся правителей. Протопопы в этих мероприятиях играли более скромную роль, придерживаясь молчаливой и гибкой позиции. Это можно объяснить их жёсткой зависимостью от светской власти и священноначалия. Отсутствие же архиереев среди служителей Благовещенского собора перекладывало ответственность за церемониальные мероприятия, направленные на прославление менявшихся правителей, на протопопов. Благовещенский и архангельский протопопы, а также архангельский ключарь наряду с иными духовными и светскими лицами входили в состав делегации, отправленной к Михаилу Фёдоровичу и его матери в Кострому¹⁶. Протопоп женского Вознесенского монастыря Кирилл тоже не остался в стороне от политических событий; в сентябре 1610 г. он вошёл в состав посольства, отправленного к Сигизмунду III на переговоры о занятии русского трона королевичем Владиславом¹⁷.

В первые месяцы правления Михаила Фёдоровича протопопами Успенского Архангельского и Благовещенского соборов были уже новые лица.

¹² Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 270; Ульяновский В.И. «Священство» и «царство»... С. 278.

¹³ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). Т. 4. СПб., 1851. № 183. С. 389.

¹⁴ СГГД. Ч. 3. М., 1822. № 16. С. 71; РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 227–228, 331.

¹⁵ Переписная книга... С. 42–43; Извеков Н.Д. Московские кремлёвские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке. М., 1906. С. 98.

¹⁶ СГГД. Ч. 3. № 2–3, 6, 11, 12. С. 8, 11, 16, 46, 51; Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее — ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стб. 24, 30, 31, 69.

¹⁷ АЗР. Т. 4. С. 319. № 182.

Утверждённую грамоту Михаила Фёдоровича, датированную маем 1613 г., не подписали московские протопопы, в том числе Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов, хотя аналогичный документ — составленную 15 годами ранее Утверждённую грамоту Бориса Годунова — московские протопопы подписывали. Возможно, соглашательская позиция протопопов трёх основных кремлёвских соборов ударила по их репутации в глазах правительства молодого монарха и способствовала потере ими должностей¹⁸.

Позиция протопопов в регионах, о которых сохранились отрывочные сведения, отличалась от политического поведения их московских коллег. Сохранилась челобитная протопопа брянской соборной Покровской церкви Алексия царю Михаилу Фёдоровичу, где говорится, что в 1606/07 г., когда Северские города целовали крест «вору Петрушке», он, «не хотя быти в воровстве, покиня жену и детей, прибежал к Москве к царю Василью душою и телом», после чего «за царя Василья во Брянске в асаде сидел и нужу великую терпел» (имеется в виду осада Брянска Лжедмитрием II («Тушинским вором») в ноябре 1607 г.)¹⁹. Жалованная подтвердительная грамота царя Михаила протопопу Покровской соборной церкви в Брянске Алексею Иванову сыну Протопопову на деревню Соколово с селищами в Фоминской волости Брянского уезда открывается ссылкой на события 1607/08 г. и излагает подробности пребывания протопопа Алексея в Брянске в осаде: «Как воры и литовские люди Брянск осадили, и тот брянской соборной поп покровской протопоп Олексей Протопопов сын в осаде сидел с матерью, и с семьею, и з детми, пятнатцать человек... и у крестного целованья всяких осадных людей наказывал и крепил, и по сторожем по городу по ночам сторож дозирал, и про изменников и про лазутчиков боярину и воеводам сказывал, и гонцов к Москве промеж воровских полков из города за Десну реку проваживал и порукою по ним имался, что тем гонцом к Москве з грамоты доходить». Во время осады город голодал, стоимость чети ржи превысила «штидесят рублей», и протопоп Алексей 15 декабря «пришел в Розряд», сказал воеводам кн. М.Ф. Кашину и О. Ржевскому «за городом на своем дворе блиско города ржи своей яму да сестры своей вдовы Марфы яму же ржи», откуда было «взято в город и роздано всяким ратным осадным людям безденежно сто семдесят пять чети. Да у него ж, протопопа Олексея, боярин и воеводы велели зажечь двор ево за городом для того, чтоб воры во дворе не сели и городу тесноты не зделали. Да у него ж в осаде умерло трое лошадей»²⁰. Родовое про-

¹⁸ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 47. П.Г. Любимиров полагал, что протопопы Благовещенского и Архангельского соборов участвовали в процессе выработки Освященным собором Утверждённой грамоты Михаила Фёдоровича на том основании, что они входили в состав посольства в Кострому (Любимиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 187). Однако их подписей нет ни на одном из двух экземпляров документа.

¹⁹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 2003. № 88. С. 207, 392, примеч. 2. См. также: Первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича (Столпцы Печатного приказа). М., 1915. № 349. С. 120.

²⁰ АСЗ. Т. 3. С. 455. № 536. Текст известен в выдержке и опубликован по списку 1620-х гг. Датировка публикатора — 1613–1626 гг. Выписка из грамоты в начале XX в. хранилась в повреждённом виде в делах Орловской архивной комиссии и содержала дату — 7121 г. В выписке говорилось, что «за то его, протопопа, рачение и протчия описанныя в той грамоте деенья ево труд пожаловано в Фошеной волости из дворцовых сел деревня Соколово да починок Першин... крестьян и всякими угодии и принадлежностями» (Шульгин А. О протоиерее Брянского Покровского собора о. Алексее, пожертвовавшем в 1607 г. хлеб // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 437–39; Попов В. Брянский Покровский собор. Орёл, 1907. С. 6–7, 27–28).

звание Алексея — Протопопов — свидетельствует о наследственном характере его должности. Документ говорит о благосостоянии протопопа и его заметной роли в городской жизни.

Придя в Москву в середине декабря 1607 г., протопоп Алексей, как можно предполагать на основании текста его челобитной, был награждён Василием Шуйским и какое-то время оставался в столице: «И за брянское асадное сиденье и за терпенья во 116-м году дал мне на Москве царь Василей во Брянском уезде из дворцовых сел вотчинку» (очевидно, деревню Соколово), после чего «на Москве при царе Василье в асаде сидел и нужю всякую терпел до московского разоренья». Скорее всего, вотчинная грамота погибла во время пожара в Москве в марте 1611 г. Челобитчик не имел постоянного адреса («от тех мест по ся места волочюсь меж двор») и не смог удержать за собой вотчины: «А тою моею вотчинкою завладели брянчене дети боярские насильством до литовского разаренья, а ныне тою моею вотчинкою владеют литовские люди». Судя по следующей фразе челобитной, ему всё же довелось побывать в Брянске в начале 1610-х гг., поскольку его «прислали к тебе, государю, к Москве изо Брянска безподможна для ради твоего царского збирания; и живучи... на Москве, проелся, стал наг и бос, и голоден, и одолжал великим долгом. А в воровстве... нигде не бывал»²¹.

Брянский протопоп Алексей подписал грамоту об избрании Михаила Фёдоровича на царство, причём не только от своего имени, но и от лица земляков: «Брянскай Покровскай протопоп Алексей в брянчен, которые во Брянске, дворян и детей боярских, и в посадцких, и в пушкорей, и в затинщиков, и в стрелцов и в во уездных людей места руку приложил»²². Упомянут он не как член Освященного собора, а среди выборных с мест. Он был не единственным выборным представителем от Брянска, среди них числились также выборные дворяне²³, игумен Свенского монастыря Корнилий, подписавший документ также вместо келаря Иова, и строитель того же монастыря Варсонофий²⁴. Рукоприкладство Алексея на Утверждённой грамоте Михаила Фёдоровича прямо указывает на его место и авторитет в глазах жителей города и уезда. Пребывая в Москве весной 1613 г., брянский протопоп не забывал и про личные интересы, выхлопатав у государя на свою вотчину «государеву жалованную вотчинною грамоту з Дворца, а другую отказную ис Поместного приказа», добившись 8 июня «для... бедности и разорения» и освобождения от уплаты подписных и печатных пошлин²⁵. Вотчина, по-видимому, оказалась в его личной собственности, а не чилилась за городским собором и не находилась у него в пользовании на время исполнения должности.

Весной 1608 г. Зарайск и Коломну с боем взяли войска полковника А.И. Лисовского. 28 июня в бою у Медвежьего Брода войска Василия Шуйского отбили и привели к царю пленников, среди которых особо отмечены коломенский епископ Иосиф, боярин кн. Владимир Тимофеевич Долгоруков

²¹ Народное движение... № 88. С. 207, 392.

²² Белокуров С.А. Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова. М., 1906. С. 84. № 169–166. Грамота известна в двух экземплярах. Первая цифра обозначает номер подписи на «архивском» экземпляре, а вторая — на экземпляре из Оружейной палаты. Здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, документ цитируется по «архивскому» экземпляру.

²³ Там же. С. 84. № 166–163.

²⁴ Там же. С. 92. № 234–174, 235–175.

²⁵ Народное движение... № 88. С. 208.

и протопоп «Зарайсково Николы». В 1608 г. повелением Василия Шуйского «prozьбою и молением протопопа» был сделан оклад к образу свт. Николая Чудотворца Зарайского²⁶. Два года спустя государь внёс золотой приклад к иконе свт. Николая, находившейся в городском соборе, с надписью: «Лета 7118 генваря в 27 день государь царь и великий князь Василий Иоаннович всея России приложил к чудотворному образу великого чудотворца Николы Зарайского, как Бог освободи град его от воровских людей его чудотворцевою молитвою и добили челом государю». Как сказано в историческом описании храма, в 1610 г., когда «большая часть русских городов... присягнула самозванцу, Зарайск, управляемый в то время воеводою кн. Пожарским и руководимый убеждениями протопопы Димитрия, не только сам пребыл верным Шуйскому, но и своим примером удержал и другие города от измены законной власти». Согласно «Новому летописцу», от Пожарского требовали покориться Лжедмитрию II, но тот не поддавался давлению, «никольский же протопоп Дмитрей крепляше его и благословляше умерети за истинную православную веру. Он же наипаче укрепляшесь»²⁷. 1 декабря 1610 г. Зарайск осадил Исаак Сунбулов, но успешная вылазка Дмитрия Пожарского освободила и город, и острог: «И в те поры стол[ьник] и воев[ода] к[нязь] Дм[итрий] Мих[айлович] Пожарской обрехался дати к вел[ико]му Чуд[отворцу] Николу вкладу, и дал в храм Чуд[отворца] Николы протопопу Дмитрею с братьею вкладу книгу, глаголемую Устав печатной... и за ево Бога молити и родителей ево поминати и в Сенаник написати, а Бог сошлет по ево душу, и ево тем же поминати, дондеже и град Св. Николы стоит». Бой за Зарайский острог отмечен и в Новом летописце, правда, без упоминания протопопы Димитрия²⁸.

Известна владельческая запись на книге: «Николы Чюдотворца Заразскаго протопопы Димитрия Леонтиева сына Протопопова». Поскольку протопоп Леонтий упомянут в расходной книге Казённого двора 14 декабря 1584 г. и 15 мая 1585 г., можно не сомневаться, что Димитрий приходился ему сыном, унаследовавшим должность родителя²⁹. В наказе от 2 марта 1613 г. зарайский протопоп назван в составе посольства, отправившегося в Кострому к Михаилу Фёдоровичу с просьбой принять престол. Ему же вручили известительную грамоту о согласии Михаила Фёдоровича³⁰. К Утверждённой грамоте царя Михаила «Николы Заразского протопоп Дмитрей и в выборных посадцких попов и уездных, и посадцких и уездных выборных место руку приложил»³¹. По предположению Ю.М. Эскина, протопоп уговорил кн. Д.М. Пожарского не возражать против кандидатуры Михаила Романова. При Михаиле Фёдоровиче

²⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 81; Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 165; Аверин К. Историческое известие о жизни и деяниях Димитрия, протоиерея зарайского Николаевского собора. М., 1837. С. 12–14.

²⁷ Зарайский Николаевский собор. Рязань, 1878. С. 28; ПСРЛ. Т. 14. С. 99.

²⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. М., 1989. Стб. 106; Зарайский Николаевский собор. С. 36–37; Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 1. Зарайск, 1884. С. 173; ПСРЛ. Т. 14. С. 107.

²⁹ Аверин К. Указ. соч. Вклейка перед титульным листом; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). Т. 1. СПб., 1846. № 131. С. 194, 205–206; Родословие протопопы Димитрия Леонтьева записано в синодике рязанского Успенского собора (Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 42).

³⁰ ДР. Т. 1. Стб. 31; СГД. Ч. 3. № 6. С. 16; № 10. С. 45 («С сею, господа, грамотою послали к Вам Ивана Васильева сына Усова да Николы Зарайского протопопы Дмитрия»).

³¹ Белокуров С.А. Утвержденная грамота... С. 85. № 172–191.

он остался при своей должности³². В писцовой книге Зарайска 1624/25 г. отмечен никольский протопоп Микита Семионов, т.е. непрямой наследник Дмитрия. Впрочем, И.В. Добролюбов в списке протопопов без ссылки на источник под 1625 г. упоминает Евстратия Дмитриева³³. Если эти сведения верны, то должность зарайского протопоба какое-то время исполнял его сын.

19 августа 1606 г. царь Василий Шуйский дал грамоту Преображенскому и Архангельскому соборам Нижнего Новгорода, из которой следует, что их причты возглавляли протопобы³⁴. Грамота предписывает «игуменом, и ружных, и приходных, и посадских церквей попом и дьяконом, спасского протопоба Савы слушати». Регламентировались наказания за ослушание протопоба и небрежение к городским общественным богослужениям вплоть до недельного ареста, который мог наложить протопоб: «А пристава по ослушников протопобу с братьею имати у наших, у нижегородских, воевод и у дьяков»³⁵. По наблюдениям С.Ф. Платонова, протопобу Савве принадлежало первенство среди духовенства Нижнего Новгорода, «и рядом с ним мог стать лишь один неподчиненный ему архимандрит главнейшего нижегородского Печерского монастыря». По интерпретации Б.М. Пудалова, «настоятелей нижегородских монастырей всего лишь обязывали участвовать в совместных городских крестных ходах, но не подчиняли спасскому протопобу... протопоб Спасо-Преображенского собора не имел власти над настоятелями монастырей»³⁶.

Согласно не сохранившемуся до наших дней «Ельнинскому» хронографу, осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде получили грамоту из Троице-Сергиева монастыря с призывом организовать против неприятеля. Влиятельные горожане, в том числе Кузьма Минин, архимандрит Печерского монастыря Феодосий, спасский протопоб Савва, собрались на воеводском дворе и по инициативе Минина решили исполнить призыв братии. На следующий день нижегородцы направились в главный городской Спасский храм. По окончании проповеди протопоб Савва зачитал троицкую грамоту, выразив солидарность с ней. Затем с призывом к населению о пожертвованиях обратился Минин. И.Е. Забелин расценил это повествование как легендарное. Платонов в одной работе выразил скептическое отношение к источнику, в другой — охарактеризовал его как заслуживающий доверия. Он писал, что протопоб Савва «стоит в челе всей массы нижегородцев, его речью начинается официальная история нижегородской рати, его благословение и молитвы осеняют самое возникновение подвига и встречают князя Д.М. Пожарского в нижегородском соборе». По наблюдению Платонова, делегацию в Казань для склонения города на сторону ополчения возглавил Савва³⁷.

³² Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 107; Аверин К. Указ. соч. С. 20–23; Флорья Б.Н. Леонтьев Димитрий // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 564.

³³ Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII вв. М., 1883. С. 2; Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 1. С. 167.

³⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). Т. 2. СПб., 1841. № 69. С. 86–89.

³⁵ Там же. С. 89. Подтверждалась 3 апреля 1614 г. и 4 марта 1624 г.

³⁶ Платонов С.Ф. Савва Ефимьев, протопоб Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде // Платонов С.Ф. Сочинения. Т. 3. М., 2012. С. 196; Пудалов Б.М. Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. 2008. Н. Новгород, 2010. С. 128–129.

³⁷ Мельников П. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. № 7. С. 23–24. Описание и фрагментарное цитирование «Ельнинского» хронографа

Самое скептическое отношение к «Ельнинскому» хронографу высказал Пудалов, предложив видеть в нём явную фальсификацию. Соглашусь с ним в том, что роль Саввы в нижегородском движении 1611–1612 гг. «безусловно, активная, но не руководящая»³⁸. Другие источники, которые подтверждали бы факт патриотической проповеди нижегородского протопопа, пока не обнаружены. Но эта фигура исторична; сведения о нём собраны и систематизированы³⁹. Поддержка нижегородцами призыва Минина трудновообразима без благословения настоятеля главного городского собора. Позиция протопопа Саввы — первого лица среди белого духовенства Нижнего Новгорода — очевидна, и поддержка им Второго ополчения сомнений не вызывает. Архимандрит Печерского монастыря Феодосий был солидарен с Мининым и протопопом Саввой и от имени нижегородцев отправился к Пожарскому с просьбой возглавить ополчение⁴⁰. Лидеры чёрного и белого духовенства поволжского города разделили между собой пастырские обязанности по увещанию как горожан, так и единомышленников на соседних территориях.

В отписке царю Михаилу Фёдоровичу, датированной публикатором мартом 1613 г., названы приехавшие к Москве выборные люди из Нижнего Новгорода «спасской протопоп Савва да посадской человек Федор Марков с товарищи», отпущенные к избранному государю бить челом. Утверждённую грамоту об избрании Михаила Фёдоровича первым из нижегородцев подписал «выборной, спаской протопоп Сава». Он сохранил положение в городе, выданная ему жалованная грамота от 19 августа 1606 г. подтверждена на его же имя 4 марта 1624 г.⁴¹ До поступления в главный городской Спасский собор Савва служил священником в Космодемьянской церкви Нижнего Новгорода, следовательно, место протопопа получил, скорее всего, не по наследству⁴².

На северо-западе основную угрозу для государства представляли шведы, в 1611 г. захватившие Великий Новгород. Во время боя за город героизм продемонстрировал протопоп Амос: «Протопопу же софейскому Амосу запершусь на своем дворе с своими советники и бьющиеся с немцами многое время, и много немец побил. Немцы же ему многажды говорили, чтобы он здался. Он же отнюдь на их словеса не уклонися. Бывшу же ему в то время у митрополита Исидора в запрещении. Митрополит же стоя на градцкой стене, поя молебны, видя ево крепкое стоятельство, прости и благослови его за очи, зря на двор его. Немцы же, видячи таковое ево жестокое стоятельство, приидо-

см.: Там же. С. 31–32; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. СПб., 2005. С. 22–28; *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник // *Платонов С.Ф.* Сочинения. Т. 1. М., 2010. С. 467–469; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 342–343; *Платонов С.Ф.* Савва Ефимьев... С. 201.

³⁸ *Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке... С. 131–133.

³⁹ Новейший обзор сведений с указанием публикаций см.: *Морохин А.В.* Кузьма Минин. М., 2021. С. 80–81.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 116; *Морохин А.В.* Кузьма Минин. С. 81.

⁴¹ ДР. Т. 1. Стб. 1085–1086; *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота... С. 90. № 221–233; АИ. Т. 2. № 69. С. 90.

⁴² *Садовский А.Я.* Новый документ о протопопе Савве Еуфимьеве // Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 9. Т. 15. Н. Новгород, 1916. С. 15–16; *Пудалов Б.М.* К биографии Саввы Евфимьева (фрагмент Нижегородской кабальной книги 1585 г.) // Мининские чтения. Н. Новгород, 2002. С. 43–44.

ша всеми людьми и зажгоша у него двор, и згорел он совсем, ни единово не взяша живьем»⁴³.

Известно, что имущество убитого во время восстания в 1608 г. новгородского воеводы Михаила Татищева описывали дьяк Иван Тимофеев и протопоп Амос, утаившие образа Спаса и Николая Чудотворца в золотых окладах (возможно, именно за это Амос и был запрещён митрополитом). Протопоп заявил, что являлся духовником убитого воеводы: «Сказал де протопоп... что Михайло Татищев был ему сын духовной». Амос приходился духовным отцом и дьяку Ивану Тимофееву, соучастнику сокрытия образов. Близок он был и боярину кн. М.В. Скопину-Шуйскому⁴⁴. Протопоп Амос не единственный священник Софийского собора, пострадавший от оккупантов. Как следует из царской грамоты новгородскому воеводе кн. А.В. Хилкову от 20 ноября 1641 г., софийский протопоп Иван хотел сохранить старую практику взимания венечной пошлины с посадских и сельских церквей, мотивируя её законность наличием соответствующих грамот, в том числе и «харатейной», которую у софийского попа Никифора отняли убившие его «немецкие люди»⁴⁵.

Наряду с фактами активного участия протопопов в борьбе с самозванцами и интервентами известны и прецеденты их умеренного содействия борцам за национальную независимость. В частности, «троецкой протопоп Гаврило Иванов сын вместо детей своих духовных» первым подписал челобитную царю Василию Шуйскому старосты Соли Камской Василия Алексеева от имени горожан и крестьян о займе казённых денег на содержание ратных людей от 2–5 июня 1609 г.⁴⁶ Сохранилась грамота от 30 ноября 1606 г. митрополита Ростовского и Ярославского Филарета протопопу устюжского Успенского собора Константину с прописанием богомольной грамоты патриарха Гермогена о молебствии во всех церквях по случаю войны царя Василия Ивановича с приверженцами самозванца, укрепившегося в селе Коломенском⁴⁷. Протопопу следовало довести до местного духовенства и горожан распоряжения архиерея, излагавшего, в свою очередь, указания патриарха и государя. Грамота митрополита Филарета в Устюжский уезд к протопопу Благовещенского собора Соли Вычегодской Луке с прописанием богомольной грамоты патриарха Гермогена о молебствии по случаю царского похода на приверженцев Лжедмитрия II от 7 июня 1607 г. даёт понять, что протопоп был лидером местного духовенства. На аналогичную мысль наводит текст грамоты митрополита Филарета протопопу Луке от 12 июня 1607 г. с призывом молиться по случаю победы боярина кн. А.В. Голицына над приверженцами самозванца у р. Восмы⁴⁸.

В дальнейшем позиция митрополита Филарета поменялась. Осенью 1608 г. казаки Лжедмитрия II взяли Ростов и пленили владыку. Согласно Новому летописцу, Филарет держался до последнего, в чём ему содействовал не названный

⁴³ ПСРЛ. Т. 14. С. 113–114.

⁴⁴ Черепнин Л.В. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // Исторический архив. 1960. № 4. С. 165–167, 173–175; Черепнин Л.В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 17. М.; Л., 1961. С. 458; Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4. СПб., 1993. С. 123.

⁴⁵ ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 306. С. 452.

⁴⁶ АИ. Т. 2. № 230. С. 270.

⁴⁷ ААЭ. Т. 2. № 57–59. С. 126–136.

⁴⁸ Там же. № 73, 74. С. 164–168.

по имени протопоп. Наиболее стойкие ростовцы спасались в главном храме города, который всё же был взят⁴⁹. После пленения и перемещения в Тушино Филарет от Лжедмитрия II получил статус «нареченного патриарха». Сохранилась его грамота Я.П. Сапеге от ноября 1608 г. Она начинается отсылкой к письму Сапеге, сообщавшему о разорении монастырского Благовещенского храма в Киржаче. Сапеге просил архиерея «дати на освящение тому храму свя-тый антиминс и благословити тот храм освящати». Филарет отвечал, что писал об антиминсе «в Ростов, к протопопу с братиею, а велели им ждати от тебя присылки; и как ты... пришьлеш к нам в Ростов священника или дьякона, и мы тот святой антиминс велели протопопу с братьею дати тому священнику или дьякону, которого ты пришьлеш». Указание об освящении Благовещенского храма архиереем передал «в Юрьев Полской к протопопу Моисею с братьею» в запечатанной грамоте через Сапегу. Свою просьбу Филарет формулировал следующим образом: «И ты б, господине, тое нашу грамоту в Юрьев к соборному протопопу Моисею с братьею послал, а святой антиминс, который к тебе привезут из Ростова, послал на Киржач и велел его освятить священником тое церкви. А как из Юрьева протопоп Моисей с братьею по нашей грамоте попа да дьякона на Киржач пришьлут, и они тот храм освятят по правилом святых апостол и святых отец и по нашему благословиению и указу»⁵⁰. Вопрос об освящении церквей в патриаршей области по согласию с Сапегой решал ставленник тушинцев, претендовавший при действующем патриархе Гермогене на патриаршество ростовский митрополит Филарет. В этом со стороны митрополита можно усмотреть нарушение канонических норм (возможно, невольное).

Какую позицию занимали неназванный по имени протопоп Ростова и протопоп Юрьева Польского Моисей, источники прямо не говорят. Однако учитывая, что митрополит Филарет рассчитывал на исполнение ими своих предписаний, можно думать, что они не противодействовали ни митрополиту Филарету, ни тушинцам. Вскоре после взятия Лжедмитрием II Ростова ему присягнули и Ярославль. Осенью 1608 г. ярославцы составили повинную челобитную самозванцу, где среди духовенства названы «Спаского монастыря архимандрит и игумены, и протопоп, и попы, и диаконы». Тем не менее в начале апреля 1609 г. город вновь присягнул Василию Шуйскому⁵¹.

Известно, что убитого в декабре 1610 г. Лжедмитрия II похоронили в Калуге «в соборной церкви у Троицы»⁵². Запись о выдаче 8 февраля 1614 г. «государева жалованья из Колуги троецкому протопопу Якову»⁵³ предполагает, что эта должность могла существовать в городе и несколькими годами ранее. Пребывание здесь самозванца и его похороны в городском соборе позволяют думать, что духовенство этого собора относилось к нему лояльно.

Протопопы участвовали в оформлении Утверждённой грамоты царя Михаила Фёдоровича, где они обозначены как участники собора после иных представителей духовенства, перед светскими лицами⁵⁴. Известен указ, регламентирующий порядок рукоприкладств к Утверждённой грамоте. Сначала

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 83.

⁵⁰ АИ. Т. 2. № 106. С. 136.

⁵¹ Тушинский вор. Личность, окружение, эпоха. М., 2001. С. 286, 368, 388; АИ. Т. 2. № 101. С. 133.

⁵² ПСРЛ. Т. 14. С. 105; Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 179.

⁵³ РИБ. Т. 9. С. 238.

⁵⁴ Белокуров С.А. Утверженная грамота... С. 74.

её должны были подписать митрополиты, архиепископы и епископы, а также архимандриты Чудова и Троице-Сергиева монастырей. Затем следовало подписать боярам, окольным, думным дворянам и дьякам, потом «архимаритом и игуменом честных обителей пятма и шестма». Далее призывались к подписи чашники, стольники, стряпчие и большие дворяне. Затем документ следовало заверить «достальным архимаритом, и игуменом, и протопопом, и всему Освященному собору; после их дьяком из приказов и жильцом, и дворовым людем, и дворяном из городов и выборным всяким людем, которые на Москве для государственного обереганья»⁵⁵. На практике же сохранившиеся экземпляры грамоты сначала подписали архиереи и настоятели важнейших монастырей, затем бояре и окольные, далее, перемежаясь, идут подписи стольников, стряпчих, людей без указания должностей и, наконец, выборных с мест⁵⁶.

Протопопы подписывали грамоту не среди представителей духовенства, как это было в случае с Утверждённой грамотой Бориса Годунова в 1598 г., а как делегаты от городов вместе с выборными посадскими людьми. Кроме уже упомянутых брянского покровского протопопа Алексия, зарайского никольского Димитрия, нижегородского спасского Саввы, это были выборный с Вятки богоявленский протопоп Павел и серпуховской троицкий протопоп Василий⁵⁷. Из вятского духовенства помимо выборного протопопа Павла грамоту подписали «выборной Успенского монастыря архимарит Иона», подпись которого в обоих экземплярах стоит строго перед подписью протопопа Павла, и поп Игнатий⁵⁸, расписавшийся в обоих экземплярах сразу после вятских архимандрита и протопопа. Экземпляр грамоты из Оружейной палаты скрепила и подпись архимандрита серпуховского Высоцкого монастыря Иосифа, причём непосредственно перед подписью серпуховского протопопа Василия, но без указания на делегировавших его лиц⁵⁹. По-видимому, в Вятке и Серпухове архимандрит был более высокопоставленным лицом, чем протопоп, но в Серпухове именно протопоп выступает лицом, уполномоченным местным населением. В то же время брянский протопоп Алексий подписал оба экземпляра грамоты перед игуменом Свенского монастыря⁶⁰.

Приведённые сведения позволяют установить поведение протопопов русских городов в это непростое время. Поддержали национально-патриотические силы в начале XVII в. протоиереи в Брянске, Зарайске, Нижнем Новгороде и Великом Новгороде. Если об эпизодах противодействия городских протопопов тушинцам и интервентам мы имеем прямые сведения, то о лояльном отношении к ним представителей городского духовенства можно судить лишь на основании косвенных данных. Находившиеся в жёсткой зависимости от государственной власти протопопы московских Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов сохраняли лояльность к часто менявшимся правителям, но она выражалась в основном на формальном церемониальном уровне,

⁵⁵ Там же. С. 4, примеч. 1.

⁵⁶ Там же. С. 75–92. На некоторые расхождения в порядке подписей на экземплярах грамоты обратил внимание Белокуров (Там же. С. 12–13).

⁵⁷ Там же. С. 84. № 169–166; С. 85. № 172–191; С. 89. № 217–229; С. 90. № 221–233; С. 90. № отс-215.

⁵⁸ Там же. С. 89. № 216–228, 218–230.

⁵⁹ Там же. С. 90. № Отс.—214.

⁶⁰ Там же. С. 84. № 169–166; С. 92. № 234–174. И всё же подписей монастырских настоятелей среди выборных с мест больше, чем подписей протопопов.

за исключением благовещенского протопопа Терентия, поддержавшего Лжедмитрия I и Василия Шуйского ещё и литературной деятельностью. Можно допустить лояльное отношение к тушинцам протопопов Ростова, Юрьева и Ярославля, с осени 1608 г. находившихся под фактическим их контролем.

Подписание Утверждённой грамоты Михаила Фёдоровича настоятелями монастырей и городскими священниками не среди духовенства — после архиереев и перед светскими лицами, — а в конце, среди выборных людей с мест, стало новшеством в оформлении соборных актов. Активизация их участия в важнейших государственных мероприятиях свидетельствует об усилении их роли в жизни городов. Факт подписания городскими протопопами Утверждённой грамоты я рассматриваю как индикатор возрастания веса и авторитета этой сословно-профессиональной группы внутри духовенства и в обществе в целом.

Проведение переписи 1701–1703 гг. в монастырях: от ревизии к управлению

Ирина Шамина

Conducting the census of 1701–1703 in monasteries: from revision to management

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24040033, EDN: FGCIOO

Церковная реформа Петра I на протяжении многих лет привлекает внимание учёных¹. Особенно много обобщающих исследований появилось в начале 2020-х гг.² Большой интерес вызывает её начальный этап, позволяющий понять замыслы царя-реформатора³. Ключевым событием этого этапа стала перепись 1701–1703 гг., организованная возрождённым в январе 1701 г. Монастырским приказом⁴. В ходе переписных мероприятий фиксировались владения Церкви — архиерейские дома, монастыри, приходские храмы, а также их вотчины и зависимое население⁵. Направленные Монастырским приказом в уезды переписчики составляли подробные описи имущества, куда вносили данные об архиерейских и монастырских строениях, церковном убранстве, ризницах, библиотеках, документации, составе насельников и проч⁶. Их работа была на-

© 2024 г. И.Н. Шамина

¹ Обзор историографии церковной реформы Петра I см., например: *Седов П.В.* «Всё-де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале нового времени (XVI–XVIII вв.)*. Сборник статей. СПб., 2013. С. 122–124.

² *Крылов О.А.* Церковная реформа Петра I и теория секуляризации: от публицистики к историографии // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2021. № 3. С. 22–46; *Агеева О.Г.* Пётр I и реформа Русской Церкви // *Российская история*. 2022. № 2. С. 15–30.

³ *Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022; *Башнин Н.В., Черкасова М.С.* Как начиналась церковная реформа Петра I? (по материалам севернорусских епархий 1690–1700-х гг.) // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 55. 2021. № 1. Р. 24–50; *Устинова И.А.* Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов // *Вестник церковной истории*. 2022. № 3/4(67/68). С. 223–235.

⁴ О переписи владений Церкви в начале XVIII в. см.: *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977; *Шамина И.Н.* Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023.

⁵ Обзор изданных материалов переписи см.: *Шамин С.М.* Перепись церковных владений 1701–1703 гг. в дореволюционных и современных публикациях: к вопросу о закономерностях развития исторических исследований // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 5. История. 2023. № 4. С. 7–36.

⁶ Подробнее см.: *Соколова Н.В.* Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в.: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // *Северо-Запад в аграрной истории России*. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 44–60; *Черкасова М.С.* Государственная ревизия вологодских монастырей в начале XVIII в. // *Управление и экономика: опыт, теория, практика*. Материалы научной конференции (Вологда, 10–11 апреля 2009 г.). Вологда, 2009; *Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты* / Под ред. М.С. Черкасовой. Вологда, 2011.

правлена на выявление подлежащих изъятию или дальнейшей эксплуатации в интересах государства материальных ценностей и ресурсов.

В ходе переписи выстраивались отношения между приезжими стольниками и местными духовными властями, на многие годы определившие порядок административного взаимодействия государственных и епархиальных структур. Ведь некоторые из стольников-переписчиков после проведения переписи остались управлять описанными ими (или их коллегами) владениями. Не понимая, как изначально складывались эти отношения, невозможно проанализировать механизмы перехода от описания церковных имуществ к последующему полноценному управлению ими.

Между тем о конкретном порядке проведения переписи известно мало. И.А. Булыгин отметил, что переписчики, приехав в монастыри, использовали имевшиеся там писцовые и переписные книги, а также описи, и сравнивали их данные с наличным имуществом. Кроме того, «им подавались сказки монастырских властей... и сельской выборной администрации... о наличии хлеба, скота, о повинностях и др.»⁷. Н.В. Соколова, обратившись к материалам переписи нижегородских вотчин Троице-Сергиева монастыря, рассмотрела данный сюжет глубже, отметив, что «основой сведений о текущем состоянии монастырских вотчин, о числе дворов, их населении, крестьянских податях и оброчных статьях являлись сказки монастырских приказчиков, мирских старост и выборных»⁸. Однако речь в работе Соколовой идёт о вотчинах, а не о самом Троицком монастыре. М.С. Черкасова пришла к выводу, что перепись 1701–1703 гг. осуществлялась стольниками «с привлечением архиерейских слуг и выборных крестьянских представителей на местах, по их “скасам”»⁹.

В настоящей статье рассматривается, как конкретно организовывались работы по проведению переписи 1701–1703 гг. непосредственно в монастырях. Задача исследования — проанализировать порядок действий стольников. Я попытаюсь ответить на вопрос, какие из полученных в ходе переписи сведений могли понадобиться им на следующем этапе реформы, когда представители Монастырского приказа приехали в уезды уже не переписчиками, а управленцами.

Важным источником для этой темы являются так называемые грамоты с прочётом, полученные стольниками-переписчиками в Монастырском приказе наряду с другими документами¹⁰. В них содержится информация о том, как составителю переписных книг следовало организовать работу на месте. На настоящий момент мне удалось обнаружить три таких грамоты, их содержание полностью идентично. Это грамота от 11 апреля 1701 г., адресованная дворянину А.Б. Палицыну, описывавшему монастырские и церковные владения в Боровском, Козельском, Мещовском, Медынском, Брянском, Рыльском, Путив-

⁷ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 37.

⁸ Соколова Н.В. Нижегородские вотчины Троице-Сергиева монастыря по описаниям стольников П.Б. Вельяминова и П.А. Волинского: Козино, Копосово, Чёрное // История Балахны и Балахнинского уезда с древности до начала XX века: к 88-летию Балахнинского музейного историко-художественного комплекса. Материалы первой научно-практической конференции. Балахна, 2017. С. 68–69.

⁹ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 81.

¹⁰ В приказе стольники получали также перечневые списки населения из переписных книг 1678 г., указы, составленные на основании правительственных указов, и «памяти по наказу», где перечислялось, что именно следует переписать (Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73).

льском, Болховском, Карачевском, Белёвском, Перемышльском и Лихвинском уездах¹¹, от 12 апреля 1701 г. — стольнику В.И. Кошелеву, описывавшему Вологодский уезд¹², и от 29 июня 1701 г. — стольнику С.И. Толстому, отправившемуся в Симбирск, Алатырь, Пензу, Кадом, Керенск, Саранск, на Курмыш и в Темников¹³. Скорее всего, такие документы получили все переписчики.

Информация о проведении переписи содержится и в некоторых переписных книгах архиерейских домов и монастырей. Основная часть сохранившихся до наших дней материалов находится в фонде 237 (Монастырский приказ) РГАДА. Переписные книги 1701–1703 гг. — это новый тип документации, объединяющий традиционные монастырские описи имущества, переписные книги вотчин и другие документы¹⁴. Главное внимание в источнике уделено описанию убранства храмов, ризниц, библиотек, хозяйственных служб и проч., однако в нём содержатся и косвенные сведения о порядке переписи. Среди переписных книг следует выделить описи монастырей Галичского уезда, составленные стольником И.Л. Нелидовым, в частности — одного из крупнейших в регионе Успенского Паисиева монастыря в Галиче¹⁵. Здесь Нелидов по неизвестной причине уделил особое внимание описанию процесса своей работы. Эта особенность источника позволяет использовать его в качестве основного.

В то же время упоминания о ходе переписи не были совсем уж редкими. Краткое описание процесса привёл А.Б. Палицын в переписной книге Гремячева монастыря в Лихвине (современный г. Чекалин в Тульской обл.): «Которые книги в монастырех взяты, и по тем книгам осматривано и переписывано. А по осмотру и по переписке что сверх тех книг явилось и чего не явилось, и о том взяты скаски с очиткою за руками. И те скаски писаны в сих же книгах»¹⁶. Такие материалы используются как дополнительные для сопоставления при рассмотрении тех или иных сюжетов.

Первые переписчики отправились из Москвы в уезды уже в апреле 1701 г.¹⁷ Информации о том, где конкретно они останавливались, приехав на место, мало. Некоторые сведения об этом содержатся в указе Петра I от 29 января 1701 г. тобольским воеводам М.Я. и П.М. Черкасским об отправке для переписи Тобольского архиерейского дома дворянина А.И. Городецкого: «И вы бы, ближние наши боярин и воеводы князь Михайло Яковлевич да стольник князь Петр Михайлович, и дьяки, велели ему, Андрею, где ему жить отвести в Тоболску двор, где по вашему, ближних наших боярина и воевод, рассмотрению будет пристойно»¹⁸. Н.П. Успенский привёл данные о том, что приехавший для переписи в Кирилло-Белозерский монастырь стольник Л.Н. Кологривов поселился «на съезде двора монастырских дел в приказной избе». В неё из

¹¹ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222.

¹² Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260, оп. 1, д. 12076. Оpubл.: *Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство... С. 572–573.

¹³ Киево-Николаевский Новодевичий монастырь в г. Алатыре. Сборник документов XVII — начала XVIII веков / Сост. А.А. Чибис. Чебоксары, 2004. С. 48–49.

¹⁴ *Шамина И.Н.* Коломенская епархия... С. 9–10.

¹⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 51–172.

¹⁶ Там же, д. 21, л. 168.

¹⁷ Подробнее о направленных на места стольниках см.: *Шамина И.Н.* Люди «московских чинов» на службе в Монастырском приказе (1701–1702 гг.) // Вестник церковной истории. 2024. № 1/2(73/74). С. 299–317.

¹⁸ *Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство... С. 498.

монастырской казны выделили «рукомойник, лахань, кунган медные»¹⁹. По наблюдениям М.С. Черкасовой, съезжий двор монастырских дел в 1701 г. функционировал и в Устюге, когда туда прибыли стольник А.М. Вешняков и подьячий Г. Лушнев²⁰. Вероятнее всего, именно в тех местах, где останавливались переписчики, в дальнейшем располагались канцелярии посланных Монастырским приказом для управления стольников.

Для составления переписных книг монастырские власти должны были предоставить стольникам подьячих и служек, а также «чернила, и бумагу, и свечи салные из монастырской казны», лошадей, чтобы проехать «от монастыря до монастыря и от села до села»²¹. В частности, стольник И.М. Кологривов, описывавший монастыри в Суздальском уезде, взял себе в помощь четырёх слуг суздальского Покровского девичьего монастыря²². В тесной связи с переписчиками работали монастырские подьячие и присланные из архиерейских домов служащие. Вместе со стольником В.И. Кошелевым участвовали в переписных мероприятиях в Вологодском уезде приказной служащий Вологодского архиерейского дома В. Борисов и дьяки П. Ташлыков и И. Шестаков²³. Об их участии в работе свидетельствуют, например, записи в хозяйственных документах Вологодского архиерейского дома: «Мая в 17 день столник Василей Кошелев поехал для переписи на Лежской волок. Дано, которые с ним были домовые люди, масла дватцать два фунта»; «Столник Василей Кошелев поехал по монастырем для переписи. Дано домовым людям, которые с ним поехали, мяса полоть весом дватцать восемь фунтов»²⁴.

Известны, однако, и случаи, когда стольники везли подьячих с собой из Москвы, поскольку далеко не во всех монастырях удавалось найти грамотного человека для фиксации результатов переписи. Иногда привлекали служащих других расположенных неподалёку обителей. В переписных книгах Воскресенского монастыря в Соли Галицкой и Спасского монастыря на р. Воче фигурирует подьячий галичского Паисиева монастыря Филка Посников²⁵, а в переписной книге Успенской Жуковой пустыни того же уезда — казённый подьячий Предтеченского Иаково-Железоборовского монастыря Григорий Дмитриев Попов²⁶.

Стольнику и сопровождавшим его лицам полагался «подённый корм»: «Перепищику давать в монастырях из монастырской казны, а в вотчинах велели давать прикащиком и старостам поденной корм — денег по десяти алтын на день. Да на одну лошадь конского корму. А монастырским подьячим, которые будут у переписки с ним, перепищиком, в иных монастырях давали кормовых денег всем вопче на день десять денег»²⁷. Суммы «подённого корма»,

¹⁹ Успенский Н.П. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896. С. 55.

²⁰ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 72.

²¹ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222.

²² Давыдов М.И., Шамин С.М. Новые известия о суздальском этапе биографии стольника Ивана Мироновича Кологривова (1701–1703 гг.): к вопросу о характере деятельности региональных агентов Монастырского приказа // Вестник церковной истории. 2024. № 1/2(73/74). С. 323.

²³ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 80.

²⁴ Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 317, 319.

²⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 491, 546, 555 и др. В переписной книге галичского Паисиева монастыря Филка Посников назван казённым дьячком (Там же, л. 95 об.).

²⁶ Там же, л. 591.

²⁷ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222, сст. 1–2; ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076, л. 1–2.

получаемого стольниками, как следует из содержания грамот, во всех регионах страны были одинаковыми. Это подтверждает, в частности, и сметный список с приходо-расходных книг вологодского Дионисиева Глушицкого монастыря 1701–1707 гг., где зафиксирована сумма, потраченная монастырскими властями на обеспечение стольника Кошелева и его помощников: «Переписчику столнику Василью Ивановичю Кошелеву от переписки монастыря кормовых денег дано на шестеры сутки шездесят алтын. Подьячим иво десять алтын. Бумаги на восемь алтын на 2 денги. Свеч салных на гривну»²⁸. Такую же сумму — 10 алтын в день — по распоряжению архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила (Кичигина) следовало платить и стольнику Василию Меньшому Богданову сыну Плохову, в сентябре 1702 г. сменившему Кошелева²⁹. И.П. Назарьев за шесть дней работы по описанию Воскресенского собора в Вятке получил у его священника «поденного корму на день по десяти алтын»³⁰. Таким образом, уже на этапе переписи определялись нормы содержания будущих управленцев.

Ответить на вопрос о том, сколько времени требовалось переписчику для составления описи одного монастыря, можно лишь приблизительно — переписные книги не дают об этом точных сведений. Исключение, пожалуй, составляет переписная книга Троицкого Калязина монастыря в Кашинском уезде, где вместе с суммой выданных денег приведены точные сроки работы здесь стольника Я.П. Никифорова: «Да стольнику Якову Протасьевичу Никифорову поденного корму июля з 27 числа по 28 число сентября нынешняго 1701-го году по десяти алтын на день. Итого осмьнацать рублей тритцать алтын. Да подьячему з 27 числа июля по 26 де сентября по десяти денег на день, итого три рубли десять денег»³¹. Как видим, на составление описи имущества крупного Калязина монастыря переписчику и подьячему потребовалось 62 дня. Причём его многочисленные вотчины в Жабынском, Нерехотском, Мерецком, Кочемском, Чудском и Пудицком станах Кашинского уезда с августа 1701 г. по апрель 1702 г. описывали сразу два переписчика — Я.П. Никифоров и М.Ф. Деревнин³².

Для работы по составлению переписных книг стольникам, судя по всему, выделяли отдельное помещение. Например, в Кирилло-Белозерском монастыре это была «описная келья»³³. В отдельных монастырях и архиерейских домах после начала работы переписчиков усиливалась охрана. В череповецком Воскресенском монастыре на время проведения переписи Л.Н. Кологривовым поставили у ворот сторожей: «Подьячие Кирилл Коменский да Иван Гагарин тот Воскресенский монастырь переписывают и сторожей к воротам приставили»³⁴. Возможно, это делалось для того, чтобы монахи не могли вынести и укрыть от переписчика какие-то ценности.

²⁸ Башнин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 1074.

²⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12435.

³⁰ Историко-статистическое описание Воскресенского собора в г. Вятке, составленное протоиереем Герасимом Никитниковым. Вятка, 1869. С. 57.

³¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 24, л. 131.

³² Там же, л. 189–566.

³³ Успенский Н.П. Указ. соч. С. 55.

³⁴ Лушкин Б.С. Описание принадлежащих Л.М. Савёлову документов: 1) столбцов Воскресенского Череповецкого монастыря Новг[ородской] губ[ернии] (№№ 1–131) со вводной к ним статьёй «Страница из истории Череповецк[ого] мон[астыря] в XVII в.»; 2) столбцов Коряжемского мон[астыря] Волог[одской] губ[ернии] (№№ 132–141) и 3) столбцов разного содержания (142–173). М., 1912. С. 16–17.

От представителей монастырской администрации стольник прежде всего требовал «переписные книги церковной утвари и всякой монастырской казны, таж окладные, и приходные, и расходные монастырские книги з 203-го году»³⁵, т.е. изымалась основная монастырская документация за последние шесть-семь лет. Информация о полученных от настоятеля и казначея документах непременно помещалась во вновь составляемые книги. В одних монастырях весь набор требуемой документации имелся в полном объёме. В других — не хватало отдельных материалов, как, например, в Благовещенском Ширинском монастыре Кашинского уезда: «Того монастыря взяв у игумена Иякова да у казначея иеромонаха Иосифа з братьею окладные нынешняго 1701-го году да переписные 205, 206, 208 и нынешняго же 1701-го году да приходные и расходные книги 203, 204, 205, 207, 208 и нынешняго 1701-го году и 206-го году приходные за руками. А расходных книг 206-го не взято. А 1700-го году приходные и расходные книги бывшего игумена Иосифа взяты не за рукою и черны»³⁶. В некоторых монастырях, как правило небольших, документов не смогли предоставить вовсе. Одним из них оказался женский Брусенский монастырь в Коломне, где на требование стольника И.В. Кикина игуменья заявила: «А окладных, и переписных, и приходных, и расходных церковных и монастырских казенных, и никаких книг нет»³⁷.

Какие именно «прежние» переписные книги интересовали переписчиков в первую очередь, в источниках не указано. Предположу, что те, которые составлялись при вступлении в должность действующего на момент переписи 1701–1703 гг. настоятеля, поскольку именно он являлся главным материально ответственным лицом. Во всяком случае, именно на это обратил внимание архимандрит Данилова монастыря в Переславле-Залесском Варфоломей: «В том Данилове монастыре прежних описных книг не положили, а у переписки того Данилова монастыря архимандрит Варфоломей сказал, что де тот Данилов монастырь на ево архимандричье имя не описыван»³⁸.

При отсутствии переписных книг действующего настоятеля, судя по всему, следовало использовать те, что составлены при его предшественнике. Об этом может свидетельствовать «скаска» архимандрита Мещовского Георгиевского монастыря Афанасия: «З 203-го году монастырю, и церквам Божиим, и ризнице описных книг нет. А он, архимандрит Афонасей, в том монастыре во архимандритах с прошлого с 207-го году. И по указу Преосвященного Тихана, митрополита Сарского и Подонского, и по грамоте ис Козенного приказу за приписью дьяка Ивана Зиновьева тот Георгиевской монастырь на него, архимандрита Афанасия, описывал Юхнова монастыря строитель иеродиакон Трифилий и те описные книги послал к Москве, на Крутицы, в Козенной приказ. А преж сего был в том монастыре архимандрит Серафим, и тот архимандрит в том монастыре умре. А были у него описные книги или нет, того он, архимандрит Афанасей, не ведает»³⁹.

³⁵ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222, сст. 1.

³⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 75–75 об.

³⁷ *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобрёва и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 224.

³⁸ *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Переславль-Залесский, 2008. С. 260.

³⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 292.

В ряде переписных книг о приведённых ранее описаниях имеются дополнительные сведения, в частности, о времени их составления. Из переписной книги Благовещенского Ширинского монастыря известно, что предыдущая монастырская опись состоялась недавно, «как де описывали монастырь в нынешнем 1701-м году на нынешнего игумена Иякова»⁴⁰. Содержание источника позволяет уточнить время составления этой описи. Известно, что ещё как минимум 20 января 1701 г. настоятелем в Ширинском монастыре был Иосиф, в тот день выдавший вкладную грамоту келейнику Якушке Григорьеву⁴¹. Следовательно, опись составлялась уже после этой даты. В переписной книге галичского Паисиева монастыря не только указана дата, но и названо имя составителя предшествующего описания 1695/96 г. — священника галичского Спасского собора Иоанна⁴². Известно также, что по причине болезни он не смог завершить начатое дело.

Часто в предыдущих описях имелись неточности и даже существенные ошибки, что вызывало вопросы у переписчиков 1701–1703 гг. Возможную причину появления ошибок в описи Троицкого Калязина монастыря 1695/96 г. монастырские власти объяснили тем, что составляли её одновременно несколько человек: «И тогда де писали книги с старых переписных книг новые описные книги, и писали де подьячие руки в пятеры и в шестеры, и написали де всякую церковную утварь... вдвое»⁴³.

Первый этап работы переписчика в монастырях сводился к сопоставлению данных предыдущей описи с тем, что имелось на текущий момент. Об этом есть указания в преамбулах к переписным книгам: «Стольник Яков Протасьев сын Никифоров, приехав в Кашинской уезд в Нерехоцкой стан Николая Чюдотворца в Клабуков монастырь, и того монастыря взяв у игумена з братиею вотчинам окладные, а церковной утвари и монастырской всякой казне и заводом переписные 206 и 1700-го годов, а приходные и расходные книги з 203-го году и по тем книгам в том монастыре... сколько чего... налицо явилось пересмотрел и переписал все»⁴⁴. Стольник Никифоров многократно обращался к предыдущей описи и в ходе работы в Благовещенском Ширинском монастыре: «Да в той же казенке (казённой палате. — *И.Ш.*) сундук порозжей обит железом. А в прежних описных книгах нынешняго 1701-го году во второй тетрати в последней строке на обороте листа написано: “сундук обит железом”. А что в нем, ли он порозжей, того имянно не написано»⁴⁵.

Перепись имущества в монастырях начиналась обычно с соборной церкви. В галичском Паисиеве монастыре стольник Нелидов приступил к работе с описания Успенского собора и колокольни при нём, затем последовательно переписал убранство тёплой Троицкой церкви и надвратной Трёхсвятительской. Под нижним сходом последней располагалась ризница («ризничья полатка»), где обязательному учёту подлежали книги и священнические облачения. Далее стольник переместился в монастырскую казённую палату («казну»), где хранились посуда, различный сельскохозяйственный инвентарь, конская сбруя и проч.; затем — в подкеларскую службу, поварню, хлебную службу, настоя-

⁴⁰ Там же, д. 57, л. 87.

⁴¹ Там же, л. 95 об.—96.

⁴² Там же, д. 23, л. 69 об.

⁴³ Там же, д. 24, л. 7 об.

⁴⁴ Там же, д. 57, л. 114.

⁴⁵ Там же, л. 86 об.

тельские и монашеские кельи, другие хозяйственные помещения. После этого он вернулся к описанию монастырской казённой палаты, где зафиксировал имевшиеся в обители документы. В этом состояло отличие от обычной практики. Как правило, переписчики описывали грамоты сразу, вместе с описанием прочего имущества «казны», однако Нелидов предпочёл сделать это отдельно.

В ходе описания казённой палаты особое внимание уделялось хранившимся в ней деньгам и драгоценностям: их следовало не только пересчитать, но и «запечатать» для последующего изъятия. Упоминания об опечатывании денег есть практически во всех переписных книгах, однако нигде не сказано, как именно происходил этот процесс. В данной связи весьма интересна царская грамота архимандриту Успенского Тихвинского монастыря Боголепу 1702 г. Как следует из источника, сундук с обнаруженными в Успенском монастыре деньгами в присутствии монахов опечатал сам проводивший здесь перепись стольник М.И. Вадбольский. Все деньги, найденные им, в присутствии архимандрита и монахов он «досматривал» и «тот сундук з денгами запечатал же и велел беречь до нашего, великого государя, указу и ни на какие расходы держать не велел». В феврале 1702 г. в монастырь за деньгами приехал подьячий Монастырского приказа. По его приезду следовало проверить (осмотреть) печать стольника на сундуке и приложить на него «монастырскую казенную печать», после чего выслать деньги в Москву в сопровождении казначея, подьячего Монастырского приказа и «проводящих» на монастырских подводах⁴⁶.

Опись монастырского имущества завершалась характеристикой оград, конюшенных и скотных дворов, других хозяйственных построек, а также садов и огородов. Представляется, что переписчики осматривали указанные объекты лично, поскольку в переписных книгах есть данные не только о внешнем виде строений, но и присутствует оценка их физического состояния: «около пустыни городьба замет в столбы, ветха», «около монастыря ограда каменная... три башни... ограда и башни крыты тесом, кровля новая», «каменная ограда не покрыта, а деревянная ограда и башни крыты тесом и во многих местах обвалилась»⁴⁷.

Большое внимание в ходе переписи уделялось монашествующим и другим монастырским насельникам — слугам, служебникам, вкладчикам, бобылям. Я уже обращала внимание на то, что перепись монастырских насельников в переписных книгах отличалась разной степенью полноты: от развёрнутой информации о каждом из монахов, включающей сведения о его мирской жизни и времени пострига в переписных книгах монастырей Вологодской и Коломенской епархий стольников В.И. Кошелева и И.В. Кикина, до простого перечисления имён в большинстве других описей⁴⁸. Очевидно, порядок работы над списками насельников зависел от цели, поставленной перед переписчиком. Кикин явно опрашивал монахов лично (по крайней мере, в большинстве случаев). Об этом свидетельствуют записи: «Козначей монах Иосиф, *сказался* в мире де ево звали Иваном», «иеромонах Афонасей, *сказался* в мире ево звали Архиппом», «в ыгуменской келье Евстрат Меркулов сын Мокшин... *сказал* себе

⁴⁶ Седов П.В. Успенский Тихвинский монастырь и его архимандрит Боголеп накануне и в первые годы Северной войны. СПб., 2018. С. 129–131.

⁴⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 18, л. 138 об.—139; д. 17, л. 161 об.—162.

⁴⁸ Шамина И.Н. Социальный портрет монашествующих Коломенской епархии в конце XVII — начале XVIII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII—XX веков. Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М., 2021. С. 411.

от роду шестьдесят семь лет»⁴⁹. В то же время в переписной книге Коломенского архиерейского дома некоторые служители переписаны без слова «сказал». Это, скорее всего, означает, что лично переписчику они не представлялись. В основном это были люди, большую часть времени жившие за пределами архиерейского дома — «домовых сел дворники», повар приписной Саввиной (Березиной) пустыни, строитель приписной Соколовой пустыни⁵⁰. Можно предположить, что стольнику дали полный список архиерейских служащих, на основании чего он и сделал записи в переписной книге. Возможно, подобные списки использовались и в других монастырях, где в переписные книги включены только имена насельников.

В Вологодском архиерейском доме об отсутствующих насельниках переписчику сообщили казначей и другие служащие: «У переписки сказали казначей и приказные люди: стряпчей де у них в Софейском доме Иван Кондратьев сын Сечихин ходил за делы на Москве, а что ему годового денежного и хлебного жалованья, и где ево родина, и ис какова чину, и о том допросить некого для того, что живет он на Москве»⁵¹.

Полнота описания жителей монастыря и его владений была разной: в переписной книге галичского Паисиева монастыря монахи расписаны лишь по именам, тогда как о монастырских слугах, служебниках и других работниках приведена более подробная информация. Отмечено их происхождение, указаны состав семей, размер денежного жалованья и количество предоставленной в пользование земли: «Слуга Антон Федоров сын Коренев. Денежного ему жалованья денег по два рубли по шеснатцати алтын по четыре денги на год. Да земли у него из монастырских дач того ж селца Успенского полоса в поле, в дву потому ж. А на ту ево землю выходит ржи пятнатцать четвериков в поле, в дву потому ж. Да сенных покосов на вкладной пожне Наумовке, что под завалом, сена пять копен. Пожалован в слуги ис конюхов, а родился в том же селце Успенском»⁵².

По завершении работы над списками монастырских насельников стольники-переписчики озвучивали текст, составленный на основе царских указов, регулировавших изменения в монастырском быте⁵³. Последний раздел присутствует далеко не во всех переписных книгах, его содержание также имеет вариации. Но не приходится сомневаться, что все переписчики передали монахам распоряжения правительства. Вероятно, некоторые из них просто не посчитали нужным вносить эту информацию в переписные книги, либо ограничились пометками, типа: «Игумену Иякову з братьею указ великого государя по наказу и статьи, каковы в наказе написаны, чтены з запискою. И к той записке он, игумен з братьею, руки приложили, что он тот великого государя указ и статьи, каковы в наказе написаны, слышали»⁵⁴. Возможно, живущих в монастыре людей специально собирали для этого вместе. Отдание распоряжений о распорядке монастырской жизни сложно рассматривать иначе, как управление обителями.

⁴⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 58, л. 537, 547 об.

⁵⁰ Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство... С. 386–389.

⁵¹ Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2020. С. 272.

⁵² РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 115.

⁵³ Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы...

⁵⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 96 об.

Разумеется, сведения предыдущих описаний часто не соответствовали тому, что стольник обнаруживал в монастырях в реальности. Чтобы установить изменения в составе монастырского имущества и выявить размер денежного оборота в обители, привлекались приходо-расходные книги. Последние вместе с материалами переписи, как следует из наказа переписчику, следовало отправить в Москву: «А переписав вышеписанное все окладное, и переписные, и приходные, и расходные книги... прислать к великому государю к Москве со архиерейскими и монастырскими слушками, с нарочными посыльщиками, безо всякого мотчанья»⁵⁵. Помимо приходо-расходных монастырских книг правительство требовало изъять документы, касавшиеся вотчинного хозяйства.

Многие из выявленных мною переписных книг монастырей и архиерейских домов содержат и хозяйственную документацию, очевидно, изъятую в ходе переписи. Большая подборка «казённых» книг за 1690-е — начало 1700-х гг., переданных в Монастырский приказ, дошла до нас вместе с переписной книгой Успенского монастыря Флорищевой пустыни Гороховецкого уезда, составленной стольником П.А. Волинским⁵⁶. Комплекс сохранившихся хозяйственных документов Флорищевой пустыни включает в себя не менее 30 приходных и расходных книг 1695—1702 гг., касающихся различных монастырских служб. В их числе книги «церковным, молебным, и свечным, и синодичным денгам»; «монастырским казенным деньгам, что куды дано и что где куплено на братию и трудников какие одежды и в даче работным людям»; книги приходные «что принято по жалованным... грамотам... на оброчные денги в Луху на посаде с мельницы да на рыбные ловли по Суре и по Пьяне рекам с ысточки, да на две варницы соляной топки на Балахне, да на реку ж Пьяну на Можаровскую мельницу».

Отсылал приходо-расходную документацию в Монастырский приказ и архиепископ Вологодский и Белозерский Гавриил (Кичигин), о чём в сентябре 1702 г. он составил челобитную Петру I и грамоту стряпчему Вологодского архиерейского дома Ивану Сечихину⁵⁷. В Монастырский приказ попала приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г.⁵⁸ и многие другие подобные документы. К переписной книге дмитровского Борисоглебского монастыря оказалась подшита приходо-расходная книга 1703—1704 гг., составленная уже после проведения здесь ревизии⁵⁹. Приходо-расходная книга 1697/98 г. сопровождает опись Троицкого Селижарова монастыря в Ржевском уезде⁶⁰. Судя по всему, изъятие в Монастырский приказ монастырских хозяйственных книг было массовым.

Изымались и другие учётные материалы. Например, в Ростовском митрополичьем доме помимо приходо-расходных, ужинно-умолотных, книг житенных старцев и мирских старост по многочисленным митрополичьим вотчинам⁶¹ изъяли документы, касающиеся работы организованного архиерейским домом

⁵⁵ Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство... С. 566.

⁵⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 17, л. 444—717.

⁵⁷ Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство... С. 606—607.

⁵⁸ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 8. Опул.: Шамина И.Н. Приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 85—138.

⁵⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 17, л. 244—248 об.

⁶⁰ Там же, л. 333 об.—349.

⁶¹ Там же, оп. 1, ч. 3, д. 3013, 3469, 4414, 4933, 6345.

кумпанства. Среди дошедших до наших дней — приходные книги «к галерному строению», книги учёта расходов на строительство судов, жалование иностранным специалистам, обеспечение работы кумпанства Ростовского митрополита в Воронеже за 1697—1700 гг. и проч.⁶² После изъятия важнейших хозяйственных документов монастыри теряли возможность вести экономическую деятельность без взаимодействия с Монастырским приказом.

Как уже было упомянуто выше, иногда монастырские власти не могли предоставить переписчикам никаких документов. Остановлюсь подробнее на причинах недостатка документации. Их выявлено две, и первая из них — пожары. В Троицком Дорогощанском монастыре Мещовского уезда казначей Варсонофий на запрос переписчика сообщил, что «в нынешнем 1702-м году марта против первого числа в нощи козенная келья згорела, и описныя, и приходныя, и расходныя книги з 203-го году в той кельи згорели же»⁶³. Подобная ситуация сложилась и в вологодском Спасо-Нуромском монастыре, где переписные книги и многие другие монастырские документы уничтожил пожар 1699/1700 г.⁶⁴

Чаще же всего документы до переписи просто не вели. В небольшой Крестогорской пустыни Устюжского уезда никаких прихода-расходных книг стольнику А.М. Вешнякову монахи представить не смогли, поскольку «та их пустыня... построена на диких лесах от жилья верст по сту и по двести, и писать за таким далним расстоянием в той их пустыне приходу и расходу некому». Информацию о доходах и расходах пустыни, помещённую стольником на страницах переписной книги, келарь Игнатий представил в «скаске»⁶⁵. Составление таких сказок фактически становилось отправной точкой для последующего ведения финансовой документации.

«Скаска» настоятелей монастырей и представителей монастырской администрации при составлении материалов переписи 1701—1703 гг. имели большое значение, поэтому на них стоит остановиться подробнее. Об этом виде документации есть информация или упоминания в большинстве переписных книг. О том, что «скаска» является одним из основных источников сведений, говорится, в частности, в преамбуле описи Николаевского Венёва монастыря в Тульском уезде: «И того монастыря у архимандрита Никодима да у казначея иеромонаха Варсонофия взяв *скаска* за руками, и в том монастыре Божия церкви, и в них святые иконы, и у них привесы, и всякую церковную утварь, и монастырскую казну, и жалованные грамоты, и крепости, и всякую посуду, и братию, и монастырское строение, и всякие заводы, и в житницах хлеб, и на конюшенном и скотских дворах лошади и иной скот, и в вотчинах слуг, и служебников, и крестьян, и бобылей — все пересмотря налице переписал»⁶⁶.

Очевидно, существовали какие-то распоряжения, призывавшие при составлении переписных книг использовать «скаска» представителей монастырской администрации. Во всяком случае, стольник И.Л. Нелидов, описывавший Галичский уезд, неоднократно это подчёркивал: «1701-го году мая в де[нь] по указу великаго государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа

⁶² Там же, оп. 1, ч. 1, д. 20.

⁶³ Там же, д. 21, л. 561.

⁶⁴ *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701—1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 15.

⁶⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 44, л. 395—395 об.

⁶⁶ Там же, оп. 1, ч. 2, д. 217, л. 2—3.

Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Паисеине монастыре пред стольником и переписчиком перед Иваном Леонтиевичем Нелидовым Паисеина монастыря ризничей иеромонах Макарий сказал»⁶⁷.

Из приведённой записи следует, что стольник по очереди вызывал к себе старцев, если обнаруживал несоответствие в составе имущества с предыдущими переписными книгами в подведомственных им помещениях. В своих «скасах», поданных, судя по всему, в письменном виде, а возможно, также и озвученных, старцы объясняли стольникам, откуда взялись те или иные предметы или куда пропали зафиксированные ранее, но в настоящий момент отсутствующие в монастыре: «что явилось вновь, а чего не явилось налицо у переписки». При этом представители монастырской администрации клялись, что говорят правду, поскольку за подачу ложных сказок полагался штраф: «Кроме того, что ныне у переписки явилось, ничего в утайке нет. А буде что он сказал ложно или что утаил... указал бы великий государь взять на нем пеню»; «А будет мы, что скаски сказали ложно, и за ту б ложною нашу скаску указал бы великий государь взять на нас пеню. А пени — что великий государь укажет»⁶⁸.

В переписной книге галичского Паисиева монастыря сказки помещены непосредственно в её текст, после разделов с описаниями соответствующих служб. Это подтверждает предположение, что они составлялись в письменном виде. Записывали их монастырские служители. В Паисиеве монастыре это был «казенной службы дьячок Филка Посников». Рассмотрим, кто подавал стольнику «скаски» в Паисиевом монастыре и каково было их содержание.

Об имуществе монастырских церквей — соборной Успенской, Троицкой и надвратной во имя Трёх святителей Петра, Алексия и Ионы, — а также о монастырской ризнице составил «скаски» ризничий иеромонах Макарий. «Скаски» ризничего, пожалуй, наиболее информативны. В них перечислены предметы церковного убранства: иконы, украшения к ним, богослужебные книги и проч. О каждом вновь обнаруженном предмете приводится информация о его происхождении. Часто вещи поступали в церковь вкладами, имена вкладчиков также указаны: «И тот убрус и ожерелейце, и на убрусе три камени дал вкладу Паисиина монастыря белой поп Мина Иванов», «ладаницу медную полуженую дал вкладу Паисеина монастыря Овиновской слоботки бобыль Дмитрюшка Иванов», «и то сукно дал вкладу галичанин посацкой человек Акинфей Васильев»⁶⁹. Вещи приобретались и самим монастырём. Как следует из «скаски», два аналоя и четыре подсвечника были куплены «на зборные денги збору с прихоцких людей Паисеина монастыря и с вотчинниковых и помещиковых крестьян»⁷⁰.

Если стольник той или иной вещи не обнаруживал, ризничий указывал, куда она делась: «А в церкви Успения ж Богородицы на левой стране посторонь царских дверей у штилистоваго Богородична образа в привесе были четыре прониски сребренные вызолочены. И те прониски издержаны в новопостроеное Евангелие, что писано в сей скаске выше сего. А в олtare на престоле с печатнаго Евангелиа старой бархат продан, а на те денги куплено ладану»⁷¹. Интересное объяснение пропаже пелен нашли в Благовещенском Ширинском

⁶⁷ Там же, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 64.

⁶⁸ Там же, д. 24, л. 131; д. 21, л. 475.

⁶⁹ Там же, д. 23, л. 64 об.—65 об.

⁷⁰ Там же, л. 65 об.—66.

⁷¹ Там же, л. 66.

монастыре: «А по скаске того монастыря игумена Иякова да казначея Иосифа, тех пелен в монастыре не бывало, а в тех де прежних книгах те пелены написаны в лишке. И то де знатно описано не знаючи»⁷².

Значение сказок ризничего Паисиева монастыря сложно переоценить. В них содержится уникальная для материалов переписи 1701–1703 гг. информация, прежде всего о составе вкладчиков, давших имущество в монастырь после предыдущего описания. Очень многие вещи, как выясняется из сказок, прежние переписчики просто «написать пропаятовали». Наконец, интересны сюжеты, связанные с утилизацией тех или иных предметов, позволяющие добавить некоторые штрихи к истории монастырской повседневности. Ветхие, непригодные к использованию ризы в монастырях не выбрасывали: их клали в гроб с умершими священниками или перешивали. Старое церковное облачение передавали в более бедные монастыри и церкви или в пострадавшие от пожаров храмы: «И та епатрахель за ветхостию отдана на погорелое место к прихоцкой церкви в Галицкой уезд к Егорью Верхнему»⁷³.

Содержательны «скаски» монастырского казначея Феодосия, которых в переписной книге приведено шесть: «что в монастырской казне сверх прежних описных книг в лишке явилось»; «что явилось вновь у переписки сверх прежних описных книг в поварне»; «на погребѣ пива в дву боченках дватцать ведр»; «что в лишке явилось меж старыми погребами сушило о два жилья»; «что сверх прежних описных книг у переписки явилось вновь» и «что в монастырской казне сверх прежних описных книг у переписки явилось в монастырских крепостях». Как видно, они касались хозяйственных служб, а также монастырских документов.

Остановимся на последней «скаске» подробнее. Она содержит перечень из 19 наименований, преимущественно это «зделошные» и кортомные записи и памяти. Их, по словам казначея, «в прежние описные не написал галицкой спасской протопоп за болезнью, для того, что в то число волею Божиею заскорбел»⁷⁴. Список дополняют пять документов, что «прибыли после описных книг при архимандрите Филарете». При этом 17 грамот стольник Нелидов недосчитался, на что казначей ему ответил: «Те грамоты присланы были об отставных стрельцах, которые были в том Паисеине монастыре на корму, и те отставные стрельцы, не хотя у нас в монастыре жить, и пошли к Москве, и те грамоты отданы им, отставным стрельцом»⁷⁵. Данная сказка позволяет проследить движение монастырских документов и оценить полноту описаний монастырских архивов разными переписчиками. «Скаска» настоятеля Паисиева монастыря архимандрита Филарета касалась финансовой деятельности обители. В ней перечислены суммы, которые остались должны монастырю крестьяне и другие заёмщики. Пономарь старец Феодосий сообщил об одном из шести колоколов, не обнаруженном стольником на колокольне: тот был «по указу великаго государя отвезен к Москве на Пушечной двор»⁷⁶. Подкеларник старец Сергий разъяснил, что «в лишке явилось» в подкеларской службе, сушеный старец рассказал о содержимом «двух сушил», а житенной — сколько высеяно хлеба.

⁷² Там же, д. 57, л. 80.

⁷³ Там же, д. 23, л. 81 об.

⁷⁴ Там же, л. 111.

⁷⁵ Там же, л. 111 об.

⁷⁶ Там же, л. 69–69 об.

С каждой из представленных сказок стольник Нелидов не только ознакомился, поместив их содержимое в переписную книгу, но и пересказал её от своего лица, почти полностью копируя содержание, исключив лишь преамбулу и сведения о составившем её дьячке. Таким образом, в тексте переписной книги Паисиева монастыря сохранились не только сами сказки представителей монастырской администрации, но и их пересказ от лица составителя документа.

По другим монастырям известны случаи, когда на все монастырские службы подавалась только одна «скаска». Таковую «скаску», например, подали игуменья и казначея московского Ивановского монастыря. Речь в ней шла об иконах и церковной утвари, а также о деньгах, документах, денежной и хлебной руге, монастырской пашне, количестве крестьянских дворов в вотчине⁷⁷. Представляет интерес сказка, поданная игуменом вологодского Иннокентиева Комельского монастыря Акиллой и другими монахами. В ней говорится о доходах, получаемых монастырём от сдачи в аренду угодий, торговых лавок и проч., а также о крупных долгах монастырских крестьян, в том числе иностранным купцам: «А на монастырских их вотчинных крестьянех долг есть: в прошлых де годах они, старосты и крестьяне, в скудные годы заимовали на платеж стрелецкого хлеба у иноземца Ивана Гутмана сто пятьдесят рублей, а давали ему с вершку по сту по пятидесят четвертей овса на год. Они же на него многие работы работали, и тому долгу на расплату заняли они дому архиерейского у приказного Василья Борисова сто пятьдесят рублей, а писана та кабала в трехстах рублев, а с вершку ничего не платят. И у того иноземца тое кабалу теми денгами тое кабалу б выкупили»⁷⁸.

По причине того, что в переписной книге Паисиева монастыря помещён лишь краткий перечень монашествующих, очевидно, необходимости в получении «скаска», касающейся состава братии, не возникло. В тех же монастырях, чьи переписные книги содержат не только списки монахов, но и сведения о них, такие сказки подавались. Например, казначей тульского Иоанно-Предтеченского монастыря пояснил, сколько монахи получали ежегодного жалованья, сославшись на приходо-расходные монастырские книги. Он также объяснил отсутствие в монастыре на момент переписи одного из пострижеников: «Да по ево же козначеевой скаске того же де Предтечева монастыря иеромонах Авраамий послан из монастыря для нужды в Старицкой уезд в Заринскую пустыню»⁷⁹. Интересно, что подобную «скаску» об отсутствии монаха подали и в вологодском Спасо-Нуромском монастыре стольнику В.И. Кошелеву, однако составлял её не казначей, а игумен: «Да по скаске игумена Патрикея того ж монастыря монах Григорей... ныне де отпущен он из Нуромского монастыря на время молиться в Кириллов монастырь Белозерской»⁸⁰. В кашинском Николаевском Клобукове монастыре «скаску», объясняющую причину пребывания внутри монастырских стен светского лица — посадского человека из Кашина, — также подал настоятель, игумен Пафнутий⁸¹. В Николаевском Венёве монастыре Тульского уезда «скаску» о монахах, находящихся «в отлуч-

⁷⁷ Там же, д. 17, л. 34 об.—35.

⁷⁸ *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2(13/14). С. 76.

⁷⁹ *Шамина И.Н.* Коломенская епархия... С. 489.

⁸⁰ *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря... С. 22.

⁸¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 142 об.

ке», представили архимандрит и казначей⁸². Очевидно, подобная информация могла находиться в компетенции как настоятеля монастыря, так и казначея.

Данные о доходах обители и её денежном обороте, вероятно, относились к числу вопросов, интересовавших переписчиков в наибольшей степени, поскольку упоминания о подобных «скасах» встречаются в переписных книгах особенно часто. Настоятельница и казначея казанского Успенского девичья монастыря сообщили о мельнице и сенных покосах, с которых они получали доход, добавив, что в первую очередь «питаютца они, игумения и монахини, великого государя жалованьем»⁸³. Игуменья и казначея кашинского Сретенского девичья монастыря в своей «скаске» рассказали об отсутствии у монастыря долгов⁸⁴. Интересно, что именно с настоятеля и казначея переписчик требовал «скаску» об инвентаре для изготовления вина. Игумен кашинского Николаевского Клобукова монастыря, казначей и, как ни странно, белый диакон на подобный вопрос сообщили, что «кубы с трубами да котел ведра в четыре, да рукомойник в нынешнем 1701-м году отданы на Москве в добавку х колоколам»⁸⁵.

«Скаска» переписчикам могли подавать и другие лица, в частности священники, как, например, при переписи кашинского Сретенского девичья монастыря, когда речь зашла об их дворах в подмонастырной слободке⁸⁶. Привлекались для этого и монастырские слуги⁸⁷. В переписной книге козельской Макарьевской пустыни на р. Жиздре зафиксирована сказка соборных сторожей, «что нанимают де оне из оброку Оптина монастыря у строителя Герасима з братьею в городе Козельску пустыя места»⁸⁸. Конкретные лица, составившие ту или иную сказку, могли и не называться. Например, в Спасо-Каменном монастыре, что на острове в озере Кубенском, на вопрос об отсутствии ворот ответили «жители монастыря»: «Быть де воротам невозможно, по вся годы весною ломает лдом, для того и не строят»⁸⁹.

Хотя далеко не во всех переписных книгах содержится какая-либо информация о проведении переписных мероприятий в конкретном монастыре, можно предполагать, что эта работа велась по примерно одинаковой схеме.

Переписчики не всегда успевали завершить работу. Монастырский приказ мог заменить одного стольника другим. Так, в сентябре 1702 г. на смену В.И. Кошелеву в Вологодский уезд для переписи направили В.Б. Плохова⁹⁰. Вместо стольника В.Д. Воробина переписывать владения Церкви в Костромском уезде в 1702 г. поехал стряпчий С.Н. Мельницкий⁹¹. Одной из причин отстранения переписчиков от работы было получение ими взяток. Известны по меньшей мере три таких случая. Оказался нечист на руку, например, стольник С.И. Толстой. В декабре 1702 г. он находился в розыске: «И велено про него розыскать в Казане стольнику и воеводе Никите Алферьевичю Кудрявцову про-

⁸² Там же, оп. 1, ч. 2, д. 217, л. 24.

⁸³ Там же, д. 382, л. 36.

⁸⁴ Там же, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 190.

⁸⁵ Там же, л. 143.

⁸⁶ Там же, л. 190.

⁸⁷ Там же, л. 294 об.

⁸⁸ Там же, д. 18, л. 440 об.

⁸⁹ Переписные книги вологодских монастырей... С. 155.

⁹⁰ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12435.

⁹¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 349, л. 31 об.

тив отписки казанского архиерея в обидах и налогах приписного ево Кашпирского Вознесенского монастыря». Отстранили от дел «по изветным челобитными и писмам во взятках» переписчика вятских монастырей И.П. Назарьева. Спустя три месяца после назначения уличили во взятке и стольника Плохова⁹², не успевшего завершить перепись вологодских монастырей и церквей.

Таким образом, работа стольников по переписи монастырского имущества в 1701–1703 гг. включала несколько этапов. Прежде всего они сопоставляли данные предыдущих описаний с тем, что обнаруживали на текущий момент. Эти данные, как правило, не совпадали, поскольку переписи разделяло несколько лет. Чтобы установить изменения в составе монастырского имущества, привлекалась различная хозяйственная документация, в первую очередь приходо-расходные книги. Дополнительную информацию стольники получали в ходе опроса представителей монастырской администрации — настоятелей, казначеев, ризничих, конюшенных и других старцев, подававших специальные сказки. Фиксировались хранящиеся в обителях юридически значимые документы, опечатывались наличные деньги.

Стольники получали исчерпывающую картину состояния всего монастырского имущества, а также перечни монастырских насельников и работающих на них людей. Они аккумулировали данные о ведущейся в обители финансово-экономической документации, её точности и достоверности, людях, отвечающих за то или иное имущество. Оценивались текущие доходы от различных материальных активов, сведения о долгах. Фактически стольники знакомились со всей системой организации работы монастырского хозяйства. Они также получали информацию о вкладчиках — покровителях того или иного монастыря, среди которых могли быть знатные и влиятельные люди. Все эти данные позволяли им или их преемникам на следующем этапе реформы перейти к управлению церковным имуществом и эффективно контролировать движение финансовых потоков.

Стольники приезжали на места как представители исполнительной власти. Помимо изъятия монастырских документов, выяснения местонахождения отдельных грамот и опечатывания денег, стольники-переписчики уделяли внимание текущей хозяйственной и финансовой жизни монастырей. Они пытались воплотить в жизнь и положения указов об изменениях монастырского быта — о невыходе монахов из монастыря, о запрете писать что-либо в кельях, жить в монастырях бельцам и т.д.

В соответствии с царским указом стольник Я.П. Никифоров выслал вон из кашинского Николаевского Клобукова монастыря белого дячка, а в Благовещенском Ширинском устроил допрос, пытаясь выявить законность пребывания здесь светских лиц. В результате в последнем оставили лишь одного келейника, предоставившего вкладную запись⁹³. Переписчик М.Ф. Деревнин выслал из Дмитровского монастыря в Кашине семерых человек, однако в Троице-Рябовом монастыре Кашинского уезда, напротив, распорядился оставить «для церковного пения и чтения» двух дячков, «для того, что в том монастыре монахов, умеющих грамоте, никого нет»⁹⁴. Стольник И.В. Кикин при описании тульского Иоанно-Предтеченского монастыря выяснил возраст у каждого из

⁹² Там же, л. 23, 30 об., 31.

⁹³ Там же, ч. 1, д. 57, л. 96, 142.

⁹⁴ Там же, л. 14 об.—15, 295,

келейников. В итоге в монастыре он оставил только престарелых келейников игумена и казначея. Из коломенского Спасо-Преображенского монастыря Кикин выслал белого пономаря и других бельцов, «и те белцы, кроме келейника, высланы все вон в прежние места, где кто жил. И кроме вышеписанных монахов и келейника жителей никого не оставлено»⁹⁵.

Стольник В.И. Кошелев, работая в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, в соответствии с царским указом также требовал высылки оттуда «всех келейников и посторонних лиц, опричь престарелых»⁹⁶. Властям же Спасо-Нуромского монастыря, судя по всему, пришлось объяснять ему причины нахождения здесь белого священника и диакона: «В том их монастыре иеромонаха и еродиакона нет. А служат белой поп Михаило Григорьев да дьякон Василей Ярофеев для того, что прихожаня к тому монастырю — их же монастырские крестьяня разных деревень вместо приходской церкви изстари... И они де, поп Михаило и дьякон Василей, в приходские со всякими потребы ездят и на монастыре свадьбы венчают, и мертвых погребают, и всякие мирские потребы исправляют»⁹⁷. По указу от 9 апреля 1702 г. Кошелев выдавал «ссылным бабкам, и бабам, и девкам» в вологодском Успенском Горнем девичьем монастыре жалованье великого государя⁹⁸, а также в соответствии с именным указом распорядился построить в Вологде на посаде «богадельню нищим вместо старой», получив на это из архиерейской казны 30 руб.⁹⁹

Стольник Я.П. Никифоров, описывая имущество Благовещенского Ширинского монастыря, устроил своего рода расследование, выясняя местонахождение монастырских документов. Привлекли его внимание и приходные и расходные монастырские книги, оказавшиеся «не за рукою и черны». В итоге виновным признали бывшего игумена Иосифа, потратившего часть монастырских денег на личные нужды¹⁰⁰. Приехавший в 1701 г. в Суздаль стольник И.М. Кологривов задолго до официального назначения на должность управляющего суздальскими монастырями (март 1702 г.)¹⁰¹ со ссылкой на именной царский указ запретил куда-либо тратить собранные церковные деньги без разрешения на это Монастырского приказа¹⁰². Примеры подобных «управленческих» действий переписчиков 1701–1703 гг. можно продолжать.

В недавней работе М.И. Давыдов и С.М. Шамин пришли к выводу, что хронологическая граница между описанием земель и началом непосредственного управления ими для стольника Кологривова, назначенного управителем одним из первых, пришлась на март–апрель 1702 г.¹⁰³ Наиболее ранний из выявленных на сегодняшний день документов о назначении стольников в уезды датирован 18 мая 1702 г.¹⁰⁴ В Росписи, составленной 24 июня 1702 г., «в кото-

⁹⁵ *Шамина И.Н.* Коломенская епархия... С. 298.

⁹⁶ *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 82.

⁹⁷ *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря... С. 23.

⁹⁸ Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома... С. 251.

⁹⁹ Там же. С. 262.

¹⁰⁰ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 75 об.–76. См. подробнее: *Шамина И.Н.* О начальном периоде церковной реформы Петра I в Кашинском уезде: деятельность М.Ф. Деревнина, Я.П. Никифорова, П.И. Травина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 5 (в печати).

¹⁰¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 349, л. 22 об.

¹⁰² *Давыдов М.И., Шамин С.М.* Новые известия... С. 324–325.

¹⁰³ Там же. С. 326.

¹⁰⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 3, д. 6291, л. 7.

рых городех по указу великого государя для управления монастырей и архиерейских и монастырских вотчин стольником быть велено», числятся шесть стольников-управленцев¹⁰⁵, а по данным Монастырского приказа к декабрю 1702 г. таких представителей власти в регионах было уже 10 человек: «Василей Дмитриев сын Сабуров на Костроме, в Галиче, на Кинешме; Иван Васильев сын Кикин на Коломне и Коломенской епархии в городех; Василей Романов сын Воейков в Ростове и Ростовской епархии в городех; Иван Миронов сын Кологривов в Суздале и Суздальской епархии в городех; Иван Леонтьев сын Нелидов в Смоленску; Лукьян Никифоров сын Кологривов на Вологде и Вологодской епархии в городех; князь Иван княж Васильев сын Борятинской в Нижнем Новгороде и Нижегородской епархии в городех; князь Иван княж Степанов сын Засекин [в] Рязанской епархии в городех; Петр Иванов сын Травин в Кашине, в Бежецком Верху, на Устюжне Железопольской; стряпчей Лука Богданов сын Каблуков на Москве ведает монастыри: Чудов, Новоспасской, Симанов; в Московском уезде Николаевской Угрешской»¹⁰⁶.

Иногда в действиях приехавших из Монастырского приказа в уезды стольников-переписчиков пересекались и смешивались вопросы описания и управления, и переход от ревизии церковных имуществ к управлению ими происходил постепенно. В тех случаях, когда переписчиком и назначенным в качестве управителя было одно и то же лицо (например, И.В. Кикин, И.М. и Л.Н. Кологривовы), выявить чёткую границу между этими видами деятельности невозможно. В других местах переписчиков-управленцев сменяли те, кому специально поручали «ведать монастыри и вотчины», управлять архиерейским домом и епархиальным хозяйством и т.п.¹⁰⁷ Однако к их приезду отношения власти-подчинения уже были выстроены. Иной вопрос — насколько формировавшаяся на местах система была эффективной. Впрочем, на текущем этапе исследования выводы о работе выстраивавшихся в ходе петровских реформ структур церковного управления в 1701–1702 гг. были бы преждевременны — этот вопрос требует дальнейшего изучения.

¹⁰⁵ Соколова Н.В. Казус стольника Василия Сабурова, или О скрепах Петровской эпохи // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова. М., 2023. С. 427.

¹⁰⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 349, л. 29 об.—30.

¹⁰⁷ В значительной части уездов Российского государства это произошло в течение 1702 г. (Там же, л. 21–26).

Политика территориальной реорганизации церковных приходов в Олонецком крае во второй половине XVIII – начале XIX в.

Евгения Суслова

The policy of territorial reorganization of church parishes
in the Olonets region in the second half of the 18th – early 19th century

Evgenia Suslova

(Petrozavodsk State University, Humanitarian Innovation Park, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24040047, EDN: FGAVBQ

Политика территориальной реорганизации церковных приходов, проводившаяся в Российской империи епархиальными властями в XVIII–XIX вв., до сих пор не являлась предметом специального рассмотрения. Тем не менее, оценивая состояние церковно-приходской системы в том или ином регионе, исследователи затрагивали вопрос о причинах и последствиях изменения размеров приходов и «перекройки» их границ.

Одним из первых факт укрупнения приходов в последней четверти XVIII в. констатировал П.В. Знаменский. Учёный связал это с жёстким контролем архиереев за количеством воздвигаемых храмов и мерами по приведению в соответствие сокращённых в 1778 г. штатов духовенства вновь установленным размерам приходов¹. По мнению исследователя, в результате целенаправленно проводимой политики государству и Церкви удалось улучшить материальное положение низшего духовенства и поддержать благолепие в храмах. Опираясь на документы по Белгородской епархии, Знаменский подметил, что изменение размеров целых групп приходов – укрупнение одних и уменьшение других – нередко становилось следствием приведения в соответствие границ епархий и наместничеств и превращалось в настоящую проблему, требовавшую прямого вмешательства архиереев².

Пересматривая устоявшуюся в историографии точку зрения, согласно которой традиционный приход распался к тому времени, когда Церковь остро в нём нуждалась, стремясь адаптироваться к нуждам современного общества, Г. Фриз сосредоточил внимание на выяснении причин и путей трансформации прихода в центральных епархиях Российской империи в XVIII в. Значимое место в складывании его исторической судьбы историк отвлёл предпринятой Церковью политике реорганизации приходских территорий³. Фриз подчеркнул, что власти ставили благие цели – добиться улучшения материального благосостояния мирского духовенства и поддержать благолепие в храмах, поэтому поощряли епархиальных архиереев использовать предоставленное им право из-

© 2024 г. Е.Д. Суслова

¹ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 275–277.

² Там же. С. 279.

³ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // The Journal of Modern History. Vol. 48. 1976. № 1. P. 32–42; Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.); L., 1977. P. 149–152.

менять размеры приходов⁴. Предпринятые архиереями меры, по его мнению, являлись совершенно новыми для XVIII в., но проводились «бюрократически», т.е. произвольно, порой в принудительном порядке⁵. Их реализация имела разрушительные последствия: исчезло былое тождество прихода и поземельной общины, стали менее отчётливы и вскоре утратились его административные, экономические и культурные функции, усилилась власть архиереев на местах⁶. Улучшив положение клира, заключил Фриз, священноначалие вскоре столкнулось с другой проблемой, которая с конца XVIII столетия стала едва ли не первостепенной, — необходимостью систематического обучения паствы основам веры, что оказывалось трудно осуществимо вследствие огромных размеров приходов⁷.

Историк отнюдь не склонен в качестве первопричины распада традиционного прихода рассматривать политику его территориальной реорганизации. С его точки зрения, это разрушение стало результатом целого комплекса взаимосвязанных явлений, и, прежде всего, «внутренней дезинтеграции», развивавшейся на фоне усиления административного контроля над крестьянством вследствие губернской реформы 1775 г., ускорения миграционных процессов, углубления имущественной и социальной дифференциации внутри прежде цельной общины⁸. Фриз заключил, что приход к концу XVIII в. не исчез: он продолжил существование в качестве религиозной общины, однако утратил свои «внерелигиозные» функции⁹.

Всесторонне изучив размеры, социальный состав и устройство приходских общин Тобольской епархии в XVIII в., Н.Д. Зольникова коснулась вопроса о специфике реализации политики территориальной реорганизации сибирских приходов. Сопоставив общее количество поселений и душ мужского пола в приходах и волостях по спискам за 1780-е гг., исследовательница заключила, что «крестьянская и приходская общины в XVIII в. в пределах Тобольской епархии крайне редко совпадали по территории, очень значительно не совпадали и их центры»¹⁰. Тем не менее это не мешало органам городского и сельского самоуправления принимать активное участие в решении приходских дел, «особенно если затрагивались хозяйственные вопросы, находившиеся в компетенции светских общин»¹¹.

Установив факт увеличения количества церквей в регионе «в несколько раз», Зольникова связала наметившийся рост средних размеров прихода на протяжении столетия с естественным приростом населения, миграционными процессами и интенсивной колонизацией региона¹². С её точки зрения, меры по переводу «селений из прихода в приход... при постоянных мигра-

⁴ Freeze G.L. The Russian Levites... P. 112, 150–151.

⁵ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities... P. 36; Freeze G.L. The Russian Levites... P. 150.

⁶ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities... P. 42; Freeze G.L. The Russian Levites... P. 150–151, 153.

⁷ Freeze G.L. The Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // Studia Slavica Finlandensia. 1990. № 7. P. 113.

⁸ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities... P. 41–42; Freeze G.L. The Russian Levites... P. 153–155.

⁹ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities... P. 34.

¹⁰ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 58.

¹¹ Там же. С. 179.

¹² Там же. С. 178–179.

циях населения» отнюдь «не были редкостью», хотя «по всей епархии» раз-вернулись в 1770—1790-х гг.¹³ По мнению исследовательницы, заботы епископов «об “уравнении” приходов» имели целью не только улучшить содержание мирского духовенства и поддержать благолепие в храмах, но также обеспечить пастве наиболее быстрый и удобный путь к нему, привести в соответствие границы прихода и волости¹⁴. Проанализировав все выявленные ею случаи «уравнивания» приходов, Зольникова подметила, что переделу подвергались главным образом их периферийные районы. В политике территориальной реорганизации сибирских приходов она не усмотрела каких-либо кардинальных мер, приведших к их катастрофической трансформации. Приход продолжал представлять собой «самостоятельный организм с традиционной структурой и функциями»¹⁵. Трансформация сибирских приходских общин была обусловлена «нараставшей» после проведения волостной реформы 1780-х гг. «бюрократизацией сельских общин», когда расширилась «сфера контроля Церкви за приходской жизнью» и у мирян отняли «функции самоуправления, принадлежавшие им по традиции в государстве сословно-представительной монархии»¹⁶.

Обращаясь к истории православия в Иркутской епархии в конце XVII — XVIII в., А.П. Санников рассмотрел, как складывалась система церковных приходов, оценил их размеры и социальную структуру. Он установил, что большинство приходов Прибайкалья к концу XVIII столетия насчитывали до 100—150 дворов (от 10 до 30 поселений, 61%)¹⁷. Формирование приходской системы шло одновременно с внутренней колонизацией территории русскими переселенцами. Границы городских приходов, согласно наблюдениям историка, нередко «далеко» выходили «за рамки» городских поселений, тогда как сельские, объединяя сравнительно небольшое число жителей, охватили значительные пространства с разбросанными на них группами поселений¹⁸. Санников убеждён в том, что архиереи использовали право «изменять границы приходов... и ликвидировать малые», прежде всего, с целью приведения в соответствие их границ и границ мельчайших административно-территориальных образований¹⁹. Сельские приходские общины, количество дворов в которых не соответствовало штатам, пытались отстоять своё право на существование. Они нередко приписывали к своим территориям «различные зимовья, заимки и временные поселения» с целью формального приведения размера прихода в соответствие с законодательной нормой, в то время как архиереи поддерживали мирян в их стремлении иметь церковь и редко проверяли подлинность фиксируемых в прошениях сведений о количестве дворов²⁰. Во многом благодаря совместным усилиям священноначалия, светских властей и мирян

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Там же. С. 179—180.

¹⁷ Санников А.П. Православный приход Прибайкалья и его количественные характеристики в конце XVII — XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 223, 227.

¹⁹ Санников А.П. Первые архиереи Иркутской епархии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2(11). С. 316; Санников А.П. Православный приход Прибайкалья... С. 223.

²⁰ Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII—XVIII веках. Иркутск, 2016. С. 89.

возведение храмов и складывание новых приходов в XVIII в. в Прибайкалье не прекращалось²¹.

Комплексно исследовав устойчивые традиционные микроструктуры на Русском Севере в XVIII в. — волость, приход и крестьянскую общину, — А. В. Камкин полагал, что именно они «в течение длительного исторического периода заселения и освоения региона оформились в самобытные — чисто триединые — сообщества... имевшие многовековые традиции самоорганизации и саморегулирования»²². Проанализировав количественные характеристики приходов региона в конце XVIII в., автор заключил, что при сохранении многовариантности «в пространственной организации северных крестьянских сообществ», на Русском Севере «явно преобладали приходские сообщества с количеством деревень от 4 до 30 (80%) и численностью населения от 300 до 1 500 прихожан обоего пола и всех возрастов (73%)»²³. По мнению историка, «ни один из северорусских архиереев даже не приступал к ломке устоявшихся приходских пределов», несмотря на то что повсеместно и неоднократно церковные власти пытались «стандартизировать приходы»²⁴. Камкин был убеждён, что меры по реорганизации предпринимались только в единичных случаях, главным образом в связи с «подгонкой епархиальных границ под административные»²⁵. Отказ властей «перекраивать» границы приходов на Русском Севере он объяснял тем, что государство, получившее «к концу петровского царствования имперский статус», всемерно учитывало исторические, географические, этносоциальные, этнокультурные и политические особенности региона²⁶. Единство волости, прихода и крестьянской общины, с точки зрения Камкина, сохранялось вплоть до конца XVIII столетия и распалось вследствие реформ государственной волости 1797 и 1837–1843 гг.²⁷ Трансформации подверглась только волость, в то время как приход «продолжал идти по пути дальнейшего развития религиозной жизни», несмотря на существенные ограничения его автономии²⁸.

М. В. Пулькин рассмотрел, когда и каким образом произошёл распад прежде сплочённой приходской общины в Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Сосредоточив внимание на анализе отношений внутри общины, а также между прихожанами и представителями разных уровней власти, исследователь заключил, что государство и Церковь существенно ограничили участие общины в решении важнейших приходских дел, в то время как она сама в условиях участвовавших конфликтов с пастырями, распространения старообрядчества, развивавшейся имущественной и социальной дифференциации в деревне, сложностей с организацией проповеди на карельском языке отстранилась от непосредственного участия в духовной и повседневной

²¹ Там же. С. 91–102.

²² Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 33.

²³ Камкин А. В. Севернорусский сельский приход XVIII века: пространство, населенность, клир // Культура Русского Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1994. С. 94, 97.

²⁴ Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества... С. 24.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 24, 36.

²⁷ Там же. С. 34–35.

²⁸ Камкин А. В. Севернорусский сельский приход... С. 105; Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества... С. 35.

жизни²⁹. Характеризуя церковно-приходскую систему края в конце XVIII столетия, Пулькин ограничился подсчётом средних размеров сельских приходов на территории, вошедшей в 1801 г. в состав Олонецкой губ.³⁰

Ю.Н. Кожевникова и Н.И. Тормосова выявили любопытные факты, свидетельствующие об укрупнении групп приходов и волостей Олонецкого края во второй половине XVIII в. В частности, реконструируя историю обращённых в мирские приходы после секуляризации 1764 г. карельских обитателей, Кожевникова установила, что в 1770–1800 гг. одни монастырские приходы архиереи присоединили к соседним деревенским, другие — укрупнили за счёт расположенных поблизости кустов поселений, ранее входивших в состав мирских приходов³¹. Тормосова проследила этапы и последствия административно-территориальных преобразований для «традиционных волостей» Каргополья, под которыми подразумевала системы поселений, естественно сформировавшиеся в XV–XVI вв. в пределах определённых округов³². Создание в 1785 г. Пудожского уезда в составе вновь образованного Олонецкого наместничества из волостей Каргопольского и Вытегорского уездов впервые обернулось нарушением территориальной целостности традиционной волостной структуры Каргополья: шесть пограничных волостей, располагавшихся от Кенозера до устья р. Моши, оказались искусственно разделены³³. Следующий этап трансформации Тормосова связала с первой реформой государственной волости 1797 г.: совпадавшая с сельской общиной и церковным приходом, традиционная волость была упразднена как «административная единица» и ей на смену пришла «вотчина», «в основном» соответствовавшая существовавшей ранее волости и включавшая не более 3 тыс. человек³⁴.

Таким образом, вопрос о территориальной реорганизации церковных приходов в епархиях Русской Церкви освещается исследователями в контексте осмысления более обширной проблемы — трансформации традиционного прихода, который вплоть до конца XVII в. повсеместно совпадал с волостью и поземельной общиной. Учёные убеждены, что в XVIII столетии наметился распад традиционного прихода, проявившийся в утрате его былого тождества с волостью и общиной, а также во внутреннем расколе общины, «бюрократизации» его повседневной жизни вследствие отстранения мирян от участия в решении приходских дел. Тем не менее в разных частях государства трансформация прихода происходила не одновременно и с разной степенью интенсивности.

Политика территориальной реорганизации приходов реализовывалась духовными властями с учётом конкретных условий и задач, что привело к разным последствиям. В центральной полосе настойчиво проводимые меры по укрупнению приходов содействовали улучшению благосостояния духовенства

²⁹ Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 160, 247, 382–389.

³⁰ Там же. С. 38.

³¹ Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 91–104; Кожевникова Ю.Н. Троицкий Юрьегорский монастырь и Юрьегорский приход // Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь. СПб., 2017. С. 118.

³² Тормосова Н.И. Каргополь: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. С. 7.

³³ Там же. С. 31.

³⁴ Там же. С. 17, 34–35, 41–42.

и поддержанию благолепия в храмах, привели к укреплению власти архиерея на местах и разрушению бывшего тождества прихода и податной общины. В Сибири архиереи использовали своё право изменять границы приходов с целью практической — по возможности привести в соответствие их границы соответствующим административным округам. На Русском Севере территориальная реорганизация приходов, за исключением монастырских и расположенных на границе смежных уездов, не проводилась, что обеспечило сохранение разных по размерам исторически сложившихся религиозных общин.

В настоящей статье излагаются результаты комплексного изучения политики территориальной реорганизации приходов в Карелии в XVIII в. В центре внимания — территория Олонецкого уезда. Задача исследования — выяснить обстоятельства и причины, побудившие епархиальное начальство реализовать предоставленное ему право изменения размеров прихода вплоть до упразднения, определить сущность проведённых мер, время их развёртывания и последствия реализации.

Олонецкий уезд был создан ещё в 1649 г. и объединил 17 Заонежских и семь Лопских погостов (восьмой погост — Ребольский — присоединён к Лопским в начале XVIII столетия)³⁵. Как особая административно-территориальная единица уезд просуществовал в составе Ингерманландской (с 1703 г.), Санкт-Петербургской (с 1710 г.) и Новгородской (с 1727 г.) губерний, затем был преобразован в Олонецкую провинцию (1773), ставшую частью Олонецкого наместничества (1784), и, наконец, Олонецкой губ. (1801)³⁶. С 1764 по 1787 г. приходы Олонецкого края являлись частью обширного Олонецкого и Каргопольского викариатства Новгородской митрополии, включившего «5 городов с 400 церквами» (за исключением двух северных приходов — Ребольского и Вокнаволоцкого, состоявших в ведении епископа Архангельского)³⁷. С образованием Олонецкого наместничества викариатство было упразднено и приходы переданы под юрисдикцию епископа Архангельского и Олонецкого³⁸. С ликвидацией наместничества в 1796 г., вплоть до образования в 1828 г. самостоятельной Олонецкой и Петрозаводской епархии управление церковно-приходской жизнью края оказалось рассредоточено. Приходы Петрозаводского, Олонецкого, Лодейнопольского, Вытегорского, Каргопольского, Повенецкого и Пудожского уездов были включены в 1798 г. в состав Старорусского викариатства Новгородской и Олонецкой епархии, тогда как приходы Кемского уезда остались в Архангельской и Холмогорской епархии³⁹.

Города, за исключением Олонца (заложен в 1649 г.), были учреждены в крае только во второй половине XVIII столетия (Вытегра — 1773 г., Петро-

³⁵ Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 258, 264; Чернякова И.А. Сложные судьбы приграничья: Реболы и ребольцы — начальный период истории (XVI–XVIII вв.) // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границ. Сборник статей. СПб., 1999. С. 182.

³⁶ Чернякова И.А. Карельская периферия и государственное администрирование: от воеводской избы до губернского правления // Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи. СПб., 2021. С. 125.

³⁷ Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 2. XVIII в. Казань, 1913. С. 435–436.

³⁸ Там же. С. 557.

³⁹ Там же. С. 830.

заводск — 1777, Повенец — 1782, Пудож и Лодейное Поле — 1785 г.), поэтому городские приходы в исследовании не рассматриваются⁴⁰.

Характеризуя церковно-приходскую систему в том или ином регионе России, учёные, как правило, ограничиваются подсчётом средних размеров приходов, привлекая сведения исповедных ведомостей за 1760—1790 гг. Выявленные цифры сравниваются с данными экстрактов из духовных ведомостей, самые ранние из которых восходят к концу 1730-х — началу 1740-х гг. В них, в отличие от исповедных ведомостей, зафиксированы несколько другие сведения. В частности, информация о количестве храмов и прихожан обоего пола сгруппирована не по приходам, а в обобщённой форме — по городам и уездам. Учитывая это обстоятельство, исследователи прослеживают изменения в количестве церквей и размерах приходов, исходя из тезиса о том, что одной церкви строго соответствовал один приход, а также практики фиксации в исповедных ведомостях только одной церкви⁴¹. В реальности же в приходе могло стоять несколько храмов и, соответственно, священнослужители подавали порой сразу несколько исповедных ведомостей⁴².

Сложность сопоставления данных первой и второй половины XVIII в. состоит также в том, что границы епархий в ходе административно-территориальных преобразований второй половины столетия изменились. Это затрудняет возможность корректного сравнения сведений указанных источников. Так, не оговаривая факт и особенности перераспределения в 1764 г. территорий четырёх епархий — Коломенской, Рязанской, Ростовской и Суздальской, — Г. Фриз подсчитал среднее количество дворов в приходах, находившихся в их составе, на 1740 и 1783 гг. Подсчёты показали, что хотя общая численность населения между ревизиями 1744 и 1784 гг. в рассматриваемом регионе возросла всего на 26%, среднее количество дворов увеличилось на 52—85%, мирян в них — на 21—38%⁴³. Подчёркивая возможную неточность выявленных данных вследствие губернской реформы 1785 г. и всё же доверяя им, Фриз заключил, что за минувшие годы произошло укрупнение приходов, ставшее результатом их слияния, а также осуществления жёсткого контроля за возведением в новых и в старинных поселениях церквей. В подтверждение автор привёл выявленные в архивных документах случаи реорганизации приходов. Архиереи, по мнению исследователя, упраздняли малые по размерам и, следовательно, экономически нежизнеспособные, присоединяя их территории к соседним, либо перераспределяли дворы между малыми и большими приходами⁴⁴.

Устранение возникающих неточностей в подсчётах применительно к Карелии преодолимо при условии выявления массива данных в границах сопоставимой в широкой хронологической перспективе территории — Олонецкого уезда. Наиболее ранний срез информации о размерах приходов установлен

⁴⁰ *Кораблёв Н.А.* Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XVIII—XX веках // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1(130). С. 14—15.

⁴¹ *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община... С. 184—185; *Freeze G.L.* The Russian Levites... P. 112.

⁴² *Суслова Е.Д.* Традиционное территориальное устройство Андомского прихода Олонецкого уезда в первой половине XVIII столетия // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 106. С. 56.

⁴³ *Freeze G.L.* The Russian Levites... P. 113—114.

⁴⁴ *Ibid.* P. 151—152.

с опорой на переписные книги 1707 г. писцов А.В. Апрелева, А.Ф. Головина и М.Л. Мордвинова. Фиксируя перечни жилых и запустевших дворов по поселениям в рамках погостов — основных административно-территориальных единиц, на которые был разделён уезд, — писцы указали стоявшие на погостах и в расположенных на их периферии волостках храмы и церковный причт.

Второй хронологический срез предоставляют данные «Ведомостей о священно-церковнослужителях и их взрослых сыновьях», составленных земскими капитан-исправниками в мае–апреле 1788 г. секретно, в преддверии военного разбора духовенства. Сведения по отдельным приходам, отсутствующие в источнике, восполнены на основе Экономических примечаний к планам Генерального межевания Олонецкой губ. (в период проведения работ в 1789–1791 гг. — Олонецкого наместничества)⁴⁵. Цифры сведены в таблицу по шести локальным зонам, отличавшимся схожестью природных условий, общностью исторических судеб и этнокультурного развития (табл. 1)⁴⁶.

Таблица 1

**Погостские и выставочные⁴⁷ приходы в Олонецком уезде
(середина 1700-х — конец 1780-х гг.)**

	1707 г.		1788–1791 гг.	
	погостские	выставочные	погостские	выставочные
Прионежье	7	47	7	48
Заонежье	4	16	4	16****
Выгозерье	1	—	1	—
Приладожье	2	14	2*	17
Пудожье	4	13	4**	13
Лопские погосты	8	5	8***	3
Итого	26	95	26	97

Составлено по: Национальный архив Республики Карелия, ф. 2, оп. 61, д. 216; РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 906, 910, 911, 914, 915, 917, 918; *Суслова Е.Д.* Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века: [Научное электронное издание]. Петрозаводск, 2013. С. 225–235 (Приложение 2).

* Олонецкий Рождественский погост не учтён, так как вошёл в черту г. Олонца.

** Пудожский погост получил в 1785 г. статус уездного города.

*** Паданский погост преобразован в 1773 г. в пригород Паданск.

**** Повенецкий рядок получил в 1782 г. статус уездного города и переименован в Повенец.

⁴⁵ *Чернякова И.А.* (Не)известная старая карта как источник о состоянии российско-шведской границы в конце XVIII века // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы. Сборник статей V Киркинесского международного семинара историков. Петрозаводск, 2016. С. 37–38.

⁴⁶ *Чернякова И.А.* Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 34–35.

⁴⁷ Выставочные приходы охватывали территории волосток, расположенных на периферии погостов. В XVII–XVIII вв. выставочные церкви продолжали играть роль филиальных, т.е. находились в зависимости от погостских приходов. Тем не менее вследствие разрушения традиционной погостской системы выставочные приходы постепенно обретали самостоятельный статус. Подробнее см.: *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 44–45, 63–64.

Количество деревенских приходов в Олонецком уезде за более чем восемь десятилетий почти не изменилось: в середине 1700-х гг. их насчитывалось 121, в конце 1780-х гг. — 123. Из вновь появившихся один сложился в курортном поселении Марциальные Воды при церкви Апостола Петра (1721), два других — в Пряже при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Олонецком погосте (1762) и в Вокнаволоке при церкви Илии Пророка в Ребольском погосте (1768)⁴⁸. Ещё три прихода были возобновлены: в Туксе и в Юргилицах (Приладожье, Олонецкий погост) — к началу 1720-х гг., в Кумбосозере (Пудожский край, Пудожский погост) — к середине 1750-х гг. Для сравнения, на сопоставимой территории между составлением переписных книг 1646 и 1678 гг., т.е. всего за 32 года, сложилось сразу 15 новых приходов; в течение следующих 29 лет, к 1707 г. — ещё 10⁴⁹. Как видим, церковно-приходская система Олонецкого уезда на протяжении XVIII столетия отличалась удивительной стабильностью.

По мнению М.В. Пулькина, приходская система Заонежья, т.е. расположенных на северо-западном побережье Онежского озера Кижского, Типиницкого, Толвуйского и Шунгского погостов, «оставалась неизменной», потому что власти стремились сохранить существовавшее соответствие светского административно-территориального деления церковному⁵⁰. Проанализировав 28 дел о возведении церквей в Олонецком викариатстве в 1764–1787 гг., исследователь заключил, что несмотря на установленную систему требований, предъявляемых общинам, желавшим возвести храм, «епископ предпочитал обречь клир на нищету и зависимость от “мужиков”, но не оставить крестьян без богослужения»⁵¹. Позиция епископа в этом вопросе совпадала с мнением Святейшего Синода, так как «участие в богослужении... рассматривалось не только как христианский долг, но и как обязанность верноподданного»⁵². Указывая на заинтересованность властей «в приобщении... всего населения к церковной жизни» и ошибочно констатируя, что к концу XVIII столетия в Олонецкой губ. «в 206 приходах... насчитывалось 412 церквей», исследователь заключил, что дальнейшее «развитие приходской системы сдерживалось» в основном «низкой плотностью населения»⁵³.

Обращение к делопроизводственным документам из канцелярии Олонецкой духовной консистории, хранящимся в Национальном архиве Республики Карелия, убеждает в том, что во второй половине XVIII в. наметилась тенденция к постепенному сокращению церковно-приходской системы. Так, были упразднены пять деревенских приходов: Кумбосозерский (Пудожье, не ранее

⁴⁸ Мошина Т.А. О Марциальноводском приходе и его священнике Стефане Назаретове // Марциальные Воды в истории Карелии и России. Материалы научной конференции (Петрозаводск, 12–13 сентября 2019 г.). Петрозаводск, 2019. С. 98; Пулькин М.В. «Корельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 26.

⁴⁹ Суслова Е.Д. Церковно-приходская система... С. 84–85, 101.

⁵⁰ Пулькин М.В. Приходы Заонежья во второй половине XVIII в. // Рябининские чтения-95. Сборник докладов международной научной конференции по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 1997. С. 279.

⁵¹ Пулькин М.В. Православный приход... С. 37, 41–42.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 38. Обращение к тексту первоисточника — Ведомости 1797 г., составленной в Архангельской духовной консистории, — свидетельствует о допущенной опечатке: на территории Олонецкого викариатства на момент его объединения с Архангельской епархией стоял 241 храм (Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 25, оп. 1, д. 1/1, л. 16).

1754 г. — не позднее 1770 г.), Масельский (Лопские погосты, не ранее 1769 г. — не позднее 1775 г.), Гимольский (Лопские погосты, не позднее 1775 г.), Юштозерский (Лопские погосты, 1781 г.) и Сяргозерский (Прионежье, 1800 г.)⁵⁴. Практика ликвидации приходов не была явлением новым для традиционных локальных сообществ Карелии. В XVI–XVII вв. миряне прибегали к ней в качестве вынужденной, временной меры. Не имея возможности содержать причт и церковь в условиях развивавшегося хозяйственного запустения, общины по собственной инициативе преобразовывали храмы в часовни, однако при малейшей возможности возобновляли служение в церквях⁵⁵. В XVIII столетии государство и Церковь на законодательном уровне жёстко регламентировали размеры приходов, состав духовных штатов, процедуру получения разрешения на возведение храма и отняли у общины право упразднения приходов⁵⁶.

Составить представление о тех проблемах, с которыми столкнулась церковная администрация в Олонецком уезде в середине 1760-х — середине 1770-х гг., позволяют анализ количества дворов и числа мирян в приходах, а также оценка размеров площади, которую последние охватывали. Исповедные ведомости по всем приходам за какой-либо один год не сохранились. Тем не менее комплексный анализ их данных с 1765 по 1777 г., т.е. до введения новых духовных штатов в 1778 г., позволяет охарактеризовать состав большей части приходов: 92 из 127⁵⁷ (73%), (табл. 2).

Таблица 2

**Деревенские приходы Олонецкого края по исповедным ведомостям
1765, 1769, 1770, 1775, 1777 гг.**

	Менее 40 дворов	41–100 дворов	101–200 дворов	Более 200 дворов	Нет данных
Прионежье	12	25	6	4	8
Заонежье	3	5	3	1	8
Выгозерье	—	—	1	—	—
Приладожье	—	2	2	1	14
Пудожье	3	7	4	1	3
Лопские погосты	3	6	2	1	2
Итого	21	45	18	8	35

Составлено по: НА РК, ф. 25, оп. 3, д. 18/327; оп. 11, д. 1/6, л. 1–6; д. 1/10; д. 1/11, л. 1/13, л. 24–31; д. 1/14; д. 1/15; д. 1/16, л. 1–20; д. 1/17; д. 1/18, л. 1–10; д. 2/19; д. 2/20, л. 19–24; д. 2/22; д. 2/23; д. 2/24, л. 1–11; д. 2/25; д. 4/35, л. 1–120; д. 4/38, л. 5–34; д. 4/42, л. 1–29; д. 5/50, л. 31–35; оп. 15, д. 1/7, л. 11–26, 35–46; оп. 18, д. 3/60, д. 6–53; оп. 19, д. 1/2, л. 20–73, 82–87; д. 1/4.

⁵⁴ Пулькин М.В. Православный приход... С. 41; Государственный архив Новгородской области, ф. 480, оп. 1, д. 908, л. 37; НА РК, ф. 25, оп. 11, д. 2/20, л. 19–24; д. 4/35, л. 1–13; оп. 15, д. 97/2079, л. 57–58; оп. 16, д. 10/13.

⁵⁵ Сулова Е.Д. Церковно-приходская система... С. 31, 104.

⁵⁶ Freeze G.L. The Russian Levites... P. 112–113.

⁵⁷ С учётом сведений об упразднённых к концу 1780-х гг. приходах в Кумбосозере (Пудожье), Масельге и Гимолах (Лопские погосты). Сведения о новом приходе в Вокнаволоке (Лопские погосты), открытом в 1768 г., на данном этапе исследования не обнаружены, однако сам приход учтён (в графе «нет данных»).

Львиная доля приходов — 72% (66 из 92) — не соответствовала установленному в 1722 г. и подтверждённому в 1756 г. минимальному размеру в 100 дворов⁵⁸. Около трети из них (21) являлись, с точки зрения законодателя, «малыми», так как включали «от 40 до 10 дворов и менее»⁵⁹. Правительствующий Сенат по прошению Святейшего Синода в 1723 г. разрешил существование подобных приходов, однако обязал архиереев требовать от «обретающихся при тех церквах... в уездах вотчинников», чтобы «они тех церквей служителей содержали в надлежащем довольствии» и не допускали возведения новых храмов при таком малом числе прихожан⁶⁰.

Только каждый пятый-шестой приход (18 из 92, 20%) включал от 100 до 200 дворов и, следовательно, мог иметь штат из священника и двух причетников. Приходы, насчитывавшие от 200 до 300, а также более 300 дворов, составляли около 9% (8 из 92). В их числе — приходы обширных старинных погостов-округов (Вытегорский, Андомский, Шуйский, Паданский, Оштинский, Шунгский), а также некоторые выставочные, сложившиеся в бывших волостях (Туксинский, Кондусский).

Г. Фриз справедливо заключил, что определение размера прихода исходя из условно взятого количества дворов в значительной мере являлось формальным и не учитывало хозяйственных реалий его жизни, так как не отражало ни реального количества мирян (в первую очередь мужчин), ни их социального статуса⁶¹. Опираясь на анализ сведений о 186 приходах Архангельской и Великоустюжской епархий (25% от общего числа), А.В. Камкин установил, что во второй половине XVIII в. здесь преобладали приходы «среднего» размера, численностью от 500 до 1 тыс. человек (69 из 186, 37%) и «малые», количество прихожан в которых не превышало 500 человек (60 из 186, 32%)⁶². «Крупные» приходы с населением от 1 до 2 тыс. человек и более, по мнению исследователя, «встречались» только «в районах относительно плотного заселения» (57 из 186, 31%)⁶³.

В отличие от других регионов Русского Севера, в Олонецком уезде только каждый четвёртый приход имел «средний» размер, т.е. насчитывал от 500 до 1 тыс. человек: 23 из 92 (25%); ещё реже встречались «крупные», включавшие более 1 тыс. человек: 16 из 92 (17%) Преимущественно доминировали «малые», в которых состояло менее 500 мирян (менее 100 дворов): 58 из 92 (58%). Внутри этой группы довольно значимой была доля крошечных приходов из 150 и менее человек (8 из 58, 14%) (табл. 3).

После секуляризации 1764 г. в состав церковно-приходской системы Олонецкого уезда были включены приходы упразднённых монастырей, и количество малых приходов увеличилось в разы. Так, согласно приводимым Ю.Н. Кожевниковой сведениям, статус мирских приходов после закрытия получили 22 обители (все — на территории Заонежских погостов)⁶⁴. Лишь некоторые из них располагали небольшим количеством приходских дворов, в которых про-

⁵⁸ ПСЗ-I. Т. 6. № 4072. С. 756; Т. 14. № 10665. С. 689.

⁵⁹ ПСЗ-I. Т. 14. № 10665. С. 689.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Freeze G.L. The Russian Levites... P. 114.

⁶² Камкин А.В. Севернорусский сельский приход... С. 96.

⁶³ Там же. С. 95–96.

⁶⁴ Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество... С. 86–99, 113, 292–293.

живали ранее трудившиеся на монастырь крестьяне (табл. 4)⁶⁵. Большинство же «монастырских» приходов, отстоя «далеко от мирских поселений», являлись «карликовыми», насчитывая значительно менее 40 дворов, либо вовсе «бесприходными».

Таблица 3

**Деревенские приходы Олонецкого уезда по исповедным ведомостям
1765, 1769, 1770, 1775, 1777 гг.**

Размер прихода	Менее 40 дворов	41–100 дворов	101–200 дворов	Более 200 дворов	Всего
Менее 150 человек	8	—	—	—	8
150–250 человек	10	1	—	—	11
251–500 человек	3	31	—	—	34
501–800 человек	—	10	2	—	12
800–1 000 человек	—	3	8	—	11
1 001–1 200 человек	—	—	7	—	7
1 201–1 300 человек	—	—	1	1	2
1 400–1 700 человек	—	—	—	3	3
2 000–3 100 человек	—	—	—	4	4
Итого	21	45	18	8	92

Составлено по: см. табл. 2. Учтены сведения о мирянах обоего пола и всех возрастов, в том числе «записных» старообрядцах.

Таблица 4

**«Монастырские» приходы Олонецкого уезда
(конец 1760-х — начало 1780-х гг.)**

Приходы упразднённых обителей	Дворы	Прихожане
Кедринской Пятницкой	1	4
Андрусовской Николаевской	3	16
Машезерской Ильинской	15	81
Юрьегорской Троицкой	25	276
Лобановской Петропавловской	32	206
Соломенской Петропавловской	89	574

Составлено по: НА РК, ф. 25, оп. 11, д. 1/18, л. 30, 32–34; оп. 15, д. 1/7, л. 9–10, 27–32; оп. 18, д. 3/60, л. 1; *Кожевникова Ю.Н.* Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск, 2017. С. 167.

Одна из существенных особенностей церковно-приходской системы региона состояла в том, что многие старинные, исторически сложившиеся приходы, как отметил позднее первый епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий (Семёнов), были «весьма размётисты»⁶⁶. В донесении в Святейший Синод он

⁶⁵ Там же. С. 91–92, 101–102.

⁶⁶ Цит. по: *Чернякова И.А.* Проблема карельского языка в политике Церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии. Материалы 2-й международной научной конференции,

уточнял свою характеристику: «Здесь приходы... состоят из весьма многого числа деревень, отстоящих от церкви часто в 15, 25, 40 верстах и более, а сообщения между деревнями трудны по множеству озёр, болот и каменистых гор, отчего прихожане крайне затрудняются ходить... в приходскую церковь»⁶⁷.

Разбросанность поселений по территории прихода была наиболее очевидным фактом для северных Лопских погостов, где «древняя система расселения» обнаруживала «удивительное постоянство» в XVI–XVII вв. и, как подчеркнула И.А. Чернякова, ненамного разрослась в следующем столетии⁶⁸. Изучая поселенческую структуру на севере Карелии, исследовательница уточнила, что здесь поселения складывались вокруг погостов и потому «были не вполне... традиционно с точки зрения северно-русской поселенческой традиции» организованы. Они состояли «из разделённых озёрными заливами и урочищами отдельных крестьянских усадеб, разбросанных на значительных пространствах среди лесов, озёр и болот»⁶⁹. В XVIII в. местная поселенческая структура по-прежнему производила на российских чиновников впечатление раскинутых по округе «волосток», именовавшихся теперь «деревнями», дворы которых находились на значительном расстоянии друг от друга⁷⁰. В указанной части Карелии погосты охватывали огромные по площади территории, достигавшие в некоторых случаях более 10 тыс. кв. км (табл. 5). При этом если в XVII в. из старинных погостов Паданского, Селецкого и Семчезерского выделились по две выставки, то в XVIII в. появилась только одна — в Ребольском погосте.

В отличие от Лопских погостов, Заонежские охватывали сравнительно меньшие по площади территории. К началу XVIII в. здесь сложилась значительно более дробная церковно-приходская система вследствие раннего выделения выставочных приходов из старинных погостских. Так, в Олонецком погосте, площадь которого составляла 7200 кв. км, существовало 17 выставок, в Оштинском (3600 кв. км) — 12, в Важенском (3240 кв. км) — 11, в Кижском (1890 кв. км) — 9, в Мегорском (1890 кв. км) — 6⁷¹.

В целом, к середине XVIII столетия церковно-приходская система Олонецкого уезда отличалась наличием разных групп приходов, кардинально отличавшихся по количеству дворов, числу мирян и занимаемой площади. Доминировали небольшие приходы, насчитывавшие до 500 мирян (от 100 и менее дворов). При этом в середине 1760-х гг. количество приходов, насчитывавших менее 40 дворов, увеличилось. В то же время в отдельных частях уезда продолжали функционировать старинные, раскинувшиеся на сотни вёрст, многолюдные погостские приходы. Они преобладали на северной окраине региона — в Лопских погостах, где формирование церковно-приходской системы, активно развивавшееся в XVII в., в XVIII в. приостановилось. Огромные пространства создавали дополнительные трудности для местных священно-церковнослужителей, так как не позволяли должным образом окормлять паству и осуществлять действенный контроль за духовной жизнью мирян. Подобное обстоятельство не

посвящённой 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 112.

⁶⁷ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 78/906, л. 43–43 об.

⁶⁸ Чернякова И.А. Сегозерье: от Средневековья к Новому времени // Деревня Юккогуба и её округа. Петрозаводск, 2001. С. 46.

⁶⁹ Там же. С. 44.

⁷⁰ Там же. С. 46.

⁷¹ Размеры площадей приведены по: Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 109.

могло не содействовать возрождению интереса к дохристианским верованиям и обрядам, развитию народного православия, укоренению и расширению популярности старообрядчества. Именно в Олонецком крае располагались крупнейшие центры староверов — Выголексинское общежитие, объединившее скиты Поморского согласия, и скиты на большом острове Топозера, в которых собрались представители возникшего в 1737 г. в результате раскола Выговского общежития радикального течения в старообрядчестве — «филипповцы»⁷².

Таблица 5

**Церковно-приходская система Лопских погостов
во второй половине XVIII в.***

	Площадь (кв. км)	Выставки	Погосты	Приходы
Ребольский**	17 194	1	1	2
Панозерский***	12 928	—	1	1
Паданский	6 481	2	1	3
Выгозерский	6 233	—	1	1
Селецкий	5 674	2	1	3
Ругозерский	3 353	—	1	1
Шуезерский	2 554	—	1	1
Шуерецкий	2 440	—	1	1
Семчезерский	2 278	2	1	3
Линдозерский	2 018	—	1	1

Составлено по: РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 897, л. 7—15.

* В Экономических примечаниях к планам Генерального межевания обмер земельных площадей, занятых усадьбами, пашнями, санными покосами, лесом и «неудобьями», произведён по «дачам» — территориальным единицам, которые были выделены по землевладельческому признаку и состояли из жилых (выставок, деревень, починков) и запустевших (пустошей) населённых пунктов. Для подсчёта площадей отдельных погостов привлечены сведения по нескольким «дачам», охватывающим отдельные деревни и части погостов.

** Учтены «дачи» Кемского уезда — «деревня Кимасозеро з деревнями», «деревня Кимосъозеро общего владения государственных черносошных и прежде бывшего Соловецкаго монастыря, а ныне экономического ведомства крестьян» и «Вокнаволоцкая выставка», территории которых до разграничения Повенецкого и Кемского уездов состояли в Ребольском погосте.

*** Учтены «дачи» Кемского уезда — «деревня Корелахша владения государственных черносошных крестьян», «деревня Охта з деревнями».

Регламентация процедуры получения разрешения на возведение храма по указу от 31 октября 1722 г. имела целью предотвратить «небрежение Славе Божией в лишних церквях и множестве попов»⁷³. Красной нитью через все законодательные акты проходит утверждавшаяся государством и Церковью идея создания условий для поддержания благосостояния клира и благолепия в храмах. Так, в указе 1722 г. Святейший Синод поставил архиереев перед необходимостью выяснять, как приход будет «священнослужителей довольствовать, и откуда она церковь ко всегдашнему священнослужению потребная получать будет... и при коликих какого звания приходских дворах быть имеет», и только

⁷² Чернякова И.А. Проблема карельского языка... С. 101—102, 106.

⁷³ ПСЗ-I. Т. 6. № 4122. С. 791.

после этого присылать на заключение⁷⁴. В середине — второй половине столетия требования стали строже. Указом от 9 октября 1742 г. мирянам, выражавшим намерение возвести церковь, следовало обязательно указывать в прошении не только количество дворов в приходе, но и описывать, «без изъятия ль состоят» в приходе «к содержанию священно- и церковнослужителей пашенная земля и сенные покосы». Специально оговаривалось, что храмы «к освящению» должны быть «церковными серебряными сосудами, и алтарными одежды, и священнослужительским облачением, хотя б шелковым, и книгами... церковного круга удовольствованы»⁷⁵.

Хотя с 1726 по 1770 г. епархиальным архиереям предоставили право собственной властью решать вопрос о возобновлении церквей, они обязывались «оное чинить со всякою осторожностью, дабы нигде излишних и без потребы... церквей строению отнюдь не было, опасаясь за то... немалого штрафа»⁷⁶. Указом от 10 декабря 1770 г. на усмотрение Святейшего Синода передавались дела о возведении церквей там, «где не бывало», т.е. об открытии новых приходов, а также о восстановлении храмов, которые «обветшают или сгорят» в деревенских приходах с количеством дворов менее сорока. При этом подчёркивалось, что «если к построению... при малых приходах церквей резонов не усмотрится, в таком случае те приходские дворы приписывать по способности к другим церквам, и впредь церквей уже тут не строить, дабы таковым благоучреждением церкви Божия и духовенство можно было привести в лучшее состояние»⁷⁷. Законодатель недвусмысленно обращал внимание архиереев на совершенно крохотные приходы, предлагая поставить вопрос об упразднении именно их.

К преобразованию таких приходов епархиальных архиереев также подталкивало законодательство о приходских штатах. Согласно определению о штатах 1722 г., число священников должно было соотноситься с количеством дворов: в приходах, насчитывавших 100—150 дворов, полагались один священник и два причетника (дьячок и пономарь); от 200 до 250 дворов — два священника, каждый из которых мог иметь двух причетников; от 250 до 300 дворов — три священника⁷⁸. По прошению Святейшего Синода Правительствующий Сенат в 1723 г. разрешил «малым» приходам («от 40 до 10 дворов и менее») иметь «одного священника с дьячком и пономарём»⁷⁹. Норма была подтверждена указом Правительствующего Сената от 10 декабря 1756 г.⁸⁰ Новое определение о штатах 1778 г., как неоднократно отмечалось в историографии, увеличило количество дворов и сократило число духовенства в приходах. При церквах, насчитывавших до 150—200 дворов, полагалось быть одному священнику; от 250—300 дворов — двум; там, «где при трехстах дворах и выше издревле по три священника было», — трём⁸¹.

Ещё ранее — в указе от 26 февраля 1764 г. — были перечислены конкретные меры по территориальной реорганизации приходов церквей упразднённых мо-

⁷⁴ Там же. С. 791—792.

⁷⁵ Там же. Т. 9. № 8625. С. 669.

⁷⁶ Там же. Т. 7. № 4988. С. 717.

⁷⁷ Там же. Т. 19. № 13541. С. 177.

⁷⁸ Там же. Т. 6. № 4072. С. 756.

⁷⁹ Там же. Т. 14. № 10665. С. 689.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Т. 20. № 14807. С. 753.

настырей, не имевших приходских дворов⁸². Для поддержания благосостояния приписанного к ним духовенства и благолепия в бывших монастырских храмах архиереям предлагалось отвести землю «по пропорции против писцового наказа», оставить «какие за оными монастырями были лавки и харчевни», и, по возможности, расположенные по соседству «приходы большие... убавить, или совсем... к оным упразднённым монастырям приписать»⁸³.

Установленная в 1720–1770-х гг. жёсткая система требований, предъявляемых к прихожанам, которые желали возвести либо восстановить обветшавшую церковь, секуляризация крошечных карельских обителей и пустыней в 1764 г., сокращение штатов духовенства при увеличении количества приходских дворов, последовавшее в 1778 г., поставили на повестку дня вопрос об участии малых приходов Карелии. Первостепенная цель реорганизации, согласно мысли законодателя, должна была состоять в повышении их экономической жизнеспособности⁸⁴. Иные проблемы, связанные с налаживанием системы обучения паствы основам православия, осмысленные как первостепенные в середине 1780-х гг., стали первоочередными только с 1800–1820-х гг.⁸⁵

Итак, перелом в политике высшего священноначалия в отношении приходов, связанный с осмыслением новой миссии Церкви, произошёл только в XIX столетии, что во многом предредило судьбу целой группы малых приходов Олонецкого края.

В 1760–1810-х гг. епархиальные архиереи, как уже упоминалось, упразднили пять деревенских и 11 «монастырских» приходов Олонецкого уезда, приписав их территории к соседним, более крупным. Так, Масельгский приход был причислен к Паданскому, Юштозерский – к Семчезерскому, Гимольский – к Янгозерскому и т.п. Действуя в соответствии с требованиями законодательства, архиереи поставили вопрос об упразднении малых выставочных приходов, которые остались без собственного храма. В частности, приходы в Масельге и Сяргозере упразднили после того, как храмы там сгорели⁸⁶. К середине XVIII столетия пришли в совершенную ветхость храмы в Кумбосозере, Юштозере и в Гимолах⁸⁷.

Как установила Ю.Н. Кожевникова, приход упразднённой Габановой пустыни был причислен к Обжанскому приходу (до 1770 г.), Андрусовской Николаевской пустыни – к Ильинскому Олонецкому приходу (1775), Вашеостровской Спасской – к Кондопожскому (1788), Паданской Корнилиевой – к Веницкому (1791), и др.⁸⁸ Причины присоединения «монастырских» приходов к соседним деревенским состояли не только в бедственном положении клира вследствие слишком медленного распределения земель священно-церковнослужителям, но также в обветшании и даже утрате монастырских церквей и построек⁸⁹. Упразднение целой группы монастырских приходов в конце XVIII – начале

⁸² Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество... С. 91.

⁸³ ПСЗ-И. Т. 16. № 12060. С. 558.

⁸⁴ Freeze G.L. The Russian Levites... Р. 151; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община... С. 120.

⁸⁵ Freeze G.L. The Rechristianization of Russia... Р. 105, 107; Чернякова И.А. Проблема карельского языка... С. 101.

⁸⁶ Чернякова И.А. Сегозерье... С. 52; Пулькин М.В. Православный приход... С. 41; НА РК, ф. 2, оп. 61, д. 216, л. 36 об.

⁸⁷ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 24/604, л. 70; д. 38/886, л. 260 об.; д. 97/2079, л. 58.

⁸⁸ Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество... С. 82, 99, 113.

⁸⁹ Там же. С. 91.

XIX в., по мнению Кожевниковой, спровоцировал указ Павла I от 11 января 1798 г., в соответствие с которым обработка земельных участков возлагалась исключительно на мирян, в то время как белому духовенству заниматься сельскохозяйственными работами запрещалось. Отсутствие крестьян и денег для найма батраков поставило причты «буквально на грань вымирания»⁹⁰.

В отдельных случаях, не желая упразднить монастырские приходы, архиереи пошли на укрупнение их территорий посредством присоединения групп поселений, расположенных в смежных приходах. Кожевникова установила, что такие монастырские приходы как Спасо-Маткозерский и Юрьегорский в Пудожье, Брусненский, Машезерский и Вознесенский в Прионежье были реорганизованы именно таким образом⁹¹. Однако подобные меры оказались мало продуманными. Так, в 1793 г. к приходу упразднённого Юрьегорского монастыря были причислены четыре поморские деревни Выгозерского прихода, которые «находились слишком далеко к северу... удобные дороги к ним отсутствовали»⁹². Удалённость поселений от церкви, их близость к Выголексинскому обществу, явное сочувствие жителей староверию поставили вопрос о должном духовном кормлении паствы. К приходу Спасо-Маткозерской пустыни были вовсе причислены староверческие скиты в верховьях и среднем течении Андомы, насельников коих обязали «обрабатывать землю в пользу причта»⁹³.

В результате укрупнения монастырских и упразднения малых деревенских приходов впервые начался инициированный «сверху» и охвативший несколько десятилетий процесс уточнения границ многих старинных приходов, в том числе Шуйского и связанных с ним выставочных в Деревянном, Кондопоге и Виданах, Оштинского, Важенского, Линдозерского, Семчезерского⁹⁴. В отдельных случаях малым выставочным приходам всё же удалось добиться разрешения на возобновление храма. Так, например, были перестроены храмы в Отоозере (1772) и Челмужах (1778), хотя число дворов в них не превышало сорока⁹⁵. Взяв на себя обязательства по обеспечению клира, крестьяне в последующем тянули с исполнением обещанного, что вызывало постоянные многочисленные нарекания со стороны архиерея⁹⁶.

Ликвидация даже небольшого количества деревенских приходов пагубно сказалась на духовной жизни паствы. В северной Карелии церковно-приходская система, развитие которой не завершилось к началу XVIII в., сократилась, в то время как численность населения, напротив, увеличилась. Так, согласно подсчётам Черняковой, население Ребольского погоста с 1670-х по 1830-е гг. возросло почти вдвое (с 918 до 1654 человек)⁹⁷. В Паданском погосте количество дворов «после преодоления упадка рубежа XVII–XVIII веков» (168 жилых и 146 пустых) к началу 1760-х гг. выросло «более чем на 50%» (351 жилой)⁹⁸.

⁹⁰ Там же. С. 92.

⁹¹ Там же. С. 95.

⁹² Кожевникова Ю.Н. Троицкий Юрьегорский... С. 116–118.

⁹³ Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество... С. 96.

⁹⁴ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1/1, л. 86 об.; оп. 15, д. 3/68, л. 2 об.; д. 97/2079, л. 55–59 об., 61–62; оп. 17, д. 1/4, л. 2–5.

⁹⁵ Там же, ф. 25, оп. 15, д. 24/604, л. 38; д. 38/886, л. 279.

⁹⁶ Там же, оп. 1, д. 1/1, л. 85.

⁹⁷ Чернякова И.А. Сложные судьбы приграничья... С. 193.

⁹⁸ Чернякова И.А. Сегозерье... С. 54, 55–56.

В Панозерском погосте количество дворов между 1707 (78 жилых и 50 пустых) и 1795 г. (311 жилых) также значительно увеличилось⁹⁹.

Разрастание значительных по площади старинных приходов Семчезерского и Паданского погостов привело к тому, что на плечи местных клириков легли дополнительные заботы, ослаб и без того недостаточный контроль за духовной жизнью крестьян. Открытие на периферии погостов новых приходов допускалось исключительно по инициативе мирян, если они брали на себя все обязательства по обеспечению причта и содержанию храма¹⁰⁰. Однако периферийные районы таких «размётистых» приходов превращались в места притяжения маргинальных приходских групп и тех, кто разделял либо сочувствовал идеям староверов и не собирался подавать подобные прошения. Ослабление архиерейского контроля создало благоприятную почву для возрождения здесь дохристианских обрядов и обычаев, распространения идей староверия, сосредоточению духовной жизни мирян в часовенных приходах. При этом предпринятые меры кардинально не решили проблемы материального обеспечения клира, напротив, упразднение «монастырских» приходов обернулось плачевными последствиями. Согласно приводимым Кожевниковой сведениям, многие монастырские храмы оказались в небрежении, священники с трудом справлялись с обязательствами по отправлению богослужений и совершению треб в приписных церквях. Из-за утраты церковных зданий многие обители в XIX столетии оказалось невозможно возобновить¹⁰¹.

Точечный характер мер и отказ от системной перекройки территорий приходских округов в пользу простого присоединения упразднённых приходов к соседним, экономически более жизнеспособным, либо укрупнения малых приходов за счёт расположенных на периферии отдельных групп поселений свидетельствует, с одной стороны, о явном нежелании архиереев разрушать исторически сложившуюся в регионе церковно-приходскую систему. С другой стороны, предпринятые меры отличались непоследовательностью и непродуманностью. Во многом это объяснялось тем, что иерархи слабо контролировали периферийную территорию и были плохо осведомлены о реальном положении дел. Проследивая многочисленные изменения в церковно-административном подчинении приходов Олонецкого края, И.М. Покровский констатировал, что «обширный северо-западный край вокруг Онежского озера и почти всего Ладожского озера, от р. Онеги до истоков Кеми с озёрами» на протяжении XVIII столетия фактически «оставался без самостоятельного архиерея»¹⁰². С его точки зрения, «образованию постоянной самостоятельной Олонецкой епархии», помимо материальных и административных соображений, «по-прежнему мешали сильные новгородские владыки»¹⁰³. Однако даже за 23 года существования Олонецкого и Каргопольского викариатства (1764–1787) контроль над паствой оставался поверхностным. Как отметила Кожевникова, введённый Петром I принцип постепенного восхождения по церковной иерархической лестнице и должностного продвижения иерархов по рангам епархий обернулся

⁹⁹ Чернякова И.А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 41.

¹⁰⁰ ПСЗ-I. Т. 14. № 10665. С. 690.

¹⁰¹ Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество... С. 104.

¹⁰² Покровский И.М. Указ. соч. С. 831.

¹⁰³ Там же.

печальными последствиями: шесть владык сменили друг друга на должности викарного епископа, не успев вникнуть в суть давно назревших проблем¹⁰⁴.

Высшее священноначалие и светские власти осознали факт широкого распространения в крае идей старообрядчества, развития обрядовой практики, не соответствовавшей церковным канонам, и обмирщения паствы в 1800–1820 гг.¹⁰⁵ На существование «проблемных» периферийных зон стали докладывать начальству местные клирики и уездные духовные правления. Так, осенью 1800 г. Вытегорское духовное правление донесло, что в его «ведомстве... в Андоморецких жилищах в разных селениях имеются раскольники, коих мужеска пола душ сот до трёх, и не числятся ни в каком приходе»¹⁰⁶. Два десятилетия спустя, в 1819 г., священники Паданского прихода Никифор Ефимов и Максим Петров в прошении, поданном на имя епископа Старорусского Амвросия, сообщали, что крестьяне трёх отдалённых деревень — Остречья, Шаравары и Чебинской — «никому духовенством не предназначены»¹⁰⁷. В ходе следствия открылось, что «сверх сих деревень» не состояли «ни в каком приходе» миряне, проживавшие «около Повенца города в Боровской, Кодозерской и Верховской третях и деревне Лумбуши», всего «766 душ мужеска пола»¹⁰⁸. Более того, обнаружилось, что жители этих селений, когда «раждаются у них дети... молитвословят и крестят... их сами, совершая сии обряды из среди самих себя» в имеющихся в тех селениях часовнях, а «женятся и венчаются у разных священников, потому и остаются без всякаго внесения в метрические книги»¹⁰⁹. При этом крестьяне деревень Шаравары и Чебиной прямо указывали, что «у них по старообрядству, ни у отцов и дедов их издревле священников не бывало»¹¹⁰.

Осознавая пагубные последствия предпринятых мер, епархиальные власти приступили к выработке иных способов поддержания благосостояния духовенства в малых по размерам приходах. Стала первостепенно значимой задача организации духовной миссии, которая едва ли была совместима с политикой упразднения приходов и вряд ли могла принести успех без реорганизации «размёстистых» приходов. Вопрос о поддержании каноничной православной веры среди населения, значимое влияние на духовную жизнь которого оказывали функционировавшие здесь крупнейшие центры старообрядчества, стал ключевым в политике Церкви. Начиная с середины 1810-х гг., ни один приход в Олонецком крае больше не был упразднён.

Таким образом, комплексное изучение исповедных ведомостей и делопроизводственной документации из канцелярии Олонецкой духовной консистории позволяет утверждать, что целая группа церковных приходов Олонецкого уезда подверглась реорганизации во второй половине XVIII — начале XIX в. Несмотря на то что подавляющее большинство исторически сложившихся в регионе приходов в середине 1760-х — середине 1770-х гг. не соответствовали установленному законодателем минимальному размеру в 100 дворов, местные архиереи не приступали к реорганизации малых приходов вплоть до середины 1760-х гг. Именно секуляризация крошечных карельских обителей 1764 г.

¹⁰⁴ Кожеевникова Ю.Н. Монастыри и монашество... С. 26, 34.

¹⁰⁵ Чернякова И.А. Проблема карельского языка... С. 101.

¹⁰⁶ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 9/82, л. 1–1 об.

¹⁰⁷ Там же, д. 28/39, л. 2.

¹⁰⁸ Там же, л. 5.

¹⁰⁹ Там же, л. 11–11 об.

¹¹⁰ Там же, л. 7–9.

спровоцировала целую серию мер, которые с конца 1760-х — 1770-х гг. были предприняты архиереями под давлением обстоятельств. Дело в том, что к этому времени в церковной жизни региона назрело множество проблем, остававшихся нерешёнными. В силу незавершённости процесса складывания церковно-приходской системы на протяжении XVIII столетия в регионе существовали разновеликие по числу дворов и поселений приходы. Поводы для беспокойства создавали неустойчивые в экономическом отношении «малые» приходы (72%), из которых к концу 1760-х гг. треть являлась «карликовыми» (менее 40 дворов), и небольшая прослойка раскинувшихся на сотни километров «размётистых», трудно управляемых приходов погостов-округов (более 200 дворов, 9%).

Секуляризация в 1764 г. карельских обитателей, многие из которых не имели земельного фонда и крестьян, поставила «монастырские» приходы к концу 1790-х гг. на грань вымирания. Стремясь первоначально решить эту проблему, архиереи впервые воспользовались предоставленным им правом их реорганизации. Наряду с 11 «монастырскими» были упразднены и 5 мирских «карликовых» приходов. Часть «монастырских» приходов укрупнили за счёт кустов поселений смежных мирских приходов. В целом, меры носили точечный, непоследовательный характер.

Тем не менее их последствия вряд ли следует однозначно оценивать в негативном ключе. С одной стороны, архиереям удалось временно поправить благосостояние духовенства, был дан толчок серии начатых в 1790-х гг. практически значимых мер по уточнению границ как «размётистых», так и «малых» приходов с учётом интересов проживавших в них мирян. С другой стороны, поправить молитвенные здания и добиться кардинального улучшения материального положения духовенства не получилось. Более того, жёсткий контроль за возведением церквей на протяжении всего XVIII столетия, также как закрытие ряда приходов в северной Карелии, привели к необратимым последствиям для дальнейших судеб Русской Церкви в регионе. На протяжении трёх поколений и более жизнь мирян сконцентрировалась вокруг часовенных приходов, пробудился интерес к древним языческим верованиям и связанным с ним обрядам, расширилось влияние староверия. В следующем столетии именно этот, совершенно новый комплекс проблем, встал на повестку дня перед церковными иерархами.

А.Л. Беглов.

Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник и руководитель направления по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории РАН Алексей Львович Беглов хорошо известен как знаток едва ли не самых запутанных, противоречивых и закрытых для посторонних глаз явлений церковной жизни. 20 лет назад он защитил в Институте российской истории РАН кандидатскую диссертацию, в которой рассмотрел и проанализировал «церковное подполье в СССР». Через несколько лет её текст стал основой для монографии¹. Казалось бы, уже невозможно найти нечто, столь же неформальное и не формализуемое, ускользающее от любого определения и систематизации. Однако, как выяснилось, нет ничего более непроницаемого и обманчивого в своей простоте и доступности, чем то, что находится у всех на виду. Православный приход Российской империи, на первый взгляд, представлял собой полную противоположность подпольным общинам верующих советского времени. Вписанный в строгую иерархическую систему, находящийся под неусыпным контролем вышестоящих инстанций, внешне он выглядел даже слишком зарегулированным, «бюрократизированным» и чуть ли не безжизненным. На деле же за этим скрывались сложные личные, межсословные и внутрикорпоративные отношения, зависимость от власти, доходившая до униженности, и одновременно — упорное, подспудное сопротивление давлению с её стороны, теневая экономика и многое другое, не говоря уже о том, что именно там совершались непостижимые Таинства Церкви.

В разное время приход испытал на себе едва ли не все увлечения, пережитые государством и обществом — веру в чудодейственную силу «регулярства», в благие плоды принуждения к просвещению, в способность самоуправления оживлять омертвевшее, в миражи соборного представительства, в спасительность сочинённых канонистами конституций, в революционное творчество масс и проч. Он пережил реформы и революции, мучеников и конформистов, разгром и возрождение, оставаясь чем-то несомненно существующим, несущем бремя повседневности и одновременно — эфемерным, аморфным и изменчивым, и уже потому загадочным.

Проведённое Бегловым глубокое и обстоятельное исследование реалий приходского устройства и не прекращавшихся на протяжении нескольких столетий попыток его организации, преобразования и «оживления»² не могло не заинтересовать тех, кто изучает судьбы империи и Церкви в России. В обсуждении книги приняли участие доктор наук, профессора Ф.А. Гайда, А.В. Мангилёва, А.Ю. Полунов и Г.Л. Фриз, а также кандидат исторических наук Ф.И. Мелентьев.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

¹ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

² Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М.: Индрик, 2021. 1048 с., ил.

Александр Полунов: Православный приход как зеркало пореформенной России

*Alexander Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
The Orthodox parish as a mirror of post-Reform Russia*

DOI: 10.31857/S2949124X24040058, EDN: FFXECE

Фундаментальная и чрезвычайно масштабная как по объёму, так и по охвату рассматриваемых проблем, количеству и разнообразию привлечённых и впервые вводимых в научный оборот источников³, монография А.Л. Беглова относится к числу работ, без которых невозможно полноценное осмысление истории Русской Церкви синодального периода. Центральная тема книги — устройство прихода — связана с «сердцевиной» церковной жизни и многими её ключевыми аспектами, включая взаимоотношения клира и мирян, организацию духовного сословия, его материальное обеспечение, обучение и пастырскую деятельность, систему епархиального управления и финансов. Вся эта проблематика так или иначе затрагивается исследователем.

Касаясь историографии рассматриваемой темы, Беглов справедливо отмечает, что, несмотря на очевидное значение приходов для Церкви, их положение изучено далеко не в полной мере. Отечественные авторы конца XIX — начала XX в. описывали его почти исключительно при характеристике православного духовенства. В СССР данные сюжеты практически вовсе перестали освещать, а на Западе интерес к ним возродился лишь в 1970-е гг., опять же в русле популярных тогда идей «социальной истории» и изучения истории клира как части российского общества⁴. В 1980–2010-х гг. под влиянием культурно-антропологических подходов учёные обращались прежде всего к анализу повседневных практик и «человеческого измерения» приходского быта, а также особенностей восприятия тех или иных явлений и процессов религиозного характера⁵. В значительно меньшей степени рассматривались специфика структур, обеспечивавших взаимодействие паствы и пастырей, усилия властей по реформированию соответствующих институтов и возникавшие в связи с этим споры в обществе, т.е. именно то, чему вполне обоснованно уделяет особое внимание Беглов.

Пытаясь приспособить церковные общины к меняющимся и весьма противоречивым требованиям времени, государство непосредственно вмешивалось в отношения клира и прихожан и постепенно ограничивало приходскую автономию. В монографии показано, что подобные процессы наблюдались уже во второй половине XVII в. и были очевидным симптомом утверждения абсолютистских порядков. В рамках «регулярного государства» Петра I и его преемников огосударствление прихода получило дальнейшее развитие, став частью

³ Среди них — материалы, отложившиеся в ходе обсуждения реформы приходских попечительств 1890 г., делопроизводственные документы Святейшего Синода и его комиссий, занимавшихся разработкой приходского устава, проекты депутатов Государственной думы.

⁴ Классическими в этом отношении стали труды Г. Фриза: *Freeze G. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge (Mass.), 1977; *Freeze G. Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, 1983.

⁵ См., в частности: *Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of the Revolution*. Oxford, 2004 (русский перевод: *Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г.* СПб., 2010); *Orthodox Christianity in Imperial Russia. A Source Book on Lived Religion* / Ed. by H.J. Coleman. Bloomington, 2014.

комплекса церковных реформ (введение штатов духовенства, обременение его целым рядом светских бюрократических обязанностей и т.д.). Как известно, это способствовало превращению священнослужителей в замкнутое сословие, что впоследствии чрезвычайно осложняло развитие приходской жизни. Беглов видит в сословной замкнутости клира результат целенаправленной деятельности властей. Однако оно скорее стало побочным следствием окончательного оформления дворянских привилегий и жёсткого определения статуса податных сословий.

Прямым продолжением политики XVIII в. явилась реформа 1808 г., окончательно превратившая приход из самоуправляющегося сообщества в административно-территориальную и фискальную единицу. Делалось это с благой целью — обеспечить за счёт местных средств материальную базу для создававшихся по единому образцу духовно-учебных заведений. В итоге же изъятие значительных сумм не только лишило приходы самостоятельности, но и привело во многих случаях к их обнищанию. Старосты из выборных представителей мирян фактически превратились в агентов правительства. Попытки спасти хотя бы часть доходов вели к злоупотреблениям, появлению «чёрных касс» и «теневой экономики», а это, разумеется, вносило деморализацию в приходскую жизнь. В таком состоянии её застала эпоха Великих реформ 1860–1870-х гг., когда в общественных и правительственных кругах заговорили о необходимости оживления деятельности Церкви, немыслимого без возвращения самостоятельности общинам верующих и совместной работы клира и прихожан.

Драматическая история неудачных попыток церковных преобразований во второй половине XIX — начале XX в. занимает значительную часть книги Беглова (с. 102–342) и показывает, насколько сложно было, даже при наличии ясно выраженной воли государства, священства и общества, изменить ситуацию, складывавшуюся на протяжении двух столетий. Ещё на заре Великих реформ, 25 ноября 1857 г., митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) отметил: «Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления»⁶.

Беглов последовательно описывает основные этапы длительного обсуждения проблем прихода, протекавшего в условиях широкой гласности, начиная с заседаний Особого присутствия по делам православного духовенства в 1862–1885 гг., и реализации предложенных реформаторами мер, таких как введение приходских попечительств и отмена сословной замкнутости священнослужителей. В монографии освещено укрупнение приходов, осуществлявшееся с конца 1860-х до конца 1870-х гг., говорится о новой редакции инструкции церковным старостам, подготовленной К.П. Победоносцевым в 1890 г., анализируется синодальное определение о создании приходских советов в 1905 г., излагаются взгляды, высказанные в том же году в отзывах епархиальных архиереев, звучавшие в Предсоборном присутствии, в Синоде и, наконец, в Государственной думе. Однако всё это ни к чему не привело вплоть до конца существования Российской империи.

Разумеется, в истории пореформенной России были и другие примеры неудавшегося реформаторства. В данном же случае исход во многом предопределило особо острое, по сути непримиримое противостояние разных сил, так

⁶ Письма митрополита Филарета к преосвященному Иннокентию Камчатскому (1856–1864) // Русский архив. 1881. Кн. II. Ч. 1. С. 28.

или иначе заинтересованных в приходских делах — государства, мирян и духовенства (как иерархов, так и рядовых клириков). Испытывавшие хроническую нужду священнослужители, учитывая фактическое огосударствление приходов, добивались назначения им государственного жалования, которое в материальном отношении уравнило бы их с чиновниками. Однако в правительстве считали, что такие расходы будут непосильны для казны, и к тому же полная бюрократизация клира лишь отдалит его от паствы и снизит заинтересованность пастырей в исполнении своих обязанностей.

Публицисты, особенно славянофильского толка, настаивали на выборности духовенства прихожанами, что должно было само собой привести к укреплению доверия между ними. Священники в массе своей с этим не соглашались. В либеральной, а иногда и в славянофильской печати их позицию осуждали как проявление некой косности и сословного эгоизма. Между тем, выступая против выборности клира, они отстаивали канонические правила Церкви и стремились сохранить такое важное и дорого стоившее достижение синодальной эпохи, как наличие у иереев систематического духовного образования.

В итоге столкновение этих подходов открыто проявилось в 1917 г. Для массы мирян падение монархии и провозглашение новых, демократических принципов управления послужило сигналом к так называемой приходской революции, в ходе которой прихожане явочным порядком захватывали церковное имущество, отказывались уплачивать епархиальные взносы, отстраняли и выбирали причт. Против этого протестовали даже органы, создававшиеся на основе свободного волеизъявления верующих — Всероссийский съезд духовенства и мирян, Предсоборный совет, а затем и Поместный собор. Бесконечные споры, как ни парадоксально, оборвала антирелигиозная политика большевиков, заставившая клир и мирян сплотиться для защиты прав и самого существования Церкви. Однако их консолидация оказалась во многом запоздалой и бессильной перед лицом репрессий и физических расправ.

Тем не менее вплоть до 1918 г. дискуссии об устройстве прихода были, помимо прочего, своеобразным зеркалом, в котором отражались такие явления и тенденции социокультурного развития страны, как модернизация, урбанизация, рост численности и мобильности населения. На страницах книги представлены результаты деятельности приходских попечительств и демонтажа сословной замкнутости духовенства, реконструируется система финансовых сборов с церковью и раскрываются механизмы их повседневного функционирования. В монографии также «оживают» почти забытые, но чрезвычайно интересные фигуры таких высокопоставленных бюрократов и публицистов, как, например, сторонник восстановления «древнерусского строя приходской жизни» А.А. Папков. Споры о прошлом и будущем прихода вписаны автором в интеллектуальный контекст начала XX в., когда научная разработка исторических сюжетов в трудах М.М. Богословского и С.В. Юшкова влияла на трактовку современных проблем.

В целом, работа Беглова даёт важный материал для размышлений о роли и значении религиозных исканий в эпоху модерна, о соотношении секулярного и сакрального в обществе Нового времени, о применимости к нему концепции секуляризма, понятий «постсекулярное», «десекуляризация» и т.п.⁷ Возможно,

⁷ Подробнее см.: *Кыржелев А.* Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3(82); *Агаджанян А.* «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и не-

обращение к данной проблематике обогатило бы исследование. Заметно выиграло бы оно и от более широкого привлечения воспоминаний приходских священников и посвящённых им некрологов (многие из них указаны в справочнике «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского). Целый ряд наблюдений и выводов, сделанных в монографии, получил бы дополнительное обоснование при опоре на данные материалы.

Впрочем, нет сомнения в том, что монография А.Л. Беглова является зрелым самостоятельным исследованием, без обращения к которому не обойдётся ни один учёный, изучающий историю пореформенной России и Русской Церкви синодального периода.

Анна Мангилёва: В замкнутом круге бюрократизации и реформ приходской жизни

*Anna Mangileva (Yekaterinburg Theological Seminary, Russia):
In the vicious circle of bureaucratization and reform of parish life*

DOI: 10.31857/S2949124X24040067, EDN: FFWLGV

Хронологические рамки исследования А.Л. Беглова гораздо шире указанных в названии книги. Говоря об эволюции приходских структур, автор рассматривает весь синодальный период, а не только происходившее «на закате Российской империи». Опираясь на обширную историографию последних десятилетий, он отмечает: «В начале XVIII в. мы можем увидеть, как церковные и государственные интересы расходятся. Борьба с расколом продолжала быть общей задачей для империи и Церкви, но государственная политика в отношении духовного сословия показывала, что со времени Петра I империя стала смотреть на Церковь и её институты с позиций собственных, часто узко понятых интересов» (с. 58). Это и явилось истоком тех проблем, которые возникали затем в приходской жизни.

Беглов справедливо указывает на то, что историки и сегодня обычно сосредоточены на анализе положения духовенства, тогда как приход зачастую рассматривается ими как фон, на котором протекали интересующие их процессы. Между тем превращение служителей Церкви в замкнутое сословие заметно отразилось на приходской жизни, поскольку государство фактически возложило на прихожан обязанность обслуживать сословные интересы пастырей. Написано об этом немало, но исследователи, как правило, видят тут только причину недостаточного финансирования семинарий и академий, игнорируя иные последствия подобного изъятия средств верующих, предназначавшихся на нужды храмов и причта.

При этом формирование духовного сословия сопровождалось обюрократчиванием. Составление и выдача метрик практически полностью легли на его плечи. С течением времени количество форм делопроизводства на приходе только возрастало, несмотря на происходившую секуляризацию сознания и образа жизни модернизирующегося общества. Сами священнослужители всё

зыблемость секулярного Модерна (теоретическое эссе) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1(30); Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1.

чаще выступали против принудительного участия неверующих, по сути, людей в церковных Таинствах⁸. Формализация проникала даже в такие структуры, как приходские попечительства, создававшиеся в пореформенное время. Любые попытки разорвать этот замкнутый круг бюрократизации и реформ терпели неудачу, и к тому моменту, когда «“приходской вопрос” стал вопросом политическим» (с. 6), кризис прихода приобрёл практически неразрешимый в тех условиях характер. «История приходской реформы в межреволюционный период, — констатировал Беглов, — ещё один пример кризиса имперской государственной машины в целом и синодальной системы государственно-церковных отношений в частности. Ни та, ни другая не оказались способны хоть в каком-то виде провести реформу, необходимость которой была признана и императором, и бюрократией, и обществом» (с. 812).

Как показано в книге, некоторые священники, понимая суть и остроту проблемы, старались хотя бы в собственных храмах оживить отношения с паствой, привлекая её своим вниманием, проповедью и служением (с. 324–341). Конечно, их разрозненные усилия не могли по существу исправить общую ситуацию в стране, но они, по крайней мере, делали её менее безнадёжной. Мало что меняло и устройство церковно-приходских школ, библиотек, обществ трезвости и т.п. Характерно, что автор отказался рассматривать их деятельность в монографии, особо оговорив это в предисловии (с. 7).

Основное внимание Беглов уделяет дискуссиям о судьбе и организации прихода. Изучив огромный массив документов, он скрупулёзно анализирует как предложения и проекты, поступавшие в различные инстанции, так и реально существовавшие примеры приходского устройства и идеальные модели, созданные участниками полемики на основании исторических изысканий. Всё это помогает понять, как формировались решения, закреплённые на Поместном соборе 1917–1918 гг., а иногда меняет их оценку. Так, раскрываются истоки достаточно неоднозначного соборного определения «О правовом положении Православной Российской Церкви», принятого 2 декабря 1917 г. и предусматривавшего наделение «служащих в учреждениях церковных» правами «государственной службы», а также получение Церковью из государственного казначейства «ежегодных ассигнований в пределах её потребностей»⁹. В условиях отделения Церкви от государства (чего добивались и церковные деятели) такие требования звучали нелогично, но участники собора, по-видимому, этого не ощущали, поскольку продолжали рассуждать в рамках ушедшей синодальной системы. К тому же они даже не пытались опереться на приходы, осознавая разлад между духовенством и прихожанами. Развернувшаяся в 1917 г. «приходская революция» заставляла Церковь привычно ожидать помощи от правительства. В результате, и приходской устав, одобренный собором, оказался достаточно консервативным по сравнению с теми идеями, которые звучали в ходе его подготовки. Беглов пишет о том, как под влиянием «приходской революции» и начавшейся борьбы советской власти с Церковью прежние подходы пришлось пересматривать и значительно корректировать. В целом же XX в. в истории Русской Православной Церкви прошёл в том числе и в поисках приемлемой формулы организации приходов.

⁸ Подробнее см.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 194–264.

⁹ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 2. М., 1918. Приложение к «деяниям» второе. С. 6–8.

Труды, вышедшие в серии «Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период» под научной редакцией протоиерея Николая Балашова, стали заметным явлением в отечественной историографии и внесли существенный вклад в изучение литургической жизни, епархиальных реформ, суда и миссионерской деятельности Русской Церкви рубежа XIX–XX вв.¹¹ Пополнившая их ряд монография А.Л. Беглова, в основе которой лежит его докторская диссертация, освещает историю православного прихода¹². Её открывает пространный экскурс, охватывающий период от Древней Руси до начала XX в. (с. 36–342). На его фоне дискуссии, происходившие собственно «на закате» империи, оказываются лишь вершиной айсберга. Столь подробное рассмотрение трансформации древнерусского прихода и приходских преобразований эпохи Великих реформ связано с тем, что идеализированные представления о допетровских порядках, сформулированные историками и публицистами второй половины XIX — начала XX в. П.В. Знаменским, М.М. Богословским, А.А. Папковым и др., а также защита синодальной практики их оппонентами оказали сильное влияние на дискуссии 1903–1916 гг. и мнения, звучавшие на Всероссийском поместном соборе 1917–1918 гг. Поэтому изучение полемики начала XX в. заставило автора обратиться к ещё более далёкому прошлому, что позволило ему сделать несколько важных наблюдений, выходящих за рамки обзора научной литературы.

Прежде всего Беглов обратил внимание на то, что не существует однозначного определения прихода, которое соответствовало бы реалиям всех исторических эпох. Его нет в православном каноническом праве, отсутствовало оно и в законодательстве Российской империи. Само понимание прихода менялось: от группы людей, приходящих к конкретной церкви (XV в.), к религиозной общности, занимающей некий участок (вторая половина XVI в.), и к административно-территориальной единице с населением, прикреплённым к той или иной церкви нормативными актами (XVIII — начало XX в.). Более чётко очертить это понятие предстояло как раз Поместному собору 1917–1918 гг. (с. 7–10).

Как отмечает Беглов, отсутствуют и точные сведения о количестве православных приходов в царской России: известна лишь численность храмов

¹⁰ Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹¹ Балашов Н., *прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Савва (Тутунов), *игум.* Епархиальные реформы. М., 2011; Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012.

¹² Она уже вызвала ряд благожелательных откликов. См., в частности: Ковалёв А., *свящ.* Приход как община: уроки столетия // Праксис. 2021. № 2(7). С. 258–262; Фирсов С.Л. «На закате»: православный приход в посткрестовнической истории Российской империи // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 332–340; Макарова А.В. Приход как зеркало внутрицерковных разделений // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 107. С. 169–173.

и духовенства. Тем не менее, сопоставив имеющиеся данные и проведя серию вычислений, автор установил, пусть и с известной долей условности, что в 1860 и 1913 гг. действовали соответственно 32895 и 43424 приходские церкви, в которых служили 37397 и 49641 священник «епархиального ведомства» (с. 887–899). Потребности населения, почти удвоившегося за 50 лет, подобный рост, очевидно, не удовлетворял. Но и он происходил вопреки усилиям властей, которые видели в нём угрозу для материального обеспечения причта. И если ранее Г. Фриз, рассчитав соотношение «всего православного населения империи к числу *всех* наличных священников, в том числе служивших в иных ведомствах и в кафедральных соборах», признал его в целом сопоставимым с нормами протестантских стран Северной Европы¹³, то теперь, когда Беглов учёл исключительно приходских пастырей, их нехватка стала более очевидной (с. 12–13).

При анализе статистики исследователь сгруппировал епархии, выделив «центральные», «северные и северо-западные», «поволжские и уральские», «новороссийские», «малороссийские», «западные и прибалтийские», «сибирские и дальневосточные», «среднеазиатскую» и «другие» (Кишинёвская, Финляндская и Грузинский экзархат). Как оказалось, «цифры по регионам более релевантны для сопоставления, поскольку границы епархий менялись, границы же регионов были более устойчивы» (с. 11)¹⁴.

Впервые в современной историографии Беглов выявил последствия реформы духовных учебных заведений 1808–1814 гг. для приходской жизни. Построенная тогда устойчивая и стройная система, включавшая духовные академии, семинарии и приходские училища¹⁵, требовала значительных финансовых средств, и власть обязала консистории пересылать в казну доходы от продажи свечей, поступавшие в приходскую кассу. Автор даже сравнивает эту реквизицию с секуляризацией монастырских имений при Екатерине II (с. 84). В результате часть денег утаивалась от епархиального начальства, и вскоре возникла «теневая приходская экономика» (с. 88). А поскольку содержавшаяся за счёт прихожан духовная школа имела сословный характер, обострились трения между клириками и мирянами. По мнению Беглова, утилитарный подход государства к Церкви вызвал «закрепощение прихода» (с. 99), который «перестал существовать как самоуправляемая общность, но остался территориально-административной и фискальной единицей» (с. 101).

Изучая кризис приходской жизни в XIX — начале XX в. и поиски выхода из него, предлагавшиеся церковными, государственными и общественными деятелями, Беглов использовал материалы архивов федерального (ГА РФ, РГИА) и ведомственного (СПбФ АРАН) подчинения, а также Национальной библиотеки Финляндии. На вклейке в книге воспроизведены фотографии, хранящиеся в Российском этнографическом музее и Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Однако некоторые документы

¹³ Правда, Фриз указывал на то, что обязанности русского духовенства были гораздо шире, чем у пасторов Дании, Англии, Швеции и Германии, и напоминали скорее нагрузку французских юрє, которых насчитывалось намного больше (с. 13).

¹⁴ Впрочем, то или иное районирование страны также может вызывать дискуссии. Подробнее см.: Сандерленд В. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции // Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение. М., 2021. С. 7–14.

¹⁵ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 53–60.

остались ему недоступны из-за условий их хранения. В частности, донесения благочинных Уфимской епархии о приходских попечительствах с 1905 г. находятся среди бумаг синодальной канцелярии в нераспечатанном и прошитом конверте. Но даже этот факт автор смог интерпретировать, отметив, что ко времени получения данных докладов «проблемы попечительств отошли далеко на задний план» (с. 133). Среди источников, анализируемых в монографии, особый интерес вызывает адресованная К.П. Победоносцеву записка о проекте новой инструкции церковным старостам 1890 г., черновик которой сохранился в фонде Хозяйственного управления при Святейшем Синоде¹⁶. Хотя она введена в научный оборот ещё в 2004 г.¹⁷, только Беглову удалось установить и убедительно обосновать то, что её подготовил вице-директор канцелярии обер-прокурора Синода И.К. Зинченко. К сожалению, окончательный, беловой, вариант данной записки до сих пор не найден. Между тем Зинченко перечислял в ней губительные для приходов итоги реформы 1808 г., лишившей прихожан «самостоятельности и самодеятельности» (с. 89).

Первая серьёзная попытка исправить ситуацию пришлось на эпоху Великих реформ, когда в 1864 г. начали создавать приходские попечительства — добровольные благотворительные организации, которые могли собирать и тратить средства на нужды приходской церкви и причта, а также на благотворительность и просветительскую деятельность. Однако прихожане охотнее жертвовали деньги на украшение храмов, чем на помощь священникам. Судя по отзывам архиереев, поступавшим в Синод в конце XIX в., деятельность попечительств вызывала разочарование как у духовенства и прихожан, так и у чиновников (с. 133–163). Законодательная регламентация и формализация занятий церковных братств, стихийно возникавших в 1860-е гг. в основном в западных епархиях, также не способствовала возрождению приходской жизни. Желая повысить уровень материального благосостояния клириков, гр. Д.А. Толстой, занимавший должность обер-прокурора Синода в 1865–1880 гг., принял решение укрупнить приходы, сократив их количество и численность причтов (с. 118). Реформа, проводившаяся с 1869 г., раздражала и мирян, и пастырей, заботы которых резко возросли, а доходы так и не увеличились.

13 мая 1874 г. Победоносцев, тогда — сенатор и член Государственного совета, заседавший в Департаменте гражданских и духовных дел, сетовал в письме к своему бывшему ученику, цесаревичу Александру Александровичу, на то, «как важны могут быть последствия дела, предпринятого на беду синодальным управлением — закрытия церквей и сокращения приходов, которое, к несчастью, совершается теперь по всей России и возбуждает общий народный ропот». Однако, присоединяясь к этому возмущению, сановник ничего не мог изменить: «Я свидетельствовал об нём в Государственном совете, при обер-прокуроре Синода, но мой голос остался гласом, вопиющим в пустыне. Дело это приводит меня в негодование: как мало нужно было знать Россию, дух народный и нужды народные, чтобы предпринять его!». Победоносцева удивляли парадоксы имперской вероисповедной политики: «И не странно ли, что одною рукою, из ложно понимаемого либерализма, всячески облегчают иноверцам свободное удовлетворение духовных потребностей, заведение цер-

¹⁶ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579.

¹⁷ Курляндский И.А. Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности (1700–1917 годы) // Религии мира: история и современность. М., 2004. С. 175–176.

квей и мечетей в каком угодно количестве, а другою рукой закрывают православные церкви в приходах, и без того раскинутых на огромные пространства, и лишают местные населения храмов, отцами и дедами созданных!»¹⁸.

Реалии сельского приходского быта Победоносцев и цесаревич могли наблюдать во время поездки по России в 1869 г. Любопытно, что описывали они их по-разному. Посетив 16 июля Покровский храм в селе Кокшайске Казанской губ., вел. кн. Александр Александрович не без раздражения отметил в дневнике: «Зашли в церковь весьма ветхую и старую, а потом в дом попадьи, которая совершенно растерялась и суетилась ужасно»¹⁹. Победоносцев же в брошюре о высочайшем путешествии рассказывал про благолепно украшенный и чисто прибранный каменный храм «старинной постройки» «с золочёным старым иконостасом» и умилялся хлопотам попадьи, которая «не знала, как быть и что делать, от изумления и от радости»²⁰. При этом они не упоминали запомнившиеся свидетелям подробные расспросы «о жизни духовенства», в ходе которых выяснилось, что священник И.Ф. Спасский из-за недостатка средств не мог «обучать своих дочерей в учебных заведениях»²¹.

Неудивительно, что, сменив гр. Толстого на посту обер-прокурора, Победоносцев приступил к пересмотру мер, предпринятых его предшественником. К 1885 г. укрупнение приходов фактически прекратилось, однако теперь уже этот шаг встретил «глухое сопротивление духовенства, ожидавшего уменьшения своих доходов» (с. 202). Настоятельно требовалось улучшить обеспечение причтов, но так, чтобы избежать как излишней демократизации приходской жизни, так и окончательного превращения священников в чиновников²². И всё же после голода 1891—1892 гг. Победоносцеву пришлось задуматься о целесообразности назначения казённого жалования. В конце 1892 г. Александр III полагал, что ему «наконец удалось» полностью «обеспечить сельское духовенство». «Это была моя мечта», — признался он, сделав пометку на письме обер-прокурора 24 декабря 1892 г.²³ Однако выделенных государством субсидий оказалось недостаточно (с. 205). Не помогли ни новая редакция инструкции церковным старостам, утверждённая императором в 1890 г. (с. 207—213), ни

¹⁸ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1926. С. 23. Уточнено по автографу: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 961, л. 33—33 об. Поводом к этому письму стала статья некой «московской газеты», персланная Константином Петровичем наследнику престола, но не сохранившаяся в архиве. При публикации упоминание газеты было взято в кавычки, однако в автографе они отсутствуют. Это важно учитывать, поскольку различные издания под таким названием выходили лишь в 1866—1867 и 1882—1884 гг. (Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959. С. 762). Не исключено, что Победоносцев поделился вырезкой из «Московских ведомостей», которые внимательно читал и не раз отправлял цесаревичу.

¹⁹ Цесаревич Александр Александрович. Дневник. 1865—1881. В 4 т. Т. 2 / Сост. О.И. Барковец. М., 2024. С. 552.

²⁰ Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году. М., 1869. С. 15. Об авторстве этой неподписанной брошюры см.: *Мелентьев Ф.И.* Имперские травелоги И.К. Бабста и К.П. Победоносцева // Российская история. 2023. № 2. С. 76—83.

²¹ *Люстрицкий В.* Цесаревич Александр Александрович в селе Кокшайске в 1869 году. СПб., 1901. С. 12. Подробнее см.: *Мелентьев Ф.И.* Православное духовенство в восприятии великих князей Николая и Александра Александровичей // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения императора Николая II и 100-летию убийства царской семьи. М., 2020. С. 321—338.

²² *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 47.

²³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. Т. 1. Полумом 2. М.; Пг., 1923. С. 968.

затаянная переделка положения о попечительствах (с. 221–247). В целом же «приходская реформа» Победоносцева «носила двойственный и противоречивый характер» (с. 213).

К концу XIX в. уже ни у кого не оставалось сомнений в необходимости преобразования православного прихода. После 1905 г. казалось, что разработка приходского устава позволит устранить накопившиеся противоречия. Однако скрупулёзное, чуть ли не постатейное изложение Бегловым проектов Предсоборного присутствия, И.С. Бердникова²⁴, Особого совещания при Синоде, депутатов Государственной думы и проч., а также подробный рассказ об их последующем редактировании, рассмотрении, обсуждении и критике в различных инстанциях свидетельствуют о том, что задача была практически неразрешима. «История приходской реформы в межреволюционный период — ещё один пример кризиса имперской государственной машины», — заключает исследователь, детально проследив динамику и неожиданные трансформации так и не удавшегося дела (с. 812).

Лишь после Февральской революции 1917 г. «прихожане явочным порядком реализовали ту реформу, о которой так долго говорили энтузиасты приходского вопроса» (с. 875). «Приходская революция», будучи частью «революции церковной», по сути, обернулась бунтом прихожан «против неугодных священников, против старой системы епархиального и приходского управления» (с. 814). В этих условиях Поместному собору 1917–1918 гг. предстояло провести реорганизацию прихода²⁵. Но, как констатирует исследователь, «даже беглый взгляд на принятый Собором приходской устав обнаруживает его определённую консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами». Между тем составленное архиепископом Серафимом (Чичаговым), П.И. Астровым, епископом Андроником (Никольским) и Л.К. Артамоновым «Введение» к уставу стало, по словам А.Л. Беглова, «самым важным результатом деятельности Собора в приходском вопросе», поскольку в нём «богословие давало жизненный ответ на вызов времени, показывая, что участие в повседневной приходской жизни, даже в её самых обыденных проявлениях, может вести члена Церкви к его вечному спасению» (с. 860).

Фёдор Гайда: Приходские преобразования и революция, или Реформирование нереформируемого

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia;

St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia):

Parish transformations and revolution, or Reformation of the Unreformable

DOI: 10.31857/S2949124X24040089, EDN: FFJCHG

А.Л. Беглов представил масштабную картину развития русского православного прихода и его кризиса, начавшегося ещё при создании синодальной си-

²⁴ О его «сепаратном проекте» см. также: Михайлов А.Ю. «Канонист с горением Илиным...»: жизненный и творческий путь профессора Ильи Степановича Бердникова (1839–1915). Казань, 2021. С. 189–198.

²⁵ Протоколы заседаний Отдела о благоустройении прихода, итоговый доклад, «Инструкцию членам причта» и другие материалы см.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14 / Отв. ред. А.Л. Беглов. М., 2017.

стемы и окончательно оформившегося после реформы 1808 г., означавшей его «закрепощение» (с. 81). Причём произошло это в тот момент, когда в верхах уже обсуждали проекты отмены крепостной зависимости. Готовил данное преобразование М.М. Сперанский²⁶, выходец из духовного сословия, имевший репутацию либерала и никогда не пренебрегавший церковной и религиозной проблематикой²⁷. Сопротивление же реформе оказывали в первую очередь помещики (с. 84). Поэтому нельзя не задуматься, сопровождалась ли она «закрепощением» в точном смысле этого слова, или же данное выражение употребляется автором скорее как метафора? Сам Беглов вслед за синодальным чиновником и публицистом конца XIX в. И.К. Зинченко поясняет, что речь шла о подчинении прихода «государственным интересам», которое сформировало «условия для долговременного кризиса прихода» (с. 99–101). Таким образом, по сути, происходило встраивание православной Церкви в структуры «регулярного государства». Однако со второй половины XIX в. в России наблюдался постоянно нараставший процесс социальной демократизации, затронувший в начале XX в. практически все сферы, кроме церковно-приходской, всегда демонстрировавшей удивительную, но весьма характерную для неё инертность. Возможно, православный приход вообще плохо поддаётся преобразованию, поскольку люди, связанные с ним, думают о реформах в самую последнюю очередь.

Но, как бы то ни было, в начале XX в. революционные настроения охватывали все части российского общества. Крестьянская община неожиданно для многих из консервативного института превратилась в зачинщика аграрных беспорядков. После «второй пугачёвщины» 1902 г. это стало очевидно уже всем. Миряне (в том числе те же крестьяне) не скрывали своей враждебности к духовенству (с. 371). При этом «приходская революция» в 1905–1907 гг. лишь усиливала ужас священнослужителей перед возможной реформой (с. 349) и делала её проведение в будущем максимально затруднительным. Ведь если в деревне можно было приступить к разрушению общинных порядков, что и делал П.А. Столыпин, то с приходами подобное обращение исключалось.

Как отмечает Беглов, архиереи возражали против непродуманных и неподготовленных экспериментов (с. 430), Синод выступил 18 ноября 1905 г. с компромиссным, по сути, определением, а рупор церковных реформаторов газета «Свет» резко его критиковала. На пике революционных событий 1905 г. общественные деятели не собирались идти ни на какие уступки (с. 370, 375–376).

Тем временем подготовка приходской реформы официально началась. Рассказывая про её обсуждение, Беглов вслед за членом Предсоборного присутствия адвокатом Н.Д. Кузнецовым различает сторонников «церковно-общественного» (славянофильского) и «институтного» (иерархического) подхода, отчасти напоминавшего католический, импонировавшего «сино-

²⁶ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. М., 2014. С. 196.

²⁷ О религиозных взглядах М.М. Сперанского подробнее см.: Письма о духовной жизни епископа Феофана. СПб., 1872; Катетов И. Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889; Ельчанинов А.В. Мистицизм М.М. Сперанского // Богословский вестник. 1906. № 1. С. 90–123; № 2. С. 207–245 (2-я пагинация); Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб., 2005. С. 16–29; Парсамов В.С. Религиозные взгляды М.М. Сперанского и его реформы в начале 1810-х гг. // Российская история. 2023. № 4. С. 84–92; Гайда Ф.А. «Не упасть под бременем зол, человека дающих»: молодой М.М. Сперанский в его дневниках, письмах и проповедях (1786–1800) // Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 7. 2024. № 3. С. 203–216.

дальной бюрократии». Впрочем, большинство Предсоборного присутствия склонялось к компромиссу, при котором приходу предоставлялось бы необходимое самоуправление, но осуществлять его следовало под контролем архиерея (с. 487, 543–546). Собственно, и автор монографии видит в сочетании общественного и иерархического принципов оптимальное решение проблемы (с. 883).

Однако с 1907 г. дискуссия приобрела политический оттенок (с. 580), связанный со взаимоотношениями правительства и Государственной думы. Близкий к её октябристским лидерам Столыпин, а также лояльные ему министр юстиции И.Г. Щегловитов и министр народного просвещения А.Н. Шварц поддерживали славянофильский вариант, тогда как обер-прокурор Святейшего Синода П.П. Извольский и сменивший его на этом посту в 1909 г. С.М. Лукьянов отстаивали, скорее, взгляды священноначалия. Поставив в мае 1911 г. во главе духовного ведомства В.К. Саблера, премьер надеялся найти в нём сторонника, способного договориться с иерархами. Но в сентябре того же года Столыпин погиб, и Саблер повёл собственную политику (с. 620–628), вернувшись к тому, что архиереи предлагали ещё в 1890-е гг. (с. 221–247), но заведомо не приняли бы крестьяне 1910-х гг. (с. 747). Дума же теперь разрабатывала свои проекты без оглядки на Синод и его обер-прокурора (с. 702–704). Принципиальные разногласия касались прежде всего выборности духовенства и принадлежности приходского имущества²⁸.

В 1916 г. петроградский митрополит Питирим (Окнов) неожиданно пошёл на соглашение с депутатами (с. 808–809). При этом владыка действовал в полном соответствии с политикой тогдашнего председателя Совета министров Б.В. Штюрмера и ближайшего окружения царя, попытавшихся в первой половине 1916 г. наладить отношения с либеральной общественностью²⁹. Однако обер-прокуроры А.Н. Волжин, а затем и Н.П. Раев по-прежнему солидаризировались с большинством Синода и не отказались от курса Саблера (с. 770–775). В свою очередь, в общественных кругах столичного предстоятеля разоблачили как «распутинца» (с. 800).

Подводя итоги, Беглов указывает четыре причины неудачи приходской реформы: «ведомственная конкуренция», «нарастающая политизация», «отсутствие общественного консенсуса» и «единой воли», способной настоять на её проведении (с. 879–882). Из них, пожалуй, именно чрезмерная политизация имела решающее значение, блокируя любые конструктивные компромиссы. Но она же и привлекала внимание к спорам о так и не состоявшемся преобразовании, выводя их из тени, в которой полемика тянулась долгое время. Вероятно, всё же реформа как таковая не являлась панацеей, а её успех зависел от процессов, происходивших внутри самих приходов.

В 1917 г. «церковная революция» безусловно укрепила позиции прихожан. Поместный собор 1917–1918 гг. готовил «церковный термидор», но осуществить его помешала советская власть. При этом достаточно быстро православный приход стал основной опорой «тихоновской Церкви». Обновленцы, опиравшиеся на поддержку новой власти, ничего поделать с ним не смогли.

²⁸ Гайда Ф.А. Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 57(2). С. 33–35.

²⁹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 182–183, 186, 219–220.

В результате с 1929 г. начался разгром приходской организации. Однако в конце XX в. приходы, возрождаясь, в чём-то вновь обрели черты раннесоветского времени (с. 875–877), а затем всё больше становились похожи на допетровские. В заключении автор размышляет о том, смогут ли они влиять на жизнь современного общества? (с. 883–884). Но какие ещё легальные низовые объединения граждан существуют сейчас в России, кроме религиозных? Какие ещё общественные организации обладают такой широкой сетью?

Грегори Фриз: На пути к глобальной микроистории православного прихода

Gregory Freeze (Brandeis University, Waltham, USA): On the way to the global microhistory of the Orthodox parish

DOI: 10.31857/S2949124X24040096, EDN: FFIZBS

Монументальная работа А.Л. Беглова, посвящённая положению приходов в императорской России, представляет собой вершину постсоветской историографии, анализирующей судьбы Русской Православной Церкви. Она состоит из четырёх глав, в которых характеризуется развитие приходской жизни до середины XIX в., в условиях реформ 1860-х гг., пореформенных лет и революций начала XX в. Особое внимание при этом уделено дискуссиям об организации приходов, предшествовавшим Поместному собору 1917–1918 гг. и продолжавшимся на его заседаниях. В качестве приложения приведены подробные статистические таблицы (с. 887–974). Автор использовал многочисленные публикации источников, большой корпус материалов, хранящихся в центральных архивах (с. 1017–1023), и солидное количество научных трудов (включая 17 российских диссертаций). В итоге ему удалось показать, как власти (церковные и государственные) и общественность воспринимали «приходской вопрос» и как они стремились обустроить эту базовую ячейку православной Церкви. Монография Беглова безусловно вносит большой вклад в освещение данной тематики, но что дальше?

В настоящее время, пожалуй, следовало бы отойти от «национальной макроистории» (изучение дискурса и законодательства) и перейти, применяя микроисторический подход, к исследованию самих приходов, и прежде всего деятельности и самосознания их клириков и прихожан. Как подметил известный теоретик микроистории, «Бог в деталях»³⁰. Иными словами, пора уже писать не только про поместную «Церковь» во всей её полноте, но и про «церковь» как конкретную общину верующих. С 1990-х гг. такая работа кое-где началась: защищены десятки диссертаций, которые основаны на местных архивных фондах и посвящены той или иной епархии³¹, её духовен-

³⁰ Суарто И. Бог в деталях. Четыре аргумента в защиту микроистории // Казус. Вып. 12. М., 2017. С. 301–307. См. также: Magnússon S.G., Szijártó I.M. What Is Microhistory? Theory and Practice. L., 2013.

³¹ Цысь В.В., Солодкин Я.Г., Цысь О.П., Спичак А.В. Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI — начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль). Нижневартовск; Новосибирск, 2020; Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. Иркутск, 2006; Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX — начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003.

ству³² и таким институтам, как братства³³. Но, как правило, и в них речь идёт преимущественно о церковной администрации и клириках, и только изредка уделяется внимание отдельным приходам³⁴. И хотя призывы к развитию церковной микроистории в России уже звучали³⁵, до выхода монографии Беглова, очертившего существенные аспекты «приходского вопроса» в империи, краеведы не имели возможности вписать свои находки и наблюдения во все-российский контекст³⁶. Теперь же необходимые предпосылки для этого созданы, и можно выявлять совпадения и отклонения местных реалий от общих процессов.

Конечно, заниматься микроисторией российских приходов порою трудно и сложно: в областных архивах их документация сохранилась далеко не всегда и крайне неравномерно³⁷. Так, Воронежский архив был практически уничтожен во время Великой Отечественной войны. И если в 1913 г. в Воронежской епархии насчитывалось 984 приходские церкви, то архивные фонды остались лишь от 12, причём в них всего 82 единицы хранения (ещё 1342 дела можно обнаружить в фонде духовной консистории, 4 – в фонде духовного правления). В Пензенской епархии из 753 храмов 1913 г. фонд оставил только один, и тот из шести дел (ещё два – в фонде духовного правления, а от консистории их

³² *Скутнев А.В.* Приходское духовенство в условиях кризиса Русской Православной Церкви во второй половине XIX в. – 1917 г. (на материалах Вятской епархии). Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005; *Мухин И.Н.* Приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв. (по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Власова А.В.* Социальная деятельность Русской Православной Церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011.

³³ *Трофименко В.Г.* Возникновение и деятельность православных церковных братств на Европейском Севере России в 1864–1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2010; *Гажева И.А.* Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008; *Носова Т.А.* Православные братства Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006.

³⁴ *Шушканова Е.А.* Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX–XX вв.). Красноярск, 2019; *Шушканова Е.А.* Жизнь сельского прихода России накануне революции 1917 г. (на примере Енисейской губернии) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 53–67; *Струполева Н.С.* Православные приходы Ставрополя и Кубани в 40-е гг. XIX – начале XX в.: социальные функции и духовная жизнь. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007; *Фёдорова Н.В.* Социальное служение церковных приходов Донской епархии в 60–70-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2014; *Мухомтова Н.А.* Городская приходская община в Западной Сибири во второй половине XVIII в. – 60-х гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

³⁵ *Фриз Г.Л.* Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода империи // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Вып. 11. СПб., 2007. С. 369–395.

³⁶ *Bertrand R., Calafat G.* Global Microhistory: A Case to Follow // *Annales. Histoire, Sciences Sociales* (English edition). Vol. 73. 2018. P. 3–17; *Ginzburg C.* Microhistory and World history // *The Cambridge World History* / Ed. J.H. Bentley et al. Cambridge, 2015. P. 446–473; *Medick H.* Turning Global? Microhistory in Extension // *Historische Anthropologie*. Vol. 24. 2016. № 2. P. 241–52.

³⁷ Можно только завидовать тем западным историкам, которые имеют в своём распоряжении такие невероятно богатые коллекции, охватывающие много столетий, как в архиве Мюнхенской епархии (Archiv des Erzbistums München und Freising). Это позволяет создавать фундаментальные работы. См., в частности: *Phayer M.* Religion und das gewöhnliche Volk in Bayern 1750–1850. München, 1970. Данный архив уже частично оцифрован (URL: <https://digitales-archiv.erzbistum-muenchen.de/astaroweb/welcome.xhtml>). Например, открыт удалённый доступ для просмотра современных описаний отдельных приходов с начала XVIII в.

дошло 4605). Во Владимирской епархии, где в 1913 г. было 1124 церкви, собственные фонды в областном архиве имеют три, а ещё один, коллекционный, включает материалы различных приходов. Правда, бумаг духовного правления и консистории уцелело несколько больше — 1707 и 14811 дел соответственно. Получше ситуация в Орловской епархии. Хотя из 882 храмов 1913 г. фонды удалось образовать только для 10, но в них уже 961 единица хранения, а в фондах духовного правления и консистории — 2850 и 111427. Ещё 39 дел находятся в фондах благочиний. На этом фоне удивительно богатым выглядит Тульский архив³⁸, где собрано 344 приходских фонда (при 836 храмах епархии в 1913 г.) с 1931 делом, от делопроизводства духовного правления и консистории их осталось 7162 и 130 098, а благочиния добавляют к ним 211³⁹. Встречающиеся в них сведения, отражающие церковную повседневность, иногда позволяют проверить или поставить под сомнение заявления, звучавшие в ежегодных отчётах, поступавших в Синод.

Однако насколько оправданно погружение в местные архивы, если в центральных отложилась значительная масса документов? Это хорошо видно, например, из рассмотрения бракоразводных дел. В фонде канцелярии Святейшего Синода (РГИА, ф. 796) их множество, но они состоят лишь из экстрактов, присланных для формального подтверждения принятого решения. А первоначальные дела, включающие оригинальные иски, протоколы допросов свидетелей, описания вещественных доказательств, сведения об увещаниях, рассуждения священнослужителей и т.п., искать нужно в делопроизводстве консисторий. Кроме того, в Синод поступали исключительно те бракоразводные прошения, которые одобрял правящий архиерей, а отвергнутые им (главным образом из-за отсутствия законного повода) оставались в епархии⁴⁰. Между тем именно они едва ли не наиболее интересны для анализа кризиса семьи и соотношения канонических правил с мирскими представлениями о легитимных поводах к разводу⁴¹.

Ещё в советское время историки охотно (но выборочно) цитировали «отчёты», которые епархиальные архиереи ежегодно направляли в Синод. Но эти небольшие доклады не раскрывали состояние и динамику религиозности в епархиях, нередко охватывавших громадную территорию с сотнями и даже тысячами церквей и духовных лиц и с сотнями тысяч, если не больше, прихожан. В пореформенный период в отчёты стали включать фрагменты из рапортов благочинных, но сами они оседали в консисторской канцелярии, и затем

³⁸ В последние годы его постепенно оцифровывают (URL: <https://gato.tularegion.ru/stocks/17262>), и поиск по слову «прихожане» уже выявляет 2 060 единиц хранения. Данные материалы успешно используются. См., в частности: Резухин П. С., *свящ.* Создание и деятельность приходских советов в Тульской епархии в 1917–1918 гг. // Церковный историк. 2023. № 2(12). С. 47–55; Евсеев Н. Н. Русская православная церковь в контексте взаимоотношений с государственной властью в 1917–1927 гг. (на примере Тульской епархии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2019.

³⁹ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. Приложения. С. 6–7; История Русской православной церкви в документах региональных архивов России. Аннотированный справочник-указатель. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 200–204, 232–234, 277–294, 428–430, 554–584.

⁴⁰ См., например: Державний архів Одеської області (далее — ДА ОО), ф. 37, оп. 1, д. 3811, 3838 (Херсонская епархия).

⁴¹ Подробнее см.: Фриз Г. Л. Мирские нарративы о священном таинстве: брак и развод в поздней имперской России // Фриз Г. Л. «Губительное благочестие». Российская церковь и падение империи. Сборник статей. СПб., 2019. С. 132–181.

просто погибали или попадали в областной архив⁴². Там же оказывались и протоколы консистории, в которых затрагивался весь спектр церковной жизни⁴³.

Не менее любопытна документация об исповадавшихся и причастившихся. Обширные экстракты, поступавшие в Синод, позволяют составлять таблицы, обобщающие данные за каждый год по городу и уезду, по сословию, по полу. В результате на уровне империи можно проследить региональные и временные тенденции⁴⁴. Но в местных архивах попадают как суммарные таблицы по приходам⁴⁵, так и их первоисточник — исповедные книги, с указанием имён, возраста, социального положения, частоты исполнения «христианского долга» и причин пропуска или уклонения от него конкретных лиц⁴⁶ (по малолетству, по болезни, вследствие отсутствия, «по совету духовного отца» или по «нерадению»). Только их анализ демонстрирует корреляцию таких факторов, как география, пол, возраст, социальный и семейный статус.

Всеподробнейшие отчёты обер-прокурора содержат важные статистические сведения о приходах и духовенстве, которые тщательно обработаны Бегловым. Но в областных архивах сохранилась часть более детальных клировых ведомостей⁴⁷. Так, в Калязинском уезде в 1830 г. они сообщали информацию о храме (создание, штат, доходы, недвижимое имущество, церковная земля, жилища духовенства, расстояние от консистории, социальный состав прихожан), местном клире (имя, возраст, образовательный уровень, служебная карьера, жена и дети, родство с другими местными клириками, поведение⁴⁸, награды и наказания, знание катехизиса дяконами и причетниками⁴⁹). В них также включались

⁴² Рапорты благочинных см.: Государственный архив Владимирской области (далее — ГА ВО), ф. 556, оп. 1, д. 3285, 3815, 4955; ДА ОО, ф. 37, оп. 1а, д. 876; Державний архів Житомирської області, ф. 1, оп. 34, д. 1908. Подробный анализ этих источников в архиве Литовской духовной консистории (Lietuvos Vaslybes Istorijos Archyvas (далее — LVIA), f. 605) см.: Freeze G.L. Russian Orthodoxy on the Periphery: Decoding the *Raporty blagochinnykh* in Lithuania Diocese // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 124–131.

⁴³ ГА ВО, ф. 556, оп. 1, д. 608, 611, 4424, 4845; LVIA, f. 605, оп. 8, d. 1122; Государственный архив Тульской области (далее — ГА ТО), ф. 3, оп. 18, д. 5084.

⁴⁴ Например, за 1860 г. см.: РГИА, ф. 796, оп. 142, 1861 г., д. 2372. См. также: Freeze G.L. Russian Orthodoxy: Church, People, and Politics in Imperial Russia // Cambridge History of Russia / Ed. by D. Lieven. Vol. 2. Cambridge, 2006. P. 299; Freeze G.L. A Pious Folk? Religious Observance in Vladimir Diocese, 1900–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 52. 2004. H. 3. P. 337–340.

⁴⁵ ГА ТО, ф. 3, оп. 18, д. 5163.

⁴⁶ Тицан А. Московские приходы конца XIX — начала XX в.: соотношение между православными жителями города, участвовавшими и не участвовавшими в таинствах исповеди и причастия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2(36). С. 315–342; Федорец А.И. Исповедные ведомости XVIII века как исторический источник (на примере Москвы) // Историческое обозрение. Вып. 11. М., 2010. С. 51–58.

⁴⁷ Клировые ведомости хорошо сохранились в Твери (Государственный архив Тверской области (далее — ГА ТвО), ф. 160, оп. 1, д. 16272, 16298), Киеве (Центральный державний історичний архів України, ф. 127, оп. 1011, д. 1210, 1275, 1331, 1372, 1429) и др. Подробнее см.: Мангильва А.В. Клировые ведомости как исторический источник // Церковь. Богословие. История. Материалы III международной научно-богословской конференции. Екатеринбург, 2015. С. 408–418. Их анализ по нескольким епархиям см.: Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

⁴⁸ В своих отметках благочинные не всегда ограничивались похвалой, иногда они высказывались сдержанно и даже критически, например: «Поведения честного, но к должности ленив, груб и ослушлив» (ГА ТвО, ф. 160, оп. 1, д. 16272, л. 5).

⁴⁹ В 1856 г. благочинный, пересмотрев клировые ведомости, отметил, что 26-летний пономарь, учившийся в низшем отделении семинарии, только «отчасти понимает» катехизис (Государственный архив Курской области, ф. 20, оп. 2, д. 17, л. 17 об.—18).

заштатные священнослужители и сиротствующие⁵⁰. Это даёт основание судить, например, о среднем возрасте приходского духовенства и о том, насколько оно постарело к концу старого режима, составить представление о его образовательном уровне (а не только об окончании полного курса семинарии), и т.д.

Впрочем, как ни важны фонды местных архивов, не стоит пренебрегать и обилием других источников — особенно там, где церковная документация в значительной степени утрачена. Помимо незаменимых материалов РГИА и ГА РФ, микроисторик имеет в своём распоряжении коллекции Тенишевского архива в Российском этнографическом музее (ф. 7), многочисленные региональные издания — «Труды» губернских архивных комиссий⁵¹, монографии и документальные сборники краеведов⁵², церковные летописи⁵³, историко-статистические описания епархий и проч.⁵⁴ Весьма ценные публикации появлялись в дореволюционной прессе — как в епархиальных ведомостях⁵⁵, так и в светских газетах и журналах.

Капитальный труд А.Л. Беглова открывает новые перспективы для дальнейших исследований, в первую очередь микроисторических. На фоне тех дискуссий, которые шли в правящих кругах и в обществе, следует рассмотреть внутреннюю структуру православного прихода, его деятельность, финансы, взаимоотношения со светскими институтами и властями, контакты с другими приходами и неправославным населением, и т.п. Важно знать не только планы элит, но и калейдоскопическое разнообразие форм и деталей церковной жизни на местах.

⁵⁰ ЦГА Москвы, ф. 203, оп. 773, д. 279, л. 5 об.—6.

⁵¹ Шведова О.И. Указатель «Трудов» губернских учёных архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433.

⁵² См., в частности: Малицкий Н.Ф. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 1–3. Владимир, 1904–1911; Малицкий Н.Ф. История Переславской епархии (1744–1788 г.). Вып. 1–2. Владимир, 1912–1917.

⁵³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895; Добренький С.И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX — начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁵⁴ Добролюбов В.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской епархии. Т. 1–4. Зарайск; Рязань, 1884–1891; Добронравов В.Г., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Т. 1–5. Владимир, 1893–1898.

⁵⁵ Подробнее см.: Верещагин И.Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах Европейского Севера России). Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2013. Кстати, епархиальные ведомости часто публиковали документы из местных церковных архивов. См., в частности: Тульские епархиальные ведомости. 1862–1918. Электронная версия. Алфавитный указатель статей и публикаций общеисторического и краеведческого характера (URL: <https://tulds.ru/tulskie-eparhialnye-vedomosti-1862-1918-alfavitnyj-ukazatel-statej/>).

Террор красных партизан по отношению к духовенству и верующим в годы Гражданской войны на юге Западной Сибири: опыт обобщения

*Алексей Горбатов,
протоиерей Максим Мальцев*

**The terror of the red partisans against the clergy
and believers during the Civil War in the South-Western Siberia:
an experience of generalization**

*Alexey Gorbatov
(Kemerovo State University, Russia; Altai State University, Barnaul, Russia),
archpriest Maxim Maltsev
(Kemerovo Diocese, Russian Orthodox Church)*

DOI: 10.31857/S2949124X24040109, EDN: FFHTWC

Тема отношения борющихся с антибольшевистским режимом в Сибири красных партизан к Церкви и верующим продолжает оставаться одной из слабоизученных страниц отечественной истории. Принятие священнослужителями от партизан мученической смерти долгое время замалчивалось или подавалось исключительно как примеры справедливых актов возмездия над «кровавыми пособниками» А.В. Колчака, как ответная реакция на белый террор. Публикаций, посвящённых деятельности красных партизан (научных, публицистических и научно-популярных) вышло немало. Вместе с тем авторы, вне зависимости от своих научных взглядов и политических предпочтений, чаще всего констатировали факты, ограничиваясь короткими сентенциями: «нападали на богатых мужиков и сжигали церкви»¹, «громили церкви»², «жгли церкви»³. В этом ряду следует отметить работы И.В. Курышева⁴, который признаёт и приводит примеры массовых, «потрясающих своей жестокостью убийств священнослужителей» представителями различных партизанских отрядов, а также пытается выявить

© 2024 г. А.В. Горбатов, М.А. Мальцев

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

¹ Фёдоров А.Ю. Революционная эпопея анархистов Григория Рогова и Ивана Новосёлова // Великая Российская революция 1917–1921: либертарный взгляд. Прямухинские чтения 2017 года. М., 2018. С. 340.

² Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX века). Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 1997. С. 304.

³ Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Новосибирск, 2013. С. 101.

⁴ Курышев И.В. Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918–1920 гг.): социально-психологический аспект // Клио. 2006. № 2(33). С. 155–157; Курышев И.В. Печать о социально-психологическом облике участников партизанского движения в Западной Сибири (весна–осень 1919 г.) // Национальные приоритеты России. 2013. № 1(8). С. 8–17.

причины глубоких патологических изменений в сознании людей, которые произошли под влиянием ожесточённой борьбы, расколовшей общество.

Достаточно информативна статья А.П. Шекшеева. В ней на примере Енисейской губ. автор пытается выявить общие тенденции рассматриваемого явления⁵. Антицерковному террору и сексуальному насилию со стороны партизан Сибири и Дальнего Востока посвящены публикации А.Г. Теплякова⁶. Одной из первых работ о преследовании партизанами духовенства на примере Кузбасса является исследование авторов данной статьи⁷. Однако в целом указанная проблема ещё не стала предметом широкого научного изучения.

Опираясь на исследования сибирских историков и привлекая архивный материал, а также сведения из изданий начала XX в., мы рассматриваем причины гонений на священнослужителей на юге Западной Сибири (где, по мнению многих исследователей, в 1919 г. Гражданская война достигла своего пика), географическое распространение красной «партизанщины» и ход карательных операций, связь анархо-синдикализма и террора; устанавливаем примерное количество погибших; анализируем последствия этих трагических событий.

Трудность исследования вызвана, в первую очередь, скудностью, разрозненностью и малодоступностью документов. Большую помощь оказали материалы периодических изданий, выходивших на территории Западной Сибири в период Гражданской войны, а также мемуары партизан. При анализе письменного источника нами выявлялись обстоятельства его создания и возможные позднейшие поправки, устанавливалось авторство. Ценную информацию могут дать метрические книги, белогвардейская периодическая печать, материалы делопроизводства советских и партийных органов. Учитывалось, что на уровне обращений и оперативных сводок к фальсификации и искажению информации нередко прибегали обе стороны. В пропагандистской борьбе они руководствовались «готтентотской моралью», неизменно характеризуя противников «карателями и бандитами». Понятие «партизаны», наделявшееся уже положительной коннотацией, также фигурировало и у красных, и у белых.

Для публикаций советского периода характерна тенденциозность, цензурная выверенность публикуемых документов и фрагментированный характер информации. Канадский историк Н. Перейра резонно заметил, что «советские документальные коллекции и вторичные источники... слишком многочисленны, чтобы их можно было назвать, но они не являются ни убедительными, ни полностью надёжными из-за постоянной предвзятости к большевистским успехам и влиянию»⁸.

Причины гонений. Православная Российская Церковь в Западной Сибири в 1918–1919 гг. имела своеобразный автономный статус. Связи со священноначалием в Москве после Октябрьского переворота прервались, территории оказались отрезаны фронтами Гражданской войны. Руководство взяло на

⁵ Шекшеев А.П. Красные партизаны и религия на Енисее // Сибирский крест. Историко-публицистический альманах. Красноярск, 2021. С. 312–325.

⁶ Тепляков А.Г. Антицерковный террор партизан Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV международной научной конференции. Иваново, 2015. С. 563–570.

⁷ Горбатов А.В., Мальцев М.А. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году // Научный диалог. 2021. № 1. С. 224–240.

⁸ Pereira N. G. O. The Partisan Movement in Western Siberia, 1918–1919 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 38. 1990. H. 1. S. 87–97.

себя Высшее временное церковное управление (ВВЦУ) Сибири и Приуралья во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшевским). Новый церковный институт поддержал назначение адмирала Колчака Верховным правителем России и дал указание почитать на богослужениях государство Российское и его правительство. Также управление определилось со своей позицией по отношению к борьбе с красными, назвав войну «священной». Значительная часть священнослужителей Сибири вслед за ВВЦУ также открыто выступила на стороне противников большевиков⁹. Это вполне объяснимо: власти белых повсеместно аннулировали все большевистские запреты и ограничения, касавшиеся жизни православных общин, да и правительство Колчака обязалось содержать Церковь за счёт казны. Напомним, что в дореволюционный период она обладала юридическими и финансовыми привилегиями, выполняя при этом важные государственные функции. У многих служителей Церкви сложилось представление, что противники большевиков ведут борьбу за восстановление традиционного строя и точно не планируют их преследовать.

С противоборствующей стороны духовное сословие и приходской актив воспринимались как естественные союзники или непосредственные представители режима Колчака, автоматически попадая в лагерь «контрреволюции». Отягчающим обстоятельством служил факт формирования ВВЦУ Сибири в 1919 г. добровольческих подразделений нового типа — военных дружин Святого креста и Зелёного знамени. Их участники носили нашивной крест на груди (за что их в обиходе называли «крестоносцами»), показывая этим, «что они борются не за класс, а за веру, за христианство, против вероотступников, которые хотят истребить христианство»¹⁰. Дружины были одновременно воинскими частями и религиозными братствами, имели свой устав и небесного покровителя (например, св. Александра Невского). Все вместе дружины образовывали Братство святого креста¹¹.

По данным белогвардейской «Нашей газеты», отделение Братства святителя Гермогена¹² положило начало добровольческому движению в Алтайской губ. Так, устроенный в Бийске крестный ход в особый «Крестоносный вечер» привлёк в дружины Святого креста более тысячи добровольцев¹³. По свидетельству профессора и философа, участника Белого движения Д.В. Болдырева, в Новониколаевске записалось за несколько дней 400 человек, в Томске — около тысячи. Главным возбудителем добровольческого движения служил подъём религиозного чувства под лозунгом борьбы за веру¹⁴. Касательно размаха движения крестоносцев и патриотического подъёма, на наш взгляд, вполне уместно резюме Е.В. Лукова и Д.Н. Шевелёва: «Превалировавший в оценках данных акций экстатический компонент заслонял их реальную значимость и эффек-

⁹ Коголь Т.Н. Православная Церковь Сибири в период гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1997. Вып. 1. С. 11.

¹⁰ Наша газета (Томск). 1919. 19 августа.

¹¹ Гакуев Р.Г. Дружины Святого креста и Зелёного знамени — последний резерв адмирала А.В. Колчака // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 71.

¹² Патриарх Московский и всея России Гермоген (Ермоген) (ок. 1530—1612 гг.), благословивший освободительную войну русского народа в Смутное время и принявший мученическую смерть (умер от голода в заключении, не дождавшись освобождения Москвы). Обращение к образу патриарха Гермогена настраивало не на смиренное несогласие с политикой большевиков, а на активный социальный протест.

¹³ Наша газета. 1919. 23 октября.

¹⁴ Там же. 13 октября.

тивность. Колчаковская пропаганда видела в них некие рецепты быстрого и чудодейственного избавления от большевизма и соответствующим образом на них реагировала»¹⁵. Эти пропагандистские акции служили достаточно эффективным средством придания войне национально-религиозного характера. Стоит, однако, заметить, что личный состав добровольческих дружин «крестоносцев» состоял главным образом из гражданских беженцев Поволжья и Урала и крестьян, поэтому не обладал высоким военным потенциалом.

Верифицированных источников, подтверждающих факты участия священнослужителей в боевых действиях, практически нет. Пастырская деятельность военного священника выражалась в совершении богослужения, просветительских беседах с воинами, напутствовании больных и раненых, погребении убитых. Миф о боевых частях монахов и священников был создан в условиях отсутствия достоверной информации на огромной территории Сибири и распространился уже после окончания Гражданской войны. К примеру, Т.Н. Коголь говорила о создании «множества специальных военных формирований из числа клириков (служителей церкви): роты, отряды, батальоны»¹⁶. Т.М. Новикова утверждала, что «по инициативе омского архиепископа Сильвестра из священников и офицеров формировались полки (курсив наш. — Авт.), которым давали почётные наименования — “полк Иисуса”, “полк Богородицы”, “полк Ильи Пророка”»¹⁷. Сложно представить такую концентрацию в боевом подразделении офицеров и священников, учитывая, что в Русской армии 1919 г. только один полк включал в себя в среднем четыре батальона или 16 рот.

В советской историографии понятие «дружинник» трактовалось по-разному, вследствие чего у многих исследователей возникла некоторая методологическая путаница. Дружинниками называли представителей дружин Святого креста, создаваемых по инициативе антибольшевистских властей для отправки на фронт. Так же называли представителей дружин самообороны, которые формировались в сельской местности, наиболее подверженной нападениям красных партизан. Инициатива их организации исходила от самих крестьян, которые таким образом защищали свою собственность от разграбления. Организационные вопросы решались представителями сельской интеллигенции — волостными чиновниками, учителями, духовенством, за что они и преследовались партизанскими отрядами. В 1930-х гг. поводом для обвинительных приговоров в следственных делах НКВД часто служило «создание» дружин.

Противоборствующая сторона вменяла прихожанам в вину обсуждение декрета об отделении Церкви от государства, повлекшее беспорядки, лживую трактовку законов советской власти и даже произвол в «расценках» за требоисправления. Главным же было обвинение в контрреволюционной деятельности. «Попам» приписывали не только пособничество белым и составление доносов на партизан, но даже участие в физических расправах над большевиками. Кроме того, представители любой религии всегда являлись напоминанием о возможном возврате к старой (царской) системе ценностей, с которой новые власти стремились как можно быстрее покончить.

¹⁵ Луков Е.В., Шевелёв Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность: июнь 1918 — январь 1920 г. Томск, 2007. С. 172.

¹⁶ Коголь Т.Н. Православная Церковь... С. 13.

¹⁷ Новикова Т.М. Православная церковь и правительство А.В. Колчака // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 4(44). С. 271.

В воспоминаниях И.Я. Третьяка, командира Первой горно-конной партизанской дивизии, упоминается глава «контрреволюционного кулачества» в селе Куягана священник Сабенько, который послал в село Алтайское за кулацкой карательной дружиной. Затем он колоколом созвал всех крестьян в церковь и выступил с речью. После этого Сабенько повёл людей к волостному правлению, где кулацкая дружина выпорола плетью и шомполами до 80 человек. Партизана Макрушина на глазах крестьян повесили на волостных воротах¹⁸. «В палаческой работе активную помощь казачеству и карателям оказывали кулаки и деревенское духовенство. Они составляли списки повстанцев и помогали им вылавливать семьи отступивших в горы», — вспоминал Третьяк¹⁹. Он упомянул о священнике А. Ливанове, который в 1918 г. выдал казакам бедняков, активно помогавших отряду красногвардейцев²⁰. Факты выдачи своих противников (преследователей) в истории войн далеко не редкость, но сюжет о том, что священник после проведённой проповеди повёл своих прихожан в соседнюю деревню для физической расправы, представляется неправдоподобным. Документального подтверждения этой истории обнаружить пока не удалось.

Не менее фантастичным можно считать сообщение информационного листа революционного штаба Алтайской губ. от 2 сентября 1919 г.: «Отрядом тов. Городецкого пойман отряд белых, из которых был один офицер, а остальные 9 — попы»²¹. Весьма вероятно, что беженцев духовного звания и бывшего офицера, покинувших беспокойную европейскую часть России, газета партизан в пропагандистских целях переквалифицировала в «отряд белых». В целом же свидетельства об активном участии священников в карательных акциях над сторонниками красных и сочувствующими единичны. Они нередко опирались на воспоминания многолетней давности, в большинстве случаев политически ангажированы и недостаточно документально подтверждены.

Е. Ярославский, будущий председатель Союза воинствующих безбожников, а в 1920–1922 гг. — член Сибирского бюро ЦК РКП(б), так пояснял причины и мотивы убийства священников партизанами: «Сибирь никогда не отличалась особенным религиозным фанатизмом деревни, как не отличалась она особенным радикализмом духовенства. В дни колчаковщины сибирские попы (не только русские) организовывали всякие “иисусовы полки”, “дружины святого креста”, “дружины зелёного знамени”, чтобы помочь Колчаку. Зато крестьяне-партизаны без особенного священного трепета “снимали челпаны”, попросту — рубили головы этим воинственным попам, когда те попадали им в руки»²². Ярославский указывал на связь духовенства с одним из главных врагов революции — кулаком и выявлял тенденцию к отходу от «веры своих отцов» наиболее обездоленных, пролетарских и полупролетарских слоёв деревни²³. Через несколько страниц, противореча самому себе, он с нескрываемой досадой отмечал: «Из деревень доходят вести, что в некоторых, даже голодных местах собирают средства, чтобы строить новую церковь»²⁴.

¹⁸ Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году. Новосибирск, 1933. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же. С. 161.

²¹ Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Сборник документов. Новосибирск, 1936. С. 110.

²² Ярославский Е. По Сибири (Внутреннее обозрение) // Сибирские огни. 1922. № 3. С. 141.

²³ Там же. С. 140–141.

²⁴ Там же. С. 145.

Стоит привести и позицию сибирского священника Петра Архангельского. В выступлении в селе Абаканск по вопросу об отношении к партизанам он отмечал: «Как поступать и вести себя священнику при нашествии на его приход большевистской банды, что в настоящее смутное время стало почти заурядным явлением? Не будем строго судить, кто из священников поступил в этих случаях правильно, согласно своему достоинству и сану; но полагаю, что те из них, которые не покинули приходов и остались на своём посту, не изменили своему долгу, и то гостеприимство, в котором они не отказали большевикам, несколько не уронило их достоинства, ибо они поступили по евангельскому слову, которое обязывает нас принимать в дом свой, напоить и накормить всякого странника, кто бы он ни был»²⁵. На наш взгляд, стоит разделять бескомпромиссную и воинственную позицию ВВЦУ и вышеприведённое миропонимание духовного наставника, слова которого, несомненно, для множества сибирских священников стали руководством к действию.

Сибирская «махновщина», «роговищина» и Церковь. О влиянии анархизма в сибирском партизанском движении упоминалось ещё в советской литературе 1930-х гг. Тогда использовалась терминология с экспрессивной окраской: «анархо-бандитские элементы, примазавшиеся к партизанскому движению»; «анархистски настроенные начальники отрядов»²⁶. Нередко в научной литературе говорится о роли «зелёных» как «третьей силы», противостоявшей как большевикам, так и белогвардейцам, включавшей в себя, помимо командного состава и широко представленного крестьянства, самый разношёрстный контингент: казачество, кулаков, дезертиров, уголовщину и деклассированные элементы. В изменчивых обстоятельствах Гражданской войны это движение могло трансформироваться в красно-зелёное и бело-зелёное²⁷. Как верно отмечают признанные специалисты по «партизанской» проблеме Н.С. Ларьков и В.И. Шишкин, «формально большинство партизан боролось за восстановление советской власти, понимаемой, правда, по-разному. Среди них были как сторонники “диктатуры пролетариата”, так и её противники. Но ещё больше партизан не хотело никакой власти и являлось носителями стихийного анархизма»²⁸.

Новое осмысление роли анархистского движения в вооружённой борьбе сибирских партизан предложил в своей докторской диссертации А.А. Штырбул. Примечательно, что историк анархо-синдикализма и активный член анархистского профсоюза СНТ Ф. Минц положительно оценил труд Штырбула, считая, что его исследование «пролило свет на этот регион (Сибирь. — *Авт.*) и его анархистскую историю, в то время как ранее был дан лишь набросок»²⁹.

У современных российских анархистов прослеживается апологетика западносибирских командиров Г.Ф. Рогова, И.П. Новосёлова, П.К. Лубкова. Вместе с тем журналист и анархо-синдикалист И.А. Мангазеев признаёт, что партизаны не были ангелами, что священников убили роговцы, но при этом парирует, что «на каждого пострадавшего за Христа приходилось не менее десятка убитых

²⁵ Енисейские епархиальные ведомости. 1919. № 9–10. С. 13–15.

²⁶ Партизанское движение в Западной Сибири... С. 18, 19.

²⁷ Посадский А.В. Зелёное движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. М., 2018.

²⁸ Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири... С. 91.

²⁹ Mintz F. A Siberian Makhnovshchina? // Organise! The Magazine of the Anarchist Federation. 2003. № 62. P. 15.

бойцов отряда Рогова. Колчаковцы, бойцы “Дружин святого креста” и чоновцы убивали их сотнями». Автор не задумывался о том, что сравнивать убитых мирных жителей и комбатантов некорректно. На Прямухинских чтениях его доклад закончился следующей сентенцией, по сути, призывом: «На Алтае Рогову уже открыт памятник, а в Кузбассе — нет»³⁰.

Штырбул отмечает, что в 1919 г. политическая деятельность анархистов среди крестьян в той или иной мере наблюдалась в Томской и Алтайской губерниях³¹. Он же фиксирует явственную тенденцию, которую выявляем и мы: очаги наиболее интенсивного красного бандитизма в основном совпадали с районами антиколчаковского партизанского движения, в которых было сильно влияние анархизма (Томская, Алтайская и Иркутская губернии). В документах сибирских и центральных партийно-советских органов районами наиболее интенсивного красного бандитизма назывались Томская губ. (Кузбасс и Мариинский уезд), вся Алтайская губ., Иркутская губ. (районы Иркутска и Черемхово), Ачинский и Минусинский уезды Енисейской губ. Если сопоставить эти данные с картой районов партизанского движения с сильным анархистским влиянием, то получится почти полное совпадение³². Следует добавить, что в советской историографии осень и зима 1919 г. считались периодом наивысшего подъёма партизанского движения в Сибири³³. Тогда же, по нашим данным, наблюдался пик насилия над «церковниками».

Действительно, набеги партизан практически всегда осуществлялись в связке с уголовщиной и бандитизмом. Проправительственные газеты в 1919 г. регулярно сообщали о налётах «бандитских шаек». Они «хорошо одеты и вооружены, у них есть пулемёты и винтовки и у каждого, как говорят, по паре револьверов. Шайка эта, разъезжая по деревням на тройках, занимается исключительно грабежом и наводит такую панику на крестьян, что те беспрекословно дают им подводы как под членов шайки, так и под награбленное ею имущество», — замечала газета «Сибирская жизнь»³⁴. Вооружённые отряды бродили по тайге, то соединяясь, то расходясь, нападали на небольшие воинские команды, отбирали продовольствие у кулаков и торговцев, раздавая определённую часть населению. Тактика действий налётчиков отличалась манёвренностью передвижения, что было обусловлено невозможностью долго оставаться в одном месте. Отряды кочевали по населённым пунктам, но при этом «старались держаться возможно ближе к тайге — на случай разгрома и бегства»³⁵. Нередко партизаны во время набегов появлялись в форме Русской армии, выдавая себя за представителей правительственных сил. В отряды вливались и местные крестьяне, хорошо знавшие местность и жителей деревни или посёлка. При грабежах они скрывали лица масками³⁶.

По воспоминаниям партизана В. Голева, Новосёлов и Рогов, конфискуя имущество у «белоручек», говорили: «Брать у “гадов” не только можно, но

³⁰ Мангазеев И.А. «Односторонне и неполно...». Образ Григория Рогова в западносибирской печати (1918–2018) // Великая Российская революция 1917–1921... С. 363–364.

³¹ Штырбул А.А. Анархистское движение... С. 301.

³² Там же. С. 425.

³³ Мирзоев В.Г. Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1919 гг.). Кемерово, 1957. С. 83.

³⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 23 января.

³⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. П-5, оп. 2, д. 1166, л. 117.

³⁶ Сибирская жизнь. 1919. 20 сентября.

и нужно. Для этого и революцию мы творим... Ломай, громи всё старое, очищай землю от “гадов” — вот наша первая заповедь»³⁷. Вместе с тем М.И. Вторушин отмечает, что особенностью практики красных бандитов из отрядов Рогова и Новосёлова было стремление обогатиться за счёт местного сельского населения. Так, угоняя крестьянский скот (в особенности лошадей) из Кузнецкого уезда, они продавали его в Мариинском, и наоборот³⁸. Среди «благородных разбойников» немалая часть оказалась обыкновенными бандитами.

По воспоминаниям партизанского командира В.А. Булгакова, когда Рогова, Новосёлова, Возилкина и его самого доставили в Кольчугино, находившийся там командир дивизии РККА начал упрекать Рогова в том, что партизаны использовали предметы православного культа в бытовых целях. Рогов на допросе не отрицал факт разгрома, поджога церквей и использования церковного имущества, ссылаясь на отсутствие интендантской службы. «При входе стояло что-то вроде этажерки, на которой лежала очень грязная плащаница с сильно помятым лицом Христа. Её вид говорил за долгую службу под седлом партизана, заменяя войлок, сверху плащаницы лежали брюки из поповской ризы — дорогой золотой парчи. Вид их тоже говорил за сильную поношенность. На столе... лежал кисет из риз». Рогов ему ответил: «Если партизан взял эту вещь (плащаницу), то значит она ему необходима, у него не было войлока... Вам хорошо говорить, у вас интендантство, снабжающее вас обмундированием и снаряжением, а вот как бы вы вышли из положения, когда сотни и тысячи партизан оборвались, лазая по тайге, когда имеющаяся у них одежда не прикрывает голого тела. Комдив ни в коем случае не был согласен с этими его доводами и категорически доказывал неправильность его действия. Рогов категорически отвергал свою вину». Более того, выйдя из кабинета после допроса, партизанские вожаки начали подозревать командира дивизии в принадлежности к «белому» движению, искренне не понимая осуждение поджогов и разграбления храмов³⁹. Это ещё раз демонстрирует, что уничтожение церквей и культовых предметов являлось для анархизирующих партизан делом естественным, не воспринималось ими как кощунство.

Грабежи и насилие над священнослужителями были неотъемлемыми элементами рейдов налётчиков. «Наша газета» констатировала: «Духовенство частью разбежалось, а частью, совершенно терроризированное, остаётся на местах и неоднократно подвергается ограблениям. Некоторых священников ограбляли по четыре раза»⁴⁰. Показательным примером может служить трагическая история отца Филиппа Михайлова. Партизаны вымогали у него деньги и в итоге получили «контрибуцию» в 5 тыс. руб., пообещав после этого всей семье полную безопасность. Однако на следующий день они приехали ещё раз, вывели его за село и жестоко убили. «Сделав дело, вся компания отправилась обратно в село. Здесь принялись грабить принадлежащее священнику имущество; тащили ковры, шубы, подушки; ломали шкафы, ящики; приглашали к грабежу также и местных обывателей, и многие из них этим делом занялись с удовольствием»⁴¹.

³⁷ Штырбул А.А. Анархистское движение... С. 321.

³⁸ Вторушин М.И. Красный бандитизм в Сибири как форма революционного терроризма: в 1919–1923 гг. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 1(48). С. 69–73.

³⁹ Государственный архив Алтайского края (далее — ГА АК), ф. Р-483, оп. 1, д. 74, л. 102–103.

⁴⁰ Приходская жизнь уездов // Наша газета. 1919. № 17.

⁴¹ Томские епархиальные ведомости. 1919. № 12. С. 138–142.

20 октября 2007 г. в селе Хмелёвка Заринского района Алтайского края состоялось открытие мемориальной доски в память об уроженце Алтая Григории Рогове. На официальном сайте Алтайского края отмечено, что «ещё при жизни отношение к нему было неоднозначным, случалось, что бандитом его именовали и белые, и красные. Однако колчаковские власти признавали, что лично Рогов никакого участия в грабежах и бесчинствах не принимал, а о его высоких командирских качествах с уважением отзывались и те и другие. Рогова неслучайно называют “алтайским Чапаевым”, его рейд на территорию нынешней Кемеровской области вполне сравним с будущими рейдами другого крестьянского вожака — Сидора Ковпака»⁴². Создатели мемориальной доски считают необоснованными обвинения в адрес Рогова, который якобы хотел поднять в Сибири после прихода туда Красной армии «крестьянское анархическое восстание под чёрным знаменем»⁴³.

Действительно, «роговская» дискуссия ещё далека от разрешения. В определённых кругах российского общества присутствует стремление к восстановлению исторической справедливости, заключающееся в том, что Рогов оболган относительно жестокости, насилия, убийств и грабежей. Признаём, что есть разные трактовки событий. Вместе с тем приведём ещё несколько фактов из источников «красного лагеря».

В декабре 1919 г., когда Рогов формально ещё поддерживал большевиков, командование Мариинской группы войск из села Салаир направило штабу западносибирской крестьянско-рабочей партизанской армии следующее донесение: «Нам по пути попадается масса партизан тов. Рогова, которые везут целые возы награбленного имущества, которых нас заставляет необходимость арестовывать. Все церкви [по] пути ограблены, а из риз понашиты кисеты, подседельники и даже брюки. Население страшно возмущено. Дайте в срочном порядке сообщение, как нам с такими негодьями поступать и куда их препровождать»⁴⁴. Подчеркнём, что это служебное сообщение, а не часть воззвания к населению.

Один из организаторов советской власти в Сибири, член Сибирского революционного комитета В.М. Косарев писал в ЦК РКП(б) не ранее 4 февраля 1920 г.: «Отряд Рогова был самый ненадёжный. Сам Рогов — крестьянин, но его правая рука — Новосёлов — анархист. Ядро этого отряда — “анархисты”, бежавшие из тюрем уголовные и разная авантюристская публика. За этим отрядом числится немало грехов. Они изрядно грабили, пьянствовали, разрушали церкви, одевали парчой своих лошадей, шили из поповских риз штаны, кисеты и прочее, причём уверяли, что крестьяне не только [не] протестовали, но “сами” помогали разрушать церкви»⁴⁵. Помощник командира взвода Савин отмечал в агентурной сводке: «Узнал от граждан деревни Бажиной, что в районе с[ёл] Залесово и Сорокино ездят роговские отряды с чёрным флагом и с надписью: “Да здравствует анархия”. Главные организаторы анархии — Рогов, Новосёлов, Леонов и Возилкин... [Мы] узнали от крестьян с[ела] Сорокино, что у них роговцы ограбили почту и искали председателя волревкома, хотели

⁴² В селе Хмелёвка (Заринский р-н) состоялось открытие мемориальной доски участнику Гражданской войны Григорию Рогову (URL: https://www.altairregion22.ru/region_news/31852.html).

⁴³ Увековечено имя алтайского партизана, прототипа героя «романа ужасов» Григория Рогова (URL: <https://www.bankfax.ru/news/47329>).

⁴⁴ Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы. В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 62.

⁴⁵ Там же. С. 64–65.

его убить за неправильные поступки, но не нашли. В селе Хмелёвка убили попа и говорили, что мы де уничтожаем всех попов и белоручек»⁴⁶.

В 1920 г. боевая комиссия алтайской федерации анархистов в составе Леонова, Новосёлова, Рогова и Габова в воззвании к крестьянам и рабочим Алтайской губ. отчётливо указывала на своих противников: «Вооружайтесь против насилия и обмана, товарищи крестьяне и рабочие... Мы боремся лишь в защиту труда, а врагами труженика видим, самое главное, власть, собственность и *религию* (курсив наш. — *Авт.*). Наш долг перед революцией — освободиться от всего этого. А как мы и видим врагом революции не личность, а условия, поэтому против личности же мы поднимаем оружие только тогда, когда последние вооружаются против нас оружием или ложью и обманом»⁴⁷.

На Алтае, судя по обширной прессе и даже учитывая её специфику как источника противоборствующей стороны, террор по отношению к священникам и верующим носил более массовый и целенаправленный характер. Так, газета «Русский голос» 27 октября 1919 г. сообщала, что «по официальным сведениям местного епархиального совета, в пределах Томско-Алтайской епархии до 1 октября текущего года большевиками убиты: 6 протоиереев, 4 иеромонаха, 29 священников, 1 диакон и 7 псаломщиков. Некоторые из этих священнослужителей зарыты живыми в землю (священник села Большой Речки Барнаульского уезда Александр Скворцов), некоторые зарезаны (иеромонахи Александро-Невской пустыни в Барнаульском уезде Питирим, Феогност и Филарет, священник с. Кочковского Барнаульского уезда Дуплев), большинство же были расстреляны. Убиты, кроме того, 2 жены протоиереев и 1 жена священника»⁴⁸. Барнаульское издание «Время» в номере от 12 ноября 1919 г. в подробностях описало зверское убийство бандой Рогова священника Василия Закурдаева в селе Дмитро-Титовском. «Кроме двух дружинников и казначея» ими были убиты 14 мирных жителей (подробный список казнённых прилагался)⁴⁹.

Красноречиво свидетельствуют о преступлениях банды Рогова—Новосёлова некоторые воспоминания партизан. В селе Драченино (современный Ленинск-Кузнецкий район) кулаки во главе со священником убили двух коммунаров Новосёлова, отряд которого в апреле или мае 1919 г. «загнал купца, попа и кулаков этого села в церковь и сжёг их в отместку за убитых товарищей»⁵⁰. В селе Кольчугино и на близлежащем руднике в декабре 1919 г. партизаны «без суда перебили торговцев, милиционеров, служащих рудника, убили много других. На площади и на улицах валялись трупы, роговцы не разрешали их убирать... Первым делом подожгли церковь, она пылала весь день. Попа остригли, раздели и на улице всенародно казнили... Ризами покрыли лошадей, сами нарядились в духовные облачения и, горлая песни, разъезжали по селу и руднику. Они врывались к служащим, крестьянам, рабочим, забирали у них шубы, валенки, часы, одежду, одеяла, подушки и другие вещи... Протестовавших убивали»⁵¹. Пьяные анархисты громили, стреляли и рубили случайных безвинных

⁴⁶ Там же. С. 93.

⁴⁷ Там же. С. 76—77.

⁴⁸ Русский голос (Томск). 1919. 27 октября.

⁴⁹ Время (Барнаул). 1919. 12 ноября.

⁵⁰ Государственный архив Кемеровской области (далее — ГА КО), ф. П-483, оп. 1, д. 156, л. 64.

⁵¹ Там же, л. 23.

людей. И.И. Бугров, партизан из отряда Рогова, откровенничал: «В Кузнецке напрасно мы сожгли церковь, белые были уже в разгроме, но этому делу помог пьяный разгул»⁵².

Приведённые факты убедительно показывают, что банда Рогова–Новосёлова целенаправленно преследовала, грабила и истребляла священнослужителей и приходской актив, и это, на наш взгляд, сложно оспорить.

Примечательно, что Главный штаб Зиминского восстания, окружённый со всех сторон колчаковскими войсками, 13 августа 1919 г. принял на съезде резолюцию, поддержанную делегатами из 36 сёл Алтайской губ., которая указывает на достаточно лояльное отношение партизан к религиозному вопросу: «Кто хочет из товарищей совершать обряды по-граждански, тот может записаться в Совете в метрические книги со свидетелями, а кто хочет по-старому, тот может идти к священнику»⁵³. Такая терпимость к вопросам веры у отрядов, где присутствовало влияние радикальных анархистов, документально не подтверждается.

Скорбный мартиролог. Крестьянская «партизанщина» была направлена на физическое уничтожение всех, с кем ассоциировался образ «врага». Помимо тех, кто оказывал вооружённое сопротивление (офицерство, казачество, милиция, добровольцы), преследовались «белоручки»: буржуазия, интеллигенция, духовенство. Среди учёных нет единства относительно количества жертв от рук партизан. Собранные нами данные об убийствах представителей духовенства и мирян были взяты из метрических книг, периодической печати того времени, документов из фондов Российского правительства адмирала Колчака, воспоминаний участников событий. В предыдущей работе⁵⁴ мы предложили обобщённые данные количества жертв партизан в 1919 г. на территории Кузбасса: 26 человек, в том числе 18 священнослужителей. В таблице представлена информация об убитых из разных сибирских регионов, входивших в то время в состав Томской епархии.

Таблица

**Священники, церковнослужители и миряне, убитые партизанами
на территории Томской епархии в 1918–1919 гг.**

№	Ф.И.О.	Духовный сан / должность	Место служения	Дата гибели*	Обстоятельства убийства, отряд
1	Альферьев Дмитрий Константинович	иерей	село Зиминское, Барнаульский уезд	20 июля 1919 г.	
2	Аркатовский Алексей	иерей-беженец	село Хабаринское, Барнаульский уезд	около 20 июля 1919 г.	
3	Бонин Иоанн Николаевич	иерей	село Верх-Красноярское, Каинский уезд	июль 1919 г.	убит после истязаний
4	Быстрова Мария	супруга протоиерея	село Кыштовка, Каинский уезд	1919 г.	

⁵² ГА АК, ф. Р-483, оп. 1, д. 132, л. 6–7.

⁵³ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 1043, л. 15.

⁵⁴ Горбатов А.В., Мальцев М.А. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе...

5	Вангаев Сергей Иванович	иерей	село Ново-Троицкое, Каинский уезд	июль 1919 г.	
6	Воинов Иоанн Сергеевич	иерей	Каинский уезд	1919 г.	
7	Волянский Андрей	иерей	село Больше-Косульское, Мариинский уезд	15 августа 1919 г.	убит в храме во время богослужения
8	Громов Сергей Анемподистович	иерей	село Осколковское, Барнаульский уезд	около 20 июля 1919 г.	
9	Донорский Павел Николаевич	протоиерей	село Мироновское Барнаульский уезд	22 июня 1919 г.	зарезан отрядом Г. Рогова
10	Дуплов (Дуплев) Анатолий	иерей	село Кочковское Каменский уезд	25 августа 1919 г.	обезглавлен
11	Евстратьев Феодор Петрович	псаломщик	село Мочищенское, Томский уезд	11 марта 1918 г.	
12	Закурдаев Василий Иовлевич	иерей	село Дмитрово-Титово, Барнаульский уезд	октябрь 1919 г.	убит после истязаний отрядом Рогова
13	Конинин Феодор Алексеевич	иерей	село Мало-Панюшевское, Барнаульский уезд	около 20 июля 1919 г.	
14	Красносельский Михаил Васильевич	протоиерей	село Тогул, Бийский уезд	22 июня 1919 г.	убит после истязаний отрядом Рогова
15	Любуцкий Александр	иерей	село Троице-Пышкинское, Томский уезд	15 апреля 1919 г.	убит отрядом П. Лубкова
16	Мануйлов Александр Александрович	выпускник семинарии, псаломщик	село Тогул, Бийский уезд	1919 г.	убит отрядом Рогова
17	Мануйлов Александр Ильич	протоиерей	село Озерно-Титовское, Барнаульский уезд	22 июня 1919 г.	убит после истязаний отрядом Рогова
18	Нешумов Иоанн Павлович	иерей	село Тогул, Бийский уезд	1919 г.	убит отрядом Рогова
19	Никольский Виктор Иванович		село Сорокино, Барнаульский уезд	октябрь 1919 г.	убит отрядом Рогова
20	Одеров Фёдор	иерей	село Жерноковское, Змеиногорский уезд	14 января 1919 г.	застрелен
21	Остроумов Пётр	иерей	село Корниловское, Барнаульский уезд	июль 1919 г.	
22	Павлов Алексей Андреевич	протоиерей	село Чистюньское, Барнаульский уезд	20 июля 1919 г.	
23	Петропавловский Николай Фёдорович	протоиерей	село Белоглазовское, Змеиногорский уезд	около 20 июля 1919 г.	

24	Питирим	иеромонах	Александро-Невская пустынь, Барнаульский уезд	22(18) июня 1919 г.	убит отрядом Рогова
25	Попов Илья Иоаннович	иерей	село Вознесенское, Барнаульский уезд	июнь 1918 г.	
26	Сёмин Василий Макарович	иерей	село Вяткинское, Барнаульский уезд	около 20 июля 1919 г.	
27	Серафим	иеромонах	село Орлово Каинский уезд	август 1919 г.	
28	Скворцов Александр Венедиктович	иерей	за штатом	1919 г.	живым закопан в землю
29	Смельский Василий Викторович	иерей	село Солоновка, Барнаульский уезд	июнь 1919 г.	
30	Стефановский Михаил Данилович	псаломщик	село Жуланиха, Барнаульский уезд	22 июня 1919 г.	после истязаний убит отрядом Рогова
31	Ушаков Ювеналий Васильевич	диакон	село Чистюньское, Барнаульский уезд	20 июля 1919 г.	
32	Фавстрицкий Пётр Алексеевич	иерей	село Лушниковское, Барнаульский уезд	3 августа 1919 г.	убит после истязаний
33	Феогност	иеромонах	Александро-Невская пустынь, Барнаульский уезд	22(18) июня 1919 г.	убит отрядом Рогова
34	Филарет	иеромонах	Александро-Невская пустынь, Барнаульский уезд	22(18) июня 1919 г.	убит отрядом Рогова
35	Цветков Иоанн Васильевич	иерей	село Чистюньское, Барнаульский уезд	20 июля 1919 г.	
36	Челмодеев Илья Николаевич	псаломщик	село Черновское, Каинский уезд	12 мая 1919 г.	расстрелян
37	Чирков Александр Ильич	псаломщик	село Белоглазовское, Змеиногорский уезд	около 20 июля 1919 г.	
38	Шаров Михаил Семёнович	иерей	село Романовское, Барнаульский уезд	около 20 июля 1919 г.	
39	Шукшин Иоанн Амфилохиевич	протоиерей	село Хмелевское, Барнаульский уезд	июль 1919 г.	убит отрядом Рогова
40	Шукшина Мария	супруга протоиерея	село Хмелевское, Барнаульский уезд	июль 1919 г.	убит отрядом Рогова
41	Юловский Иоанн Владимирович	иерей	село Колпаковское, Барнаульский уезд	около 20 июля 1919 г.	

42	Яковлев Павел Яковлевич	иерей	село Дороховское, Томский уезд	15 апреля 1919 г.	убит отрядом Лубкова
43	Яцентный (Яцентый) Иоанн	псаломщик	село Чердатское, Мариинский уезд	май 1919 г.	

Составлено по: Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 21. 13 июня; Сибирская жизнь. 1919. № 165. 8 августа; № 211. 5 октября; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. № 229; Русский голос (Томск). 1919. № 1. 27 октября; Томские епархиальные ведомости. 1919. № 12, 15–6; Русская речь (Новониколаевск). 1919. № 168, 207, 211; Алтайские губернские ведомости. 1919. № 207, 208; Вестник Змеиногорска. 1919. № 62; Свободная речь (Семипалатинск). 1919. № 338. 2 февраля; Правительственный вестник (Омск). 1919. № 253. 9 октября; Голос армии (Омск). 1919. № 4. 1 октября; ГА АК, ф. Р-483, оп. 1, д. 10, л. 3; д. 119, л. 13–14. ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 1161, л. 3, 17; д. 1165, л. 8; д. 1166, л. 49–50.

* Даты приведены по старому стилю.

Основным объектом агрессии (согласно данным таблицы) служили священнослужители. По документально подтверждённым данным казнили 33 человека. Но жертв могло быть больше. Так, в воспоминаниях Е.Л. Куртукова упоминается, что в конце августа 1919 г. при налёте роговцев на Салаир погибли председатель земской управы и священник⁵⁵, однако их фамилии не указаны. Сообщения о расправах над представителями духовенства присутствуют в других воспоминаниях очевидцев и участников партизанских рейдов, но идентифицировать погибших сложно, есть опасность дублирования информации. Многие священно- и церковнослужители во время Гражданской войны покинули свои приходы или пропали без вести, что без верифицированных источников не позволяет внести их в список. Подсчёт жертв партизанского террора также затрудняет прибытие в Сибирь большого количества беженцев духовного звания, которые вне штата служили в приходах и могли быть также убиты. В 1914 г. (за следующие годы данные отсутствуют) в Томской епархии насчитывался 1901 священно-церковнослужитель, т.е. псаломщики, диаконы, иеродиакконы, протодиакконы, иереи, протоиереи, иеромонахи, игумены и архимандриты⁵⁶. Можно предположить, что в 1918–1919 гг. численность причта увеличилась за счёт беженцев, отступавших вместе с Белой армией с Урала, особенно с Пермской епархии. Кроме того, массовые убийства фиксировались не во всех регионах огромной Томской епархии, а в большей степени на территории современных Кузбасса и Алтайского края.

Говоря об обстоятельствах и способах убийства, чаще всего в источниках упоминается, что жертва практически без какого-либо сопротивления была зарублена шашками, заколота штыком, реже — застрелена. Упоминаются «рубка голов» или «снятие чулпанов⁵⁷» (обезглавливание⁵⁸), а также казни с особой жестокостью. Документальные источники свидетельствуют, что среди партизан, в том числе и роговцев, находились не только опасные рецидивисты-уголовники, но и патологические садисты.

⁵⁵ ГА КО, ф. П-483, оп. 1, д. 300, л. 4.

⁵⁶ Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 1–25.

⁵⁷ Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 5. Красноярск, 2010. С. 102.

⁵⁸ ГА НО, ф. П-5, оп. 6, д. 316, л. 96–97.

Как правило, вместе с убийствами приходского священника, диакона, псаломщика партизаны сжигали молитвенное здание, которое они предварительно подвергали грабежу. Уничтожались и колокольни, считавшиеся важными опорными оборонными пунктами. Примечательно, что большевики обвинили роговских партизан в разрушении и сожжении 96 церквей. «В конце концов это превратилась в эпидемию», — вспоминал В.А. Булгаков⁵⁹. Считаем, что эти количественные данные требуют дополнительной проверки.

Информация, почёрпнутая в разных источниках, нередко разноречива, может отличаться в деталях, но создаёт общую картину и показывает глубокий трагизм происходившего. Тяжесть положения семей репрессированных ярко иллюстрирует следующий эпизод. 17 декабря 1919 г. роговцы сожгли Покровскую церковь в селе Кольчугинском Кузнецкого уезда и зверски расправились со священником Василием Никодимовым. Он имел горнорудную специальность и помимо службы в храме был консультантом на Кольчугинском руднике⁶⁰. На руках вдовы остались семь сирот, и вскоре после гибели мужа она лишилась рассудка.

Красное партизанское движение в Западной Сибири получило широкое географическое распространение, коснулось всех уездов юга Сибири и продолжалось около двух лет. Сосредоточение анархистских элементов в повстанческих отрядах привело к росту насилия по отношению ко всем, кто ассоциировался с прежней властью, в том числе к духовенству и церковным активистам. Немалую роль играл субъективный фактор: особенности психолого-личностных характеристик и мировоззренческих установок командиров партизанских отрядов.

По неполным данным и нашим приблизительным подсчётам, от рук партизан в 1918–1919 гг. погибли около ста представителей духовенства и служителей Церкви на юге Западной Сибири. Партизаны сожгли до полусотни храмов и других церковных построек, их грабежи нанесли существенный урон экономической жизни приходов. Численность служителей Церкви сократилась, многие покинули Западную Сибирь.

Преследование и истребление духовенства, грабежи и поджоги церквей оказывали мощное морально-психологическое воздействие, прерывали или прекращали регулярное функционирование приходов, что приводило к дезорганизации института Церкви и крайне болезненно воспринималось верующими. Неоднократно упоминающиеся в советской и современной научной литературе факты участия священнослужителей в карательных мероприятиях и военных столкновениях практически не имеют документальных оснований. Приближение к достоверной фактической картине Гражданской войны в различных измерениях, в том числе к проблеме террора красных партизан по отношению к духовенству и верующим, позволило снять некоторые вопросы и, разумеется, поставило новые.

⁵⁹ Новокузнецкий краеведческий музей, НФ-Д, оп. 1, раздел № 3, д. 64, л. 30–31.

⁶⁰ Христа не предавшие: к 100-летию первых мученических подвигов за веру на территории современной Кемеровской области. Кемерово, 2019. С. 222, 230–232.

Европейская культура, мировая война, русская революция. Пути и перспективы переосмысления

Владимир Булдаков

European culture, World War, Russian Revolution. Pathways and prospects for rethinking

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24040118, EDN: FFGCCV

Принято считать, что война по своему духу противоположна культуре, несмотря на то что последняя вдохновляется её героическими и трагическими образами. Попытки связать культуру и войну преемственной зависимостью способны вызвать нравственное неприятие. Между тем война — это явление культуры в её широком, креативно-историческом смысле. Первая мировая война стала олицетворением кризиса европейской культуры как экзистенциального целого. Неслучайно на Западе эту войну стали оценивать как коллективное самоубийство европейской культуры¹. Однако российские исследователи избегают подобного дискурса. Предлагалось также рассматривать войну как столкновение культур² или внутрикультурный коллапс, как в случае с Французской революцией³. Такой подход в современной России способен встретить сочувствие.

Очевидно, что игнорирование системной взаимосвязанности таких грандиозных феноменов, как культура и война, вызвано недопониманием их сущностных основ. Так, причины Первой мировой войны обычно выводятся из неё самой — из вооружений, милитаризма, империализма. Подразумевается, что европейская культура не несёт за явления этого ряда никакой духовно-исторической ответственности. Такое положение объясняется зауженным пониманием культуры — как чего-то эстетически отчуждённого, элитарно обособленного и, конечно, неизменно пацифистского по своему духу. Между тем само происхождение войны тогдашние пропагандисты связывали с агрессивным вырождением культуры, правда, имея в виду только своих противников. И это не случайно. Сложившиеся концепты культуры исходили преимущественно из её автохтонных «самоописаний» и внешних характеристик.

© 2024 г. В.П. Булдаков

¹ См.: Bunnep P. Ю. Гибель европейской культуры. М., 1918; Barnes H.E. The Genesis of the World War: An Introduction to the Problem of War Guilt. N.Y., 1926; Renouvin P. La crise européenne et la Grande guerre (1904–1918). P., 1934; Guerres et Cultures: 1914–1918. P., 1994; Kramer A. Dynamics of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford, 2007; Hastings M. Catastrophe: Europe Goes to War 1914. L., 2013; etc.

² Одним из первых заговорил об этом ещё до войны Г. Уэллс (Уэллс Г. Освобождённый мир: Повесть о человечестве. [М.], 1914). Также см.: Человек и война: Война как явление культуры. М., 2001; Guerres et Cultures...; The First World War as a Clash of Cultures / Ed. F. Bridgham. Rochester (NY), 2006.

³ См.: The New Cultural History / Ed. by L. Hunt. Berkeley; Los Angeles, 1989.

Всякая культура — явление социально-историческое, безотносительное к его конъюнктурным оценкам. П. Флоренский, выдающийся мыслитель начала XX в., определял культуру как *совокупность энергий*, т.е. видел в ней эманацию творческого начала в человеке⁴. Такое представление неотделимо от образа *империи* как инструмента насаждения и господства определённого типа культуры. «Империи существуют внутри и посредством культуры, — отмечает современный философ. — В самом широком смысле культура — всё созданное руками и духом человека и в отличие от природной среды — “природа вторая”»⁵. Соответственно культура может проявить себя и в архаично-насильственной форме — всё зависит от информационно-энергетических особенностей той или иной имперской среды. В начале XX в. европейское культурное пространство оказалось перенасыщено духом *агрессии* — этому есть своё объяснение.

Эпоха Просвещения близилась к самоистощению — империализм, согласно Дж. Гобсону, стал её болезненным отрицанием⁶. Действительно, могло показаться, что духовные основы европейского мира расшатывали Ч. Дарвин, О. Конт, Э. Ренан, К. Маркс, Ф. Ницше. Позднее О. Шпенглер в «Закате Европы» пессимистически описал этот феномен, принципиально противопоставив культуре цивилизацию. Последнюю он связывал с выхолащиванием духа культуры с помощью её же технологических достижений. Соответственно креативный потенциал общеевропейского культурного наследия опошился духом потребительского гедонизма и сопутствующими «национальными» страхами.

По своей природе всякая культура авторитарна и иерархична. Теперь её целостность стала распадаться под влиянием неведомых ранее факторов. Как писал позднее Х. Ортега-и-Гассет, люди оказались внутри эпохи, которая чувствует себя «способной достичь чего угодно, но не знает, чего именно». Потому она «владеет всем, но только не собой», и «заблудилась в собственном изобилии»⁷. Конечно, ссылка на утрату культурного телеологизма выглядит туманно. На практике всякое общественное «изобилие» порождает новые вожеления, которые по мере роста социального неравенства легко принимают «классовую» направленность. И всё же культурологи продолжают недоумевать: почему немцы поддались «целенаправленному обману, который вызвал жестокую колониальную, захватническую войну, принимаемую за войну оборонительную?»⁸. Остаётся предположить: они противопоставили «свои» ценности моральному наследию всей многовековой европейской культуры. Немцы стали мыслить «вровень с веком», однако *вопреки* его сложившемуся культурному наследию.

Историки обычно не замечают последствий тех глубинных социокультурных сдвигов, которые претерпевает мир — сказывается «слепота современности». Так, конец XIX в. ознаменовался не только спонтанным ростом и, соответственно, «омоложением» европейского населения, но и всплеском «анархического» бунтарства; не только стихийной урбанизацией, но и ростом городской преступности. Это вроде бы заметили, однако недооценили роль информационной революции и миграционных процессов. Между тем материальный прогресс изменял привычную картину мира: реальное, воображае-

⁴ Флоренский П. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 2013. С. 68.

⁵ Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М., 2017. С. 10.

⁶ Гобсон Дж. Империализм. М., 2009. С. 17.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1997. С. 64.

⁸ Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019. С. 6.

мое, символичное словно менялись местами — человек готов был устремиться в неведомое. Такое психически шаткое состояние подогревалось радикальными — как интернационалистскими, так и националистическими — доктринами. Распространение массовой культуры и средств информации фактически парализовало рост сознательной гражданственности и решимость людей на самостоятельный выбор. Сказывался и прогресс технологий: некоторые авторы связывали с этим рост индивидуальных психозов, другие, напротив, — распространение чувства всеобщей беззаботности⁹. В любом случае человек стал легко увлекаться образами-идеями, которые к его бытовому существованию вроде бы не имели отношения. В результате внешне образованный человек Модерна незаметно опускался к стадному существованию: он всё чаще руководствовался предубеждённостью, а не искренностью, страхом, а не доверием, инстинктом, а не рассудком¹⁰. «Опаснейшие силы человеческого духа оставались вне прогресса и даже, может быть, значительно регрессировали», — уже в 1917 г. отмечал М.О. Гершензон. А потому, заключал он, «война вышла... из недр человеческого духа»¹¹.

Вероятно, наименее заметным, но наиболее значимым следствием этих подвижек стало то, что Ф. Ницше назвал *ресентиментом* — сгустком безадресной агрессивности, неуклонно накапливающейся в обществе под покровом относительного достатка и благополучия. Ресентимент не идентичен криминаленности, спектр его последствий гораздо шире, поскольку он захватывает не только низы, но и культурные элиты. Позднее М. Шелер связал его с самоотравлением общества негативными эмоциями, способными прорваться мстительными порывами. И этот сгусток недовольства, раздражительности, зависти, коварства пробивался наружу по мере ослабления традиционных нравственных сдержек и появления новых социальных идеалов¹². Именно это и случилось как в демократической Европе, так и в самодержавной России — оживился «человек бунтующий». Между тем М. Горький в предреволюционное время по-своему прославлял «босяков» — откровенно асоциальных диссипативных элементов.

Несомненно, Российская империя, в отличие от Европы, продуцировала ресентимент на всём протяжении своего существования. В известном смысле это было обусловлено её пространственной природой. Веками цари и императоры были, в сущности, озабочены одним: как превратить неуклонно расширяющуюся территорию с растущим полиэтничным и поликонфессиональным населением в управляемое *пространство власти* — иначе единая государственность просто не могла существовать. Но этатизация социокультурного пространства

⁹ Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017. С. 177, 203.

¹⁰ Подробнее см.: Булдаков В.П. 1914 год: русская культура перед лицом европейского кризиса // Политическая концептология. Журнал междисциплинарных исследований (Ростов-на-Дону). 2015. № 1; Булдаков В.П. Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. М., 2017; Булдаков В.П. Революция и культура: траектории переосмысления // Не отступая, быть самим собой. К 100-летию со дня рождения К.Н. Тарновского. Сборник статей и воспоминаний. М., 2021; Булдаков В.П. Война, революция, агония Серебряного века // Философические письма. 2022. № 4; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Первая мировая война: основные тренды российской культурной жизни // Труды Института российской истории. Вып. 17. М., 2023.

¹¹ Гершензон М. Избранное. Т. 4. Тройственный образ совершенства. М.; Иерусалим, 2000. С. 13–14.

¹² Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 13, 16, 18, 23–24.

неизбежно сдерживала самостоятельные порывы населения, сдавливала естественную людскую энергетику. В результате привычной формой существования «слишком большой» империи становился *застой* всей — от предпринимательства до наук — общественной жизни¹³. Со временем самодержавный режим стал ассоциироваться с неоправданной репрессивностью и даже тиранией, намеренно препятствующих прогрессу. А попытки «подморозить Россию» во времена двух последних императоров породили особо болезненную форму репрессивности в тогдашних элитах.

Впрочем, внутреннее напряжение росло повсеместно. Ещё в XIX в. знаменитый психиатр Ч. Ломброзо отмечал, что «лихорадочная деятельность, охватывающая большие города и крупные центры», создаёт «массу невравственных, истеричных, нравственно-помешанных, всю эту армию беспощадных эгоистов, людей без привязанностей»¹⁴. Из-под покрова прогрессивных достижений всё чаще прорывались неведомые силы. В 1897 г. В.М. Бехтерев указывал на «психические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями»¹⁵. Стал вызывать беспокойство и рост политических преступлений¹⁶. Действительно, в 1910–1914 гг. в Европе произошло около сорока покушений на государственных и военных деятелей. Увы, выдающиеся умы того времени, особенно Ломброзо, сконцентрировались на изучении преступников, а не причин, вызвавших их размножение.

В материальном отношении западный мир становился всё более однородным и «сытым», однако его культурная целостность распадалась, а народы взаимноотчуждались. С. Цвейг вспоминал о «той ужасающей агрессивности, которая проникала в кровообращение времени»¹⁷. Ни силы интернационализма, ни проповедь пацифизма не смогли преодолеть этой тенденции. Люди предугадывали напасти, но не знали, как им противостоять. Впрочем, всё больше становилось таких, кто готов был ринуться в будущее, видя в этом спасение.

В России особенно ощущали приближение катастрофы. В мае 1914 г. в парижском кафе барон Н.Н. Врангель (брат известного белого генерала) заявил: «Мы стоим перед событиями, подобных которым свет не видал со времён переселения народов. Культура, пришедшая, как наша в футуризме, к самоотрицанию, подходит к концу. Скоро всё, чем мы живём, покажется миру ненужным, наступит период варварства»¹⁸. Возможно, этот тонкий искусствовед улавливал то, что не было дано другим. И он был не одинок. Накануне войны Н.К. Рерих выступил с картиной «Град обречённый»: белый город опоясан гигантским красным змеем. М. Горький назвал это произведение пророческим, а Рериха — «величайшим интуитивистом»¹⁹. Искусствовед А.И. Гидони писал о предвоенных работах Рериха: «Стихия этих картин — пожар. И кажется, что художник... бродя в мире творческих видений, ощутил внезапно некую трево-

¹³ См.: *Корольёв С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

¹⁴ *Ломброзо Ч.* Безумие прежде и теперь. Одесса, 1897. С. 6.

¹⁵ *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2009. С. 246.

¹⁶ *Ломброзо Ч., Ляски Р.* Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. В 2 ч. СПб., 1906. С. 36–38.

¹⁷ *Цвейг С.* Вчерашний мир. М., 2004. С. 34.

¹⁸ *Зубов В.П.* Страдные годы России (1917–1925). М., 2004. С. 41.

¹⁹ *Беликов П.Ф.* Рерих и Горький // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 217. Труды по русской и славянской филологии. XIII. Горьковский сборник. Тарту, 1968. С. 258.

гу... Он припал ухом к земле, прислушался. И был шум, крики, смятение в одном стане, тишина великая — в другом»²⁰. Впрочем, людям высокой культуры было чего опасаться и без страхов перед призраком войны — российская столица бурлила рабочими выступлениями, в которых некоторые видели начало новой революции.

Среди российских элит доминировали европейские ценности, их политическая культура копировала западную, и даже Серебряный век по-своему пародировал европейский Модерн. Вместе с тем западные авторы — от Ницше до М. Хайдеггера — обратили внимание на феномен нигилизма, который показался им специфически русским явлением²¹, ужасающим своими последствиями. Примечательно, что в апреле 1915 г. австрийский писатель П. Эрнст, в прошлом социалист, в письме философу-марксисту Г. Лукачу так отзывался о книге Ропшина (Б.В. Савинкова): «Книга рисует картину болезни... Если бы я был русским, я тоже, конечно, стал бы революционером и, весьма вероятно, террористом». По его мнению, автор страдает «от чувства, что государство, а с ним, вероятно, и нация больны... Это ужасно, что честный человек в подобной ситуации неизбежно должен совершать преступления»²².

Другой крайностью российского предреволюционного времени становился суицид. Мотивация самоубийц была разнообразной: от недовольства школьными порядками до протеста против репрессивной государственности. Одни связывали распространение самоубийств с российским декадентством и Модерном, другие полагали, что «суицид вошел в репертуар революционного действия»²³. Разумеется, трудно установить, что творилось в душах становившихся неприкаянными людей. Однако неосознанное недовольство захватывало и «сонную» провинцию. Из анализа литературных произведений — а они стали своеобразным барометром общественных настроений — было очевидно, что тогдашняя «расщепленность сознания» российских граждан закономерно «преломилась во внешней сумбурности вроде бы немотивированных поступков»²⁴.

Если стихийная урбанизация превращала города в сгусток современных противоречий (всё чаще воспринимаемых как «классовые»), то деревня словно застряла в доиндустриальной эпохе. Это вызывало то «покровительственный», то пренебрежительный взгляд на крестьянство со стороны российских элит. То, что судьба России связана с прогрессом деревни, понимали все. Однако со времён П.А. Столыпина вывести основную массу населения из застойно-недовольного состояния уже никто не мог.

Тем не менее принято говорить, что русская деревня неуклонно прогрессировала: росла грамотность крестьян, совершенствовалась агротехника. Статистические данные это вроде бы подтверждали²⁵. Отсюда общеевропейское преклонение перед людской неисчерпаемостью России, которое эксплицитно подогревало вполне определённые стратегические планы. Однако чего стои-

²⁰ Гидони А.И. Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. № 4–5. С. 32.

²¹ Считалось даже, что «одной из причин развития нигилизма в России была чрезмерная интеллектуальная культура женщин» (Ломброзо Ч., Ляски Р. Указ. соч. С. 69), т.е., говоря современным языком, возникла болезненная форма сублимации.

²² Лукач Г. Ленин и классовая борьба. М., 2008. С. 37.

²³ Morrissey S.K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge (Mass.), 2006. P. 311, 314.

²⁴ Еришов М.Ф. Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX–XX вв. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 64.

²⁵ См.: Тэри Э. Россия в 1914 г.: экономический обзор. Париж, 1986.

ли подобные оптимистичные представления, если даже официальные данные, предлагаемые сервильными чиновниками, ясно указывали: урожайность не поспевает за галопирующим ростом сельского населения. Это означало, что центру России угрожает такое перенаселение, за которым при неурожае может последовать полоса голодных бунтов.

Обнаружились и ближайшие поводы для беспокойства. Ещё в 1912–1913 гг. руководство полиции и жандармерии пришло к заключению: революция в виде массового вооружённого восстания неизбежна и состоится в ближайшие годы при активном участии и поддержке войск — не только нижних чинов, но и офицерского состава, по типу революций в Турции (1909) и Португалии (1910)²⁶. Как видно, российские охранители руководствовались «прецедентным мышлением», учитывая «ненадёжность» монархического правления. К тому же, поскольку по долгу службы им надлежало «бдеть», они старались «пугать». Между тем, независимо от полицейского алармизма, перед мировой войной в Совете министров с тревогой отмечали рост немотивированного молодёжного хулиганства в деревне. Считалось, что исправить положение можно путём активизации приходской жизни²⁷. Однако к тому времени «огосударствлённая» Церковь находилась в упадке: об «оскудении священства» и соответствующем усилении сектанства заговорили сами её служители²⁸.

Некоторые психиатры называли и конкретных лиц, якобы нагнетавших атмосферу общественного пессимизма: «Первый камень в царский престол бросили не бесы подполья, а наэлектризованная ими привилегированная группа бар-помещиков с фрондирующими отпрысками родовой аристократии». В их число странным образом включали «больного кумира большого общества» А.П. Чехова, а также Г.В. Плеханова и П.Б. Струве, якобы передавших Россию «в руки большевиков»²⁹. Маниакальность такого рода трансформировалась в конспирологию наших дней.

* * *

Европейская нервозность, питаемая подозрительностью, скоро стала концентрироваться на противодействии «чуждой» культуре. Глобальное уплотнение человеческого общежития вынудило европейцев более пристально вглядываться в «соседей»³⁰. Одновременно реанимировались представления о войне как средстве психического «оздоровления» своей нации. В наши дни польский исследователь М. Гурный обратил внимание на «войну духа», которая предшествовала, а затем сопровождала ход военного столкновения. В связи с этим заговорили о грядущем столкновении германской и славянской рас, причём к легковесным журналистам присоединились университетские авторитеты. Само по себе появление «науки с национальным характером» озна-

²⁶ Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние: спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 557–558.

²⁷ Особый журнал Совета министров № 6 от 9 января 1914 г. По вопросу о мерах борьбы с хулиганством в сельских местностях // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 44.

²⁸ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002; Леонтьева Т.Г. Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 279–299.

²⁹ Краинский Н.В. Психофильм русской революции. М., 2016. С. 25, 27, 37–38.

³⁰ См.: Булдаков В.П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95–108.

чало, что гуманизм европейского Просвещения поразила старая, как мир, фобия. Война «породила не новые конфликты, а пробудила... старые, дремавшие призраки»³¹.

Как известно, попытки классифицировать расы и народности в рамках дихотомии «цивилизация—варварство» предпринимались ещё в античные времена. Теперь они стали опираться на позитивистские методы: «дух народа» выводился то из языка, то из антропологических данных, то из психологических характеристик. Складывались представления о «старых» и «молодых» расах. «Единая» Европа пропитывалась ядом этнонационального гегемонизма.

Российские обществоведы с характерологическими исследованиями запоздали. Вероятно, сказался феномен имперского патернализма, официально практиковавшего «отеческое» отношение к малым и «отсталым» народам. Тем не менее российская этнофобия росла снизу: начиная с еврейских погромов (хронологически совпавших с развёртыванием крестьянской революции) и заканчивая борьбой с «немецким засильем». Джин шовинизма был повсеместно выпущен из бутылки, что означало закат великой, но ставшей близорукой эпохи Просвещения.

Мировая война не была для европейских интеллектуалов экзистенциальной неожиданностью: уже 8 августа 1914 г. философ А. Бергсон произнёс первую из своих речей, посвящённых столкновению цивилизации (её олицетворяли Франция и Англия) с немецким варварством. Затем развернулась вакханалия взаимных обвинений. Так, обращение «К культурному миру» виднейших немецких учёных и литераторов состояло из безоговорочного набора антитезисов: «Неправда...»³². Г. Лебон утверждал, что немецкие интеллектуалы, впав в мистическое исступление, «отрицают очевидное и интерпретируют факты лишь в свете своих иллюзий»³³. Известный писатель М. Алданов едко заметил, что «из 93-х авторов манифеста 12 имеют чин превосходительства, который, кстати сказать, все двенадцать не преминули отметить в своей подписи». Империя требует своих оракулов. В дальнейшем немецкие публицисты продолжили твердить об «особом пути» Германии, призванной возглавить европейский мир. Их оппоненты ответили ссылками на «вредоносную» политическую культуру лютеранства и на пагубное засилье немецких «мандаринов»³⁴. Атмосфера идейной агрессии захватывала молодёжь. «Война, как дурман, опьяняла нас, — признавал позднее герой войны и философ Э. Юнгер. — Ведь война обещала нам всё: величие, силу, торжество»³⁵. Российский публицист Г. Ландау констатировал: в современном обществе «идея, овладевшая массами», с помощью профессиональных пропагандистов способна породить невиданный эффект³⁶.

В целом полемика наслаивалась на исторически сложившиеся взаимопредставления немцев и французов. Затем первые ополчились на англичан. Паль-

³¹ Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб., 2021. С. 18.

³² Ringer F. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge (Mass.), 1969; Flasch K. Die geistige Mobilmachung: Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch. Berlin, 2000.

³³ Лебон Г. Вчера и завтра. Сжатые мысли. М., 2016. С. 20.

³⁴ Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М., 2006. С. 34.

³⁵ Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000. С. 35.

³⁶ Ландау Г.А. Сумерки Европы. М., 2022. С. 58.

ма первенства принадлежала В. Зомбарту, противопоставившему доблестных «героев» (немцев) жалким «торговцам» (англичанам). На деле, считает Гурный, немцы реактивировали героические мифы в качестве противоядия обывательскому «женоподобию»³⁷. Не менее решительно выступил М. Шелер, заявивший, что британскому уму, погрязшему в эмпирике, не дано вдохновиться «метафизикой войны»³⁸. По его мнению, современные англичане смешивали культуру с комфортом, мышление — с вычислением, объяснение с классификацией, нравственность — с правом, власть — с пользой³⁹. Однако эти едкие характеристики в не меньшей степени могли быть переадресованы самим немцам — речь шла всего лишь о степени проникновения «духа капитализма» в психику отдельных народов. «Германские философы явно продемонстрировали свою колоссальную сноровку в попытках оправдать атавистические порывы своего народа к завоеванию, убийствам и грабёжам»⁴⁰, — утверждал позднее Лебон. На деле ресентимент сомкнулся с текущей геополитикой.

Война стала восприниматься в глобально-революционном контексте. «Начало мировой войны проводит красным широкую итоговую черту под этой эпохой, — писал позднее Юнгер. — В приветствующем её ликовании добровольцев... скрыт революционный протест против старых оценок, действительность которых безвозвратно утрачена. Отныне в поток мыслей, чувств и фактов вливается новая, стихийная окраска»⁴¹. Со своей стороны, Т. Манн вспоминал немецкого социал-демократа, который настойчиво убеждал, что именно предвоенный патриотический подъём «стал причиной мировой войны, которую он назвал мировой революцией»⁴². Такие представления не были редкостью. Позднее, в 1918 г., В. Ратенау, выдающийся организатор германской военной промышленности, признал, что война между народами на деле оказалась «мировой революцией, вулканическим возмущением мощных пылающих нижних слоёв человечества»⁴³.

Феномен «революционного империализма» был связан с кризисом социалистического интернационализма. Война явилась продуктом разложения старой «одряхлевшей» культуры, а потому люди надеялись на её «революционно-спасительную» роль. Через 20 лет германский историк В. Шюсслер с восторгом вспоминал о «великой немецкой революции, которая началась в 1914 г. и которая сделает нас окончательными победителями в мировой войне»⁴⁴. Сходные прогнозы делались и в России.

Казалось, что война открывает грандиозные возможности. А. Парвус (А.Л. Гельфанд), считавший себя истинным социал-демократом, полагал, что революционное поражение царизма следует подтолкнуть с помощью Германии, которой надлежит использовать всевозможных пацифистов, максималистов и сепаратистов. План по-своему учитывал революционные последствия русско-японской войны. Вместе это был «знак эпохи»: мучительное психиче-

³⁷ Гурный М. Великая война профессоров... С. 264.

³⁸ Scheler M. Der Genius des Krieges und Deutsche Krieg. Leipzig, 1915. S. 43.

³⁹ Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия. М.; СПб., 2022. С. 19–24.

⁴⁰ Лебон Г. Вчера и завтра... С. 18.

⁴¹ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 113.

⁴² Манн Т. Размышления аполитичного. М., 2015. С. 418.

⁴³ Ратенау В. Новое хозяйство. М., 1923. С. 4–5.

⁴⁴ Корнелисен К. Фронтное поколение немецких историков и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 278.

ское напряжение тех лет провоцировало как редкие прозрения, так и чудовищные авантюры.

Конечно, были люди, смотревшие на события достаточно реалистично. Через день после вступления Великобритании в войну Г. Джеймс — писатель, серьёзно озабоченный проблемой «столкновения культур», — отметил: «Сползание цивилизации в эту пропасть мрака и крови является... очевидным развенчанием всей долгой эпохи, на протяжении которой нам представлялось, что мир постепенно совершенствуется»⁴⁵. Война выросла из самообольщений «прогрессивного» человечества. Остановить их поток было невозможно.

Российские либеральные и социалистические элиты привыкли ученически внимать западным интеллектуалам. Европейская война вызвала в их среде эмоционально-нравственный переполох, а затем раскол. Поспешно поднялась волна протестов по поводу «немецких зверств». Соответствующее воззвание подписали писатели М. Горький, А. Серафимович, Г. Скиталец, художники А. и В. Васнецовы, К. Коровин, скульптор С. Меркуров, певец Ф. Шаляпин. Люди разрывались между разумом и чувством, личными симпатиями и стадной ненавистью. Впрочем, звучали и иные голоса — и не только консерваторов-германофилов и упрямых интернационалистов. В мае 1915 г. З. Гиппиус писала: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как зарезанная, о войне с первого момента. И как бездарно, один стыд сплошной»⁴⁶.

Со временем тогдашние «патриоты» сосредоточились на доказательстве извечной враждебности германизма к славянству. Прибегали даже к авторитету Ю. Крижанича. Немцы, по его убеждению, — якобы вековечный и злейший враг славянства. Крижанич называл их «гордыми, надутыми, достойными осмеяния и суетными владыками мира», отмеченными «холодной, сознательной и бесчеловечной жестокостью». Причину господства немцев автор начала XX в. объяснял доверием славян к инородцам, или «чужебесием». Последствия были ужасными: «немецкое иго страшнее монгольского»⁴⁷.

Разумеется, Крижанич высказывался о германских соседях не столь однозначно. К тому же он, в отличие от «патриотов 1914 года», отнюдь не выдвигал панславистских идей⁴⁸. Жёстко отвергая выдумки отдельных иностранцев, он выделял тех западных авторов, которые «не хулят наших простых вещей и скромного нероскошного образа жизни»⁴⁹. О противоборстве славянства и германизма речи вообще не заходило. Однако теперь некоторые публицисты принялись доказывать, что «целью нашей славянской политики должно стать создание всеславянского союзного государства, состоящего из ряда автономных уделов»⁵⁰. Сомнительно, что подобные планы могли прельстить всех славян, не говоря уже о союзниках по Антанте.

Очень скоро обнаружилось, что попытка насаждения православия в оккупированной русскими войсками Галиции обернулась неудачей. Рьяно взявшийся за дело ученик архиепископа Антония (Храповицкого) епископ Евлогий (Георгиевский), по сути дела, восстановил против России славян Австро-Венгрии. Даже его «учитель», человек крайне правых взглядов, как явствует из

⁴⁵ Цит. по: Фассел П. Великая война и современная память. СПб., 2015. С. 31.

⁴⁶ Гиппиус З. Петербургские дневники. М., 1982. С. 114.

⁴⁷ Георгиевский А. Юрий Крижанич и современная действительность. Казань, 1914. С. 5–6.

⁴⁸ Пичета В.И. Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. СПб., 1914. С. 3.

⁴⁹ Крижанич Ю. Политика. М., 2003. С. 224–225.

⁵⁰ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 85, 88.

переписки, был расстроен его деяниями⁵¹. Причина неудачи состояла в том, что присланные (подчас «сосланные») из России малограмотные священники пытались внедрить «истинную» веру административными методами. Местное население, напротив, привыкло иметь дело с католическими и униатскими клириками, получившими университетское образование.

Безрассудные антигерманисты обнаружили и среди российских интеллектуалов. В ноябре 1914 г. 33-летний православный философ В.Ф. Эрн в публичной лекции составил единый ряд «врагов России» — от Канта до Круппа⁵². Мнения по этому поводу, правда, разделились. Примечательно, что сходной логики придерживался Лебон, заявлявший, что понять истоки войны можно, вчитавшись в труды германских философов, историков и экономистов «за последние полвека»⁵³. Несколько позже варшавский профессор утверждал нечто подобное, ссылаясь на И. Канта и Л. Фейербаха⁵⁴.

Образ Канта по-своему эксплуатировался и с противоположной стороны. Известный британский германофил и расист Х. Чемберлен (фигура редкая, но по-своему символичная) находил родство между религиозным мировоззрением Канта и «живым ядром учения Христа». По его мнению, Кант — «первый совершенный образец свободного германца» и вместе с тем «истинный продолжатель Лютера»⁵⁵. Со своей стороны, германский военный теоретик Ф. Бернгарди «осуждал» Канта за проповедь пагубной «идеи всеобщего братства»⁵⁶. Между тем Канта уместнее было отнести к «прагматичным» пацифистам (что со временем стало характерно для новоевропейского отношения к войне). В работе «К вечному миру» (1795) он, выступая против «бесчестных военных хитростей», добивался конвенционального ведения войн⁵⁷. Так или иначе, европейские мыслители вольно или невольно начали искажать общее культурное наследие во имя имперского гегемонизма. Гурный обратил внимание на то, как в 1915 г. на эту тему высказался З. Фрейд. По мнению венского профессора, война продемонстрировала жалкое состояние всей европейской культуры, причём значительная часть ответственности лежала на учёных: «Антрополог стремится провозгласить противника низшим и вырождающимся; психиатр диагностирует у него душевную или умственную болезнь»⁵⁸.

В этих условиях о К. Марксе вспоминали преимущественно социалисты, шокированные бесславным крахом Интернационала. А для большинства интеллигентных обывателей марксизм встал в единый ряд с прочими зловредными порождениями немецкой культуры⁵⁹. При этом некоторые связывали с войной «конец гегемонии германского социализма и марксизма» и, соответственно, окончание «идейного ученичества» русской мысли⁶⁰. Так или иначе, и Европа,

⁵¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 994, л. 1361; д. 995, л. 1494.

⁵² Первоначально Эрн назвал свою лекцию вызывающе: «Бронированный свищ», однако устроители на такое название не согласились. См.: *Ильин И.А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы (1903–1938).* М., 1999. С. 84.

⁵³ *Лебон Г. Вчера и завтра...* С. 30.

⁵⁴ *Есинов В.В. Германцы. I: Жестокий народ. II: Жестокое право.* Варшава, 1915. С. 33.

⁵⁵ *Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия.* Т. 2. СПб., 2012. С. 349, 352.

⁵⁶ *Бернгарди Ф., фон. Современная война. Основы современной войны. Бой и ведение войны.* Накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 2018. С. 7.

⁵⁷ *Кант И. Критика способности суждения.* СПб., 2006. С. 460–466.

⁵⁸ *Гурный М. Великая война профессоров...* С. 288–289.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 978, л. 17.

⁶⁰ Там же, д. 979, л. 59.

и Россия скатывались к интеллектуальному оскудению. Одним из показателей этого стала дикая волна конспирологических вымыслов и слухов, породивших физически отталкивающий образ злонамеренного врага⁶¹.

Российскому обществу суждено было пережить своё особое духовное грехопадение. Церковной прессе пришлось обосновывать необходимость и даже «полезность» войны, разоблачать замыслы всевозможных внешних и внутренних врагов вопреки принципу «не убий!» и пафосу Нагорной проповеди. Некоторых иереев эта задача вдохновляла. Так, кишинёвский миссионер доказывал, что «война за правое дело есть дело Божие... наивысший долг любви, заповеданной Спасителем... и всякий, говорящий иное, есть изменник Богу, царю, вере, родине и всей нашей русской христианской жизни»⁶². Конечно, это заявление выглядело сомнительно, поскольку православная Болгария, как и Румыния, пока не определились со своей ориентацией.

Тем не менее некоторые неославянофилы связывали с войной особые надежды. Православный философ С.Н. Булгаков в начале августа 1914 г. в частном письме сообщал: «Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать наша православная Церковь!». Вряд ли подобные самообольщения увлекали всех. Либерал Е.Н. Трубецкой комментировал: «Булгаков говорит о гниении Запада и о народе-богоносце в стиле “Русланд, Русланд юбер аллес”». Он находил, что это «плохой и вредный перевод с немецкого»⁶³. Тем не менее в «патриотический» самообман впадали многие мыслители.

Православная Российская Церковь фактически подхватила светские гегемонистские и этнофобские аргументы. В первую очередь это касалось обоснования права России на завладение Черноморскими проливами и особенно символом торжества православия — Святой Софией. Наряду с этим Церковь по-своему продвигала идею противостояния славянства и германизма — как последней битвы православия с лютеранством. Соответственно поддерживалась «освободительная» миссия Российской империи по отношению к славянским народам, включая католические. Вместе с тем утверждалось, что «христианство с его проповедью мира, любви и братства народов — антипод мусульманства с его религиозно-национальным партикуляризмом и фанатической нетерпимостью». Из этого делалось парадоксальное заключение: если «между христианством и исламом в принципе невозможен союз», то, напротив, Германия и Турция — это союз «двух родственных по духу сил»⁶⁴. Получалось, что война давала шанс ответить на вызов, который был «брошен дряхлеющей мусульманской империей» и германизмом. России пришлось «взять в руки меч Олега и Игоря, чтобы осуществить для них несбыточные русские заветы». В послании Синода «За что мы воюем?», адресованном славянам занятых русской армией территорий, говорилось: «Немцы поняли, в чём главная сила Руси и всего славянства — в вере православной», и стали вести под неё «подкопы». Далее утверждалось: «Католики захватили в свои руки власть над православной Церковью. От них стало зависеть назначение православных епископов... Они наполняли православные страны проповедниками чужой веры... Немцы под-

⁶¹ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 90–91.

⁶² Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 11. С. 236.

⁶³ Взыскующие града: хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 585, 594.

⁶⁴ Церковный вестник. 1914. 20 ноября. № 47. Стб. 1425.

держивали унию»⁶⁵. «Германское движение явно стремится отрезать нас с юга от остального мира и охватить полукругом, отодвинув к азиатской стороне», — пугали в православной прессе⁶⁶.

В 1916 г. архиепископ Антоний (Храповицкий) открыто признавал, что «русское правительство, представительное и исполнительное, русское общество и русское земство оторвалось от русской истории, от... народной культуры». Однако он тут же призвал «приложить все усилия к воссозданию Византийской империи», включавшей в себя «все греческие провинции Балканского и Мало-азиатского полуостровов»⁶⁷. Похоже, даже этот достаточно предусмотрительный идеолог утратил чувство реальности: за 34 года до его заявления ненавидимый им Э. Ренан предупреждал, что «разделение Европы зашло слишком далеко, чтобы попытка к универсальному господству не вызвала немедленной коалиции»⁶⁸. По существу, это было напоминанием о Крымской войне.

Вдохновлять беспокойное население поликонфессиональной империи на служение верой и правдой царю и Отечеству становилось всё сложнее в связи с падением авторитета власти и разномыслием внутри «господствующей и первенствующей» Церкви. К тому же Синод оказался в эпицентре скандалов, связанных с Г. Распутиным. Некоторые епархиальные архиереи уклонялись от контактов с морально сомнительным столичным начальством⁶⁹. Со временем кризисом Русской Церкви по-своему воспользовались большевики. Будущий главный «безбожник» Е. Ярославский в начале февраля 1918 г. сообщал жене: «В богомольной Москве меня, еретика, слушают с затаённым дыханием тысячи, потому что я кроткий образ Христа, сына бедного плотника, противопоставляю митрополитам, получающим по 300 рублей оклада жалования»⁷⁰. Сам он словно упивался «любовью», исходящей от московских рабочих. Большевики уверенно создавали свою собственную «религию», вливая агрессивную энергию в ослабевшие основания прежней веры.

* * *

Между войной и революцией всегда существовала некая экзистенциальная связь: обе опирались на силу, обе обещали счастливую будущую жизнь. То общественное обновление, которое они сулили, не могло не оставить следов в душах людей. В любом случае после военных потрясений культура должна была поменять своё привычное течение. Но насколько основательно и почему?

Революции приходят из глубин человеческого сознания и коллективной психики. Считается, что подобно тому, как французскую революцию сделал либертен (последователь маркиза де Сада), русскую революцию — футурист. Действительно, всякий творческий акт революционен. Если Франция сумела в результате «бунта» внутри культуры сбросить с себя стыд перед телесностью,

⁶⁵ Цит. по: Зима В. Ф. Русская православная церковь в период Первой мировой войны. М., 2017. С. 49.

⁶⁶ Церковный вестник. 1914. 30 октября. № 44. Стб. 1318, 1322–1324.

⁶⁷ Антоний (Храповицкий), архиеп. Чей должен быть Константинополь? Ростов н/Д, 1916. С. 9, 10.

⁶⁸ Ренан Э. Исторические статьи. Киев, 1902. С. 90.

⁶⁹ Никон (Рклицкий), архиеп. Антоний (Храповицкий) и его время: 1863–1936. Кн. 2. Н. Новгород, 2004. С. 401–402.

⁷⁰ Цит. по: Дальке С. Большевистское конструирование Я: перформанс и автобиографика // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века. М., 2019. С. 367.

то России выпал шанс избавиться от «буржуазной» морали, социального неравенства и имперского гегемонизма, вызвавших мировую войну. Как писали современники, «русский футуризм — не мировоззрение... это — род революционного темперамента: явление общественное... пощёчина общественному вкусу... Творческие силы, десятилетиями не получавшие выхода, прорвались футуризмом»⁷¹.

В российском футуризме, как и во всём веками стискиваемом психосоциальном пространстве, было «слишком» много непосредственного чувства. Это походило на эстетизированный рессентимент. Неслучайно русский футуризм, начавшись с подражания итальянскому (воспевавшему войну как средство избавления Европы от культурного омертвления), двинулся в противоположном — антивоенном и революционном направлении. Он «подавал сигналы, перераставшие в восстание», ибо был «стихийным бунтом против всех условностей... мятежом, вспыхивавшим по всяким поводам, не имевшим никакого отношения к искусству»⁷².

Приходилось выбирать между привычкой к старому и желанием новизны. Это был непростой выбор. В феврале 1915 г. в публичной лекции историк Р.Ю. Виппер напоминал, что «в своё время Ренан предсказывал падение изящной и тонкой культуры, которое должно получиться от неимоверной скачки за материальными благами»⁷³. Впрочем, Э. Ренан оставался скептиком и потому не вполне верил в силу любых, в том числе и своих, как всегда пугающих пророчеств.

Лёгкость, с которой самые разные люди приветствовали революцию, была связана также с тем, что существовала длительная традиция её идеализации. Со времён Дж. Мадзини и В. Гюго в Европе укреплялось представление о «мягкой» революции, осуществлённой подавляющим большинством народа. Вопреки растущему числу поклонников социального насилия, идея революции становилась частью *эволюционной* европейской культуры. Ч. Ломброзо утверждал, что «в истории революция есть синоним эволюции». Революции — результат «медленного и постепенного развития», которое служит залогом их быстрого и безболезненного успеха. Возможно, он мечтал о «совершенном» перевороте, заявляя, что революции обусловлены «благородными и возвышенными» страстями, а бунты, — «низкими и жестокими»; между ними «больше антагонизма, чем аналогии»⁷⁴. По иронии судьбы эти слова, ставшие известными российской публике ещё в 1903 г., ничуть не смягчили бунтарства 1905 г.

Конечно, немногие, подобно А. Блоку, чувствовали, что ход будущей смуты определит застоявшаяся «чёрная земная кровь», сулящая «неслыханные перемены», «невиданные мятежи». Ещё меньше было тех, кто, подобно Н.А. Бердяеву, в октябре 1915 г. мог заявить, что в самой русской государственности «скрыто тёмное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма»⁷⁵. Русскую революцию подталкивали вовсе не либеральные политики. Они скорее надеялись избежать её с помощью известных демократических институтов.

⁷¹ Пунин Н.Н. В борьбе за новое искусство (Искусство и революция). М., 2018. С. 34.

⁷² Там же. С. 32.

⁷³ Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. С. 46.

⁷⁴ Ломброзо Ч., Ляски Р. Указ. соч. С. 26, 74, 82, 109.

⁷⁵ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 54.

В тогдашней Европе сложилась иная ситуация: очень многие не сомневались, что достигнутый материальный прогресс был лишь преддверием «настоящей» жизни, которую может принести революция. Футуристическому этосу сопутствовала эмоциональная аура, связанная с надеждами то ли на быструю победоносную войну, то ли на «справедливую» революцию, то ли на то и на другое вместе. Это настроение подогревалось социалистами. Ещё в 1911 г. ведущий теоретик II Интернационала К. Каутский в статье «Война и мир» утверждал, что вслед за европейской войной последует международная социальная революция. В этих представлениях некоторые (не только В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий) отводили России роль застрельщика. Казалось, для этого были достаточные основания. В. Серж, радикальный социалист, уверял, что для него война «предвещала... очистительную бурю, которая... становилась неизбежной, — русскую революцию». Как он утверждал, «революционеры прекрасно знали, что самодержавная империя со всеми своими вешателями, погромами, безвкусной роскошью галунов, голодом, сибирской каторгой, застарелым беззаконием не имела шансов пережить войну»⁷⁶. Казалось, что «русский пример» способен перевернуть не только Россию, но и мир. Известный публицист Д.В. Философов в частном письме заявлял: «Я хочу, я требую, чтобы это море крови было искуплено обновлением и возрождением России»⁷⁷. Возможная «цена» революции, похоже, не впечатляла. Некоторые были уверены, что война «обнаружила, что никакая кровавая революция не может быть ни так кровава, ни так бедственна, ни так бессмысленна, как эта бойня»⁷⁸.

Конечно, справа революцией пугали, как могли. Ещё в июле 1911 г. Столыпин, незадолго до своей символичной гибели от рук то ли террориста, то ли вконец запутавшегося человека, предупреждал: война будет губительна для России и династии⁷⁹. Наиболее обстоятельно указывал на грозящую опасность от столкновения с Германией лидер группы правых Государственного совета П.Н. Дурново, человек умный и независимый. В представленной в феврале 1914 г. императору «Записке» этот германофил предупреждал: война выгодна только Англии, которая всегда решала свои задачи чужими руками. А поскольку основная тяжесть европейской борьбы ляжет на Россию, то она «будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению»⁸⁰. Такая перспектива становилась всё более очевидной. В октябре 1914 г. крайне правый протоиерей И.И. Восторгов писал Антонию (Храповицкому): «Если не будут победы, нас ждут ужасы новой революции»⁸¹. Но, как казалось, надежда на лучшее будущее пересиливала подобные страхи.

Самые разные люди связывали приближение революции с войной. «Я росла в России в те годы, когда сомнений, что старый мир так или иначе будет разрушен, не было... Протест был нашим воздухом и нашим реальным чувством», — вспоминала Н. Берберова⁸². В другой своей работе она сообщала: «Внезапно все почувствовали себя на краю бездны, стремительно поглощавшей

⁷⁶ Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 60.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 996, л. 1576.

⁷⁸ Там же, д. 980, л. 9.

⁷⁹ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 425.

⁸⁰ Дурново П.Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6(10). С. 187–196.

⁸¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 996, л. 1575.

⁸² Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. Т. 1. N.Y., 1983. С. 12.

всё прекрасное, великое, дорогое, незаменимое... Зрелище это вызывало священный трепет, было исполнено щемящей тоски и зловещего смысла»⁸³.

Некоторые представители верхов по-своему поняли свой долг перед культурой. В марте 1915 г. было образовано Общество возрождения художественной Руси. Инициатором его создания стал кн. А.А. Ширинский-Шихматов — известный правый деятель, взявшийся доказывать, что Петербург — это «нерусский» город, следовательно, нужно бороться за «родную старину» путём распространения в народе знаний о русской истории и русском искусстве⁸⁴. Среди членов общества преобладали аристократы и сановники. Вряд ли эта инициатива встретила широкую поддержку.

Со временем стали актуализироваться вполне невинные живописные сюжеты. Так, своего рода революционное перевоплощение пережила известная картина Ф. Малявина «Вихрь», изображающая деревенских баб, самозабвенно пляшущих в красных одеяниях. В конце 1916 г. некий критик, вновь увидев её на выставке, возопил: «Красная баба идёт... Кажется, она всё испепелит и своротит на своей дороге»⁸⁵. Некоторые деятели культуры словно спешили накликать революцию. А пока устраивались многочисленные выставки «союзных» и отечественных художников. Заметным художественно-пропагандистским явлением стал лубок, причём в этом жанре отметились авангардисты и футуристы — работы последних часто сопровождались топорными антинемецкими стихами В. Маяковского⁸⁶.

Шок от войны вызвал в людских умах болезненный разрыв с привычной упорядоченностью. Это породило немало надежд и прозрений, невозможных в спокойную эпоху. Историк и педагог из Подмоскovie Н.П. Розанов в октябре 1914 г. утверждал, что «настоящая война — это борьба не государств, а национальностей и культур... это не война, а революционное восстание народов против произвола бронированного кулака тевтона»⁸⁷. Защита Отечества как бы уравнивалась с революционным насилием. Это не могло не сказаться на развитии событий. К тому же война смешивала привычные слои культуры. Т.Л. Толстая так комментировала начало войны: «У нас в деревне с лихорадочным ожиданием ждут “забастовки”, или, иными словами, земельного бунта. Страшный суд наступает, и жутко, что будем привлечены к ответу»⁸⁸. Позднее Розанов уверял, что он адресовался священникам, однако они продолжили защищать войну до победы по обязанности, не желая прослыть пацифистами и опасаясь, что «в Сибирь сошлют»⁸⁹.

В ноябре 1916 г. военный радиотелеграфист и будущий советский академик С.И. Вавилов считал, что «война — [это] непонятная, сокрушительная и божественная революция, которая мир перевернёт»⁹⁰. Некоторые в частной переписке так конкретизировали пути развёртывания событий: «Война окончится, и кре-

⁸³ Берберова Н. Блок и его время. М., 2012. С. 251.

⁸⁴ РГИА, ф. 793, оп. 1, д. 2, л. 1, 10, 217, 240, 249–253.

⁸⁵ Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 167, 437, 517–518.

⁸⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. С. 89.

⁸⁷ Розанов Н.П. Освободительная война. Подольск, 1914. С. 8.

⁸⁸ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984. С. 459.

⁸⁹ Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004. С. 226.

⁹⁰ «Война стала противна, исчезло всякое представление о её нужности»: из военных дневников С.И. Вавилова: 1914–1916 гг. // Исторический архив. 2014. № 4. С. 140.

стыяństwo сдвинется с места *психически, внутренне*», так как в нём пробудится «желание “награды”». Автор письма подчёркивал, что «идея *компенсации* за услуги правительству во время войны живёт буквально везде в рядах либералов и буржуазии, то же самое произойдёт по отношению к национальностям»⁹¹. Некоторые считали, что войну надо довести «до окончательной победы, иначе Россия действительно обратится в азиатское государство»⁹². Большинство наблюдателей ожидало революции после войны⁹³. В любом случае эмоции перекрывали рассудок. Правящий режим вызывал такое отвращение, что люди готовы были избавиться от него любой ценой, не задумываясь о последствиях. На этой волне внутри потрясённой культуры словно включился механизм самореализующихся пророчеств. По сути дела, именно он определил последующий ход событий.

Разумеется, в начале войны не обошлось без проявлений искреннего патриотизма. Часть студентов поспешила отправиться добровольцами в действующую армию. Но этот порыв оказался неустойчивым: позднее Струве, окончательно превратившийся из марксиста в националиста, назвал его «вспышкой соломы»⁹⁴. Характерно, что российские эмигранты, включая евреев, зачастую предпочитали вступать во французскую, а не русскую армию. П. Рутенберг (известный эсер, позднее сионист) выступил в Нью-Йорке с брошюрой «Национальное возрождение еврейского народа» (переведённой в России «для служебного пользования»), в которой выражал надежду, что в результате войны «Россия освободится от своего страшного внутреннего врага — преступного самодержавия». Он считал, что «русские литература, наука, искусство и музыка открыли перед ним глубину страданий русского народа», и он, став «русским интеллигентом», «идеологом русского пролетариата», боролся, как мог, за свободу русского народа, пока не оказался в эмиграции, где в его взглядах «произошла метаморфоза»⁹⁵.

Как бы то ни было, часть общества стала отделять официальный «патриотизм» как выражение преданности монарху от естественного чувства любви к своему народу и его культуре. При этом не обошлось без крайностей. Так, Ленин в брошюре «О национальной гордости великороссов» счёл патриотичным только то, что способствовало революционному движению. Практически все современники событий вкладывали, причём отнюдь не бескорыстно, в тогдашние манифестации патриотизма своё содержание.

* * *

«Страсти являются могущественнейшими факторами как в революциях, так и в бунтах, — считал Ломброзо. — В первых работают обыкновенно страсти более благородные и человеческие, а в последних — жестокие и бесчеловечные»⁹⁶. Это была иллюзия: в том и другом случае действуют толпы с их импульсивностью, нетерпимостью, эмоциональной неустойчивостью. Лебон неслучайно отмечал, что «верить в преобладание революционных инстинктов в толпе — значит не знать её психологии». Он напоминал: «Толпа слишком управляется бессознательным и потому слишком подчиняется влиянию веко-

⁹¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 979, л. 71–73.

⁹² Там же, д. 992, л. 1198.

⁹³ Там же, д. 976, л. 62; д. 980, л. 35; д. 1066, л. 1723.

⁹⁴ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 103.

⁹⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1202, л. 11–11 об.

⁹⁶ Ломброзо Ч., Ляски Р. Указ. соч. С. 70.

вой наследственности... Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству»⁹⁷. Время подтвердило справедливость подобных оценок. Социолог Ж. Бодрийяр считал, что масса — «явление импозивное», она представляет собой нечто колеблющееся «между пассивностью и необузданной спонтанностью»⁹⁸. Именно последнее возобладало после падения самодержавия.

В феврале—марте 1917 г. различные формы бунтарства — от отчаянного до демонстративно-хулиганского — явно преобладали. Однако это не помешало объявить произошедшую «революцию» не только всенародной, но и «бескровной». Похоже, для корректного описания «иррациональных» событий просто не захотели найти адекватную терминологию. Такое в истории случается постоянно, в турбулентные времена — в особенности.

Дело в том, что революции привыкли описывать — как и было принято в эпоху Просвещения — в терминах рационального поступательного движения в духе прогрессистского телеологизма, причём в рамках позитивистской методологии. Трудно сказать, насколько это оправдано применительно к Европе XIX в. Однако прилагать подобные характеристики к событиям в России, подавляющее большинство населения которой пребывало в состоянии культурного застоя, по меньшей мере, самонадеянно. Вся история громадной державы, ход которой неслучайно прерывался бунтарскими смутами, оказывалась не столько поступательной, сколько *циклической*.

Главная причина познавательного ступора состояла в том, что всё российское развитие, имевшее догоняющий по отношению к Европе характер, приобрело *имитационный*, т.е. *псевдоморфный* характер⁹⁹. Образованный россиянин, не лишённый комплекса национальной неполноценности, тем более старался не столько «быть», как «казаться». Это сказалось на представлениях о прошлом, в том числе на таких сюжетах, как бунты и революции. Влияние марксизма закрепило прогрессистский — теперь в виде рывка к демократии и социализму — взгляд на события 1917 г.

Между тем 1917 год стал апогеем системного кризиса империи, разворачивавшегося по законам *домодерной* цикличности. Он включал в себя ряд последовательных характеристик-компонентов: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, наконец, рекреационный (возвращение к авторитаризму). В конечном счёте, непривычная свобода «утомляла» людей, сопутствующее ей чрезмерное возбуждение оборачивалось фрустрацией¹⁰⁰.

Этот процесс сопровождался, с одной стороны, ростом оппозиционных настроений, с другой — накоплением ресентиментной энергии. Вплоть до середины 1917 г. движение протекало под преимущественным воздействием интеллигенции, обеспечивавшей ему (в значительной мере вопреки реалиям) понятную ей самой репрезентацию. Затем возобладали непонятные для образованных верхов устрашающие стихийно-охлократические силы. Отсюда — «спасительное»

⁹⁷ Лебон Г. Психология масс. СПб., 2015. С. 61.

⁹⁸ Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2008. С. 187.

⁹⁹ Подробнее см.: Королёв С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 76–114.

для тогдашних умов тяготение к логически упрощённому восприятию бунтарской синергетики. На этой основе сложился стереотип подхода к революции, в значительной степени сохранивший свою привлекательность в наши дни¹⁰¹.

Участники всякой революции обычно сразу принимаются за создание возвышающих её (т.е. их самих) мифов¹⁰². Российская интеллигенция некоторое время предпочитала не замечать стихии разрушения, включая кровавое насилие толп. Между тем собственно революции в феврале—марте в её «классическом» понимании (политический переворот) не было и не могло быть. Произошёл саморазвал немошной власти, которую народ принялся самозабвенно и мстительно (несмотря на формальную отмену смертной казни) добывать. Понимали и признавали это немногие. «Революции не было, — записал в августе 1917 г. в дневнике московский литературовед и этнолог Н.М. Мендельсон (по иронии судьбы автор биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина), — самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова — говорят: “Мы свергли самодержавие!” Враньё: отгнила голова и отвалилась»¹⁰³. Понятно, что в данном случае начало сказываться недовольство нарастающим бунтарством. Но в 1931 г. М. Флоринский, словно отвечая зарубежным сторонникам «заговорщической» версии событий, отмечал: «Едва ли будет правильным сказать, что царский режим был свергнут, он просто пал»¹⁰⁴.

Своеобразие ситуации состояло в том, что удержаться на организационно-политической стадии развития кризиса стало невозможно — появление Петроградского совета ясно указывало на это. Но двоевластия не сложилось — возникло нечто вроде «двоебезвластия», как зло иронизировал Троцкий¹⁰⁵. Поэтому попытка российских социалистов завладеть политическим лидерством, провозгласив новые цели войны в согласии с союзнической демократией, оказалась иллюзорной. Народ был убеждён в возможности «сразу» решить все социальные вопросы, минуя не вполне понятные ему демократические институты.

Некоторое время либералам и социалистам удавалось удерживать ситуацию под контролем — однако отнюдь не за счёт сознательности, а скорее за счёт внушаемости масс. «Очень часто слова, имеющие самый неопределённый смысл, оказывают самое большое влияние на толпу, — считал Лебон. — Такковы, например, термины: “демократия”, “социализм”, “равенство”, “свобода”... Между тем в них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем»¹⁰⁶. Впрочем, магия слов не

¹⁰¹ См.: Булдаков В.П. Революция, эмоции, политики: к переосмыслению событий 1914–1917 гг. // Политическая концептология. 2017. № 2.

¹⁰² См.: Suny R.G. Thinking about Feelings. Affective Dispositions and Emotional Ties in Imperial Russia and the Ottoman Empire // Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Ed. by M.D. Steinberg and V. Sobol. DeKalb, 2011; Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014; Булдаков В.П. Революция и эмоции: К реинтерпретации политических событий 1914–1917 гг. // Эпоха войн и революций: 1914–1922. СПб., 2017; Булдаков В.П. Страсти революции: эмоциональная стихия 1917 года. М., 2024.

¹⁰³ ОР РГБ, ф. 165, к. 1, д. 1, л. 8–8 об.

¹⁰⁴ Florinsky M. The End of Russian Empire. N.Y., 1931. P. 240.

¹⁰⁵ Троцкий Л. Двоебезвластие: к характеристике современного момента // Вперёд. Орган Петербургского междурайонного комитета объединённых с.-д. (интернационалистов). 1917. № 1. 15(2) июня. С. 3–4.

¹⁰⁶ Лебон Г. Психология масс. С. 111–112.

может быть бесконечной — они словно стираются, теряя своё эмоциональное наполнение. Тот же Лебон предупреждал, что со временем «в толпе возникает глубокая антипатия к образам, вызываемым известными словами»¹⁰⁷.

Примерно с середины лета 1917 г. начался охлократический период революции. Поначалу его попытался «организовать» Ленин, заявивший в «Апрельских тезисах»: «Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс»¹⁰⁸. Впрочем, организационного оптимизма хватило ненадолго: скоро он призвал «следовать за массой» и даже «учиться у массы»¹⁰⁹. В наше время высказывалась мысль: массы «не являются ни хорошими проводниками политическими, ни хорошими проводниками смысла вообще»¹¹⁰. Так и было. В 1917 г. массы хотели, прежде всего, прекращения войны любой ценой, любой властью. Как иронизировал в связи с этим Г. Чулков, «русские бунтари 1917 года выступили под знаменем марксизма, но их тактика и даже ближайшая их программа вовсе не совпадала с идеями научного социализма: они предали забвению все предпосылки социального историзма и, подобно Бакунину, опираясь на тёмные непросвещённые массы, стремились ввергнуть страну во все случайности анархии со странною надеждою выплыть в океане бушующего строя “без руля и без ветрил”»¹¹¹. Ленин, как государственный, разумеется, не собирался следовать М.А. Бакунину. Вольно или невольно он действовал в соответствии с законами самоорганизующегося хаоса и потому победил.

Известный писатель Л.Н. Андреев 15 сентября 1917 г. нарисовал жуткую картину недалёкого будущего. В статье с примечательным названием «Veni, Creator!» («Приди, Создатель!») он писал: «По лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, — громче приветствуй его, русский народ!.. Ты почти Бог, Ленин. Что тебе всё земное и человеческое?»¹¹². Ленин, однако, был вполне земным — может, слишком земным — человеком, а потому он решительно отрицал ценностные наслоения «буржуазной» культуры.

Ленину по-своему вторили — нет, вовсе не рабочие и крестьяне, — а «пролетарские» и «крестьянские» поэты. Они словно намеревались испепелить весь — «буржуазный», по их представлению, — старый мир. В их поэтике неистовствовал красный цвет — цвет огня и крови. За пафосом разрушения невозможно было разглядеть ни социализма, ни «светлого будущего»¹¹³. Лишь позднее выдающийся философ Ф.А. Степун пришёл к иному выводу. «Прошли годы, и стало ясно, что сквозь искусство футуристов пробивалась в жизнь величайшая тема новой истории, страшная тема большевистской революции... с её утопическим грюндерством, доверием к хаосу..., — писал он. — Большевик представлял собою социал-политическое воплощение образа новой культуры, который впервые наметился в футуристическом искусстве... Готовящиеся в истории сдвиги всегда пророчески намечаются в искусстве»¹¹⁴.

¹⁰⁷ Там же. С. 115.

¹⁰⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М., 1969. С. 105.

¹⁰⁹ См.: Там же. Т. 33. М., 1969. С. 34, 35; Т. 37. М., 1969. С. 391.

¹¹⁰ Бодрийяр Ж. Фантомы современности. С. 186.

¹¹¹ Чулков Г. Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М., 1917. С. 29.

¹¹² Цит. по: Дудаков С. В.И. Ульянов: Знакомый незнакомец // Россия и современный мир. 2008. № 3(60). С. 119.

¹¹³ См.: Сборник пролетарских писателей / Под ред. М. Горького, А. Сереброва, А. Чапыгина. Пр., 1917; *Gachon-Bréteau C.* La poésie prolétarienne russe. 1914–1925. Annexe. [2] P., 2000; *Steinberg M.* Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca; N.Y., 2002.

¹¹⁴ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М., 2023. С. 463–464.

Смысл происходящего был далёк от представлений идеологов и политиков европейского образца: преобладала логика *распада* старой и слабой — самодержавной, а затем «демократической» — власти, упустившей рычаги управления страной. Возможности большевизма словно взбухали на волне слухов об их силе и бессилии Временного правительства. После июльских событий, казалось бы, обернувшихся окончательным поражением большевиков, ожидания их нового выступления лишь усилились. Сатирические журналы, неустанно поносившие и высмеивавшие «немецкого шпиона» Ленина, связывали возможности большевиков с ростом анархии¹¹⁵. К осени стали «угадывать» сроки переворота. Некий чиновник Министерства финансов словно обречённо отмечал в дневнике даты грядущего выступления большевиков: 17 сентября, 15, 19, 20, 23 октября¹¹⁶.

Характерно, что значительная часть руководства большевиков не торопила события, будто бы ожидая, что «зрелый плод» революции сам упадёт им в руки. Настаивал на ближайшем вооружённом выступлении только Ленин, вроде бы изолированный нерешительными соратниками и лишённый реальных рычагов управления событиями. И всё же большевикам пришлось выступить, объявив о свержении существующей власти, причём фактически никого об этом не спрашивая. II Всероссийскому съезду Советов осталось лишь проштемпелевать то, что было сделано Военно-революционным комитетом (созданным, казалось бы, для защиты революции от внешнего врага и внутренней контрреволюции).

Из двух знаменитых декретов съезда, вроде бы самолично написанных Лениным, один являлся воспроизведением собранных эсерами крестьянских наказов о земле, где говорилось о её переходе под контроль крестьянских общин. «Эпохальный» документ не вызвал никаких прений, лишь один делегат выступил против (при восьми воздержавшихся). Поняли просто: земля перейдёт к крестьянам. Декрет о мире был не законодательным актом, а то ли призывом, то ли пожеланием превращения «войны империалистической в войну гражданскую» (мировую). И это тоже было истолковано низами в силу собственного понимания: конец войне.

Возможно, самое поразительное, что делегаты съезда практически единогласно, простым поднятием рук, как на митинге, голосовали за всё подряд. Действовала «магия единодушия» — то ли психология толпы, то ли практика сельского схода. Голосовали «скопом», причём вразрез с наказами избирателей. Как ни парадоксально, лишь 75% формальных сторонников Ленина, согласно наказам, должны были поддержать лозунг «Вся власть Советам!», 13% большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9%, даже считали, что власть должна быть коалиционной¹¹⁷.

Поклонники демократии западного типа не могли понять, как такое могло случиться. Впрочем, по-своему убедительное объяснение предложил Андреев. «Кто совершил это страшное превращение?» — задавался он вопросом. И, словно по указке Ломброзо, отвечал: «Это злодеяние совершил Бунт, который родился одновременно с революцией, уподобился ей на время, украл её лозунги и извратил их, обманул народы — и удушил свободу и всякую жизнь». Между «всемертвющим Бунтом» и «всеживящей Революцией», считал он, существует лишь внешнее сходство. «Бунт есть начало чисто стихийное, лишённое

¹¹⁵ Бич 1917: события года в сатире современников. М., 1917. С. 163, 175, 183, 185.

¹¹⁶ Русская революция глазами петроградского чиновника: дневник. 1917—1918. Oslo, 1986. С. 8, 10, 12—13, 23.

¹¹⁷ Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 107.

мысли». Напротив, Революция «полна мысли, она сама есть не что иное, как восставшая мысль». Всё логично: «в противоположность бунту, Революция бескорыстна и все цели её в будущем»¹¹⁸.

Но можно ли отделить революцию от бунта? В тогдашней России это вряд ли бы удалось. Тем более трудно было увидеть в произошедшем крах культуры Просвещения.

Европейскую культуру победила её собственная наивная самоуверенность. Это стало очевидно уже в 1914 г. Поражение её российских почитателей в 1917 г. это подтвердило. Под влиянием внешнего прогресса люди разучились вглядываться в собственное культурное наследие. «Более поздняя эпоха никогда не поймёт, с каким отсутствием психологического инстинкта мы оценивали конфликт человеческих духовных настроений, как мы не замечали совершенно очевидных явлений, потому что наше воззрение не было установлено на замечательнейшие черты нашей эпохи»¹¹⁹, — признавал позднее Ратенау. Об идейной самонадеянности русской интеллигенции и говорить не приходится. Она до сих пор страдает непониманием собственного прошлого.

Россия получила ту революцию, какую заслужила неповоротливостью власти, необразованностью народа, нетерпеливостью интеллигенции. «То, что произошло в России на гребне Первой мировой войны, было смутой... первобытным хаосом, в котором человеческая жизнь потеряла всякую ценность, и жизнь уже не регулировалась человеческими законами»¹²⁰, — считал В. Страда. «Что же так зачаровывает в революции?.. Утверждение волевого начала в истории и образа человека как деятельной и автономной демократической личности», — считал Ф. Фюре. После того как в конце XVIII в. французы выступили борцами «за воссоздание человека», в большевиках увидели естественных продолжателей их дела. «Сыграло свою роль и то, что революцию в самой некапиталистической стране Ленин произвёл под знаменем учения Маркса, — заключал Фюре. — Противоречивое сочетание веры во всемогущество действия и непоколебимость законов истории, возможно... и определяет силу воздействия Октября на умы»¹²¹. Это не заблуждение, это вера, без которой не обходится ни один человек.

В наши дни может показаться, что Российская революция не несла в себе никаких позитивных культурно-исторических интенций. На деле — в контексте большого исторического времени — всё смотрится по-своему оптимистично. Так, Лебон утверждал: «Ложные верования и всяческие иллюзии служат главными факторами цивилизации... Не в погоне за истиной, а в погоне за иллюзиями человек устремлялся всего более; никогда не достигая химер, к которым стремился, он содействовал прогрессу, о котором и не помышлял»¹²².

Люди обычно не ведают, что творят. Тем не менее Российскую революцию можно было понять даже с помощью известного в её времена теоретического багажа. Увы, человек не умеет практически использовать «проблески гения», предпочитая опираться на «коллективную глупость веков». Однако историк обязан избегать этих — увы, обычных — ловушек исторической памяти.

¹¹⁸ Андреев Л.Н. С.О.С.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. С. 360–362.

¹¹⁹ Ратенау В. Механизация жизни. Пг., 1923. С. 41.

¹²⁰ Страда В. Этика террора. От Фёдора Достоевского до Томаса Манна. М., 2014. С. 136.

¹²¹ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 83–84.

¹²² Цит. по: Ломброзо Ч., Ляски Р. Указ. соч. С. 79.

Концепции репродуктивного поведения и материнства в советском кино 1920–1930-х гг.

Юлия Филина

Concepts of reproductive behaviour and motherhood in Soviet cinema of the 1920–1930s

Julia Philina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24040121, EDN: FFDDEV

Репродуктивность и материнство всегда являлись важной темой как общественных обсуждений, так и исследований в области социальных наук, демографии и медицины. В то же время многие аспекты материнства, прежде всего беременность и роды, продолжительное время относились к области сакрального, т.е. были окружены многочисленными традициями, верованиями и суевериями и даже табуированы. Это осложняло распространение медицинской информации и проведение исследований социальных аспектов данного явления. Советское государство в первые годы своего существования проводило новаторскую политику в отношении вопросов репродуктивности, а семья как социальный институт переживала в это время серьезные трансформации.

В центре внимания данной статьи — отражение репродуктивного поведения и материнства в советском кино конца 1910-х — первой половины 1930-х гг.: показ механизма репродуктивного выбора, беременности, деторождения и ухода за младенцем. Исследование кинематографа относится к области визуальной истории. В её методологии изобразительное произведение рассматривается как самостоятельный источник, апеллирующий прежде всего к сфере эмоционального¹. Его необходимо исследовать, исходя из постулата об автономности произведения. Кинематограф — объёмный источник, отражающий широкий спектр общественных процессов и явлений. Поэтому следует учитывать исторический и художественный контексты, авторскую позицию создателей фильма и подход студии, политический запрос государства и финансирующих структур и т.д. Также кино доносит до публики желаемые и критикуемые модели поведения².

В то же время следует отметить проблемы исследования кинофильма как исторического источника. Главная из них — невозможность определить степень влияния на поведение аудитории: удавалось ли при его помощи «уговорить» или «отговорить» зрителя совершить тот или иной поступок, какие открытия делались в процессе просмотра, какое впечатление производили те или иные герои. Для понимания конкретного воздействия того или иного фильма могли

© 2024 г. Ю.С. Филина

¹ См.: Мазур Л.Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 95–108; Щербакова Е.И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России—III. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 473–488; и т.д.

² См.: Булгакова О. Фабрика жестов. М., 2021.

бы использоваться социологические опросы, но, во-первых, они в изучаемый период не проводились, во-вторых, табуированность темы могла привести либо к уклонению от ответа, либо к неискренности. Тем не менее можно предположить, что представленные в кинематографе концепции репродуктивного поведения и материнства (как и многие другие аспекты) в значительной мере определяли представления аудитории о любви, семье, детях и т.д.

Историографию исследуемой темы можно разделить на две основные категории. Первая — историческая литература. В советский период преимущественно изучалась система охраны материнства и детства. В 1990-х гг. появление новых источников, подходов (гендерной истории и др.) и методик позволили учёным расширить предметное поле исследований и выйти на новый уровень осмысления материала³. Однако справедливо отмечается, что проблематика отнюдь не исчерпана⁴. Напротив, регулярно появляются новые темы — например, практика деторождения⁵, которой посвящена важная публикация последних лет — «Человек рождающий»⁶. В ней исследованы перемещение родов из домашнего пространства в больницу, из статуса интимного, «женского» дела в поле профессиональной медицины, переход от традиционной модели родов к «биомедицинской» в XVIII — начале XX в. Предложенная авторами монографии концептуальная модель использована в данной статье при рассмотрении темы репродуктивности и материнства в кино 1920–1930-х гг.

Вторая категория — научная литература, затрагивающая вопросы женского и материнского образов, пространства телесного и интимного в советском кинематографе⁷. Здесь особенно интересен тематический номер журнала «Studies in Russian and Soviet cinema»: авторы включённых в него статей пришли к выводу, что «интимное» на советском экране фактически отсутствовало вплоть

³ Коршунова Н.Н. Деятельность Коммунистической партии в области охраны материнства и младенчества (1917–1926 гг.) // КПСС в борьбе за социализм и коммунизм: некоторые вопросы истории и историографии. М., 1985. С. 26–32; Gradska Yu. Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960s. Stockholm, 2007; Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.: СПб., 2015; Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX — начале XXI в.: историко-демографические очерки. М., 2018; Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2019; и т.д.

⁴ См.: Смирнова Т.М. Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917–1920-е гг.): основные итоги и актуальные вопросы изучения // Российская история. 2023. № 1. С. 146–157.

⁵ Коршунова Н.Н. Материнство и здоровье женщины: социальные практики в России конца XIX — начала XX веков // Репрезентации телесности. М., 2003. С. 128–137; Графова М.А. Аборт в Советской России в эпоху НЭПа: официальная пропаганда vs массовые установки // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 38. 2020. № 4. С. 229–264; Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики: в 2 т. СПб., 2022; и т.д.

⁶ Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л., Белова А.В. Человек рождающий: история родильной культуры в России Нового времени. М., 2022. Стоит отметить, что данная тема уже становилась объектом исследования, но лишь в рамках истории медицины (Леви М.Ф. История родовспоможения в СССР. М., 1950).

⁷ Смагина С. Новая женщина в кинематографе переходных исторических периодов. М., 2023; Смагина С.А. Критика «полового вопроса» в советском кинематографе второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. // Артикульт. 2017. № 3. С. 89–94; Хан О.В. «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: идеология, практика и кинематограф // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 215–229; Цивьян Ю. На подступах к карпалистике: движение и жест в литературе, искусстве и кино. М., 2010; Moss A.E. Stalin's harem: the spectator's dilemma in late 1930s // Studies in Russian and Soviet cinema. Vol. 3. 2009. № 2. Р. 157–172; и т.д.

до 1980-х гг.⁸ Однако сейчас этот взгляд уже можно скорректировать благодаря новым исследованиям, которые, в частности, раскрыли советский «язык интимности» и телесности применительно к 1930-м гг.⁹

Хронология данной статьи охватывает период, начинающийся на рубеже 1910–1920-х гг. и отмеченный, среди прочего, легализацией аборт¹⁰, и завершающийся в 1936 г., когда с их запретом¹¹ отношение государства к репродуктивному выбору женщины резко изменилось. В качестве источников выступают выявленные мной игровые фильмы соответствующей тематики¹², которые можно разделить на три группы. В первую входят произведения о советской современности тех лет: «Дети — цветы жизни» (1919), «Особняк Голубиных» (1924), «Дорога к счастью» (1925), «Катка — бумажный ранет», «Проститутка» (оба — 1926 г.), «Третья Мещанская» / «Любовь втроём», «Парижский сапожник», «Такая женщина» / «Чужая» (все — 1927), «Мой сын» (1928), «Саша», «Стыдно сказать» (оба — 1930 г.), «Две матери» (1931), «Женщина» (1932), «Наследный принц Республики» (1934), «Лавры мисс Элен Грей» (1935), «Случайная встреча» (1936). Вторая группа — фильмы историко-революционные: «Конец Санкт-Петербурга», «Бабы рязанские» (оба — 1927 г.). Третья — сохранившиеся или восстановленные фильмы, события которых происходят в Закавказье или Средней Азии: «Вторая жена» (1927), «Алмаз» (1936), а также «Джальма» (1928), где по сюжету героиня приезжает из Чечни в украинскую деревню. В них центральные темы статьи — зачатие, беременность, роды — прямо не затрагивались, более того, отсутствовала сама постановка вопроса о репродуктивном выборе женщины. Однако показывалось становление её как матери в новых, послереволюционных условиях, выступавшее как часть процесса освобождения угнетённой женщины Востока и превращения её в советского человека. Помимо собственно кинопродукции исследованы и частично вводятся в научный оборот материалы различных версий сценариев и их обсуждений, режиссёрские записи.

Кинофильмы, рассказывавшие романтические истории, довольно быстро обрели популярность у мирового зрителя и стали одним из наиболее коммерчески успешных жанров. Обычно они повествовали о бедной девушке, попадающей в тяжёлую ситуацию, но затем спасающейся. Однако советское кино, противопоставив себя капиталистическому, наполнило привычные лирические сюжеты новым идеологическим содержанием, сделав акцент на распространении санитарной грамотности или явлениях, связанных с трансформацией

⁸ *Shcherbenok A.* Russian/Soviet screened sexuality: an introduction // *Studies in Russian and Soviet cinema*. Vol. 3. 2009. № 2. P. 137–138.

⁹ *Дашкова Т.Ю.* Любовь и быт в кинолентах 1930-х — начала 1950-х годов // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 59–67; *Дашкова Т.Ю.* Телесность — идеология — кинематограф: визуальный канон и советская повседневность. М., 2013.

¹⁰ Постановление наркоматов здравоохранения и юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» // *Собрание узаконений РСФСР*. 1920. № 90. Ст. 471.

¹¹ Постановление ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // *Собрание законов СССР*. 1936. № 34. Ст. 309.

¹² В данной статье не рассматриваются научно-просветительское кино (например, фильм «Аборт» Н.И. Галкина, снятый в 1924 г.), которое в массе своей утеряно, а также документалистика (хотя, к примеру, в фильме «Человек с киноаппаратом» Д. Вертова, вышедшем в 1929 г., реальные роды показаны наиболее откровенно).

семьи. Причём следует отметить, что смена сюжетных акцентов объяснялась не только государственным заказом, но и идейной позицией создателей кинопродукции. Так, А.М. Роом, режиссёр фильма «Третья Мещанская», приобретшего широкую известность со скандальным оттенком, писал: «Та интимная “честность” и то прилизанное целомудрие, с которым подходили в фильме к взаимоотношениям мужчины и женщины, должны быть окончательно разоблачены. Довольно обкармливать зрителя сладкими сказками о проворных аистах и волшебной капусте! Нужно заговорить настоящим языком там, где до сих пор слышны были хихикание, подсюсюкивание и шепелявость»¹³. Как следствие, в картинах тех лет смело заявили о себе новые явления в семейной жизни. Так, хотя в подавляющем большинстве рассматриваемых фильмов герои состоят в браке, один из главных двигателей сюжета — любовный треугольник в том или ином виде (из 20 вышеназванных он присутствует в 12).

Репродуктивный выбор: зачатие, выявление беременности, сохранение или аборт. В изучаемый период осознанное родительство в его современном понимании отсутствовало, а возможности для репродуктивного выбора на этапе зачатия ввиду острой нехватки средств контрацепции и слабой информированности населения о способах контроля рождаемости по сути были крайне ограничены даже в городе, не говоря уже о деревне. Однако на этапе почти неизбежной беременности решался вопрос о сохранении ребёнка, и советский кинематограф демонстрирует, что выбор оставался за женщиной. В то же время прерывание беременности — почти всегда несостоявшееся. К примеру, Людмила из «Третьей Мещанской»¹⁴ сообщает новость о своей беременности мужу Николаю, который предлагает ей сделать аборт. Интересно, что лечебница, которую она посещает, частная, хотя в 1927 г. аборт доступен бесплатно в государственных медучреждениях¹⁵. Подчёркнуто, что к данной услуге прибегают лишь «чуждые элементы» — нэпманши, купчихи. Однако героиня непривычна к больнице, профессиональное медицинское вмешательство пугает её. Она убегает, сохраняет ребёнка, отказываясь таким образом от мещанского сознания, и садится в поезд, который в кинематографе данного периода часто символизировал прогресс и освобождение.

Идея создания фильма «Дорога к счастью»¹⁶ принадлежала лично наркому здравоохранения Н.А. Семашко. В центре сюжета — красноармеец, который заводит роман с городской девушкой Настей при наличии жены и детей в деревне. Узнав о своей беременности и «двоежёнстве» избранника, героиня пытается покончить жизнь самоубийством, однако её и неродившегося ребёнка спасают бдительные соседи. При поддержке подруг и государства она сохраняет беременность и становится матерью.

«Парижский сапожник» рассказывает об отношениях Кати и Андрея. Несмотря на то что Андрей — комсомолец, он не готов стать отцом, беременность подруги оценивает как «кучу неприятностей», заявляя, что «пропахнет пелёнками»¹⁷, и в итоге обращается за помощью к «товарищам» из криминального

¹³ Абрам Матвеевич Роом. 1894–1976. Материалы к ретроспективе фильмов. М., 1994. С. 14.

¹⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0JBweoVX5Tw>

¹⁵ Следует отметить, что несмотря на разрешение аборта, удовлетворить потребность в нём ввиду недостаточности количества соответствующего персонала и пространств советское государство не могло.

¹⁶ Госфильмофонд (далее — ГФФ). Р-1287.

¹⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LOsA6PMNVlw> — с 16:45.

мира. Он договаривается о встрече с Катей, но на месте её поджидают совсем другие люди. Девушка получает записку: «Я узнал, ежели будешь с несколькими, плод ликвидируется. Надейся на ребят»¹⁸. Она, однако, спасается от группового изнасилования, в конце фильма отрицательные герои наказаны, в том числе благодаря комсомольской ячейке, а Катя ожидает родов. Вероятно, основой для сюжета могло послужить «чубаровское дело»¹⁹, хотя в режиссёрском описании данная связка отсутствует²⁰.

В фильме И.А. Савченко «Случайная встреча» сталкиваются две актуальные для этого периода темы — спорт и деторождение. Главная героиня Ирина, ударница фабрики игрушек им. Ф.Э. Дзержинского и спортсменка, сообщает своему партнёру, спортивному инструктору Гришке, о беременности. Тот воспринимает новость негативно — собирался привезти на спартакиаду чемпионку, а «это» ему не нужно. Однако отправить подругу на аборт не может, так как к моменту выхода фильма его в СССР уже запретили, поэтому ограничивается фразой: «Дело твоё»²¹.

Сценарий этой кинокартины множество раз переписывался. Авторы старались успеть за идеологическими изменениями, касавшимися как физкультуры и спорта, так и деторождения, однако текст всё равно отправляли на доработку²². Савченко создавал первичный вариант в конце 1920-х гг. для театральной постановки: «В 1929 году, когда я работал в бакинском ТРАМе²³, мною совместно с тов. Перельманом была задумана физкультурная оперетта, в основу которой мы предполагали положить опубликованный в газете факт о том, что девушка отказалась от всесоюзного рекорда, потому что не хотела делать аборт (кажется, речь шла о Марии Шамановой)»²⁴. В этой версии сценария слово «аборт» фигурирует, однако не в разговоре Гришки и Ирины, а когда последняя обсуждает случившееся с товарищами по фабрике: Пятачком и влюблённым в неё Петром Ивановичем²⁵. При этом она сама рассматривает прерывание беременности как один из возможных вариантов, правда, лишь на мгновение. Одна из отсутствующих в итоговом варианте сцен — митинг-спор, в котором с одной стороны выступают физкультурники, уговаривающие Ирину отправиться в абортарий ради участия (и победы) в спартакиаде, а с другой — сама Ирина и поддержавшие её женщины. К данному моменту она уже решила сохранить ребёнка: «Эти большие здоровые парни явились сюда целой оравой, чтоб убедить меня стать убийцей». В ходе спора одна из женщин с горечью заявляет, что в «годы боёв» можно было делать аборты, более того, «на другое

¹⁸ Там же, с 23:50.

¹⁹ Процесс над бандой, совершившей групповое изнасилование, состоявшийся в Ленинграде в 1926 г. и получивший широкий резонанс (подробнее см., например: *Савчук А.А.* Чубаровское дело как прецедент законодательства и социокультурное явление в Советской России 1920-х гг. // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН (Тверь, 4–7 октября 2012 г.). Т. 2. М., 2012. С. 235–238; *Чубаров И.М.* «Чубаровское дело»: теория, политика и коллективная чувственность на закате раннесоветской эпохи // Гендерные исследования. 2017. № 22. С. 58–76).

²⁰ *Эрмлер Ф.М.* Документы, статьи, воспоминания. Л., 1974. С. 109–110.

²¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cBSGjZ9wdQ8>—23:58–26:53.

²² Кремли́вский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М., 2005. С. 364–365.

²³ ТРАМ — театр рабочей молодёжи.

²⁴ РГАЛИ, ф. 1992, оп. 1, д. 55, л. 7.

²⁵ Там же, д. 53, л. 58–61, 70.

мы... не имели права»²⁶, однако теперь наступило иное время, и каждая может позволить себе счастье материнства.

Единственный фильм данного периода, где аборт всё-таки происходит, — «Лавры мисс Элен Грей»²⁷. Он снят Ю.А. Желябужским на киностудии «Востоккино» в Ялте и выпущен в 1935 г. В центре внимания снова спорт и беременность. В экспликации к сценарию режиссёр описал главную героиню Таню следующим образом: «Основным её свойством, основной чертой её является, по-моему, — молодость. И не столько потому, что ей мало лет, хотя ей и фактически лет немного, но и потому, что у неё по-молодому мечтательная голова, горячая голова, которая и увлекает её иной раз в сторону от правильного пути. Но у неё также и горячее любящее сердце и это помогает ей преодолеть свои ошибки, изжить свои увлечения. Она отнюдь не взбалмошна, у неё хороший характер, она любит мужа, она хороший товарищ, и если она в своём увлечении спортом доходит до того, что порывает с мужем и с товарищеской средой, что в погоне за рекордом она, ради него, готова пожертвовать даже своим материнством (хотя всё её отношение к сыну подруги Лютвии говорит, что ей женское, материнское чувство совсем не чуждо), — то всё это именно потому, что она по-молодому, безоглядно увлеклась спортом уже не как физкультурой... И именно потому, а не только благодаря физической слабости после аборта, она так неспокойна ещё до решающего бега: её мучит разрыв с мужем, то, что она оторвалась от товарищей, — Лютвии, Алима, славного Кости. Всё это и ведёт к проигрышу, всё это и усугубляет для неё горечь поражения... И несомненно дальше она будет по-прежнему хорошей работницей и товарищем, хорошей женой и матерью, что не помешает ей заниматься и даже увлекаться и дальше спортом, но уже без тех перегибов, которые обнаружились в этот грозовой период её жизни». В отличие от предыдущих картин здесь будущий отец счастлив новости о беременности и пытается отговорить Таню от аборта: «Когда она захотела разрушить его самую горячую, самую заветную мечту — мечту о ребёнке — тут-то его южный темперамент прорвался и он гневно бросает “тогда убирайся к чёрту!”»²⁸.

К середине 1930-х гг. перечень показаний для бесплатного аборта оказался сильно ограничен. Желябужский несколько раз переписывал сцену посещения Таней врача. Неизменными оставались сомнения, одолевавшие героиню. Обуздать волнение ей удалось не с первого раза: «Лестница большого дома. По ней быстро идёт кверху Таня, но постепенно её движения замедляются и вот она медленно подошла к двери. На двери таблица “Врач-гинеколог Э.Н. Каминская” (так в источнике. — Ю.Ф.). Таня протянула руку к звонку и, так и не решившись позвонить, быстро повернулась. Побежала вниз по лестнице, всё убыстряя спуск. Тротуар перед домом, где живёт доктор. Выбежала Таня. Остановилась. Крупно: Лицо Тани. Ей, по-видимому, стало нехорошо, закрыла глаза, судорожно глотнула воздух»²⁹. Отображение же личности врача и сам приём подверглись значительной редакции. Первый вариант подан так: «На двери таблица: “Старший врач гинекологического отделения больницы им. Семашко Е.Н. Каминская”... В кабинете врача. Она, доканчивая писать, говорит сидящей Тане: “С этим назначением вы придёте через день прямо в больницу”».

²⁶ Там же, л. 101, 103–104.

²⁷ ГФФ. Р-1365.

²⁸ РГАЛИ, ф. 2698, оп. 1, д. 37, л. 3–4.

²⁹ Там же, л. 12.

Протянула Тане листок — та встала. Врач — полная, очень приятная женщина со спокойными уверенными движениями, одета в докторский белый халат»³⁰. В итоге изменились и фамилия врача (на «В.Г. Обух»³¹), и результат посещения. Женщина-врач отказывает Тане в операции: во-первых, «аборт всегда разрушает здоровье», а во-вторых, её мотивы несостоятельны. Как и где героиня совершает аборт — не показано.

Беременность и роды советской героини. В рассматриваемое время беременность и роды на экране чаще всего демонстрировались символически. Например, о том, что героиня «в положении», зрителю сообщалось сценой, в которой она занимается теми или иными бытовыми делами и ей становится дурно. Роды показывались отрывочно, с акцентом на выражение лица героини, действия медиков и проч.

Два фильма второй половины 1920-х гг., в центре сюжета которых беременные женщины на больших сроках, это «Катка — бумажный ранет» и «Саша». Катка недавно перебралась из деревни в город, живёт в несоветской среде, незаконно торгует яблоками. Антагонистом выступает отец её ребёнка — делец Сёмка. Интересно, что он не отказывается от ребёнка и пытается возродить отношения с Каткой, однако она его отвергает. Когда приходит время рожать, ей становится дурно во время работы. На помощь приходит Вадик-Тиллигент — «осколок» отмирающего дореволюционного прошлого. Катка демонстрирует «не прогрессивное» поведение: рождает дома на кровати, требует позвать не врача или акушерку, а соседку Захарьевну, на следующий день снова идёт на работу, а ребёнка спокойно оставляет Вадик»³². Процесс родов демонстрируется через крик, сжимающийся кулак Катки, в сценарии она в момент родов также кричит Вадьке: «Отвернись!»³³.

В первоначальном варианте сценария фильма «Саша», написанном О.Л. Леонидовым, сцена родов отсутствует. Вероятно, её добавила в сюжет режиссёр А.С. Хохлова, ко времени съёмок сама уже ставшая матерью. Героиня приезжает в город, во время прогулки попадает под трамвай, её спасает милиционер. Картина была призвана, среди прочего, создать положительный образ советской милиции, поэтому бездомная Саша остаётся жить в участке, помогает милиционерам по хозяйству, благодаря чему становится более сознательной. Роды начинаются на лестнице во время работы, после таскания мешков, и Саша не посылает за бабкой, а просит вызвать ей скорую помощь»³⁴ (в сценарии врачей вызывал милиционер»³⁵). Из роддома она выходит только на десятый день. Во время общественного просмотра и обсуждения фильма в Москве сцена родов вызвала у некоторых зрителей недоумение. Так, рабочий Соколов с завода «Москвотопа»³⁶ о кадрах из больницы высказался так: «Не то Саша сумасшедшая, не то она родит»³⁷. По мнению комсомолки Волковой, по

³⁰ Там же, л. 68, 72.

³¹ Вероятно, что это отсылка к соратнику Семашко и стороннику превентивной медицины В.А. Обуху (1870–1934). Он занимал пост заведующего Московским городским отделом здравоохранения, но в 1931 г. вышел на пенсию.

³² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IFtI2jsDjrM> — 19:10–22:20.

³³ ЦГАЛИ, ф. 257, оп. 16, д. 8, л. 17.

³⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1ojCNaUrDiM> — 14:25–18:27.

³⁵ РГАЛИ, ф. 2579, оп. 1, д. 20, л. 16.

³⁶ Москвотоп — Московский топливный комитет, затем трест Наркомата лесной промышленности СССР.

³⁷ Там же, д. 1403, л. 5 об.

ходу фильма совершенно не чувствовалось, что Саша беременна, и вдруг у неё появился ребёнок³⁸. И действительно, героиня до сцены с перетаскиванием мешков не демонстрировала дурного самочувствия и не испытывала бытовых трудностей. Выропанов из Общества друзей советского кино вообще предложил сцену родов сократить³⁹.

Фильм «Женщина», пожалуй, последний, в котором беременность и роды продемонстрированы сколько-нибудь откровенно. В нём рассказывается о деревенской девушке Маше, которая мечтает стать трактористкой, но сталкивается с насмешками и нежеланием обучать её со стороны мужчин. Содействует ей только председательница сельсовета Петрович, помогавшая организовать на селе ясли и сама беременная. В кульминационный момент параллельно идут сцены с героинями⁴⁰. Петрович рождает на рабочем месте. Маша в этот момент обучается на тракторной ремонтной станции. Там над ней «шутят», вынуждая взять голыми руками раскалённую гайку. Несмотря на сильную боль, она доносит её до мастера, предлагая ему «принять эстафету». В момент, когда она решается взять гайку, кадр переключается на роды председательницы: «С искажённым от боли лицом мучается Петрович, закусив губы. Спокойно делает своё дело акушерка, быстро хватая то один, то другой инструмент»⁴¹.

Художественный совет «Белгоскино» оценил фильм в целом положительно, при этом наибольшее внимание привлекла именно сцена с гайкой. Большинство сторонников упирали на наличие подобных фактов: «Разве... в нашем рабочем классе нет ещё отсталых рабочих, которые смотрят на женщину как на существо низшего порядка... призванное заниматься только деторождением и домашним хозяйством»⁴². По контрасту сцена с родами внимания тогда не привлекла. Упрёк в её излишней «биологичности» прозвучал позднее, на страницах журнала «Пролетарское кино»: «Эпизод с Петрович... затянут, что неверно, прежде всего со стороны содержания, ибо акцентирует на биологических началах... Уже простое сокращение этого прохода, снимающее акцент жертвенного страдания, дало бы убедительный эффект в плане последовательного развития идеи фильма, ликвидируя незакономерное и ложное отклонение в сторону... Диалектико-материалистическое восприятие действительности прорывается примитивно-материалистической, биологической трактовкой явлений, сопровождаемой, как это часто бывает, материалистическими привесками»⁴³.

С 1933 г. изображение беременности из фильмов исчезает, однако сам сюжет о девушке, которая остаётся одна и «в положении», сохраняется. Это отражено, в первую очередь, в картинах «Наследный принц Республики» и «Случайная встреча». Здесь героини сами сообщают своим партнёрам о беременности, при этом никаких видимых проявлений «положения» нет. И в том и в другом случае мужчины не рады новости из-за того, что ребёнок повлияет на их образ жизни, но их супруги принимают решение рожать.

Литературный сценарий «Наследного принца Республики» акцентирует внимание на небедственном положении семьи и её мещанстве: «Муж и жена

³⁸ Там же, л. 9 об.

³⁹ Там же, л. 8 об.

⁴⁰ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tCZbNdi7fRM> — с 48:27.

⁴¹ РГАЛИ, ф. 3015, оп. 1, д. 5, л. 43.

⁴² Там же, д. 293, л. 71.

⁴³ Пролетарское кино. 1932. № 13–14. С. 30–31.

у себя дома. Большая, светлая и удобная комната. Среди древтрестовской мебели попадаются отдельные вещи, купленные без надобности. Явная роскошь. Это начинающий отлагаться жирок достатка». У героини Наташи (Ирина в финальной версии фильма) беременность вызывает радость и она готова на конфликт с мужем: «Жена обернулась к нему всей фигурой, её лицо неожиданно спокойно: “А я хочу иметь ребёнка, и это моё право”. Муж вскипел от этого небывалого бунта». Затем сценарий концентрируется на неприятностях героя, а его спутница снова возникает в повествовании только после родов: «Открылась дверь комнаты. В комнату входит молодая жена — Наташа. В руках у неё завернутый в одеяла ребёнок. Она возвратилась из родильного дома. Она входит радостно возбуждённая, улыбающаяся и всё-таки тревожная... и вот остановилась в дверях, перестала улыбаться»⁴⁴. Расстройство связано с запиской, в которой муж предлагает ей «одуматься» и сдать младенца в детдом, в противном случае он будет платить алименты, однако этим его участие в жизни Наташи и ограничится.

В обоих упомянутых фильмах роды и всё, что с ними связано, оставлены за кадром. По возвращении героинь на экран в их внешности не видно изменений: они обе выглядят по-прежнему, всё так же следят за собой, Ирина из «Случайной встречи» едет на спартакиаду и выигрывает её. Более того, и в этих, и в большинстве прочих кинокартин беременность и роды приводят лишь к положительным изменениям. Если сначала девушки оказываются одни в новой для них городской среде и претерпевают злоключения, то, став матерью, Катя устраивается на завод, Людмила покидает мещанское пространство полуподвальной квартиры и отправляется в новую жизнь, Саша вызволяет из тюрьмы мужа, ложно обвинённого в убийстве, и сама становится милиционером, и т.д. Героини превращаются в полноправных членов советского общества и таким образом обретают самостоятельность и счастье. Даже в «Лаврах мисс Элен Грей» первое место в соревнованиях занимает уже имеющая ребёнка Лютвия, а главная героиня Таня, сделавшая аборт, терпит поражение. Её «выздоровление» в конце фильма происходит именно благодаря материнскому инстинкту: «Таня не выдержала, схватила и поцеловала ребёнка. В этом её порыве должа сказать вновь проснувшаяся в ней мечта о материнстве»⁴⁵.

Интересно, что в том жанре советского кино, который принято обозначать как историко-революционный, итог беременности как правило печален. Фильмы «Бабы рязанские»⁴⁶ и «Конец Санкт-Петербурга»⁴⁷ повествуют о событиях 1917 г. и предшествующих лет. В обоих рождение ребёнка приводит к смерти матерей (одна умирает во время родов, другая, родив в результате изнасилования и боясь гнева мужа, кончает жизнь самоубийством). Этот сюжетный ход использован ещё в первом художественном фильме студии «Ленфильм», ныне утраченном: «Доля ты русская, долюшка женская» (1922)⁴⁸. Беременность и деторождение использовались как один из элементов разграничения «старого» и «нового». Дореволюционная жизнь демонстрировалась как среда, лишавшая женщину возможности счастливого и здорового материнства. Противоположностью этому выступало материнство советское.

⁴⁴ ЦГАЛИ, ф. 257, оп. 16, д. 307, л. 8–10, 16.

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 2698, оп. 1, д. 37, л. 218.

⁴⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wHSJoF5-fVI>

⁴⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qCxBFrT3EpE>

⁴⁸ Ленфильм. Аннотированный каталог фильмов (1918–2003). СПб., 2003. С. 18.

Отцовство в кинематографе 1920–1930-х гг. Не меньшее значение для кинематографии рассматриваемого периода имел вопрос отцовства. В большинстве случаев демонстрировалось, как биологический отец пытается влиять на выбор будущей матери, как правило его стремление направлено на отказ от отцовства. Людмила из «Третьей Мещанской» отправляется на аборт, поскольку в результате отношений с двумя мужчинами неясно, кто отец, а официальный муж не готов воспитывать чужого ребёнка. При этом в конце фильма её партнёры называют себя подлецами (что, впрочем, не мешает им продолжить жизнь уже вдвоём, без Людмилы). В фильмах «Катка — бумажный ранет», «Наследный принц Республики», «Случайная встреча» биологические отцы детей показаны как главные антагонисты. В итоге они жалеют о решении бросить мать с ребёнком, но для них всё кончено, а вот женщина и ребёнок счастливы уже с новым партнёром.

В отличие от «Катки» и «Саши», отец из «Наследного принца Республики» — классический советский персонаж. Он архитектор — создатель нового типа жилищ, нового быта. Работа для него значительно важнее отцовства. После расставания с женой он поселяется в квартире коллег, они фактически живут маленькой коммуной. Во время обсуждения фильма на совещании коллегии консультантов совместно с руководством 4-го объединения киностудии «Ленфильм» началась дискуссия о том, какой же социальный слой представляет муж и отец. Художественный руководитель студии А.И. Пиотровский заявил: «В основном этот сценарий ставит вопрос о социалистическом отношении к ребёнку. Сам по себе этот вопрос чрезвычайно важен и существенен. Здесь все трудности заключались в том, чтобы перевести [его] из плана буржуазного в план социалистический. Человек, который во всех отношениях корректен, он может в отношении семьи проявлять глубочайший атавизм, проявлять враждебность к ребёнку и тем самым он скатывается на позиции чрезвычайно враждебные нашей действительности... Мы хотели показать государственную заботу о ребёнке... в то же время левацким загибом является взгляд, что государство должно полностью нести заботу о ребёнке»⁴⁹. Сценарист фильма Б.Ф. Чирсков указал, что поведение героя — следствие его буржуазности: «Такое отношение к ребёнку коренится в элементах буржуазной психологии, потому что бездетная семья — это типичное буржуазное явление, заиллюстрированное статистикой». Другим участникам совещания такой подход к фигуре отца казался слишком радикальным. По мнению старшего редактора и консультанта студии Р.Д. Мессер, отец должен оставаться «леваком», считающим, что ребёнок будет мешать, но «он не должен быть безоговорочно сброшен, он не должен быть по ту сторону социалистического общества»⁵⁰.

В финальной версии такого «перевоспитания» отца не происходит. В результате комедийного эпизода с трамваем ребёнок оказывается в квартире четырёх архитекторов. Они сначала тяготеют им, однако далее, при помощи советской системы охраны детства, их полная безответственность сменяется бережным отношением к младенцу, а один из них в финальной сцене заменяет ему отца. Переход от нежелания выполнять родительские функции к пересмотру точки зрения предполагался и в сценарии «Случайной встречи»⁵¹,

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 257, оп. 16, д. 306, л. 22–22 об.

⁵⁰ Там же, л. 14 об.

⁵¹ РГАЛИ, ф. 1992, оп. 1, д. 53, л. 247.

но уступил место финалу, в котором отцовство на себя берёт другой, положительный герой. В «Саше», где биологический отец стал жертвой обстоятельств, тоже находится новый, уже коллективный родитель — милиционеры. Во время родов они радуются, что появился «сын», а на вопрос, чей он, отвечают: «Поможем. И без отца вырастишь».

Неготовность мужчины к отцовству демонстрируется и в частично сохранившемся фильме «Две матери»⁵². Сюжет выстроен вокруг любовного треугольника: Андрей (работник фабрики) — Вера (его жена, сознательная коммунистка) — Юля (девушка из другого города, забеременевшая от Андрея). Юля покидает родителей, отправляется к Андрею, сообщает ему новость, однако он её отвергает, сообщая, что ребёнок ему не нужен. В утраченном фрагменте она рождает, но отдаёт младенца некой женщине, которая от него избавляется. Затем по случайному стечению обстоятельств ребёнок попадает к Вере. Андрей недоволен появлением «подкидыша»: супруга мешает ему спать, вставая ночью к ребёнку. Юля, которая устроилась на работу в детский сад, узнает, что это её сын, и стремится его воспитывать, даже выкрадывает из учреждения. Когда всё выясняется, ребёнок остаётся с двумя матерями, а отцу назначается выплата алиментов. Развязка происходит на коммунистическом суде. Андрей пытается обвинить Юлю в том, что она его соблазнила, однако проникательные товарищи становятся на сторону девушки. Более того, о необходимости помочь ей, приняв в ряды коммунистов, говорит преодолевшая ревность Вера.

В одном из самых ранних фильмов, затрагивающих эту тематику («Дорога к счастью»⁵³), герой Егор не отказывается от отцовства прямо. Во-первых, он долгое время находился на военной службе: сначала в Первую мировую войну, затем — в Гражданскую. Во-вторых, его отношение к детям сугубо положительно⁵⁴. Он покидает свою городскую подругу Настю, не зная, что она «в положении», и возвращается в деревню, к законным жене и детям (о чём Насте не сообщает, рассказав о необходимости помогать старушке-матери). В сохранившемся фрагменте финала после смерти жены он вместе с детьми возвращается к Насте. Та уже узнала об обмане (наличии жены) и пыталась покончить жизнь самоубийством, но решила жить ради ребёнка: «Белая комнатка в больнице. Елена ласково гладит голову сразу осунувшейся, бледной Насти. Настя взяла её за руки. Страстный шепот. / Ведь я беременна, — пойми ты! / Обняв Настю, Елена целует её. / Поэтому ты и должна жить... / Серьёзное лицо Елены / Ради ребёнка!»⁵⁵. Она даже написала письмо в деревню, где сообщила Егору, что они теперь чужие: «Моя жизнь принадлежит ребёнку, которого я с нетерпением жду»⁵⁶. Кроме того, в сценарии она отказалась и от алиментов: её подруга Елена говорит, что он обязан их выплачивать по декрету, Настя же заявляет, что ей ничего от него не нужно⁵⁷. Однако данный фрагмент на стадии доработки сценария вычеркнули.

В «Дороге к счастью» представлен более радикальный взгляд на материнство, которое рассматривается как долг. В его выполнении на помощь женщи-

⁵² ГФФ. Р-132.

⁵³ ГФФ. Р-1287.

⁵⁴ Любопытно, что и законная жена, и любовница находятся примерно на одном сроке беременности.

⁵⁵ РГАЛИ, ф. 2014, оп. 1, д. 49, л. 15.

⁵⁶ Там же, л. 18.

⁵⁷ Там же, л. 32.

не готово прийти государство: «Охрана материнства и младенчества поможет тебе. А с ребёнком вернётся и радость». В консультации их встречает плакат «Материнство — социальная функция женщины». Ещё одно испытание для Насти — приезд бабушки. Однако, вопреки её ожиданиям, та не осуждает, а относится с пониманием и рассказывает, как «при царе» отец привёз её в город. Она стала служанкой, сын хозяйки её изнасиловал, и она забеременела, из-за чего лишилась работы. Приют она нашла в благотворительном доме, но его условия несравнимы с советской системой охраны материнства и детства.

Норматив советского кинематографа данного периода — осуждение отказа биологического отца от родительских функций. Готовность же мужчины принять на себя ответственность за неродного ребенка всячески одобряется. В фильме «Мой сын»⁵⁸ жена, выйдя из роддома, сознаётся мужу, что ребёнок не его. Герой мучается, но в итоге понимает, что сын всё равно «его», если он возьмётся за воспитание, а также то, что дитя не может быть источником несчастья. В фильме «Алмас»⁵⁹ ситуация аналогичная: благородство жениха главной героини демонстрируется через готовность заявить, что младенец, к которому он не имеет отношения, — его.

Если ситуация, когда мужчина отказывается от отцовства, типична, то женщина, действующая аналогично, — исключение. Отказ Юли от ребёнка в фильме «Две матери» вызван отсутствием у неё работы и жилья, однако когда возможность содержать сына появилась, она «одумалась» и захотела его вернуть. Единственный пример «некачественного» материнства показан в фильме «Такая женщина» (другое название — «Чужая»)⁶⁰, в основе сюжета которого — подселение. Главный положительный герой матрос Матвей вселяется в квартиру, где живут «бывшие» — Алиса и её престарелая мать. У него водятся хлеб, сахар и даже масло, ради которых Алиса сходится с ним. Революционная эпоха заканчивается и наступает нэп, у пары рождается сын. Алисе теперь мало продуктов, она требует меховое манто, однако у Матвея недостаточно средств. Тогда она толкает его на спекуляцию. Он осознает всю глубину разрыва между ними и уходит, при этом, бросив взгляд на детскую кроватку, говорит, что заберет ребёнка, когда тот подрастёт. Однако, как следует из дальнейших событий, о своём намерении забывает и уезжает в деревню. Алиса грустит недолго, находит состоятельного ухажёра-нэпмана. Она неспособна влиться в советское общество, что проявляется в стремлении к роскошной жизни, нежелании трудиться, пренебрежении ребёнком. Она не сдаёт его в детдом или воспитательные учреждения (например, детский сад), но при этом мальчик предоставлен сам себе и в итоге убегает. Противопоставлена ей новая подруга Матвея, которая принимает его сына как родного и готова стать ему новой матерью.

В советском кинематографе для «нормальной» женщины материнство, во-первых, предмет естественной радости и способ обретения счастья, во-вторых, способ перехода в статус полноправной гражданки. Причём, к примеру, от Насти из «Наследного принца Республики», чтобы считаться «своей», не требуется причастности к рабочему классу, достаточно реализации как матери. С мужчинами этот механизм не работает: «пропуск» в советское общество получает лишь тот, кто принял на себя функции родителя, а биологическое отцовство

⁵⁸ URL: https://www.youtube.com/watch?v=8PV3X6n_rNU

⁵⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q1Yb50GePSI>

⁶⁰ ГФФ. Р-1485.

второстепенно. Кроме того показано, что после рождения ребёнка женщина не остаётся одна. Она обретает нового надёжного партнёра и может положиться на поддержку государства.

Медицинское просвещение и пропаганда системы охраны материнства и младенчества. Дореволюционное и зарубежное, «капиталистическое» кино рассказывало романтические истории, чтобы завлечь зрителя. Советское кино стремилось не только завлечь, но и просветить. Причём не только идеологически, но и с точки зрения сугубо медицинской. В рассматриваемый период в здравоохранении господствовала идея превентивной (или профилактической) медицины и социальной гигиены, главным апологетом которой выступал Семашко. Её главные задачи — снижение заболеваемости, оздоровление рабочего класса, а также обеспечение государства здоровым молодым поколением. Для пропаганды репродуктивной грамотности активно использовались женские журналы⁶¹, устраивались выставки⁶², эффективным инструментом выступало и кино. В «Дороге к счастью» показан лозунг на стенах женской консультации: «Консультация охраняет здоровье трудящейся женщины не только тем, что даёт медицинские советы, но и тем, что идеи эти широко выносит за стены учреждения, ломая старый быт и грубую мещанскую мораль».

Один из важных факторов, влиявших на здоровье не только родителей, но и детей, в том числе будущих, — венерические заболевания. Силы кинематографа нацеливались на содействие профилактике и предотвращение их распространения. В фильме «Проститутка» продемонстрирована забота государственной медицины о женщинах, занятых в этой профессии. Несмотря на избыточное для советского человека внимание к собственной внешности и стремление к роскошной жизни, в середине 1920-х гг. они рассматривались в первую очередь как жертвы. И если для одних всё уже потеряно, то других (главная героиня фильма) ещё можно спасти при помощи системы здравоохранения и вернуть в общество (к примеру, устроив в трудовую артель). В то же время забота женщины о репродуктивном здоровье (в случае с данным фильмом — посещение женского врача) в глазах аудитории невольно оказывалась связана с проституцией, хотя ни самих болезней, ни их последствий не показывалось.

В фильме «Стыдно сказать»⁶³ профилактика венерических болезней подана иначе. Сюжет повествует о пришвартовавшемся в порту корабле. Матросы отдыхают, но не всегда подобающим для гражданина СССР способом. Это приводит к возникновению «полового вопроса»: в самом начале картины одного из служащих отстраняют от спортивных соревнований по болезни, о чём сказано в объявлении, к которому сослуживец приписывает: «Надо меньше ходить по женщинам». Далее демонстрируются сцены фривольного общения моряков с новыми «подругами». При этом к одному из них по фамилии Гаврилюк в это время едет жена Варя. На корабле она встречает мужчину с явными последствиями сифилиса, показанными в подробностях. Он кончает с собой

⁶¹ См.: *Филина Ю.С.* Вопросы репродуктивного поведения на страницах журнала «Работница» в 1917–1927 гг. // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Международная научно-практическая школа-конференция молодых учёных (8–9 октября 2019 г.). Сборник статей участников. М., 2019. С. 258–266.

⁶² См.: *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2013. С. 51. В фильме «Дорога к счастью» показана такая выставка.

⁶³ ГФФ. Р-1427.

на глазах Вари, потому что не может более выносить вызванных болезнью порицания и изоляции. Матросов направляют на медицинские обследования, однако не все готовы их проходить. Над последними устраивают товарищеские суды. Гаврилюк передаёт заболевание жене, пытается стреляться, но счастливый финал показывает, что у пары всё будет хорошо — они вместе направляются в госпиталь.

Необходимость профессиональной медицинской помощи отмечалась не только в отношении венерических заболеваний. «Особняк Голубиных»⁶⁴ пропагандирует борьбу с главной социальной болезнью — туберкулёзом. Повествование начинается в дореволюционный период. Жизни рабочих из типографии (в том числе главного героя Николая) и служанки Ксении противопоставляется барская жизнь: пока одни пируют, другие умирают от туберкулёза. Николай и Ксения влюбляются друг в друга, но Николай болен. Он отправляется к врачу и спрашивает, можно ли жениться. Врач не советует, объясняет причины, зрителю в этот момент демонстрируют изображения больных детей. Предложение отправиться в санаторий Николай отвергает, так как занят революционной деятельностью. После прихода к власти большевиков у молодых людей всё налаживается — бывшие особняки стали санаториями, рабочие и крестьяне теперь под заботой профессиональных врачей и могут создавать семьи, не боясь вырождения.

Одна из основных задач такого кино — направить беременную в медицинскую консультацию и родильный дом. Несмотря на довольно продолжительную историю гинекологии и акушерского дела ещё в царской России, профессиональное родовспоможение и в 1920-х гг. имело крайне ограниченное распространение. Помимо нехватки заведений и специалистов сказывались недоверие, невежество и предрассудки, которые тоже демонстрировались на экране, как правило, на контрасте с государственными учреждениями. Так, в «Дороге к счастью» противопоставлены город, в котором развито родовспоможение, и деревня. Горожанку Настю в женскую консультацию ведёт подруга. Сам осмотр, конечно, не показан, зато можно рассмотреть соответствующие инструменты — гинекологическое кресло и щипцы. Женщина-врач и героиня явно расположены друг к другу, улыбаются, девушка не испытывает неловкости или дискомфорта. После приёма подруги останавливаются у стенда с соответствующей литературой, которая дана достаточно крупно — зритель может даже прочитать заголовки.

Другое дело в деревне: «Тоже “Консультация”. Убогая покосившаяся избушка в овраге. Молодая женщина с не слишком заметной беременностью стучит у дверей. У неё подмышкой живая курица, в руках каравай хлеба. Открылась ставня окошечка, выглянуло сморщенное лицо деревенской бабки-повитухи и скрылось»⁶⁵. Как и в большинстве картин, особое внимание уделяется проблеме чистоты: «Внутри избы. Топится печь. Из полутьмы видны несколько женских лиц. На первом плане повитуха Арина, вынув из кипящего котелка какой-то корешок, протягивает его какой-то степенной деревенской бабе. “Супротив зачатия брюха верное средство”. Женщины придвинулись ближе. Арина делит корешок между двумя из них»⁶⁶. Сюжет построен на со-

⁶⁴ ГФФ. Р-1384.

⁶⁵ РГАЛИ, ф. 2014, оп. 1, д. 49, л. 19.

⁶⁶ Там же, л. 22.

противлении крестьянки Ульяны попыткам мужа отправить её в участковую больницу. Она презрительно относится к медицинскому персоналу, отказывается раздеваться перед врачом-мужчиной. Её отводят к акушерке, которая даёт лекарства, однако Ульяна отказывается — предстоит покос и если она начнёт принимать их в поле, то вся деревня будет смеяться. Решив, что врачи ничего не умеют, она идёт за «лечением» к бабке-повитухе, а позднее умирает при родах от отсутствия профессиональной помощи⁶⁷.

В то же время не все неврачебные роды на экране заканчивались печально. Акцент делался на том, что облегчить этот сложный и болезненный процесс способны врачи. Из сценария фильма «Дорога к счастью»: «Родильная комната. Столы для рожаящих. На столе Настя. Врач и сестра, улыбаясь, успокаивают её. Врач отходит. Сестра наклонилась над Настей. “Спокойнее, спокойнее”. Лицо Насти. Широко открытые глаза. Крепко сжатые губы. Брови сдвинулись в напряжённом предчувствии боли. Быстрое движение врача, стоящего на первом плане, спиной к аппарату. Передал сестре маленькое тельце новорождённого ребёнка (протяжение этой сцены не более 2 секунд, т.е. меньше метра пленки). Сестра купает новорождённого ребёнка. Сестра наклонилась над Настей. Даёт ей ~~пеленать~~ ~~енирт~~ (так в источнике. — Ю.Ф.). Настя открывает глаза. Сестра улыбнулась ей ласково. “Ну вот и всё”. Взвешивание и осмотр ребёнка»⁶⁸.

В фильмах, снимавшихся не по заказу Наркомата здравоохранения, женские страдания демонстрировались более подчеркнуто. В «Саше» — аккуратные врачи и стерильность, но при этом очевидные муки, усиленные самой постановкой кадра: зритель не видит дружелюбной атмосферы родильного дома, ободряющей беседы с акушеркой. Вместо этого чёрный фон, врач молчалив и суров, а Саша кричит от боли. В «Женщине» Петрович при начале родовых схваток тоже кричит, бросается на стены, после чего ей вызывают акушерку. Та приезжает на мотоцикле в коляске с красным крестом. Женщины укладывают лавки и подушки, акушерка в платке и халате достаёт инструменты, среди которых гинекологическое зеркало, и протирает их. Это единственная в рассматриваемых фильмах сцена медицинских родов в деревне.

Наибольший акцент сделан на том, что надо поручать младенцев системе охраны материнства и младенчества. В 1919 г. Желябужский снял короткометражный игровой фильм «Дети — цветы жизни»⁶⁹. Уже в нём демонстрируется женщина, рожаящая в чистоте под присмотром врачей, при этом ребёнок, растущий под медицинским присмотром, — чистый и пухлый, а рождённый без врачей — очень худой и болезненный. В «Наследном принце Республики» роды не показаны, но значительный хронометраж выделен детской инспекции и прекрасному дому ребёнка, вызывающему зависть у архитекторов, а также дружелюбному врачу, который совершенно не удивлён тому, что у ребёнка четыре отца, но нет матери (правда, фильм относится к комедийному жанру). В вычеркнутом фрагменте сценария «Дороги к счастью» предполагалось показать обучение молодых матерей в родильном доме уходу за детьми: первые шесть месяцев младенца надо ежедневно купать, после купания мягким жгутом из ваты протирать нос и уши, туго не пеленать и т.д.⁷⁰. Показано надомное по-

⁶⁷ Там же, л. 25–27.

⁶⁸ Там же, л. 29–30.

⁶⁹ URL: <https://www.culture.ru/live/movies/13502/deti-cvety-zhizni>

⁷⁰ РГАЛИ, ф. 2014, оп. 1, д. 49, л. 32–33.

сещение молодой матери (если она не справляется, например, с уборкой, то ей помогают), а также преимущества советской молочной кухни.

Следует отметить, что кормление грудью как часть материнской повседневности — обязательный элемент рассмотренных фильмов. Его важность с медицинской точки зрения отражена, например, в сценарии Леонидова к фильму «Человек родился» (другое название — «Её сын»), сюжет которого повторяет кинокартину «Мой сын». После очередной семейной ссоры Фёдора Ярыгина просят зайти для консультации в отдел охраны материнства и младенчества, где внушают ему необходимость более бережного отношения к жене: «Отдельно моменты из жизни консультации, подчёркивающие заботу этого учреждения о детях и матерях... Это может отразиться на молоке матери, от этого может пострадать ваш ребёнок»⁷¹. Соответственно, вмешательство в дела семьи направлено на защиту матери и младенца.

* * *

Ранний советский кинематограф, посвящённый семье и материнству, придерживался нескольких основных линий. «Нормальная» женщина всегда рада беременности, «материнский инстинкт» работает почти безотказно. Исключение может объясняться только оторванностью от советского общества или принадлежностью к неисправимому «буржуазному элементу». Следует отметить, что рабочая функция не противоречит родительской и даже не пересекается с ней. Более того, материнство могло выступать единственным способом самореализации.

Если связь матери с ребёнком биологична и почти безусловна, то с отцами ситуация иная. Они могут отказываться от родительства даже при условии добропорядочности в остальных сферах жизни. Однако характерна установка кинопродукции: «Отказ отца от ребёнка — препятствие преодолимое». Героиня обычно встречает другого мужчину, который готов воспитывать ребёнка как «своего», в итоге семья остаётся «полной» (мужчина—женщина—дети) и счастливой. «Перевоспитание» биологического отца возможно, но демонстрировалось реже. Кроме того, всегда на стороне матери рабочий коллектив, она не встречает отторжения даже там, где его ожидает. Страху остаться в одиночестве с ребёнком на руках противопоставлены поддержка и забота не только государства, но и окружения. В этой связи следует подвергнуть коррективе представление о том, что в 1920-х гг. отвергалась идея семьи и пропагандировалась полная передача детей на попечение системы охраны материнства и младенчества.

Фильмы доносили до аудитории установку — на страже здоровья и благополучия матери и ребёнка стоят государство и медицина. Если рабочий, отец, коммунист и т.д. мог высказывать негативное отношение к женщине или младенцу, то врач всегда показан положительно (даже при изображении дореволюционной России). Среди прочего он не занимается прерыванием беременности, хотя таковая в государственных больницах доступна. Аборты скорее оусуждались: на них идёт в основном «несоветский элемент».

Среди угроз материнству — неправильное, «буржуазное» восприятие спорта. Данная связка появилась на советском киноэкране в середине 1930-х гг., в период перехода от физкультуры как оздоровительного занятия к спорту высших достижений как инструменту внешнеполитической борьбы. Позднее

⁷¹ Там же, ф. 2698, оп. 1, д. 44, л. 76.

СССР активно пропагандировал женский спорт и отстаивал интересы женщин в этой, ранее традиционно мужской сфере, что на какое-то время обеспечило определённое идеологическое преимущество перед странами Европы и США⁷². Однако кинопродукция рассмотренного периода показывает, что в восприятии авторов (и, видимо, идеологических заказчиков) спорт и женственность не слишком совместимы.

Наконец, кино отражало характерные для большинства населения страхи перед врачебными родами, разницу отношения горожан и селян к репродуктивности. Откровенная демонстрация гинекологических инструментов должна была приучить зрителей, особенно женщин, к их виду. Но в середине 1930-х гг. сложности беременности и родов исчезли с экранов, поскольку плохо вписывались в концепцию счастливого и беззаботного материнства. Мужчина же вытесняется из этого пространства — теперь его место, за исключением крайних случаев, с обратной стороны ворот роддома.

⁷² См.: *Куприянов А.И., Зубкова Е.Ю., Мухаматулин Т.А., Прозуменищев М.Ю.* Советский спорт в контекстах холодной войны. М., 2023. С. 216–235.

«Украинский кризис» Общества историков-марксистов

Виталий Тихонов

«Ukrainian crisis» of the Society of Marxist Historians

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24040131, EDN: FFBRZM

Общество историков-марксистов при Коммунистической академии появилось в 1925 г., чтобы стать штабом новой исторической науки. В исследовательской литературе выделяются два подхода к изучению этой организации. Первый можно обозначить как институциональный, т.е. направленный на реконструкцию истории самого общества, анализ формализованных и неформальных механизмов его функционирования¹. Второй — как функциональный, он предполагает изучение роли общества в исторической науке своего времени, его значение в борьбе с историками «старой школы» и различными «историографическими уклонами»².

В тени остаётся влияние общества на процесс создания национальных историй народов СССР. Исключение — статья В.Н. Данилова, в которой обстоятельно описаны дискуссии московских историков-марксистов с украинскими³. По мнению автора, Общество сыграло ключевую роль в критике украинской историографии и тем самым расчистило путь для формирования исторической концепции, не противоречившей общей схеме истории СССР. В этом объяснении вызывает возражение лишь указание на наличие общей схемы истории страны — её, как известно, не могли сформулировать ещё долгое время. Корректнее говорить о преодолении сопротивления украинских историков интеграции (фактически централизации), о чём, справедливости ради, автор тоже пишет.

Тем не менее данный сюжет требует рассмотрения в более широком контексте. Во-первых, «развал» (в терминологии Данилова) украинской исто-

© 2024 г. В.В. Тихонов

¹ См.: *Дорошенко В.А.* Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1966. № 3. С. 10–22; *Метель О.В.* Создание сети региональных отделений Общества историков-марксистов в 1930–1932 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 213–219; *Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск, 2018. С. 90–105; *Данилов В.Н.* Финальные аккорды «детища» М.Н. Покровского: общество историков-марксистов в начале 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. 2021. № 2. С. 143–156.

² *Данилов В.Н.* Общество историков-марксистов и историки «старой школы» // История и историческая память. 2016. № 13–14. С. 93–103; *Данилов В.Н.* Н.А. Рожков и Общество историков-марксистов (судьба историка и его научного наследия в середине 1920-х — начале 1930-х гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 24. 2018. № 2. С. 16–25.

³ *Данилов В.Н.* Украинская тема в Обществе историков-марксистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 15. 2015. № 3. С. 22–30.

риографии явился частью процесса зачистки «буржуазных» и «национал-коммунистических» элементов, начавшегося в ходе «Великого перелома» и культурной революции конца 1920-х гг. Во-вторых, последствия решения «украинского вопроса» оказались гораздо шире и привели к переформатированию всего процесса написания национальных историй с целью формирования стандартов общесоюзного историописания. Наконец, в статье Данилова обнаруживаются неожиданные фактографические лакуны, которые можно и нужно заполнить для лучшего понимания произошедшего.

Для начала следует обозначить основные вехи «украинского кризиса». Переломным стал 1928 г., когда Общество историков-марксистов взяло курс на расширение своей деятельности⁴. 3 марта на заседании президиума Коммунистической академии был заслушан доклад, в котором заявлялось, что именно Общество станет основным центром исторической работы академии⁵. К тому времени его отделения уже появились в союзных республиках. Однако в декабре того же года заявило о себе Украинское общество историков-марксистов⁶, претендовавшее на самостоятельность. Эта позиция совпадала (и, возможно, объяснялась) с установками наркома образования Украинской ССР и ключевого проводника политики украинизации Н.А. Скрыпника. С его точки зрения, УССР не должна противопоставлять себя остальному Союзу, в его рамках все республики равны и никто не должен претендовать на гегемонию. В этой связи он поддерживал территориальную концепцию, согласно которой историко-культурное наследие принадлежит той республике, на территории которой оно появилось. Например, «Слово о полку Игореве» он считал достоянием украинской литературы⁷. В схожем ключе рассуждали и местные историки, считавшие, что всё происходившее на территории Украины является украинской историей. Ирония заключалась в том, что границы УССР оставались во многом «воображаемыми»⁸: помимо неё существовали украинские области Польши, продолжались территориальные споры с РСФСР и дискуссии о том, какие земли являются частью Украины с этнокультурной точки зрения⁹.

Лидером украинской исторической науки считался М.С. Грушевский, который приехал в СССР в 1924 г. В 1929 г. его избрали академиком АН СССР, но вскоре развернулась критика его концепции Украины-Руси. Если в 1920-х гг. эта концепция, пусть и с серьёзными оговорками, приветствовалась как альтернатива великодержавной версии общерусской истории, то в начале 1930-х гг.

⁴ Об этом см.: *Сидоров А.В.* «Историк-марксист» восемьдесят лет назад: смена приоритетов в советской исторической науке // *История и историки: историографический вестник*. 2007. М., 2009. С. 165–166.

⁵ Доклад Общества историков-марксистов в президиуме Комакадемии // *Историк-марксист*. 1928. Т. 7. С. 3–17. См. также: *Тихонов В.В.* Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // *Россия и современный мир*. 2023. № 4. С. 168–182.

⁶ 50 лет советской исторической науки. 1917–1967. Хроника / Сост. А.И. Алаторцева, Г.Д. Алексеева. М., 1971. С. 121.

⁷ *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М., 2006. С. 187–188.

⁸ О процессе конструирования украинской истории в XIX – начале XX в. см.: *Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 9–45.

⁹ Подробнее см.: *Дроздов К.С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., 2016; *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М., 2020. С. 98–100; *Шульгина А.Н.* Границы по памяти и представлению // *Россия в глобальной политике*. Т. 20. 2022. № 5. С. 136–152.

такой подход выглядел уже излишне националистическим, страдающим «этнографизмом». Грушевского начали критиковать в общесоюзной, а затем и украинской печати. Однако и остальные украинские историки постоянно упрекались в продвижении различных вариаций концепции крестьянской революции на Украине, что расценивалось как отказ от теории общей пролетарской революции под руководством партии большевиков. Таким образом, устремления политических и научных кругов УССР к организационной и отчасти концептуальной самостоятельности встали на пути начавшейся централизации научных и культурных институций, отражавшей общий процесс концентрации и мобилизации наличных ресурсов (в том числе и идеологических) в условиях «военной тревоги» и начала «великого перелома».

Именно это противоречие вскрыла Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов, прошедшая с 28 декабря 1928 г. по 4 января 1929 г. Ей предстояло принять курс на объединение историков вокруг «московского» Общества и утвердить его в статусе общесоюзной организации. Фактически Общество должно было поглотить прочие организации. В свою очередь украинцы стремились построить отношения с центром на принципах ассоциации, сохранив сколь возможно широкую самостоятельность. Представляя крупный республиканский исторический центр, выступавший к тому же «витриной» советского проекта для западноукраинских земель, находившихся в составе Польши, они собирались отстаивать свои позиции, в том числе в дискуссиях по историческим и историографическим вопросам.

На съезде работала секция истории народов СССР, где прозвучал доклад лидера украинцев М.И. Яворского «Современные антимарксистские течения в украинской исторической литературе»¹⁰. Во время его обсуждения и произошло столкновение с «москвичами». Сотрудник Украинского института марксизма-ленинизма З.Н. Гуревич заявил, что в русской историографии советского периода сохраняются «отрывки великодержавного шовинизма». В качестве примеров указывалось на отрицание М.В. Нечкиной украинских «моментов» в декабристском Обществе соединённых славян, упоминание в сборнике «Крестьянское движение в 1917 г.» Юго-Западного края, Таврической губ. и т.д. По мнению оратора, «целостный комплекс экономических, социально-политических и социально-культурных явлений, который имеет название — Украина, сборник рассматривает под таким углом, что из карты его исторического исследования совершенно исчезает этот комплекс»¹¹. В обстановке споров о границе УССР и РСФСР история превращалась в поле битвы за «исконно исторические» территории, а реальные или мнимые попытки оспорить положение Украины в Союзе воспринимались болезненно.

Сама Нечкина, поддержав линию конференции на интеграцию советской исторической науки, посетовала, что контакты между историками УССР и РСФСР очень слабы, недвусмысленно намекнув, что создание общесоюзного Общества решит эту проблему и исключит всевозможные недоразумения. Она также отвергла концепцию «украинского декабризма», указав, что та не подтверждается фактами. Наиболее резко выступил П.О. Горин, который указал Гуревичу, что борьба с «великодержавным шовинизмом» пойдёт «куда успеш-

¹⁰ Текст см.: *Яворский М.* Современные антимарксистские течения в украинской исторической литературе // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII.1928—4.I.1929. Т. I. М., 1930. С. 426—435.

¹¹ Там же. С. 440.

нее, если наши украинские товарищи не будут отдавать дань некоторым отрывкам домарксистской исторической науки на Украине, которые всегда охотно подхватит Грушевский и его ученики... чтобы создать подлинную марксистскую теорию, необходимо помнить, что ни на какие компромиссы с нашими врагами мы идти не можем и со всякими подделками под марксизм будем разделяться беспощадно»¹². Последнее прозвучало как угроза, Гуревич не выдержал и сказал с места: «Борьба с уклонами не означает ликвидации великодержавного шовинизма». Однако Горин подчеркнул, что историю Украины нельзя изучать в отрыве от истории России.

Украинский историк М.А. Рубач¹³ говорил, что историки РСФСР не демонстрируют «великодержавность», но часто проявляют «нечуткое отношение к украинской историографии», не учитывая многих её болевых точек, например, называют украинские территории «Югом России». Он призвал к интернационализму не на словах, а на деле. Важно отметить: Рубач сказал, что в кулуарах ведутся разговоры, будто украинские историки создали свою историческую схему, отличную от общесоюзной. «А таких разговоров, товарищи, абсолютно не должно быть»¹⁴, — заключил он.

Подводящий итоги М.Н. Покровский указал на единый фронт «реакции и контрреволюции», отметив схожесть позиций Грушевского и П.Н. Милюкова по вопросу о крестьянском, а не пролетарском характере революции на Украине, и призвал установить «твёрдый» фронт советских историков в борьбе с оппонентами, а не погрязать в спорах. Он поддержал Рубача в том, что следует говорить не о великодержавности, а о «неряшливости» в отношении украинских сюжетов, одновременно отметив опасность позиции Гуревича, скатывающегося к местному шовинизму и «этнографизму». Заключительное слово предоставили Яворскому. Отвечал он нервно. Его явно возмутила критика украинских историков, которые, как он утверждал, сумели в тяжёлых условиях создать марксистскую схему истории Украины. Горина он обвинил в «примитивизме» и напомнил о случаях «русификации» нерусских явлений в историографии. Выступил и Гуревич, признавший, что преувеличил роль «великорусского шовинизма». Собравшиеся согласились с необходимостью более внимательного отношения к терминам и продолжения борьбы против «неряшливости» в выражениях.

Однако проблема, столь ярко проявившись, решена не была. Сразу после съезда Горин опубликовал в «Правде» рецензию на книгу Яворского «Історія України в стислому нарисі», в которой критиковал её автора за «фетишизацию национального момента» и смазывание классовой борьбы. Тот в ответной статье писал о «руссотяпстве». На опасные тенденции среди украинских историков указал и Покровский. Горин выступил против избрания Яворского в состав

¹² Там же. С. 451.

¹³ Стоит указать, что он окончил Институт красной профессуры и был для московских историков-марксистов «своим», публиковался в сборнике участников историографических семинаров Покровского (*Рубач М.А. Федералистские теории в истории России* // Русская историческая литература в классовом освещении. Сборник статей с предисловием и под редакцией М.Н. Покровского. Вып. 2. М., 1930). Учившийся с ним А.Л. Сидоров вспоминал: «У меня создалось впечатление, возможно, ошибочное, что Рубач болеет украинским национализмом, хотя ему как украинскому еврею этот национализм не должен быть свойственен» (*Сидоров А.Л. Институт красной профессуры* // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 381).

¹⁴ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов... С. 455.

Коммунистической академии¹⁵. В печати появились публикации, в которых со стороны московских и украинских историков звучали взаимные упрёки¹⁶.

Тем временем по итогам съезда Общество историков-марксистов приобрело статус общесоюзной организации и вскоре развернуло деятельность в регионах РСФСР и республиках СССР¹⁷. Началось «овладение республиканской периферией». Появление филиалов Общества сопровождалось закрытием различных местных исторических обществ¹⁸. Это не могло не беспокоить историков УССР, которые поддерживали создание ассоциации обществ историков-марксистов, а не поглощение региональных обществ центральным. Данное положение закрепил устав Украинского общества историков-марксистов, одобренный ЦК КП(б)У при поддержке генерального секретаря ЦК партии, члена Политбюро ЦК ВКП(б) С.В. Косиора.

Однако украинцы оказались в слабой позиции. Уже весной 1930 г. в Харькове прошёл процесс по делу «Союза освобождения Украины», приведший к аресту ряда интеллектуалов по обвинению в стремлении реставрировать капитализм. Украинская академия наук получила сильный удар. Аналогичные процессы состоялись и в других республиках: РСФСР (так называемое академическое дело), Белоруссии, Узбекистане и т.д.¹⁹ Основной удар наносился по местной интеллигенции, «старым спецам», «сменовеховцам», в чьих услугах советская власть, как ей казалось, уже не нуждалась. Предстояло расчистить дорогу для марксистских кадров и защитить себя от «внутренних вредителей» и потенциальной «контрреволюции». В этом контексте обвинения в местном «буржуазном» национализме оказались гораздо серьёзнее, чем обвинения в «великорусском шовинизме». Особенно ярко это проявилось именно на Украине, где, помимо прочего, прогремело дело Украинского национального центра. Под ударом привычно оказались лидеры местной историографии, в том числе Грушевский, Яворский и Д.И. Багалей²⁰. Яворский получил обвинение в сотрудничестве с гетманом П.П. Скоропадским, стал объектом масштабной кампании критики и вынужден был публично покаяться. В идеологическом лексиконе появился термин «яворщина», подразумевавший украинский сепаратизм в историографии²¹. Однако и простые историки, многие из которых

¹⁵ Подробнее см.: *Данилов В.Н.* Украинская тема в Обществе историков-марксистов. С. 25–26.

¹⁶ *Рубач М.* Всесоюзна конференція істориків-марксистів та деякі наші чергові завдання // *Літопис революції*. 1929. № 2. С. 1–Х; *Покровский М.Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // *Историк-марксист*. 1929. № 11. С. 7–9.

¹⁷ Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // *Историк-марксист*. 1929. № 11. С. 230.

¹⁸ *Метель О.В.* Создание сети региональных отделений... С. 215.

¹⁹ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 343–375; *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации... С. 202–207; *Дроздов К.С.* Большевики против белорусской интеллигенции: деятельность комиссии Затонского в мае–июне 1929 г. и «крутой поворот» в национальной политике в БССР // 1929: «Великий перелом» и его последствия. Материалы XII международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М., 2020. С. 108–116.

²⁰ Подробнее см.: *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський. Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ, 1999.

²¹ *Екельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 40–41. По мнению Я.А. Лазарева, кампания не имела идеологической подоплеки, а оказалась следствием стечения обстоятельств: *Лазарев Я.А.* Идеологическая кампания или роковая случайность? Дискусии 1928–1930 гг. и крах карьеры историка М.И. Яворского // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*. Т. 26. 2024. № 2. С. 194–212.

считались учениками перечисленных лидеров, оказались в обстановке давления и репрессий²².

Воспользовавшись идеологическими кампаниями, московские историки пошли в наступление. 3 марта 1930 г. в «Известиях ЦИК СССР» появилась статья Покровского и Горина, в которой «яворщина» объявлялась серьёзной проблемой украинской историографии. В дело пришлось вмешаться влиятельному Косиору. В письме в редакцию «Правды» он заявил, что в Комакадемии не понимают украинской специфики, и КП(б)У в борьбе с уклонами справится без их помощи²³.

В сложившейся ситуации как вызов выглядело приглашение Покровскому от Украинского общества историков-марксистов принять участие во Всеукраинском съезде историков-марксистов и выступить с докладом на тему «О схеме истории народов СССР». Разумеется, местных историков в первую очередь интересовало определение места в ней украинской истории²⁴.

Открытое столкновение между украинским и общесоюзным обществами произошло в ноябре 1930 г. Фоном для нового витка конфликта послужил XVI съезд ВКП(б), на котором Сталин заявил об опасности «великорусского шовинизма»²⁵. После этого украинцы решили перейти к «активной обороне». Московский историк С.А. Пионтовский записал в дневнике: «Я нарочно пригласил к себе теперешнего лидера украинской науки Рубача. Он был у меня 25 и 29 июня, просидел целый вечер. Он доказывает, что нет и не может быть сейчас истории народов СССР, что история народов СССР — это понятие этнографическое, [мы] должны заниматься историей Великороссии, как они должны заниматься историей Украины. Для него основным стержнем связанных исторических процессов является национальность. Нужно сказать, что он очень твёрдо требует от нас внесения национального момента в историю, но что он в своей украинской истории ориентирован очень плохо. Он едва-едва знает её, но зато необыкновенно громко и решительно он обвиняет в национал-шовинизме. Вообще сейчас сказать человеку, что он великодержавный шовинист, — это привести его в ужас, напугать до смерти»²⁶.

Помимо частного общения с московскими коллегами Рубач присутствовал на заседании Общества историков-марксистов 26 июня 1930 г., о котором затем сделал доклад на Всеукраинском пленуме совета Украинского общества историков-марксистов²⁷. После его выступления пленум принял чрезвычайно резкое заявление в адрес москвичей. Из него можно узнать, что на заседании 26 июня Рубач потребовал осуществить развёрнутую критику «национально-великодержавных теорий» и определиться с вопросом о самостоятельно-

²² Ясь А.В. «Покаянные» и «обличительные» тексты украинских историков в первой половине 1930-х гг. как способ организации культурного пространства тоталитарного общества // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции (Киев, 10–12 октября 2013 г.). М., 2014. С. 247–255.

²³ Правда. 1930. 6 апреля. № 95. С. 6.

²⁴ Архив РАН (далее — АРАН), ф. 377 (Общество историков-марксистов), оп. 1, д. 80, л. 151.

²⁵ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1933. С. 566.

²⁶ Дневник историка С.А. Пионтовского (1927–1934) / Отв. ред., вступ. ст. А.Л. Литвина. Казань, 2009. С. 341.

²⁷ Документы обнаружены в фонде Покровского (АРАН, ф. 1759) и частично опубликованы (Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 34–43). Однако исследователь работал со случайной выборкой и не мог составить представление об общей картине и контексте.

сти украинской истории. В ответ Горин и И.Л. Татаров обвинили украинцев в стремлении к изоляции.

Масла в огонь подлила статья Т. Скубицкого, опубликованная в рупоре советской исторической науки, печатном органе Общества журнале «Историк-марксист». В ней автор громил наследие Грушевского и утверждал, что историки на Украине — Яворский, Багалея, А.П. Оглоблин, И.Ю. Гермайзе, Т.М. Слабченко и др. — всё ещё находятся под влиянием его схем. Автор назвал их «псевдомарксистами» и заявил, что их концепции связаны с программными установками «Союза освобождения Украины»²⁸. Это в УССР расценили как вызов. 30 октября была подготовлена резолюция совета Украинского общества историков-марксистов, утверждённая 5 ноября. В ней Скубицкий обвинялся в передёргивании фактов, незнании ситуации, отрицании колониального характера русского царизма и т.д. Общество потребовало признать ошибки не только свои, но и Общества историков-марксистов при Комакадемии²⁹.

Ещё более резкой оказалась резолюция от 6–7 ноября. В ней заявлялось, что «русская марксистская историография не осуществила ещё развёрнутой критики националистически-великодержавных теорий, имеющих в буржуазной исторической литературе, а также их влияний и проявлений в работах отдельных русских историков-марксистов». Ведущие сотрудники Комакадемии Татаров, Горин, Н.Н. Ванаг, М.С. Волин обвинялись в отрицании самостоятельности украинской истории и «великодержавном русотяпском уклоне». Возмущение украинцев вызвало то, что их стремление построить взаимоотношение с московским Обществом на принципах ассоциации объявлялось проявлением «яворщины» и культивированием традиций Грушевского, а также утверждением, что «на украинском участке исторического фронта в национальном вопросе главной опасностью является не великодержавный шовинизм, а шовинизм местный». По мнению украинской фракции, Покровского призвали публично выступить с чётким изложением позиции по данному вопросу. Докладная записка по позиции Украинского общества направлялась в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У³⁰.

На обсуждении резолюции Покровский согласился с рядом положений, в частности, признал отсутствие критики «националистически-шовинистических теорий». Однако такое признание оказалось скорее формой вежливости. Далее оратор подчеркнул, что говорить о «самостоятельности истории Украины» не приходится, поскольку такого государства не существовало, и изучать украинскую историю следует в рамках истории других государств. В собственном ему стиле он съязвил: «Что же, мы должны... вообразать, что в это время Николай I, Александр II и III были гетманами?»³¹.

Скубицкому пришлось написать в редакцию «Историка-марксиста» письмо с признанием, что он недостаточно знаком с ситуацией в украинской историографии, поэтому допустил неправильные и резкие высказывания. Признал он и активную роль КП(б)У в борьбе с «яворщиной»³². Однако об извинениях от всего Общества историков-марксистов и его печатного органа речи не шло. Уступки носили скорее тактический и даже декоративный характер, а вот ре-

²⁸ Скубицкий Т. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 27–40.

²⁹ АРАН, ф. 377, оп. 1, д. 80, л. 94–95.

³⁰ Там же, л. 79, 83, 84.

³¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство... С. 41.

³² АРАН, ф. 377, оп. 1, д. 80, л. 42.

альные чистки в УССР вскоре привели к капитуляции Украинского общества историков-марксистов.

Символом победы московских историков стала резолюция «О положении на историческом фронте на Украине». Документ не датирован и обозначен как проект. Его происхождение неясно, но недвусмысленно указано, что текст подготовлен фракцией украинских историков-марксистов. Таким образом, перед нами признание ошибок в форме самокритики. Можно приблизительно датировать его по положению документа в общем комплексе архивной документации Общества историков-марксистов, фонд которого хранится в Архиве РАН. Резолюция находится среди документов, датированных началом 1931 г. Кроме того, в том же фонде хранится письмо Украинского общества историков-марксистов в общество московское, датированное 1 февраля 1931 г., в котором ставится вопрос о том, в каком состоянии находится разработка резолюции «О положении на историческом фронте СРСР»³³. Очевидно, она должна была касаться всей советской исторической науки и задавать тон украинской. Скорее всего, они готовились параллельно. Всё это указывает на то, что документ можно датировать первыми месяцами 1931 г.

В тексте отмечалось, что существуют два основных уклона: великодержавный шовинизм и национал-шовинизм. Признавалось, что в условиях обострения классовой борьбы в работах ряда историков-марксистов произошло усиление великодержавных тенденций. «Шовинизм выражается в игнорировании и непонимании самостоятельности истории народов СССР, в попытках рассмотреть подчинение и ограбление отдельных наций как следствие территориальных расширений и простой колонизации и ассимиляции, в игнорировании национальных моментов при рассмотрении этапов революционной борьбы, в игнорировании и замалчивании влияния борьбы угнетённой нации на ход общего исторического процесса и т.д., и т.п.». Основными чертами национал-шовинизма назывались «превращение национального вопроса в основной стержень исторического процесса, подчинение социальных, классовых конфликтов национальным, полный отрыв борьбы за национальное освобождение от общей борьбы трудящихся против крепостничества и капиталистической эксплуатации, рассмотрение истории СССР как суммы изолированных историй, игнорирование влияния борьбы российского пролетариата вообще и в частности в деле национального раскрепощения»³⁴.

Первоочередной задачей украинских историков объявлялась борьба с «яворщиной» как кулацко-националистической идеологией. Далее Украинское общество историков-марксистов фактически каялось за стремление сохранить самостоятельность: «Фракция констатирует совершенно недостаточную связь и крайне ненормальные отношения между Обществом историков-марксистов при Коммунистической академии и Обществом историков-марксистов Украины... попытка Совета общества установить самые тесные отношения и стремление создать деловой контакт не встречали достаточной поддержки со стороны руководящих товарищей Общества историков-марксистов Украины, явно стремившихся обособиться от общего марксистского фронта историков»³⁵. Покровский и его окружение могли торжествовать победу.

³³ Там же, л. 34. СРСР — украинская аббревиатура СССР (Союз Радянських Соціалістичних Республік).

³⁴ Там же, л. 52–53.

³⁵ Там же, л. 58–59.

Важным элементом процесса выстраивания централизованной структуры вокруг Общества историков-марксистов стало появление при его секции истории народов СССР двух подсекций — Украины и Белоруссии³⁶. Тем самым демонстрировалось, что этой тематикой могут заниматься не только «национальные» историки, фактически им создавался контролирующий противовес.

Но к тому времени и в Москве было неспокойно. К началу 1931 г. весь «исторический фронт» находился в состоянии брожения и «войны всех против всех». Критике подвергся Рубач, проявивший «примиренчество» к «яворщине»³⁷. Одновременно бушевала борьба историков, группировавшихся вокруг Покровского, и тех, кто поддерживал Е.М. Ярославского. В центре конфликта оказался Горин, считавшийся любимым учеником первого³⁸. Противостояние закончилось направлением (фактически изгнанием) его в Белоруссию.

На этом фоне 19 мая 1931 г. прошло заседание секции истории народов СССР Общества историков-марксистов, заслушавшее доклад Н.Л. Рубинштейна «Проблемы украинского исторического процесса и пути развития украинской историографии». Уникальность события заключается в том, что сообщение по теме сделал московский историк — ранее такая прерогатива принадлежала только представителям УССР. Однако в условиях идеологического кризиса украинской историографии, которую обвиняли в следовании традициям «буржуазных националистов», центр получил право оценить её состояние. Впрочем, в Обществе поступили деликатно: Рубинштейн родился в Одессе и, хотя уже проживал в Москве, всё же мог считаться историком с Украины.

Он рассмотрел развитие украинской историографии как борьбу двух подходов. Первым являлся державный, в центре его внимания находилась держава Б. Хмельницкого, считавшаяся пиком государственного развития Украины. Такой подход фактически упразднял единство украинского исторического процесса, поскольку собственная государственность в украинской истории была явлением в лучшем случае кратковременным. Второй подход, развивавшийся школой Грушевского, обозначен как национально-народнический, в его рамках историк «пытается преодолеть разорванность политической истории в единстве обобщающего культурно-этнического и психологического понятия нации». Однако это делает нацию «внеисторическим» феноменом и не позволяет придать историческому процессу «органическую целостность».

По мнению Рубинштейна, украинский историографический процесс — это борьба двух этих подходов: «Исторически сменяющиеся классовые группировки выдвигают последовательно державническую схему в момент устойчивости своей внутренней классовой позиции и переходят к национально-народнической культурно-этнической схеме, когда пошатнувшееся социальное положение толкает их за помощью к третьей силе». Державничество докладчик в соответствии с классовым анализом связал с украинской буржуазией. Однако «в [18]60-е годы выравнивание межнационального классового фронта, ослабление антагонизма с русской буржуазией и одновременно обострение внутренней классовой борьбы со стороны пролетариата и революционного крестьянства заставляют и буржуазию в свою очередь перейти на позицию этнографизма и национально-народнической идеи». Наиболее ярко эта трансформация вид-

³⁶ Там же, л. 38.

³⁷ Данилов В.Н. Украинская тема в Обществе историков-марксистов. С. 28—29.

³⁸ Подробнее см.: Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х — 1930-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 99—102.

на у Н.И. Костомарова и П.А. Кулиша. Украинское народничество собственной исторической схемы не создало. Затем «развитие пролетарского движения и классовая дифференциация села ведёт к оформлению мелко-буржуазной крестьянской платформы, на базе коей утверждается национально-народническая историософия Грушевского и державническая кулацкая схема [В.К.] Липинского. Эти же две схемы получают своё дальнейшее отражение — первая у Яворского, вторая у [М.Е.] Слабченко». Следует указать, что к тому времени последних двух уже арестовали по делу «Союза освобождения Украины».

Докладчик недвусмысленно указал, что украинская историография остаётся в плену свойственных ей «непролетарских» схем, и подвёл итог: «Только классовое пролетарское движение фактически преодолевает дуализм классового и национального антагонизма, утверждая единый фронт классовой борьбы и вскрывая классовое содержание национальной проблемы. И только марксистская историография может преодолеть разорванность старой формальной схемы украинской историографии и дать органический синтез украинского исторического процесса»³⁹. Кто же «научит» погрязших в «историографических грехах» украинских историков? Очевидно, общесоюзное Общество историков-марксистов. Можно отметить, что Рубинштейн повторял основные идеи этого доклада даже в 1950-х гг.⁴⁰

Таким образом, «кризис» формально закончился победой «москвичей». Однако можно сказать, что она для их организации оказалась «пирровой». Смерть Покровского и борьба за его наследие, а затем крутые повороты в исторической политике парализовали работу Общества, в 1932 г. оно фактически свернуло деятельность⁴¹.

Последствия «украинского кризиса» были масштабными. Оказались устранены противники построения централизованной модели исторической науки, в которой республиканские центры подчинялись московским. Это прямо отразилось и на процессе создания историй народов СССР: началось преодоление территориального историко-культурного подхода, ассоциировавшегося в первую очередь с украинской политической и интеллектуальной элитой, появились проекты создания не отдельных историй республик, а общесоюзной истории СССР. Вскоре Институт истории Коммунистической академии выступил с инициативой организации и подготовки таких трудов под своим общим руководством и контролем⁴².

³⁹ АРАН, ф. 377, оп. 2, д. 258, л. 5.

⁴⁰ Lazarev Ya. Party political course and Ukrainian history in the USSR // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1769–1784.

⁴¹ Данилов В.Н. Финальные аккорды «детища» М.Н. Покровского... С. 143–156.

⁴² АРАН, ф. 359, оп. 1, д. 303.

«Национальные историографии» истории России XVI–XVIII вв. на страницах венгерского журнала «RussianStudiesHu»

Beata Varga

«National historiographies» on the history of Russia
in the 16th–18th centuries, published in the Hungarian journal
«RussianStudiesHu»

Beata Varga
(University of Szeged, Hungary)

DOI: 10.31857/S2949124X24040149, EDN: FEZOKC

В 2019 г. членами Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша был учреждён венгерский научный онлайн-журнал по исторической русистике *RussianStudiesHu* (главный редактор профессор Д. Свак). В 2021 и 2022 гг. в нём публиковались обзорные статьи о новейшей международной историографии по истории России XVI–XVIII вв. Журнал знакомит читателей и с новыми подходами и дискуссиями, воплощёнными в исследованиях российских историков¹, но в данной статье я остановлюсь на современном состоянии русистики XVI–XVIII вв. в Европе и США.

Обзорные статьи по истории России 1462–1689 гг. Обзор новейших венгерских научных публикаций по истории «Московии» сделал Г. Дьёни². Название «Московия» автор использует сознательно. Именно так в европейских государствах обозначали Россию с конца XV по XVIII в. Чтобы дать представление об изменениях, произошедших за последние 20 лет, Дьёни кратко рассмотрел прежнее положение русистики в Венгрии. Он констатирует, что исследование истории «Московии» и других восточноевропейских стран до середины XX в. не вызывало большого интереса в венгерской историографии. Ситуация изменилась с созданием в 1953 г. в Будапештском университете кафедры истории Советского Союза, а в 1957 г. — кафедры истории Восточной Европы. С 1980-х гг. в научной жизни Венгрии появилось первое поколение историков России, в том числе и Московии (Д. Свак, С. Филиппов, И. Варга, Ш. Гебеи). В 1990 г. под руководством Свака начал работать Венгерский институт русистики, в 1995 г. преобразованный в Центр русистики, действующий и в настоящее время. С рубежа 1990–2000-х гг. к работе подключались региональные школы русистики, созданные в Печском, Сегедском и Эгерском университетах. С конца 1990-х гг. организованные Центром русистики конференции создавали платформу для научного диалога между историками разных

© 2024 г. Б. Варга

¹ См., в частности: Козляков В.Н., Павлов А.П. Россия XVI–XVII веков в исследованиях российских историков новейшего времени (2000–2020). Ч. 1 // *RussianStudiesHu* 3. 2021. № 1. О. 135–169; Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XIV–XVI веков. М., 2018; Шапошник В.В. Придворная борьба в Русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020; Фроянов И.Я. Драма русской истории. На путях к опричнине. М., 2007.

² Gyóni G. «Muscovy» in Hungarian Historiography since 2000 // *RussianStudiesHu* 3. 2021. № 1. О. 107–133.

стран. В венгерской же историографии последних лет исследования по истории Московии получили дальнейшее развитие благодаря появлению второго поколения историков-русистов (К. Радноти, Ш. Сили, Э. Шашхалми, Б. Варга). Дьёни отметил, что с приходом нового поколения учёных некоторые вопросы стали дискуссионными.

Приоритетными были и остаются исследования о правлении Ивана IV, Смутном времени, украинском вопросе и русской историографии, а также дискуссии о русском феодализме. В 2001 г. Свак в монографии об Иване IV и Петре I обратил внимание, что несмотря на исключительную важность темы обобщающая историографическая работа, сопоставляющая образы этих двух царей, ещё не написана³. Дьёни указал, что в отношении Ивана IV Свак выступил с критикой новейших российских изданий, где на первый план вышла тенденция восхваления и оправдания политики «сильной руки»⁴. В своей монографии Свак рассмотрел царствование Ивана Грозного под углом зрения, отличающимся от подходов российских исследователей. По его убеждению, первый русский царь иррационально подходил к идее единоличного правления, и его самодержавие оказалось «наполовину европейским, наполовину азиатским»⁵. С 1980-х гг. Свак исследует отличительные черты власти в Московии. Если в начале своей научной деятельности он называл XVI в. периодом «расширения и институционализации неограниченной власти» в Московии⁶, то в 2010 г. развенчал миф о её неограниченности.

Тесно связан с этим вопросом анализ периода самозванчества. Дьёни обратил внимание на организованный в 2009 г. Центром русистики международный семинар по тематике самозванчества с участием ведущих российских исследователей. На этом симпозиуме Свак назвал явление самозванчества мошенничеством, ставшим в эпоху Смутного времени политическим инструментом. По его мнению, большинство русских самозванцев были аполитичными мошенниками, типичный представитель — Тимофей Анкундинов⁷. Дьёни подчёркивает, что исследования самозванчества являются новаторскими и для венгерской, и для международной русистики.

В 2000-х гг. в Печском университете сформировалась сильная школа исторической русистики, где выдающимся исследователем Московии является профессор Э. Шашхалми. Он опирается прежде всего на достижения и методологию англоязычной историографии, отдавая предпочтение анализу идеологии и политической иконографии, символизма и ритуальности социальной жизни Московского государства. Исследуя развитие государственности в Европе в раннее Новое время, Шашхалми высказал сомнение в европейском характере Московского государства с конца XV по XVIII в.⁸ По его убеждению, московская власть по сути своей была религиозна. Он отрицает и существование в России феодализма, обосновывая это тем, что в отличие от европейских

³ *Szváék Gy.* IV. Iván és I. Péter utóélete. Budapest, 2001. O. 7–10.

⁴ *Свак Д.* Ещё раз об историографии царствования Ивана Грозного // *Московия: специфика развития.* Будапешт, 2003. С. 69–75.

⁵ *Szváék Gy., Anyiszimov J.* IV. Iván – I. Péter. Budapest, 2004. O. 171–173.

⁶ *Szváék Gy.* «Az orosz hosszú 16. század fejlődéslogikája» // *Világtörténet.* 1986. № 3–4. O. 63–98.

⁷ *Szváék Gy.* Az Ankungyinov-ügy – Egy európai kalandor Moszkóviából. Budapest, 2011. O. 9–19.

⁸ *Sashalmi E.* 16–17th Century of Muscovite Ideology of Power in European Perspective (Proverbs as Means of Understanding Muscovite Ideology) // *Место России в Европе (Материалы международной конференции).* Budapest, 1999. O. 166–172.

стран в России не сформировалось сословное общество, а Церковь не имела автономии⁹. В опубликованной в 2020 г. монографии венгерский историк проанализировал спорные вопросы организации власти и государства в России от Ивана III до Петра I в европейском контексте и пришёл к выводу, что в силу отсутствия характерных для западной эволюции «прав и свобод» (регулятором общественных отношений служило прямое подчинение «подданных») эволюция Московского государства шла по отличным от европейских путям¹⁰.

В новейшей венгерской историографии возрос интерес к изучению «украинского вопроса». Профессор Эгерского университета Ш. Гебеи, сравнивая украинскую Гетманщину с Трансильванией, пришёл к выводу, что ни одну из них в XVII в. нельзя назвать суверенным государством¹¹. Дьёни подчеркнул, что Б. Варга (Сегедский университет) тоже уделяла большое внимание теме русско-украинских отношений и, в отличие Гебеи, считает, что Гетманщина изначально, особенно во время гетманства Б. Хмельницкого, имела «видимость независимости»¹².

Дьёни упоминает также труды К. Радноти, изучающей «образ России». По её мнению, между Европой и Россией существовала своего рода открытость и готовность узнавать друг о друге¹³. Ш. Сили опубликовал материалы по историографии колонизации Сибири, показав её как жестокое, беспощадное завоевание. Его коллега С. Филиппов проанализировал государственную идеологию Московии, прежде всего историю церковного раскола, и пришёл к выводу, что концепция «Третьего Рима» была не столько политической идеей, сколько эсхатологической теорией¹⁴.

Дьёни пишет, что пока не видит появления в Венгрии третьего поколения русистов. Не могу согласиться с этим: исследователи первого и второго поколения вырастили несколько талантливых преемников, из которых вполне может сформироваться следующее поколение венгерской русистики.

Немецкий профессор Л. Штейндорф представил научные достижения в изучении истории Московии в новейшей германоязычной историографии¹⁵. Историк подробно проанализировал институциональные рамки научных работ, количественные оценки и основные направления исследований. Он пришёл к выводу, что хотя в большинстве университетов Германии, Австрии и Швейцарии существуют отделы или кафедры восточноевропейской истории, изучение истории Московии может играть существенную роль лишь в некоторых из них, поскольку каждый научный центр специализируется на определённых областях исследований. Штейндорф выделяет Институт исследования Восточ-

⁹ *Sashalmi E.* Létezett-e feudalizmus a Kijevi Ruszban és a moszkvai államban? // *Font M., Sashalmi E.* Állam, hatalom, ideológia. Tanulmányok az orosz történelem sajátosságairól. Budapest, 2007. O. 139–158.

¹⁰ *Sashalmi E.* A hatalom és az állam problematikája Oroszországban 1462–1725 között európai perspektívából. Budapest, 2020. O. 50–52.

¹¹ *Гебеи Ш.* Степень независимости Украинского гетманства (середина XVII в.) // *Московия: специфика развития.* Budapest, 2003. O. 183–194.

¹² *Варга Б.* Оценка русско-украинских отношений с середины XVII до начала XVIII вв. в современной русской и украинской историографии // *Историческая русистика в XXI в.* Будапешт, 2017. С. 129–139.

¹³ *Radnóti K.* Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI században. Budapest, 2002.

¹⁴ *Филиппов С.* Религиозная борьба и кризис традиционализма в России. Будапешт, 2007.

¹⁵ *Steindorff L.* Historiography on Muscovy (1462–1689) in Germany, Austria and Switzerland (2000–2020) // *RussianStudiesHu* 3. 2021. № 1. O. 65–106.

ной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница в Регенсбурге (Leibniz-Institut für Ost- und Südosteuropaforschung), где изучается в первую очередь история Московии. Институт издаёт четыре научных журнала, в том числе «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Поскольку историография этих стран образует единую дискурсивную группу, по мнению Штейндорфа, различие между ними в вопросах русской истории искать неразумно. Он указывает на произошедшую в начале 2000-х гг. перемену в позиции немецких историков, начавших более скептически относиться к теории о преемственности между периодами Киевской Руси и Московии¹⁶. Среди основных направлений исследований автор выделяет споры об эпохе Ивана IV. Предпочтение этой теме отдано на страницах многочисленных публикаций К. Солдат, среди прочего исследовавшей вопрос о том, насколько можно считать реалистичными западные памфлеты и сообщения о зверствах царя и его окружения¹⁷.

Традиционно большой интерес вызывают труды, посвящённые взглядам Запада на Московию. Н. Писсис обратился к гораздо менее разработанной теме — отображению России в политических образах греческого культурного мира со времён Переяславской рады 1654 г. до смерти Петра Великого. Исследователь подчёркивает, что царь прославлялся как всеобщий император и законный преемник византийского имперского наследия¹⁸.

Штейндорф обратил внимание на появление специальных изданий о разных путях развития восточных славян в Московии и в пределах Польши и Литвы, а также о украинско-русских и украинско-польских отношениях. Большое внимание этому вопросу уделил профессор Венского университета А. Каппелер в монографии «Неравные братья — русские и украинцы»¹⁹.

Одной из самых продуктивных областей в историографии Германии, Австрии и Швейцарии последних двух десятилетий является исследование религиозной культуры и церковной истории²⁰. Штейндорф отметил очевидное разнообразие интересов в изучении Московии, но вместе с тем и явный спад исследований по этой тематике. Тем не менее историк с оптимизмом смотрит в будущее, надеясь, что учёные продолжат участвовать в транснациональном дискурсе²¹.

Американский исследователь Ч.Дж. Гальперин²² начал свою обзорную статью о новейших публикациях в США с утверждения, что «американской школы» исследований московской истории не существует. Согласно его аргументации, историки и филологи в США расходятся во мнениях практически по всем основным вопросам русской истории с 1462 до 1689 г. Автор проанализировал самые важные сюжеты, указал на недостатки и подвёл итоги исследований.

¹⁶ Ibid. O. 67, 68.

¹⁷ *Soldat C.* Erschreckende Geschichten in der Darstellung von Moskovitern und Osmanen in den deutschen Flugschriften des 16. und 17. Jahrhunderts — Stories of Atrocities in Sixteenth and Seventeenth Century German Pamphlets About the Russians and Turks. Lewiston, 2014.

¹⁸ *Pissis N.* Russland in den politischen Vorstellungen der griechischen Kulturwelt 1645–1724 // Sozial- und Kulturgeschichte Osteuropas. 10. Göttingen, 2020.

¹⁹ *Kappeler A.* Ungleiche Bruder: Russen und Ukrainer: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2017.

²⁰ *Scheliha W.* Russland und die orthodoxe Universalkirche in der Patriarchatsperiode 1589–1721. Wiesbaden, 2004.

²¹ *Steindorff L.* Historiography on Muscovy... O. 81.

²² *Halperin Ch.J.* US Publications (2000–2020) on Muscovite History, 1462–1689 // RussianStudiesHu 3. 2021. № 1. O. 11–44.

Гальперин констатирует, что в новейшей историографии США продолжается полемика о политической природе Московского государства. Некоторые историки поддерживают теорию о гипертрофированности последнего, не требовавшей автократического правителя²³, другие — отвергают эту парадигму в пользу консенсуально-коллегиальной модели Русского государства²⁴. Сформулировано мнение, что Московия при Алексее Михайловиче управлялась коалицией царя, бояр, духовных лиц и военных служилых людей, а Ч. Даннинг поставил под сомнение теорию абсолютизма, отдавая предпочтение версии о фискально-военной модели государства²⁵. Некоторые историки утверждают, что до середины XVII в. Московия имела мало общего с европейскими странами, оставаясь во всех отношениях застойной и отсталой²⁶. В США появились специальные издания, освещающие восприятие Европой России и отстаивающие достоверность сообщений иностранцев о деспотическом характере Московского государства²⁷. Одной из самых исследованных представляется тема религии и церковной истории. В новейшей историографии США учёные всё чаще обращаются к изучению духовности и религиозных практик Московии²⁸. Появились многочисленные публикации в связи с возросшим интересом к реформам патриарха Никона²⁹.

Французский историк П. Гоно рассмотрел издания исследователей, работающих во французских научных центрах, а также некоторых франкоязычных бельгийских и швейцарских историков³⁰. Гоно обратил внимание, что исследования по славистике и русской истории во Франции имеют давние традиции³¹. В 2007 г. университеты здесь перегруппировались в более крупные учреждения под названием COMUE (*Communautés d'Universités et d'Établissements*). Исследования по русистике сосредоточены в основном вокруг Парижа (*Faculté des Lettres de Sorbonne Université, École Pratique des Hautes Études, École des Hautes Études en Sciences Sociales*). Ассоциация французских русистов издаёт «Русский журнал» («*La Revue russe*»), где публикуется библиография основных француз-

²³ Halperin Ch.J. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // *Kritika*. 2002. № 3. P. 501–507.

²⁴ Ostrowski D. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. № 3. P. 534–563.

²⁵ Dunning Ch., Smith N.S. Moving Beyond Absolutism: Was Early Modern Russia a Fiscal-Military State // *Russian History*. 2006. № 1. P. 19–43.

²⁶ Kivelson V.A. How Bad Was Ivan the Terrible? The Oprichnik Oath and Satanic Spells in Foreigners' Accounts // *Seeing Muscovy Anew. Politics—Institutions—Culture*. Bloomington, 2017. P. 67–84.

²⁷ Marshall T.P. A People Born to Slavery. Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, 2000.

²⁸ Ostrowski D., Goldfrank D., Halperin Ch., Bushkovitch P. Forum: Paradigm Lost? The Josephan v. Trans-Volga Elders Question in Flux // *Russian History*. 2020. № 3. P. 149–200; Crummey R.O. Ecclesiastical Elites and Popular Belief and Practice in Seventeenth-Century Russia // *Religion and the Early Modern State. Views from China, Russia and the West* / Ed. J.D. Tracy, M. Ragnow. Cambridge, 2004. P. 52–79.

²⁹ Kain K. A Comparative, Semiological and Iconographical Analysis of Patriarch Nikon Inspired by the «Life of Kornili» // *Мир старообрядчества*. Вып. 7. Ч. 1. Ярославль, 2008. С. 141–168; Crummey R.O. The Orthodox Church and the schism // *The Cambridge History of Russia*. Cambridge, 2006. P. 618–639; From Peasant to Patriarch. Account of the Birth, Uprising, and Life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia, written by His Cleric Ioann Shusherin. Lanham, 2007.

³⁰ Gonneau P. French and French-speaking Contributions to the Historiography of Muscovy 1462–1689, (2000–2020) // *RussianStudiesHu* 3. 2021. № 1. O. 45–63.

³¹ Veyrenc J. Histoire de la slavistique française // *Beiträge zur Geschichte der Slawistik in den nichtslawischen Ländern*. Wien, 1985. S. 245–303.

ских научных трудов по истории России. В последнее время публикации всё чаще оцифровываются, что даёт широкий доступ к этим исследованиям.

В то же время Гоно указал, что специальной кафедры или исследовательского центра по истории Московии во Франции нет. На исторических факультетах университетов большинство специалистов по русистике занимаются историей Российской империи XIX в., а также советской и постсоветской России. В новейшей французской и франкоязычной исторической науке о Московии изучаются проблемы самодержавия, самозванцев, бунтов и дворцовых переворотов. Самое большое внимание в последние два десятилетия традиционно уделялось правлению Ивана IV³². Этой тематике посвящены 10 указанных учёным публикаций, тогда как Смутному времени и правлению первых Романовых — пять изданий³³.

Многочисленные публикации связаны с возросшим интересом к французско-российским отношениям, прежде всего к восприятию России во Франции³⁴. Гоно выделяет исследования С. Мунда³⁵ и Ф.-Д. Лихтенана³⁶, проанализировавших взгляды европейской и французской элиты на Россию в эпоху Возрождения и барокко. История Церкви и религиозной мысли в России изучается в парижском Православном теологическом институте. Приведённый Гоно библиографический список содержит более 50 наименований книг по истории Русской Церкви и показывает, что это одна из наиболее исследованных тем не только в ранней, но и в новейшей французской и франкоязычной историографии³⁷.

Проанализированные обзорные статьи по истории России XVI–XVII вв. свидетельствуют, что в первые десятилетия XXI в. таким вопросам, как царствование Ивана IV, политическая система Русского государства XVI в., история Церкви, характер восприятия России в Европе, посвящено большое число научных работ не только в России, но и в других странах. Менее изучены Смутное время и эпоха первых Романовых, а также времена Ивана III и Василия III.

Если в европейских государствах Россия конца XV – XVII в. обозначалась термином «Московия», то в российской научной терминологии она обычно именуется «Московской Русью», «Московским царством» или «Русским централизованным государством». Историки расходятся во мнениях практически по всем основным проблемам русской истории 1462–1689 гг. В числе самых важных и спорных — вопросы о феодализме и характере восприятия России Европой. Российские историки пишут, что Русское государство тоже прошло стадию феодального развития, хотя и со значительным опозданием, следова-

³² *Gonneau P.* Histoire de la Russie. D'Ivan le Terrible a Nicolas II: 1547–1917. P., 2016; *Ivan le Terrible. Lettres à un félon: correspondance entre le tsar et le prince Andreï Kourbski passé à l'ennemi*, traduction, présentation et notes Bernard Marchadier. P., 2012; *Kondratieva T.* Gouverner et nourrir: du pouvoir en Russie, XVIe–XXe siècle. P., 2002.

³³ *Schaub M.-K.* The election of sovereigns in Russia at the time of the Time of Troubles (1598–1613) // Elections and political powers from the 7th to the 17th century. P., 2009. P. 325–341.

³⁴ *Berelowitch A.* Les Origines du capitaine Margeret // L'Influence française en Russie au XVIIIe siècle. P., 2004. P. 301–321.

³⁵ *Mund S.* Orbis Russiarum: genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident a la Renaissance. Genève, 2003.

³⁶ *Le Coq et l'Ours, trois siècles de relations franco-russes. Mélanges en l'honneur de Michel Cadot* / Éd. F.-D. Liechtenhan. P., 2000.

³⁷ *Gonneau P.* Le Christianisme orthodoxe en Russie: bibliographie sélective // Revue des études slaves. Vol. LXXIV. 2002–2003. P. 193–220.

тельно, допетровская Россия рассматривается как особый вариант общеевропейской модели современного государства. В международной историографии высказывается мнение, что в Московии западные феодальные элементы смешивались с восточными. Это заставляет сомневаться в европейском характере Московского государства конца XV – начала XVIII в. Историки Венгрии, Германии, Австрии, Швейцарии и США, а также франкоязычные учёные называют этот период российской истории «позднесредневековой», «предмодерной» или «раннемодерной» эпохой. Некоторые исследователи утверждают, что до середины XVII в. Московия имела мало общего с европейскими государствами.

Обзорные статьи по истории России XVIII в. Попытка показать результаты новейших исследований по российскому «долгому XVIII веку» (царствования Петра I, Екатерины II и Павла I) в венгерской исторической науке последних 20 лет предпринята в обзорной статье П. Диннеша³⁸. Центральной фигурой для венгерских историков является Пётр Великий, правление которого обозначило новую эпоху в истории России. Профессор Д. Свак положил начало дискуссии об уместности использования термина «модернизация» по отношению к дореволюционной России³⁹. Профессор Э. Шашалми, сравнивая идеи общественного договора с вестернизацией российской официальной идеологии власти, заявил, что российская адаптация Запада на самом деле не принесла в Россию западных ценностей⁴⁰. Почётный профессор Эгерского католического университета Ш. Гебеи изучил контакты между Петром I и Ференцем II Ракоци⁴¹, а доцент Сегедского университета Б. Варга рассмотрела историю украинско-российских связей в XVII–XVIII вв., в первую очередь «украинскую» политику Петра до и после Полтавской битвы⁴².

Диннеш обратил внимание на то, что в новейшей венгерской историографии наименее изучено правление потомков Петра⁴³. Л.В. Молнар опубликовал материалы о выдающихся российских деятелях XVIII в.⁴⁴ О. Санисло занимается вопросами женской истории и влиянием екатерининских реформ и двора на жизнь русских аристократок⁴⁵, а Гебеи, Шашалми и Варга издали материалы, посвящённые екатерининской эпохе⁴⁶. Главной темой исследова-

³⁸ *Dinnyés P.* Россия XVIII века в современной венгерской историографии (2000–2020 гг.) // *RussianStudiesHu* 4. 2022. № 1. О. 123–147.

³⁹ *Szváák Gy.* IV. Iván...

⁴⁰ *Sashalmi E.* Contract theory and the westernization of Russian ideology of power under Peter the Great // *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis: A Pécsi Tudományegyetem Középkori és Koraújkori Történeti Tanszékének Történeti Közleményei*. 2003. № 2. Р. 89–100.

⁴¹ *Gebei S.* Ференц II Ракоци – кандидат царя Петра Великого на польский престол (1707) // *История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных учёных*. Вып. 5. СПб., 2020. С. 79–96.

⁴² *Varga B.* Péter ukrán politikája – Mazepa «árulásának» kérdése // *Acta Historica (Szeged)*. 2003. № 118. О. 25–35.

⁴³ *Dinnyés P.* Россия XVIII века... О. 136.

⁴⁴ *Molnár L.V.* Венгерско-русские культурные связи в XVIII веке: состояние исследования и постановка проблемы // *Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков*. Вып. 3. М., 2005. С. 194–206.

⁴⁵ *Szaniszló O.* Russian Noblewomen's Family Obligations in the Light of Two Memoirs // *Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture: Materials of the First International Conference for Young Scholars of Russian Studies*. Budapest, 2015. Р. 127–130.

⁴⁶ *Gebei S.* Halics-Lodoméria Királyság, mint a Habsburgok 18. Századi új szerzeménye // *Hagyomány és történelem: Ünnepi kötet Für Lajos 70. születésnapjára*, szerk. Eger, 2000. Р. 215–238; *Sashalmi E.* The Coexistence of Old and New: Elements of Muscovite Ideology and Enlightenment // *Fonvizin's Discourse*

ний самого Диннеша являются путешествия императора Иосифа II в Россию в 1780 и 1787 гг.⁴⁷ Историей рубежа веков, в первую очередь политикой великих держав в Восточной Европе и на Балканах, занимается Э. Боднар⁴⁸.

А. Данильчик посвятил свою статью анализу публикаций по истории России XVIII в. в польской исторической науке последних двух десятилетий⁴⁹. Он пришёл к выводу о росте в Польше интереса к данной тематике. С 1990-х гг. появилась возможность исследовать материалы АВПРИ, и по инициативе Л. Кондзеля и З. Зелиньской появились важные публикации, основанные на новых для польских исследователей источниках⁵⁰. По мнению Данильчика, в новейшей польской историографии правление Петра I и первую половину XVIII в. (времена Барской конфедерации и разделов Речи Посполитой) изучают лишь несколько историков, причём почти исключительно с точки зрения русско-польских отношений⁵¹. При этом отсутствуют научные публикации по политической истории и дипломатии России той эпохи. П. Крокош исследует военные реформы Петра I и Северную войну⁵². Данильчик убеждён, что увлечение Петра западноевропейской культурой привело к реформам, поднявшим Россию на более высокий цивилизационный уровень⁵³. Русско-польские связи периода правления Августа III также считаются малоизученной темой. Вместе с тем автор обзорной статьи приводит обширный перечень исследований, в которых большое внимание уделено правлению последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа. З. Зелиньска и Д. Дуквич показали процесс усиления в Польше российского влияния⁵⁴. Зелиньска также опубликовала много важных источников, в частности, переписку на французском языке Станислава Августа с Екатериной II и её министрами. На страницах некоторых изданий предпочтение отдавалось религиозным вопросам в польско-российских отношениях XVIII в., борьбе за «власть над душами» между православной и католической Церквями⁵⁵.

Л. Харбулова подготовила историографический обзор научных работ 2000–2020 гг. по истории России до XVIII в. словацких и чешских учёных, показав

on the Immutable State Laws. Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. 2001. № 1. P. 139–154; Varga B. Pjotr Alekszandrovics Rumjancev, Kisororszország első kormányzója // Hungaro-Ruthenica. 2012. № 6. P. 167–174.

⁴⁷ Dinnyés P. Szemelvény II. József császár első oroszországi utazásából (1780): P.B. Passzek levele R.A. Rumjancevnek (1780. május 14) // Érték-rend: Válogatás a Kepes György Szakkollégium tagjainak tudományos és művészeti alkotásaiból. Eger, 2018. P. 9–89.

⁴⁸ Bodnár E. A keleti kérdés az orosz külpolitikában. Egy furcsa szövetség. Orosz–török közeledés és együttműködés a 18. század végén // Hatalmi ideológiák a szláv népek körében. Pécs, 2001. P. 129–150.

⁴⁹ Danilczyk A. Россия XVIII века в польской историографии // RussianStudiesHu 4. 2022. № 1. O. 149–173.

⁵⁰ Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko–rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001.

⁵¹ Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706. Kraków, 2010; Chojnicka K. Dziedziczka Imperium Rosyjskiego Anna Iwanowna 1730–1740 // Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa. 2014. Vol. 7. S. 201–216.

⁵² Krokosz P. Rosyjskie ustawodawstwo wojskowe doby panowania Piotra I. // Organizacja armii w nowożytnej Europie: struktura–urzędy–prawo–finanse. Zabrze, 2011. S. 397–444.

⁵³ Danilczyk A. Россия XVIII века в польской историографии... O. 169.

⁵⁴ Zielińska Z., Przegrana walka o głosowanie większości. Stanisław August od października do grudnia 1766 roku // Zielińska Z. Studia z dziejów... S. 90–135; Dukwicz D. Czy konfederacja barska była przyczyną pierwszego rozbioru Polski? (Rosja wobec Rzeczypospolitej w latach 1769–1771) // Konfederacja barska. Jej konteksty i tradycje. Warszawa, 2010. S. 103–116.

⁵⁵ Ćwikła L. Ingerencja cara rosyjskiego Piotra I (1682–1725) w sprawy wyznaniowe Rzeczypospolitej // Studia z Prawa Wyznaniowego. 2003. № 6. S. 73–89.

и основные направления исследований до 2000 г.⁵⁶ В словацкой историографии внимание сосредоточено преимущественно на первой половине XX в., в то время как ранним периодам русской истории внимания уделено мало. Изданы только краткие статьи о правлении Ивана Грозного и Петра Великого (хорошо разработана тема путешествия Петра в Пресбург)⁵⁷. В связи с возросшим интересом к русско-словацким взаимоотношениям увидели свет многочисленные исследования о жизни и деятельности словаков в России и русских на словацких землях⁵⁸. В Чехии исследования по русской истории начались в XIX в., но систематический характер приобрели лишь после 1918 г.⁵⁹ В 1990-х гг. появилось новое поколение чешских историков, исследующих историю России XV–XVIII вв.⁶⁰

Анализируя новейшую словацкую и чешскую историографию, Харбулова пришла к выводу, что предпочтение в ней отдаётся российской истории XIX–XX вв. Что касается более раннего периода, то в Словакии последние достижения связаны в первую очередь с тремя темами: историей Киевской Руси, русского Средневековья и XVIII в., тогда как в чешской историографии можно видеть тематическое расширение исторических исследований⁶¹. Харбулова выделяет издания Ф. Штелнера, уделявшего большое внимание культурным аспектам развития России во время правления Екатерины Великой⁶². Р. Влчек исследует русское политическое мышление XVIII в. с точки зрения геополитических интересов и амбиций русских царей⁶³.

Г. Маркер написал обзорную статью о новейших изданиях по российской истории XVIII в. в США. По его мнению, в последние два десятилетия в историографии его страны произошли три значительных изменения: отход от больших нарративов и сверхдетерминированных телеологий, появление новых подходов к старым вопросам и крах противопоставления Россия/Запад. Однако по сравнению с предыдущими десятилетиями изучение российской истории стало утрачивать прежнее значение⁶⁴. Тем не менее новейшую американскую русистику можно назвать более творческой и многомерной, история России XVIII в. всё ещё вызывает интерес. Мнение Гальперина, что не существует «американской школы» российской истории, Маркер считает справедливым в отношении к XVIII в. По его мнению, то, что американские русисты, как и историки во всём мире, расходятся во мнениях по разным вопросам, это

⁵⁶ *Harbuľová L.* История России до конца XVIII века в исследованиях словацких и чешских историков в 2000–2020 гг. // *RussianStudiesHu* 4. 2022. № 1. О. 109–122.

⁵⁷ *Sás A.* Návšteva cára Petra Veľkého v Bratislave // *Slovanská Bratislava*. roč. I (1948). S. 231–252.

⁵⁸ *Stanislav J.* Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1957.

⁵⁹ *Harbuľová L.* История России до конца XVIII века... О. 114.

⁶⁰ *Kolejka J.* Evropské 'obrazy Ruska' z konce 18. a první poloviny 19. století // *Slovanský přehled* 74. 1988. Č. 6. S. 475–482; *Picková D.* Poselství carských a císařských kurýrů. Řezno-Praha-Videň-Moskva. 15–17 století. Praha, 2000.

⁶¹ *Harbuľová L.* История России до конца XVIII века... О. 118.

⁶² *Stellner F.* Středoevropský vliv na školské reformy Kateřiny Veliké // *Slovanský přehled* 97. 2011. Č. 3–4. S. 409–424; *Hrebíková A., Stellner F.* K tematickému zaměření divadelních her Kateřiny Veliké // *Slovanský přehled* 101. 2015. Č. 1. S. 95–123.

⁶³ *Vlček R.* Reformní vize v ruském politickém myšlení druhé poloviny 18. a počátku 19. století // *Slovanský přehled* 101. 2015. Č. 2. S. 259–292.

⁶⁴ *Marker G.* Russia's Eighteenth Century in Recent US Historiography // *RussianStudiesHu* 4. 2022. № 1. О. 40.

нормально, тем более что в США работают многие учёные, получившие образование в России или других странах.

Исследования по эпохе Петра I Маркер проанализировал в рамках более крупной темы периодизации истории России. Он выделил теорию Д. Островски, по мнению которого нельзя говорить о «петровской революции», поскольку Россия XVIII в. принадлежит к московской эпохе⁶⁵. Другие историки с этим категорически не согласны. Дж. Кракфорт видит в царствовании Петра глубокий перелом, приведший к победе в Северной войне, созданию новой столицы и империи⁶⁶. Маркер проанализировал также исследования о том, в какой степени Российская империя контролировалась центром и какие перспективы дала империя России⁶⁷. Автор выделяет недавнюю работу Дж. Ле Донна, развившего теорию М. Раеффа о «благоустроенном полицейском государстве»⁶⁸. Дж. Солл определяет российскую «крепость-империю» как «унитарное государство», где самодержавный режим ведёт агрессивную политику, характеризующуюся унификацией, централизацией и стандартизацией⁶⁹.

В новейшей историографии США по сравнению с предыдущими периодами значительно возрос интерес к изучению таких вопросов, как институциональная эволюция православия, система взаимоотношений между государством и церковными институтами, богословие, восточнославянские униатско-православные отношения⁷⁰. Маркер среди прочего выделяет монографию А. Иванова, утверждавшего, что Русская Церковь в XVIII в. подверглась подлинной «реформации», или «духовной революции»⁷¹. Таким образом, появилась концепция «православного просвещения» в Российской империи⁷². Эпоха «женского правления» (1725–1796) имеет особое значение в истории России, поэтому не удивительно, что традиционно большой интерес вызывают труды, посвящённые российским императрицам. По мнению Маркера, важно подчеркнуть, что новейшие достижения американской историографии в исследовании «женской истории» XVIII в. связаны почти исключительно с Екатериной II. М. Круз и Х. Хугенбум издали перевод мемуаров императрицы и критически проанализировали её реформы⁷³.

⁶⁵ *Ostrowski D.* The End of Muscovy: The Case for Circa 1800 // *Slavic Review*. Vol. 69. 2010. № 2. P. 426–438.

⁶⁶ *Cracraft J.* The Revolution of Peter the Great. Harvard, 2003.

⁶⁷ *Kollmann N.Sh.* The Russian Empire, 1450–1801. Oxford, 2016; *Rieber A.* The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early-Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge, 2014.

⁶⁸ *Le Donne J.* Forging a Unitary State: Management of the Eurasian Space, 1650–1850. Toronto, 2020; *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in Russia and the Germanies, 1600–1800. Yale, 1975.

⁶⁹ *Soll J.* The Information Master: Jean Baptiste Colbert's State Information System. Michigan, 2009.

⁷⁰ *Tsapina O.* Was There a Russian Tradition of Church-State Relations? // The State in Early Modern Russia: New Directions. Bloomington, 2018. P. 1–26; *Kizenko N.* Good for the Souls? Church, State, and Russian Society at Confession. Oxford, 2021; *Skinner B.* The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflicts in 18th Century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb, 2009.

⁷¹ *Ivanov A.V.* A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Wisconsin, 2020.

⁷² *Hamburg G.* Russia's Path Towards Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. Yale, 2016.

⁷³ *Hoogenboom H.* The Community of Letters and the Nation State: Bio-Bibliographic Compilations as a Transnational Genre Around 1700 // *Women Telling Nations*. Brill, 2014. P. 271–292.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что центральными фигурами историографии XVIII в. почти в каждой стране являются Пётр I и Екатерина II. Правление потомков Петра, как и прежде, относится к наименее изученным сюжетам. Всё ещё не достигнут консенсус относительно периодизации истории России XVIII в. Не только в российской, но и в зарубежной историографии преобладает точка зрения, что реформы Петра I «европеизировали» Россию и произвели глубокий перелом в русской истории, но появились и версии, отрицающие глубину «петровской революции».

Очевидно, что в изучении большинства научных проблем нет единогласия не только в мировом сообществе русистов, но и в рамках конкретных национальных историографий, имеющих свои специфические черты в выборе приоритетов, тем, методологических подходов и профессиональных приёмов. Проведённое исследование свидетельствует о глобальном характере русистики как субдисциплины науки: разнообразные подходы обогащают исследование Российской истории.

Илья Евгеньевич Зеленин: портрет на фоне книжной полки

Руслан Червяков

Historian Ilya Evgenyevich Zelenin as shown through his scientific library

Ruslan Chervyakov
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X24040156, EDN: FEVTNJ

Двадцать лет назад отечественная аграрная историография понесла сразу две невосполнимые потери. 16 апреля 2004 г. скончался В.П. Данилов — многолетний руководитель группы по истории аграрных преобразований Института российской истории РАН, специалист по истории советской доколхозной и колхозной деревни. Не прошло и 40 дней, как 24 мая не стало И.Е. Зеленина — ведущего научного сотрудника этой группы, признанного знатока истории совхозного строительства СССР, внёсшего существенный вклад в изучение многих проблем аграрной истории России XX в.

Будучи ровесниками (родились в 1925 и 1926 гг.), Данилов и Зеленин долгие годы трудились параллельно, каждый со своей стороны раскрывая суть преобразований, происходивших в российской деревне после установления советской власти. Однако посмертно их вклад оценён неодинаково. О биографии и трудах Виктора Петровича его коллегами и учениками написан ряд солидных статей¹, в 2023 г. значимым научным событием стали посвящённые его памяти «Первые Даниловские чтения». На фоне именитого коллеги Илья Евгеньевич удостоен гораздо меньшего внимания. Наиболее полную биографию историка, дополненную ёмким очерком его научного вклада, подготовил В.В. Кондрашин², в остальном его жизнеописание ограничивается краткими энциклопедическими справками и небольшими юбилейными публикациями³. Видимо,

© 2024 г. Р.Ю. Червяков

¹ *Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнёв И.Н.* Творческий путь Виктора Петровича Данилова // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 150–162; *Вылцан М.А.* Виктор Петрович Данилов — фронтовик, гражданин, учёный, борец за демократию и свободу // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке: избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 16–68; *Кондрашин В.В.* В.П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–44; *Кондрашин В.В.* Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. Вып. 8. М., 2013. С. 160–186; *Кедров Н.Г.* Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3. С. 6–42; и др.

² *Кондрашин В.В.* Илья Евгеньевич Зеленин — исследователь актуальных проблем аграрной истории России XX века // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 199–210.

³ К 60-летию И.Е. Зеленина // История СССР. 1986. № 4. С. 220–221; К 70-летию со дня рождения Илья Евгеньевича Зеленина // Отечественная история. 1996. № 5. С. 210–211; Зеленин Илья Евгеньевич // Историки России XX века: биобиблиографический словарь. В 2 т. Т. 1. Саратов, 2005. С. 346; Зеленин Илья Евгеньевич // Институт российской истории РАН 1936–2021 гг. Очерк истории. Биобиблиографический словарь. М., 2021. С. 247–248.

столь малое внимание обусловлено тем, что Зеленин никогда не был фигурой первого плана, отсутствием у него научной школы или группы учеников, а также снижением интереса к проблемам аграрной истории в целом и истории совхозов в частности.

Несправедливость такого положения дел очевидна. На протяжении многих десятилетий Зеленин играл в отечественной исторической науке важную роль, сочетая масштабную исследовательскую деятельность с активной административной работой. Среди прочего с 1958 по конец 1960-х гг. он работал учёным секретарём «даниловской группы», затем диссертационного совета Института истории АН СССР, в 1975–1988 гг. — заместителем главного редактора журнала «История СССР», одного из ведущих научных изданий страны, а в 1988–1990 гг. исполнял обязанности его главного редактора. Попутно, начав в 1954 г. разработку проблем истории совхозного строительства, он фактически полностью осветил её в диссертациях — кандидатской («Зерновые совхозы Северного Кавказа в годы второй пятилетки», защищена в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина в 1957 г.) и докторской («Совхозы СССР в 30–40-е годы», защищена в Институте истории СССР АН СССР в 1970 г.) — и серии солидных монографических исследований, увидевших свет в 1960–1980-х гг.⁴ К этому же периоду относится появление монографии, посвящённой общественно-политической жизни послевоенной советской деревни⁵. Не менее плодотворно трудился Зеленин и в 1980–2000-х гг., разрабатывая узловые проблемы истории коллективизации и аграрной политики Н.С. Хрущёва⁶. В общей сложности он подготовил свыше 150 научных работ, в том числе восемь монографий, последняя из которых увидела свет уже после его смерти⁷.

Библиографические и аннотированные описания монографий и статей не позволяют в полной мере осмыслить феномен Зеленина в отечественной историографии. За многочисленными публикациями стоит кропотливая работа в архивах и библиотеках, дни и ночи размышлений, подготовка рукописей, их обсуждение с коллегами и доработка перед публикацией. Параллельно — чтение рукописей статей и диссертаций коллег и учеников, административная нагрузка и иная рутина, составляющая повседневность исследователя. К сожалению, «прямая речь» учёного дошла до нас только в стенограммах организованных при его участии круглых столов «Истории СССР»⁸ и в мемуарном очерке, под-

⁴ Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933–1941 гг.). М., 1966; Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941–1950. М., 1969; Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М., 1972; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк (1917–1975). М., 1976; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928–1941. М., 1982.

⁵ Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни, 1946–1958. М., 1978. По воспоминаниям О.М. Вербицкой, спущенная по разнарядке из партийных инстанций тема не вызвала интереса ни у кого из сотрудников сектора, посчитавших её излишне политизированной. Тогда Илья Евгеньевич буквально спас коллег, вызвавшись изучить предложенную проблему. Результатом стало насыщенное фактическим материалом конкретно-историческое исследование, в котором авторская концепция не была перекрыта рамками партийных догм (Интервью с О.М. Вербицкой, 6 июня 2022 г. // Архив автора).

⁶ Памяти Ильи Евгеньевича Зеленина // Отечественная история. 2004. № 6. С. 214–215; Кондрашин В.В. Илья Евгеньевич Зеленин... С. 201–210.

⁷ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

⁸ Формирование агропромышленного комплекса и социальное развитие деревни // История СССР. 1985. № 6. С. 60–65; Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР.

готовленном по случаю 40-летия журнала, которому Зеленин отдал 15 лет жизни⁹. Однако мы можем попытаться приблизиться к пониманию его исследовательского метода, через него оценив масштаб фигуры историка.

Положительной тенденцией современного этапа изучения наследия историков является активное вовлечение в научный оборот широкого круга источников, в том числе архивных, прежде считавшихся малоперспективными¹⁰. Так, всё чаще в качестве источника привлекаются маргиналии, оставленные историками на полях книг из своих рабочих библиотек. На этом направлении уже имеются серьёзные источниковедческие наработки. К примеру, анализируя библиотеку В.И. Бовыкина, его ученица Г.Р. Наумова отметила: «И ремарки, и подчёркивания, и конспекты чрезвычайно диалогичны. Валерий Иванович — человек диалога. Следя за подчёркиваниями простым или цветным карандашом, автоматическим пером, отметками волнистой линией, можно обнаружить факт его многократного обращения к отдельным суждениям, идеям и прочему. Характерны вертикальные линии на полях. Много вопросительных знаков. Знаки восклицательные Валерий Иванович не прочёркивает, а рисует, как бы обводя интересную мысль. Ремарки, от самых кратких до самых пространных, позволяют понять точку зрения или основную идею Валерия Ивановича»¹¹. Несомненно, в случае с библиотекой Бовыкина изучение заочного «диалога» исследователя облегчалось многолетним знакомством с учителем, знанием и пониманием его человеческой натуры, выраженной в научном поиске. Важен также факт практически полного сохранения библиотеки историка его ученицей, что позволило глубже погрузиться в его исследовательскую лабораторию.

В случае с Зелениным положение более сложное, но не безвыходное: невозможность личного общения компенсируется общением с теми, кто хорошо его знал. Большую помощь оказала доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН О.М. Вербицкая, на протяжении многих лет работавшая бок о бок с Зелениным в секторе истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории АН СССР. Наблюдательность и внимание Ольги Михайловны к мелочам позволили реконструировать многие моменты из биографии Ильи Евгеньевича, глубже понять природу его научного творчества. Важные штрихи к пониманию личности историка добавлены доктором исторических наук, профессором МГУ им. М.В. Ломоносова Г.Р. Наумовой, работавшей с ним в редакции журнала «История СССР» в 1970-х гг.

Ценным подспорьем стала часть библиотеки Зеленина, оказавшаяся в моём распоряжении по счастливому стечению обстоятельств. Экземпляры книг из неё куплены у букинистов, что наводит на мысль, что цельное книжное собра-

1989. № 3. С. 3–6; Актуальные проблемы советского источниковедения. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 6. С. 50–52.

⁹ К 40-летию журнала «История СССР» — «Отечественная история». Встреча в редакции // Отечественная история. 1997. № 3. С. 173–177.

¹⁰ Катамадзе Н.Ш. Три листа из наследия академика Б.А. Рыбакова // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 5. С. 12–20; Катамадзе Н.Ш., Наумова Г.Р. Архив профессора // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2018. № 3. С. 54–69; Демирова Н.И., Миленко А.А., Наумова Г.Р. Архив историка как лаборатория исследователя // Клио. 2020. № 1. С. 39–43; Наумова Г.Р. Школа экономической истории В.И. Бовыкина // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2021. № 6. С. 126–139; и др.

¹¹ Казакова-Бовыкина В.М., Наумова Г.Р. Всех строже оценить умеешь ты свой труд... // Россия и мир. Памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 2001. С. 44.

ние не сохранилось. К сожалению, подобная судьба нередко постигает архивы и библиотеки наших выдающихся учёных¹². Однако и сохранившаяся часть книг, представляющая собой естественную выборку, позволяет составить достаточно ясное представление о принципах научной работы Зеленина.

Книги отражают в первую очередь профессиональные интересы их владельца. Они посвящены различным аспектам аграрной истории СССР: истории сельских советов на рубеже 1920–1930-х гг., становлению колхозного строя на Северном Кавказе, колхозному строительству на Урале в 1950-х гг., значению колхозной демократии в укреплении общественной собственности и т.д. Судя по дарственным надписям, в подготовке исследований к публикации Зеленин принимал непосредственное участие. Коллеги благодарили его за ценные советы, помощь в подборе материала, поддержку при обсуждении, редактирование. Так, будущий академик АН СССР и многолетний декан исторического факультета МГУ Ю.С. Кукушкин подписал экземпляр своей первой книги «Роль сельских советов в социалистическом переустройстве деревни 1929–1932 гг. (по материалам РСФСР)» так: «И.Е. Зеленину, первому рецензенту, благодарный автор. Ю. Кукушкин. 21-XI-62 г.». Значение первой монографии в научной биографии учёного трудно переоценить, поэтому скупость строк не должна вводить в заблуждение: за внешней сдержанностью скрывалась искренняя благодарность за поддержку¹³. Нередко подаренные издания сопровождались неформальными подписями, например, саратовский историк А.М. Чинчиков на экземпляре книги «Советская историография новых аграрных преобразований и начального этапа колхозного строительства (1917–1973 гг.)» оставил такой автограф: «Флагману советской историографии аграрного вопроса Илье Евгеньевичу Зеленину с уважением».

Впечатляет география работ: они изданы в Москве, Вологде, Екатеринбурге, Ижевске, Кишинёве, Краснодаре, Кургане, Махачкале, Минске, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске, Баку и других городах. Со всех концов Советского Союза, а затем России учёный получал благодарственные экземпляры научных трудов. Это обстоятельство подтверждает, что в 1950–1980-х гг. формировались региональные школы аграрной истории, находившиеся в тесной связи с московскими коллегами, к которым обращались за поддержкой и советом¹⁴. Илья Евгеньевич, как показывает его библиотека, мало кому в них отказывал.

Большая часть книг использовалась в работе. Ссылки на них можно обнаружить в трудах Зеленина, в том числе статьях и докладах историографического содержания. Особый исследовательский интерес вызывают издания, на которые он откликался рецензиями в ведущих научных журналах. Такова, например, монография Р.П. Толмачёвой «Колхозы Урала в 50-е годы». Этой, а также более ранней работе исследовательницы «Колхозы Урала в первые послевоенные годы» Зеленин посвятил рецензию, подготовленную совместно с Вербицкой¹⁵. Примечательно, что соавторы оставили личные пометы в об-

¹² Катамадзе Н.Ш., Наумова Г.Р. Архив профессора. С. 59–60.

¹³ Наумова Г.Р. Юрий Степанович Кукушкин (1929–2019) // Российская история. 2019. № 3. С. 214.

¹⁴ Катамадзе Н.Ш. Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е – начало 1990-х гг.): направления, течения, школы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 72–76.

¹⁵ Зеленин И.Е., Вербицкая О.М. Рец. на кн.: Толмачёва Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.); Толмачёва Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 121–124.

шем экземпляре книги¹⁶, тем самым создав содержательный историографический источник. Подобные экземпляры позволяют сопоставить, что историк посчитал возможным изложить на бумаге, а что оставил для себя.

Попытка осмысления метода Зеленина невозможна в отрыве от его многочисленных публикаций. В статье они рассматриваются как производные исследовательских установок и результат научного поиска историка.

Прежде чем перейти к содержательному анализу помет, обозначу их характерные черты. Обычно они делались ручкой с синей, красной или зелёной пастой, красным и синим карандашом, в редких случаях — простым карандашом. Используя нестираемые грифели и пасту, учёный, скорее всего, стремился сделать пометы более долговечными, не дать им выцвести или стереться. В каких-то случаях в одной книге встречаются пометы, сделанные разными письменными принадлежностями, что наталкивает на мысль, что к тем или иным работам историк возвращался не один раз, обнаруживая для себя необходимые сведения. Маргиналии равномерно распределены по книгам, что свидетельствует об их внимательном прочтении, вплоть до детальной проработки затекстовых ссылок. Однако есть и работы, в которых сделана только пара маленьких подчёркиваний. Скорее всего, на них много времени не тратилось.

Характер помет в целом типичен для учёных. Преобладают простые подчёркивания неровными летящими линиями. На страницах некоторых книг, в особенности вышедших в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в изобилии встречаются восклицательные и вопросительные знаки, вензелеобразный знак «NB». Иногда Зеленин оставлял комментарии, позволяющие полнее понять ход его мысли.

В целом изучение маргиналий показывает, что их автор педантично работал с литературой. По воспоминаниям Вербицкой, Илья Евгеньевич был человеком очень собранным и ответственным. Берясь за новую тему, он работал быстро: динамично изучал литературу и архивные фонды, предпочитая не растягивать разработку проблемы на месяцы и годы, то забрасывая её, то возвращаясь к ней вновь¹⁷. В книгах, изданных в советский период, он в первую очередь искал необходимые для собственных исследований факты, а также указания на исторические источники. В работах историков постсоветского периода больше привлекали концептуальные наработки, которые впоследствии также находили отражение в его публикациях.

Зеленину удавалось избегать догматизации изучаемого предмета. Его исследовательскую парадигму можно назвать позитивистской — в том смысле, в котором позитивистом называл себя и И.Д. Ковальченко¹⁸. Работы Ильи Евгеньевича отличают высокая фактологическая насыщенность, практически полное отсутствие пустой фразеологии, что во многом объяснялось стремлением избежать идеологического диктата. На эту особенность подхода обратил внимание В.В. Кондрашин, анализируя «совхозный» период научного творчества историка, который «оценивал феномен советских совхозов в рамках господствующей официальной идеологии о преимуществах советского строя, включая колхозно-совхозный строй... В то же время, за этой риторикой в работах И.Е. Зеленина проступала информация, противоречащая ей и сообщающая

¹⁶ Пометы Зеленина даны тёмно-синей пастой, Вербицкой — простым карандашом, чёрной и светло-синей пастой.

¹⁷ Интервью с О.М. Вербицкой...

¹⁸ Интервью с Г.Р. Наумовой, 26 ноября 2023 г. // Архив автора.

о реальном положении советских совхозов и их проблемах. Как правило, эти сюжеты шли под рубрикой “трудности роста”»¹⁹.

Об этом учёный вспоминал и сам, рассказывая о написании отзыва на второе издание двухтомника С.П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос». Представлявший в редколлегии журнала отдел науки ЦК КПСС В.И. Куликов предложил ему подготовить «обстоятельную рецензию» на труд своего начальника, выводы к которой задавала вступительная статья академиков И.И. Минца и П.Н. Пospelова. Несмотря на это, Зеленин совместно с И.М. Волковым попытался высказать некоторые замечания, но «после основательного штудирования вёрстки нашей рецензии работниками трёх отделов ЦК — науки, пропаганды и соцстран — от основных замечаний пришлось отказаться, а другие изложить в форме пожеланий, порой эзоповым языком»²⁰. Этим приёмом Зеленин владел мастерски, о чём свидетельствуют его книги, в которых иносказание, а порой и умолчание о сложностях в работе совхозов оказываются красноречивее прямо и открыто выраженных суждений.

Ремарки на полях книг, сделанные в советский период, нередко высвечивают отторжение, которое у Зеленина вызывали официозные партийные словословия и идеологизированность, встречавшиеся в текстах. Так, напротив фразы «партия и правительство искали пути укрепления колхозно-кооперативной формы собственности»²¹ историк вопросительно заметил: «а колхозы?», подчеркнув неприятие абстрактной идеологии при обсуждении конкретного хозяйственного вопроса и умаления роли коллективных хозяйств. Уже в этот период у него прослеживается критическое отношение к результатам политики коллективизации, в полной мере проявившееся в 1990-х гг. Так, в книге Е.Н. Осколкова напротив фразы «одной из основных причин ошибок в руководстве коллективизацией были сложность, трудность социалистического переустройства мелкособственнической деревни»²², учёный написал: «Ошибки ошибкам рознь».

Вступая в такую заочную полемику, Зеленин вёл и диалог с собой, выявляя для себя суть поставленных в книгах вопросов. Так, например, читая монографию Толмачёвой, он не согласился с утверждением, что главная проблема послевоенной уральской деревни — то, что к 1951 г. не удалось восстановить довоенные площади зерновых. Напротив этого пассажа историк надписал ёмкое «Не в этом суть». А уже спустя несколько страниц — эмоциональное «Правильно!» напротив вывода, что к этому времени оказались исчерпаны резервы роста, связанные с процессами послевоенного восстановления, а следовательно, требовался новый, качественный рывок²³. Эта мысль позднее получила развитие в его монографии, посвящённой аграрной политике Хрущёва²⁴.

В конце 1980-х гг. Зеленин начал разрабатывать темы, связанные с историей коллективизации. Переход на эту проблематику закономерен, поскольку дальнейшее изучение истории совхозов к тому моменту стало упираться

¹⁹ Кондрашин В.В. Илья Евгеньевич Зеленин... С. 201.

²⁰ К 40-летию журнала «История СССР»... С. 176.

²¹ Толмачёва Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. С. 39.

²² Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. М., 1973. С. 207.

²³ Толмачёва Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы... С. 15, 20.

²⁴ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001.

ся в естественные хронологические ограничения, связанные с доступностью архивных комплексов, а также с ростом общественного интереса к обстоятельствам социалистического переустройства сельского хозяйства. В научном творчестве Зеленина обозначился переход от изучения собственно экономических аспектов к раскрытию политической стороны вопроса. Судя по пометам предыдущих десятилетий, она интересовала историка и ранее, но тогда он не мог получить доступа к необходимым документам. Теперь же он активно работал с рассекречиваемыми архивами Политбюро, его комиссий, материалами «особых папок». В связи с этим в поле его интересов наравне с трудами историков-аграрников стали попадать исследования политической истории СССР 1930–1950-х гг.

В 1997 г. Зеленин выступил официальным оппонентом на защите докторской диссертации О.В. Хлевнюка по теме «Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е гг.: механизмы политической власти в СССР», поскольку в работе немалое внимание уделено проблеме отношений власти и крестьянства. В библиотеке учёного отложился экземпляр монографии «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы» с дарственной надписью от автора. Судя по её состоянию, Илья Евгеньевич не просто внимательнейшим образом прочитал книгу, но и проявил к её выводам неподдельный интерес. Практически на каждой странице он оставил многочисленные подчёркивания, каскадом по тексту идут пометы «NB», двойные вертикальные линии и тройные восклицательные знаки.

В особенности историка заинтересовала третья глава, в которой рассмотрен вопрос об относительной либерализации политического курса сталинского руководства, наметившейся с конца 1933 г. и сохранявшейся в течение 1934 г. и ещё некоторое время после убийства С.М. Кирова. Заинтересованность Зеленина диктовалась научным интересом к проблеме «колхозного неонэпа»²⁵. При этом он вносил серьёзные коррективы в концепцию автора в части раскрытия аграрных сюжетов. Так, напротив тезиса о том, что «осенью 1933 г. был собран сравнительно неплохой урожай», историк оставил вопросительный знак. Затем более мотивированно пересмотрел оценку «относительной стабилизации» конца 1933 г., выведенной Хлевнюком из желания сталинской команды стабилизировать политический режим²⁶. По этому поводу отмечено: «Мотивация другая! Надо было выходить из... (далее неразборчиво. — Р.Ч.), голода». В связи с этим неудивительно, что выводы автора об «умеренном» курсе как единственно возможном варианте сохранения большевистской власти на фоне масштабного экономического кризиса периода первых пятилеток, сопровождались многочисленными отчёркиваниями и знаками «NB».

Соглашаясь с концептуальными наработками Хлевнюка в целом, Зеленин в то же время стремился уточнить и конкретизировать некоторые моменты, показавшиеся ему освещёнными недостаточно. Так, в качестве «слабого звена» авторской концепции он обозначил вопрос о «группе Смирнова, Эйсмонта, Толмачёва». В конце второй главы историк записал: «Они (члены Политбюро и Президиума ЦКК. — Р.Ч.) судили Смирнов[а] — Толм[ачёва] — Эйсмонт[а].

²⁵ Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху»... С. 134–227.

²⁶ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 99.

Не просматривал Янв[арский] пл[енум] 1933 г.». Данный сюжет получил исчерпывающее освещение в заключительной монографии Зеленина, в которой отмечено, что этих функционеров выбрали в качестве жертв в связи с кризисом сельскохозяйственного производства, вызванного политикой сплошной коллективизации²⁷.

Пример проработки монографии Хлевнюка показывает, с каким интересом Илья Евгеньевич наблюдал за работой молодых историков. Ему в принципе было чуждо высокомерие в отношении младших коллег. Более того, он не стеснялся активно учиться у них. Пример рассмотренной книги показывает, что, будучи историком-«аграрником», Зеленин никогда не претендовал на знание всех сторон жизни советского государства и общества, полемизируя лишь в тех частях работы, которые относились к его сфере интересов.

В аграрной же историографии Илья Евгеньевич оставался непререкаемым авторитетом, одним из тонких знатоков советской сельскохозяйственной статистики. В частности, его авторству принадлежит рецензия на монографию В.П. Мотревича²⁸. В ней особое внимание уделено значению вводимых в оборот статистических данных, в то же время подчёркнуто недостаточное внимание уральского коллеги к проблеме их «политизации», начавшейся в 1930-х гг. В экземпляре монографии из библиотеки Зеленина можно обнаружить несколько ремарок, отражающих его переход на новые методологические позиции. Так, уже во введении отвергнут использованный Мотревичем термин «раннесоциалистическая экономика», вместо него предложен термин «тоталитарная». Недоумение рецензента вызвали и формулировки в отношении «нарушений Устава сельскохозяйственной артели» в годы Великой Отечественной войны: «расхищение общественных земель колхозов, растаскивание инвентаря, скота, имущества»²⁹. Подчеркнув их, Зеленин написал «так ли?», намекая, что с позиций сегодняшнего дня подобные «нарушения» следует рассматривать скорее как попытки крестьян выжить в непростых условиях военного времени.

Не считая идеологемы первостепенной составляющей научного поиска³⁰, Зеленин был строг в оперировании конкретными историческими категориями. Этим настроением проникнуты пометы в учебном пособии вологодского историка М.А. Безнина. В 1983 г. Зеленин выступал в качестве оппонента на защите его кандидатской диссертации, посвящённой совхозным рабочим Европейского севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток. Теперь же оппонирование оказалось заочным. Особенно яростно, судя по подчёркиваниям и восклицательным знакам, Илья Евгеньевич выступил против имевшего место в работе отождествления личного подсобного хозяйства и крестьянского двора. Кроме того, недоумение историка вызвали выводы автора о том, что на рубеже 1950–1960-х гг. сельское хозяйство страны перешло «от мануфактурной к индустриальной стадии развития». Напротив этой фразы стоят вопросительный

²⁷ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху»... С. 124–125.

²⁸ Зеленин И.Е. Рец.: Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург: Наука, 1993 // Отечественная история. 1994. № 3. С. 218–221.

²⁹ Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики... С. 3, 23.

³⁰ В частных разговорах с коллегами Зеленин говорил, что политическая ситуация может меняться часто, вместе с ней изменяются и идеологические оценки прошлого; непреходящей же ценностью, по его мнению, были вводимые в научный оборот исторические источники (Интервью с О.М. Вербицкой...).

и восклицательный знаки. То же удивление и возмущение Зеленин выразил относительно идеи о том, что в это время «колхозник-крестьянин постепенно превращался в колхозника-рабочего»³¹.

Свой взгляд на сельское хозяйство страны в 1950–1960-х гг. учёный предложил десятилетие спустя. Значимым этапом в его научной биографии стала подготовка монографии об аграрной политике Хрущёва. Как вспоминает Вербицкая, на фоне развернувшейся в 1990-х гг. «архивной революции» Зеленин заметил: «Вот теперь наступило время написать и об этом человеке»³². Первые его публикации о хрущёвской эпохе относятся к концу 1990-х гг.³³ Их значение — не только в изучении политики советского государства в отношении деревни в 1950–1960-х гг. Рассмотрение этого периода предваряется развёрнутым анализом положения в сельском хозяйстве в позднесталинский период. Тем самым учёный завершил оформление своей авторской концепции. Эта работа, ставшая вершиной его исследовательского пути, до сих пор не потеряла актуальности.

Характеристика научного пути Зеленина не полна без обращения к его научным корням. Он действительно «сделал себя сам». Коренной москвич, получил историческое образование заочно в далёком Новосибирске, куда был направлен на службу в годы Великой Отечественной войны. Впоследствии своими учителями он назвал В.П. Данилова, И.Д. Ковальченко и И.М. Волкова³⁴, одновременно и немного лукавя, и будучи предельно искренним. Все трое — его ровесники и, конечно, не могли быть формальными научными руководителями. Однако каждый из них преподавал ему урок. Виктор Петрович — как первый редактор его научной статьи, многолетний начальник, коллега и соперник; Иван Дмитриевич — как главный редактор журнала, умевший быть хозяином, но не барином, дававший много свободы, но в то же время строго спрашивавший за результат; Иван Мефодьевич — как коллега и единомышленник, искренне болевший за страну³⁵.

Кредо Зеленина — постоянная учёба, которая не имеет ничего общего с «вечным студенчеством». Илья Евгеньевич умел учиться и у младших коллег, в том числе подчинённых по редакции «Истории СССР», у авторов журнала. Он был упорен и трудолюбив, находился в постоянном научном поиске, активно работал в архивах и со своей библиотекой, о чём свидетельствуют оказавшиеся в нашем распоряжении экземпляры книг. При этом в его преданности науке не было и тени мессианской замкнутости. Коллеги вспоминают Илью Евгеньевича как человека общительного, открытого, обладавшего мягким, но в то же время точным чувством юмора³⁶. Его надёжным тылом выступала се-

³¹ Безгин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991. С. 7, 114.

³² Интервью с О.М. Вербицкой...

³³ Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущёвской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 — начало 1960-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122; Зеленин И.Е. Характерная страница аграрной истории России (как решалась зерновая проблема при Н.С. Хрущёве) // Куда идёт Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Международный симпозиум, 15–16 января 1999 г. М., 1999. С. 90–97; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93; и др.

³⁴ Зеленин Илья Евгеньевич // Историки России XX века... С. 346.

³⁵ К 40-летию журнала «История СССР»... С. 173–176.

³⁶ Интервью с Г.Р. Наумовой...

мья — супруга и дочь, которых он очень любил. Думается, это тоже придавало ему немало сил и энергии.

Настоящая статья не претендует на исчерпание поставленной проблемы, необходимо сделать ещё немало. До сих пор отсутствуют полная биобиблиография И.Е. Зеленина, перечень кандидатов и докторов наук, подготовленных под его руководством и при его консультировании. Кроме того, необходим дальнейший архивный поиск, который позволит полнее раскрыть исследовательскую лабораторию учёного, и сбор воспоминаний коллег и учеников о нём. В свете скорого столетия исследователя это станет данью нашего уважения его вкладу в российскую историческую науку.

И.Е. Барыкина.
«Типичный петербургский чиновник»
граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889).
Опыт биографии министра

Писать про гр. Д.А. Толстого, по меньшей мере, непросто. Среди сановников XIX в. это, пожалуй, одна из самых одиозных и отталкивающих фигур. Вся его жизнь прошла в конфликтах и ссорах — с ближайшими родственниками (включая мать, благодетеля-дядю, тестя и избалованного сына), с товарищами по Лицею, с сослуживцами по Морскому министерству и коллегами по правительству, с соседями по имению и собственными крестьянами, которых граф обокрал, не пощадив своей репутации, запятнанной скандальным судебным процессом. Он жил враждой, сеял раздражение среди окружающих, вызывал ненависть в обществе и умер, сражаясь с большинством Государственного совета за непопулярный и провоцировавший недовольство проект земской контрреформы.

В то же время нельзя не признать, что по масштабу своей деятельности гр. Толстой не уступал наиболее видным реформаторам второй половины XIX в. Его управление оставило заметный след в истории духовного и учебного ведомств, а во главе МВД в 1880-е гг. он и вовсе стал символом политического курса, направленного на пересмотр преобразований 1860–1870-х гг. Размышляя о судьбах пореформенной России, пройти мимо этого человека практически невозможно.

Неудивительно, что историки не раз проявляли к нему интерес. Его политика на посту министра народного просвещения обстоятельно анализировалась С.В. Рождественским¹, а во главе МВД — П.А. Зайончковским². Участие графа в реформировании местной администрации и самоуправления освещалось в работах Л.Г. Захаровой и Т. Пирсона³. Привлекали внимание даже его хозяйственные распоряжения⁴. Не осталась в тени и его служба обер-прокурором Святейшего Синода⁵. В 1997 г. В.Л. Степанов опубликовал первую научную статью, посвящённую общей характеристике жизненного пути графа⁶.

¹ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 480–600.

² *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 60–65, 148–216, 262–428. См. также: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 98–119, 212–216.

³ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 72–150; *Pearson T.S.* Russian officialdom in crisis. Autocracy and local self-government, 1861–1900. Cambridge, 1989. P. 164–234.

⁴ *Селиванов А.З.* Организация и хозяйственный строй пореформенного имения помещика Рязанской губернии (граф Д.А. Толстой как хозяин и помещик). Рязань, 1928.

⁵ *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937; Вильнюс, 1991. С. 335, 342–344; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных учреждений пореформенной России (1856–1904 гг.). СПб., 2003; *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 160–342. См. также: *Стафёрова Е.Л.* Образование и религия в 1860–1870-х годах: взгляд из Министерства народного просвещения // *Российская история.* 2010. № 6. С. 70–84.

⁶ *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 234–286.

Но тут исследователи, и особенно — биографы, сталкиваются с серьёзной проблемой. Действия и намерения гр. Толстого отражены преимущественно в официальных документах, составлявшихся его сотрудниками и подчинёнными или чиновниками различных канцелярий, либо в пересказе его собеседников и третьих лиц. Дневников граф не вёл, воспоминаний не оставил, а от его некогда обширной переписки сохранились в основном небольшие записки с назначением встреч, выражением благодарности и проч.⁷ Таким образом, историки могли изучать позицию ведомств, которые возглавлял гр. Толстой, или отзывы о нём современников (чаще всего недоброжелательные), но сам он, с его взглядами, приоритетами, сомнениями, стилем мышления и речи, как правило, ускользал от какого-либо рассмотрения. Поэтому особое значение получила диссертация И.Е. Барыкиной, защищённая ещё в 2006 г.⁸ и положенная теперь в основу книги, посвящённой биографии гр. Толстого⁹. Продолжая дело своего учителя — В.Г. Чернухи, выдающейся исследовательницы пореформенного самодержавия¹⁰, Инна Евгеньевна сумела подобрать собственный «ключ» к личности графа, раскрыв научное и публицистическое творчество, которым он занимался с юности до последних лет жизни, когда ему довелось занять кресло президента Императорской Академии наук. Ранее его публикации обычно лишь упоминались или бегло характеризовались в небольших очерках¹¹. Барыкиной они дали повод «начать путешествие в прошлое», «пройти по жизненному кругу граф Д.А. Толстого» и «воссоздать целостный образ героя и его времени» (с. 7–8, 266).

В обсуждении книги приняли участие доктора исторических наук Л.Ю. Гусман, А.Э. Котов, А.С. Пученков и Е.А. Ростовцев, а также кандидаты исторических наук А.В. Мамонов и Е.А. Самыловская.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

⁷ Судя по цитатам в мемуарах, граф регулярно собственноручно и весьма пространно излагал попечителям учебных округов свои соображения и пожелания (Граф Дмитрий Андреевич Толстой как министр народного просвещения. Посмертные записки бывшего попечителя Казанского учебного округа Петра Дмитриевича Шестакова. 1866–1880 // Русская старина. Т. 70. 1891. № 4. С. 184–188). Куда исчезли или где находятся эти письма, неизвестно.

⁸ Барыкина И.Е. Граф Д.А. Толстой и его труды. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

⁹ Барыкина И.Е. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра. М.; СПб.: Нестор–История, 2022. 296 с. О книге см. также: Белоусова О.В. Граф Д.А. Толстой: модернизатор поневоле // Вопросы истории. 2023. № 8. С. 54–61.

¹⁰ Подробнее о ней см.: Барыкина И.Е. В.Г. Чернуха: исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX в. // Исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX века. Сборник статей Валентины Григорьевны Чернухи к 90-летию со дня рождения. СПб., 2020. С. 3–14; Гусман Л.Ю. В.Г. Чернуха: памяти историка // Там же. С. 522–526.

¹¹ Скалковский К.А. Граф Д.А. Толстой как историк // Скалковский К.А. Новая книга. Публицистика. Экономические вопросы. Путевые впечатления. СПб., 1904. С. 100–106; Трубочёв С.С. Учёные труды графа Д.А. Толстого // Исторический вестник. Т. 36. 1889. № 4–6. С. 653–659.

И.Е. Барыкина — ученица ярчайших представителей ленинградской исторической школы В.Г. Чернухи и Р.Ш. Ганелина¹³ — подготовила основательную биографию гр. Д.А. Толстого. В основе её книги — обширный круг источников, извлечённых из фондов российских архивов и библиотек, и многолетний добросовестный труд. В результате получился любопытный портрет чиновника и учёного, в котором «отчётливо прослеживаются две сюжетные линии: бурные коллизии чиновничьей жизни и кабинетное затишье научных штудий». Причём «они пересекаются, переплетаются и дополняют друг друга» (с. 8). Возглавляя духовное и учебное ведомства, а затем Императорскую Академию наук и МВД, граф, по словам Барыкиной, «пытался найти рецепты сохранения традиционных государственных устоев и ценностей, однако попытки имели лишь кратковременный эффект». Тем не менее «биография этого крупного государственного деятеля проясняет картину политическую и идеологическую правительственных верхов второй половины XIX в.» (с. 7).

В юности гр. Толстой проявил выдающиеся способности к учёбе и стал лучшим учеником своего лицейского выпуска. В те годы он «не связывал свои мечты с бюрократической службой», но «надеялся войти в учёное сословие и посвятить себя научным занятиям» (с. 59–60). Его выпускное сочинение, посвящённое изучению винной реглации в допетровской России, даже вышло на страницах «Отечественных записок». Однако нужда не позволила сосредоточиться на исследовательской работе и заставила с 1 февраля 1843 г. занять место чиновника. Впрочем, начальство явно учитывало склонности молодого человека. В МВД, куда он перевёлся в 1847 г., на него возложили описание истории католицизма в России, «покушений римского двора» на её свращение и «проявлений прозелитизма католического духовенства» (с. 181). Объехав Западные губернии за два года, «Толстой блестяще справился с поручением — написанный им очерк убедительно доказывал, что российские власти были вынуждены идти на суровые меры по отношению к католикам (заккрытие монастырей, ограничение сношений католических священников с Ватиканом) только в ответ на притязания папского престола, стремившегося любыми путями к распространению своего влияния и тем самым посягавшего на суверенитет России» (с. 93). При этом он собирал не только архивный материал, но и сведения о настроениях священников, монахов и семинаристов. Судя по его докладам, местное католическое духовенство по большей части оставалось лояльным к российским властям, следовало инструкции 1842 г. и аккуратно вело делопроизводство. В Виленской губ. чиновника радушно приняли пре-

¹² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹³ О традициях ленинградской исторической школы и творческих судьбах В.Г. Чернухи и Р.Ш. Ганелина см.: Барыкина И.Е., Гусман Л.Ю. История как жизнь (Памяти В.Г. Чернухи) // Российская история. 2014. № 4. С. 173–184; Пученков А.С. Рафаил Шоломович Ганелин // Российская история. 2015. № 1. С. 147–189.

подаватели семинарии, выпущенные из Петербургской римско-католической духовной академии, и он решил, что «католические священники, получившие образование в столице Российской империи, более терпимы к “русскому направлению”». Как полагает Барыкина, «это наблюдение было важно для упрочения идеи русификации населения Западных губерний и воспитания нового поколения католического духовенства в духе сочувствия проводившимся в интересах центральных российских властей реформам» (с. 94).

В конце 1853 г., женившись на дочери министра внутренних дел, Дмитрий Андреевич перешёл в Морское ведомство, которое «с 1855 г. постепенно становится эпицентром реформаторского процесса, в середине XIX в. охватившего практически все сферы управления российского государства» (с. 95). Управлявший им вел. кн. Константин Николаевич собрал вокруг себя немало ярких представителей либеральной бюрократии того времени. Гр. Толстой, умевший составлять «грамотные исторические обзоры, логичные и понятные даже тому, кто не обладал специальными знаниями по данной проблеме» (с. 98), возглавил канцелярию министерства. Великий князь высоко ценил своего подчинённого, однако тот не хотел оставаться в тени моряков и предпочёл перебраться в учебное ведомство, откуда его вскоре отправили в Сенат. Тогда, вернувшись к учёным занятиям, граф в 1864 г. опубликовал в Париже на французском языке двухтомный труд «Римский католицизм в России», который, по словам Барыкиной, до сих пор сохраняет своё значение «в качестве справочного издания и... собрания источников» (с. 182). Современники утверждали, что именно появление «этого злободневного в момент напряжённых отношений российского правительства с Ватиканом произведения» привело к назначению его автора 3 июня 1865 г. обер-прокурором Святейшего Синода (с. 101).

Церковь гр. Толстой воспринимал исключительно как один из государственных институтов. По его мнению, она «должна была отстаивать государственный суверенитет в области духовной, а правительство — в политической сфере». Между тем ему казалось, «что православное духовенство не понимало своей задачи и не справлялось с ней, перекладывая защиту религиозных интересов русского народа на плечи светской власти, в то время как католический мир был един в стремлении расширить своё идеологическое влияние». Зато каждый «монастырский архиерей в душе лелеял мысль приобрести неограниченное влияние на светскую власть, подобно папе римскому». Неудивительно, что подобной «позицией “государственника”» были недовольны и церковные иерархи, и общественное мнение. Со своей стороны, руководя духовным ведомством, гр. Толстой добивался «улучшения благосостояния и повышения уровня не только богословского, но и светского образования приходских священников с целью усиления их влияния на мирскую аудиторию» (с. 102–103).

При этом религиозностью граф не отличался и храмы посещал редко. Более того, «обер-прокурор полагал, что для управления церковными делами обязательно присутствовать в здании Синода на Сенатской площади, о его надзоре за этим учреждением больше напоминал мундир, висевший в его кабинете». Многочисленные «политические противники уличали главу Синода даже в незнании богословских текстов» (с. 104). Действительно, «ближе ему были французские идиомы, а не текст Евангелия» (с. 105).

Задуманное гр. Толстым преобразование церковного суда на принципах Судебных уставов 1864 г., предусматривавших гласность, состязательность

и открытость процесса, не осуществилось. Инициированная им реформа духовно-учебных заведений, направленная на поощрение в них научной деятельности, нашла сочувствие далеко не у всех архиереев. «Таким образом, в Синоде Толстому пришлось столкнуться с сопротивлением ещё больших консерваторов, чем он сам», — констатирует Барыкина. Во всяком случае, «надежды на предоставление православной церкви большей самостоятельности, которые духовенство связывало с назначением Толстого, так как видело в нём человека, не чуждого проблем церковной жизни, спустя 15 лет не оправдались» (с. 114).

Однако «энергия, с которой Д.А. Толстой взялся за проведение преобразований в духовном ведомстве, способствовала тому, что в правительстве возникла мысльверить его руководству ещё одно ведомство, где надлежало навести порядок — Министерство народного просвещения» (с. 114–115). Новую должность граф получил спустя несколько дней после покушения Д.В. Каракозова на Александра II, сохранив при этом и обер-прокурорский пост, что свидетельствовало об усилении влияния консерваторов (с. 116).

Не имея поначалу определённой программы действий, гр. Толстой исходил из того, что «классическое» образование более соответствует потребностям дворянства, «являвшегося опорой самодержавного государства, а техническая специализация как нельзя лучше подойдёт для детей разночинцев, купцов и мещан» (с. 122). Решительно проведённая им гимназическая реформа, по сути, имела не только педагогический, но и политический аспект. Как и любое по-настоящему масштабное начинание, со своими достоинствами и недостатками, она «получила неоднозначную оценку». Безусловно, «широта образования, дававшегося в классической гимназии, признавалась современниками. Из “толстовских” гимназий вышли поэты Серебряного века, обращавшиеся в своём творчестве к мотивам античной классики. В то же время, признавая право классических гимназий на существование, нужно отметить, что разумной идее вредило её неразумное воплощение». Кроме того, как справедливо отметила Барыкина, «реформе вредило то, что её цель была не образовательная, а политическая» (с. 125). Будучи весьма «энергическим министром», граф постоянно путешествовал по России, разъясняя значение принятых им мер. Одновременно он сам приступил к изучению древнегреческого языка, знание которого требовалось теперь от гимназистов.

Тем не менее в обществе резко критиковали его политику за односторонность, полицейский характер и реакционность. Напротив, известие об отставке министра и обер-прокурора на Пасху было встречено в 1880 г. с безудержным ликованием. Императора в те дни называли «трижды освободителем»: крестьян — от крепостного права, болгар — от турецкого ига и России — от гр. Толстого. Сам же сановник позднее вспоминал про «тот год, когда мне сломали шею» (с. 129, 131–132).

Впрочем, через два года, уже при Александре III, граф вновь оказался востребован, став в апреле 1882 г. президентом Императорской Академии наук, а месяц спустя — главой МВД. В этой же роли он обеспечивал «успокоение» страны, защищал дворянские привилегии и настаивал на пересмотре Великих реформ 1860–1870-х гг. Подготовленная для него А.Д. Пазухиным программа предполагала сосредоточение в руках чиновников из дворян управления крестьянскими делами, ограничение роли местного самоуправления, усиление правительственного контроля над ним, расширение дворянского представи-

тельства в земстве, а также передачу дел по маловажным проступкам от «судебных установлений» в ведение органов, «находящихся в непосредственной связи с административной властью» (с. 134–135, 137). Первым шагом на этом пути, как известно, стало введение института земских начальников в 1889 г., затем последовало издание Положения о земских учреждениях 1890 г. и Городового положения 1892 г. Всего этого гр. Толстой не дождался, скончавшись 25 апреля 1889 г. Между тем, как указывает Барыкина, «успех мер, проведённых им на посту министра внутренних дел, оказался кратковременным. Карательная политика на время успокоила Россию, но не разрешила проблем, стоявших перед ней. Но сам министр не увидел крушения своей политики» (с. 138).

Подробно характеризуя научное наследие графа, исследовательница констатирует, что «в трудах Д.А. Толстого отразились его политические пристрастия и взгляды: он был государственным и приверженцем западничества. В исследуемых им вопросах он всегда был первым, все его сочинения имели, кроме теоретического, и практическое применение в качестве справочных материалов для соответствующих ведомств. Однако, будучи государственным человеком, он не был свободен в своих суждениях, вольно или невольно подчиняясь политическим тенденциям своего времени» (с. 194–195). Чувствуется в его произведениях и налёт некоторого дилетантизма, свойственного официальной историографии XIX в. Руководство Императорской Академией наук, по мнению Барыкиной, «как нельзя лучше демонстрирует взаимосвязь его служебной карьеры и учёных трудов» (с. 218). Ему удавалось «успешно сочетать умелый административный контроль и поощрение научных предприятий», уделяя особое внимание археологии, этнографии, историческим дисциплинам (с. 230).

Ум, воля, эрудиция и трудолюбие гр. Толстого столь же неоспоримы, как и его сложный характер, основными чертами которого являлись безмерное самолюбие, тщеславие, честолюбие, упорство, независимость, педантизм. Так или иначе, это был незаурядный человек с присущими его эпохе привычками и представлениями. «Его биография интересна тем, — заключает Барыкина, — что становление личности и формирование мировоззрения этого сановника пришлось на дореформенное время, а деятельность — уже на пореформенную эпоху, что, несомненно, наложило свой отпечаток и на проводимые им преобразования. “Великие реформы” провели резкую грань между первой и второй половинами XIX столетия. Д.А. Толстому по складу характера и по воспитанию ближе оказалась дореформенная эпоха... В вопросах внутренней политики Толстой был скорее не теоретиком, а практиком, деятельно принимавшимся за разрешение административных проблем, если способ их решения был для него ясен. Именно это его качество было востребовано властью в кризисных ситуациях... В своей политической деятельности Толстой исходил не столько из своих собственных желаний, сколько из представлений монарха, подчиняя свои действия задаче, поставленной перед ним самодержцем» (с. 270–271).

Многие годы гр. Толстой принадлежал к числу влиятельнейших людей империи. Однако на закате своих дней он не мог не осознавать, что Россия так и не оценила по достоинству его труды. И эта мысль, как и естественное чувство обиды, вероятно, отравляли последние минуты его жизни.

Монография И.Е. Барыкиной написана в лучших традициях научной школы В.Г. Чернухи, выдающейся исследовательницы эпохи Великих реформ, всегда опиравшейся в своих выводах на тщательный анализ источников и избегавшей изобретения каких-либо надуманных идеологизированных концепций. Барыкинский «опыт биографии министра» столь же строго объективен и далёк от жанра апологии или, наоборот, обличительного памфлета. Он заполнил существенный пробел в отечественной историографии: ещё недавно в ней вовсе отсутствовали книги, обстоятельно освещающие государственную и научную деятельность гр. Д.А. Толстого, о котором упоминается едва ли не во всех учебниках истории, обобщающих трудах и энциклопедиях.

Человек железной воли и прямолинейного упорства, олицетворение «министерства борьбы» и правительственного консерватизма, граф отметал любые соглашения и компромиссы даже с умеренной оппозицией. Не случайно на министерские должности его назначали именно тогда, когда требовалась максимальная жёсткость в борьбе с крамолой: после каракозовского покушения в 1866 г. и в обстановке борьбы с террористами и конституционалистами в 1882 г.

На всех постах он предпочитал монолог диалогу — в этом можно усмотреть как силу, так и слабость его политики. Цензурные ограничения, заставлявшие оппонентов молчать, не гарантировали популярности проводимого им курса. Газеты «Голос», «Русская летопись», «Биржа» в 1870-е гг. не раз приостанавливались или закрывались из-за критики учебного ведомства, а «Санкт-Петербургские ведомости» В.Ф. Корша, рупор земских либералов, в 1875 г. и вовсе перешли в руки другого издателя. Но это лишь раздражало публику, не помогала и напористая поддержка со стороны М.Н. Каткова. Известный либеральный публицист и писатель Л.А. Полонский не без иронии вспоминал осенью 1880 г. про времена, «когда отрицать графа Толстого было гораздо опаснее, чем отрицать Бога»¹⁵.

Но отдаляла ли деятельность Дмитрия Андреевича революционный кризис или приблизила его? Не принадлежал ли он к числу тех, о ком в 1860 г. иронически отзывался эмигрант-конституционалист кн. П.В. Долгоруков, заявлявший: «Мы не любим ни революций, ни революционеров, в особенности тех, которые являются защитниками отжившего порядка вещей и врагами потребностей современных; эти люди, худшие из всех революционеров, потому что своими неразумными действиями и своим пагубным влиянием они делают революции необходимыми и неизбежными»¹⁶?

Любимым делом гр. Толстого стала реформа гимназий, резко увеличившая объём преподавания древних языков и вызвавшая недовольство в широ-

¹⁴ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹⁵ Полонский Л.А. Петербург. 1 ноября // Страна. 1880. 2 ноября.

¹⁶ Долгоруков П.В. Программа журнала // Будущность. 1860. № 1. С. 2.

ких слоях общества. Он проводил её, игнорируя любые возражения. Однако в XVIII в. классицизм не предотвратил во Франции катастрофу монархического режима, насаждавшего классическую школу. Как писал в 1792 г. знаменитый революционный журналист К. Демулен, «нас воспитывали в идеях Рима и Афин, воодушевляли республиканской гордостью для того, чтобы жить в уничтожении монархии, под властью Клавдиев и Вителлиев. Безумное правительство думало, что мы могли восторгаться отцами отечества Капитолия и не питать отвращения к версальским людоедам, восхищаться прошлым, не осуждая настоящего»¹⁷. Другой приверженец революции, Л. Мерсье, ещё ранее отмечал: «Нельзя сомневаться в том, что изучение латинского языка рождает определённое сочувствие к республикам и желание воскресить величайшую из них, историю которой изучаешь; что, слушая беседы о сенате, о свободе, о величии римского народа, о его победах, о заслуженной смерти Цезаря, о кинжале Катона, не перенёвшего гибели законов, очень трудно расстаться с Римом и превратиться в одного из буржуа улицы Нуайе. И между тем именно здесь, в монархическом государстве, постоянно занимают умы молодых людей столь неподходящими идеями, с которыми им в дальнейшем приходится очень скоро расстаться ради собственной безопасности, карьеры и счастья. Неограниченный монарх платит профессорам за то, что они глубокомысленно переводят и объясняют своим слушателям красноречивые тирады, направленные против власти королей. Это заставляет каждого студента, обладающего долей здравого смысла, когда он попадает потом в Версаль, невольно думать о Тарквинии, о Бруте, о всех гордых врагах самодержавия. Его бедная голова не знает, как ей во всём этом разобраться и, если он не глуп и в его жилах не течёт рабская кровь, ему нужно не мало времени, чтобы примириться со страной, в которой нет ни трибунов, ни децемвиров, ни сенаторов, ни консулов»¹⁸. Одинаковые причины ведут к схожим последствиям. Хотя, впрочем, в толстовских гимназиях полагалось не столько изучать античных авторов и их сочинения, сколько заучивать по учебнику грамматические формы и всевозможные исключения.

К концу 1880-х гг. больной и усталый гр. Толстой всё больше проводил время в своём рязанском имении, передавая ведение дел сотрудникам. «Дворянская эра», связанная с его именем, отличалась большой неоднозначностью и противоречивостью. Модернизация и индустриализация страны, совершаемая под вполне благонамеренными лозунгами и поощряемая властью, стала в 1880-е гг. непреодолимым препятствием для консервативной корректировки реформ. Неизвестно, что думал граф о возможности сочетания «дворянской эры» с «эрой купца и фабриканта», как он собирался решать «рабочий вопрос» и верил ли в способность земских начальников укрощать крестьянскую стихию. Министр оставил эти проблемы своим преемникам, уйдя от жизни незадолго до голода и холерной эпидемии начала 1890-х гг.

¹⁷ Цит. по: Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С. 15.

¹⁸ Мерсье Л.-С. Картины Парижа. Т. I. М.; Л., 1935. С. 199—200.

Специалистам по истории православия и католицизма в России хорошо известны работы гр. Д.А. Толстого²⁰. Без их упоминания и по сей день не обходится ни одна диссертация, посвящённая судьбам русского католицизма. Однако только И.Е. Барыкина подробно раскрыла обстоятельства их появления.

В январе 1848 г. гр. Толстой, уже несколько месяцев служивший тогда в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД, привлёк внимание императора к своим историческим трудам. Посвятив Николаю I книгу о становлении финансовых учреждений России с древности до конца XVIII в., граф получил от монарха в награду бриллиантовый перстень (с. 166). А за несколько дней до этого начальство «по высочайшей воле» поручило ему подготовить очерк «постепенного появления и развития иностранных исповеданий в России, равно всех законодательных и распорядительных мер правительства по сему предмету». Причём «помимо справочного значения — для служебного пользования — подобное сочинение, будучи опубликованным, могло иметь ещё одну, внешнеполитическую цель — склонить общественное мнение Западной Европы к положительной оценке подписанного Россией в 1847 г. конкордата с Ватиканом». И, разумеется, автору следовало «опровергнуть обвинения в религиозном давлении, доказав, что действия российских властей были реакцией на открытое военное выступление» (с. 172–173).

Более двух лет граф собирал материал, посещая архивы и библиотеки обеих столиц, Пскова, остзейских губерний и Западного края, где он осматривал в 1849 г. католические (и бывшие униатские) монастыри и консистории и «нашёл фактические и статистические сведения, на которых в основном и было построено затем его сочинение». Однако сданная чиновником в 1850 г. рукопись сама отправилась в архив (с. 175–176).

Тем не менее гр. Толстой, проявив присущее ему упорство, на протяжении 13 лет продолжал работу, начатую в конце 1840-х гг., и в 1863 г., уже будучи сенатором, при посредничестве министра внутренних дел П.А. Валуева получил разрешение опубликовать результаты своих изысканий на французском языке за границей²¹. После того, как в 1863–1864 гг. в Париже вышли два тома «Исторических этюдов о Римском католицизме в России», Лейпцигский университет присудил графу учёную степень доктора философии. В газете «День» в начале 1865 г. И.С. Аксаков поместил обзор этого издания с сочувственным комментарием преподавателя Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояло-

¹⁹ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

²⁰ Толстой Д.А. Об иезуитах в Москве и Петербурге. Ист[орический] отрывок. СПб., 1859; Le Catholicisme romain en Russie. Études historiques par le comte Dmitry Tolstoy. Vol. 1–2. Paris, 1863–1864; Толстой Д.А. Римско-католическая пропаганда в России. СПб., 1865; Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Ист[орическое] исслед[ование]. Т. 1–2. СПб., 1876–1877.

²¹ Le Catholicisme romain en Russie...

вича, который особо отметил своевременность выпуска данной книги (с. 177–178). В том же году её сокращённое изложение (около 360 страниц из примерно 770, не считая документальных приложений) напечатали и в Петербурге²². По мнению Барыкиной, именно резонанс, вызванный публикацией исследования графа, убедил Александра II предложить ему пост обер-прокурора Святейшего Синода, оставленный весной 1865 г. генерал-лейтенантом А.П. Ахматовым: «Власти сочли кандидатуру Толстого самой подходящей для руководства православным ведомством в момент противостояния с католической Европой, осуждающей жестокое подавление польского восстания и следовавшие за ним притеснения католиков в Российской империи» (с. 101). Но, как ни странно, русский перевод обоих томов, охватывавший период от Крещения Руси до кончины Александра I, появился только в 1876–1877 гг.²³

Барыкина отнюдь не склонна преувеличивать вклад гр. Толстого в историографию. Подготовленный им двухтомник был «составлен в хронологическом порядке и носил справочный характер» (с. 179). Но несмотря на такие достоинства, как «новизна, актуальность, введение в научный оборот новых документов» и даже некоторая «систематизация материалов», по мнению исследовательницы, всё же «сложно назвать это сочинение историческим трудом, так как... факты служили лишь канвой для выражения политических взглядов автора». Вместе с тем оно не раз использовалось как ценное подспорье и современниками графа (И.А. Чистович, Д.В. Цветаев, Е.Ф. Шмурло и др.), и учёными ХХI в.²⁴ Как публикатор, «в своих сочинениях Толстой просто помещал документы в приложениях», но издавая источники отдельно, он действовал «с научной точки зрения вполне грамотно: добавлял своё предисловие, комментировал документы, описывал историю их создания и последующего изучения» (с. 205). Как человек, который «хорошо представлял ценность архивного материала и особенности его хранения», граф, став обер-прокурором, многое сделал для систематизации синодального архива, используя в том числе и «опыт других архивохранилищ» (с. 111–113). И.Е. Барыкина убедительно показала, что на всех своих постах гр. Д.А. Толстой проявил себя не только как государственный деятель, но и как интеллектual и удивительно трудолюбивый и упорный историк, заложивший, помимо прочего, и основы изучения истории католицизма в России.

²² Толстой Д.А. Римско-католическая пропаганда...

²³ Толстой Д.А. Римский католицизм в России...

²⁴ См., в частности: *Маракушина Е.В.* История католических монашеских миссий в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX веках // Восточная Европа: диалог в христианстве. Материалы II международной научной конференции. СПб., 2000. С. 72–79; *Луштай В.Б.* Иезуиты в России второй половины XVIII века. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; *Андреев А.Н.* Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007; *Андреев А.Н.* Католический приход Петербурга в XVIII в. // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 148–160; *Самыловская Е.А.* Повседневная жизнь петербургской католической общины в первой трети XVIII века // Петровское время в лицах – 2013: к 400-летию Дома Романовых (1613–2013). Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 70). СПб., 2013. С. 252–262; *Самыловская Е.А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

Узнав о смерти гр. Д.А. Толстого, государственный секретарь А.А. Половцов записал в дневнике, что «это был типичный петербургский чиновник с некоторым лоском исторического образования» (с. 1, 7, 153). И.Е. Барыкина включила данный отзыв в название своей книги, хотя, кажется, сама сомневается в справедливости такой явно небеспристрастной оценки (с. 153–154), произнесённой над гробом политического оппонента. Всё же граф, как «человек системы», оставаясь бюрократом, действовавшим в рамках определённых правил, не только вёл служебную переписку, но и создавал смыслы. Будучи учёным, он добывал и распространял новое знание, умело увязывая исследовательские штудии со служебными делами (с. 268). Такая карьера была типична для просвещённой бюрократии, но она отнюдь не преобладала даже среди столичного чиновничества второй половины XIX в. В то время обычно не сановники шли в науку, а скорее наоборот — профессора (прежде всего университетские) пытались влиять на общественное мнение и правительственную политику. Эти отечественные «мандарины» (как называл их германских коллег, вовлечённых в общественно-политическую деятельность, Ф. Рингер²⁶) изредка являлись консерваторами, но чаще придерживались либеральных взглядов, как, например, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев и др.

Монография Барыкиной легко и с интересом читается почти с любой страницы. Структура монографии включает четыре тематические части: «*Curriculum vitae* (жизненный круг)», «Спираль карьеры», «В кругу учёных», «Историк во власти». Такое построение текста делает неизбежными периодические повторы, поскольку автор с разных сторон освещает одни и те же сюжеты. Не всегда обоснованы и обширные (в десятки страниц) отступления: если подробный рассказ о сравнительно малоизвестной фигуре гр. Д.Н. Толстого-Знаменского не только оправдан, но даже необходим для понимания судьбы и особенностей его племянника (с. 25–53), то, например, описание системы академических премий XIX в., хорошо известной специалистам, явно избыточно.

При этом в книге Барыкиной нет ни идеализации, ни демонизации гр. Толстого. Подвергнутый в юности бойкоту за нарушение правил лицейского товарищества, он предстаёт довольно чёрствым человеком, отказавшимся ради карьеры и репутации в свете от отношений с любимой женщиной, с собственной матерью, с воспитавшим его дядей, а также крайне скаредным помещиком, не ладившим со своими бывшими крепостными. Но не раз говорится и о таких его достоинствах, как энергия, основательность, преданность делу, верность жене и любовь к детям.

²⁵ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00048, «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века», выполняемый в Национальном исследовательском Томском государственном университете.

²⁶ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество Германии, 1890–1933. М., 2008; Александров Д.А. Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные учёные // НЛЮ. 2002. № 53. С. 90–104; Ростовец Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

Характеризуя деятельность гр. Толстого на посту обер-прокурора Святейшего Синода, исследовательница упоминает о его противостоянии значительной части церковных иерархов, тяготившихся любыми формами контроля над собой²⁷. Ярко очерчена политика, проводившаяся графом в средней школе. Однако не менее интересны и его взаимоотношения с университетами. Ведь, как известно, он приложил немалые усилия, готовя пересмотр университетского устава 1863 г. Между тем именно в 1860–1870-е гг. высшее образование стало престижным, а число студентов увеличилось примерно на 60% (с 5 до 8 тыс. человек), причём их абсолютное большинство принадлежало к привилегированным сословиям²⁸. Тогда же российские университеты (в особенности столичные) вышли на мировой уровень. Устав 1863 г. не только увеличил количество кафедр, но и расширил полномочия профессоров, по инициативе которых при университетах возникли новые издания, лаборатории, кабинеты, музеи и научные общества — математическое (1864) и юридическое (1865) в Москве, естествоиспытателей (1868), химическое (1868) и физическое (1872) в Санкт-Петербурге, Нестора Летописца (1873) в Киеве и т.д. Они формировали собственные исследовательские и издательские программы, определявшие направления развития отечественной науки. Неудивительно, что университеты 1860-х — начала 1880-х гг. как по личному составу, так и по выпуску научной продукции превосходили Императорскую Академию наук. Впрочем, сами академики начали в то время преподавать в столичном университете²⁹. Тем самым формировалась институциональная среда, в которой творили научные гиганты «золотого века» российских университетов — Э.Х. Ленц, А.М. Бутлеров, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, И.И. Мечников, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, В.И. Герье и др. Убеждённое во взаимосвязи свободы преподавания и подъёма исследовательской деятельности, университетское сообщество в большинстве своём восприняло изменение устава в 1884 г. как настоящую катастрофу³⁰.

Барыкина лишь вскользь касается борьбы гр. Толстого с профессурой (с. 121–122, 130), констатируя, что министр стремился к ограничению автономии университетских советов, но в 1880 г. реализации его планов неожиданно помешала отставка, последовавшая вскоре после установления «диктатуры сердца» гр. М.Т. Лорис-Меликова. В книге даже не упоминается о том, что в 1875 г. гр. Толстой инициировал учреждение комиссии, кото-

²⁷ Подробнее см.: *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений России 1856–1904 гг. СПб., 2003. С. 243–151.

²⁸ Россия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 27а. СПб., 1899. С. 388; Временник Центрального статистического комитета МВД. 1888. Вып. 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях приволжских по переписи 20 марта 1880 г. / Сост. А. Дубровский. С. 12–18.

²⁹ *Ростовцев Е.А.* Академия наук и Санкт-Петербургский университет на рубеже XIX–XX вв.: проблемы корпоративных взаимоотношений // Миллеровские чтения — 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы II международной научной конференции. СПб., 2018. С. 511–519.

³⁰ *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава, 1901; *Виноградов П.Г.* Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. № 10. С. 537–573; *Фаминцын А.С.* Накануне университетской реформы // Мир Божий. 1903. № 1. С. 238–255; *Капнист П.А.* Университетские вопросы // Вестник Европы. 1903. № 11. С. 167–218; № 12. С. 465–518; *Клоссовский А.В.* Материалы к вопросу о постановке университетского дела в России. Одесса, 1903.

рая подготовила проект нового устава, оказавшийся востребованным в эпоху контрреформ³¹.

Большое внимание Барыкина уделяет тому, как гр. Толстой руководил Академией наук. Однако трудно на основании представленных материалов сказать, насколько его голос как министра и президента имел решающее значение в академических делах, не исключая и выборов. Во всяком случае, граф не препятствовал избранию в академики выдающихся учёных независимо от их взглядов. С одной стороны, при нём по-прежнему активно пополнялась «немецкая партия» (А.О. Баклунд, Ф.Ф. Бейльштейн, В.В. Радлов), традиционно лояльная власти. С другой стороны, их коллегами оказались фрондировавшие профессора Петербургского университета В.П. Васильев и А.С. Фаминцын (в 1879 г. даже подвергавшийся аресту за защиту студентов во время волнений³²). Из своих знакомых гр. Толстой привлёк в Академию, вероятно, только Н.В. Калачова. За редким исключением Дмитрий Андреевич действовал не как «реакционер», а как чиновник, полагаясь на мнение экспертов и стремясь избегать конфликтных ситуаций.

Барыкина указывает на связь научной и административной карьеры гр. Толстого, что, по её мнению, лучше всего проявилось при его управлении Академией (с. 218). Как бы то ни было, граф действительно являлся по меркам своего времени настоящим учёным, а его произведения до сих пор цитируются исследователями, изучающими соответствующую тематику. В этом отношении его можно сравнить, пожалуй, лишь с другим высокопоставленным историком (и постоянным противником) — профессором Военной академии Д.А. Милютиным, чьё описание суворовских походов 1799 г. также не устарело. Из трудов Толстого наиболее известны работы о католицизме в России³³ и об Академии наук³⁴ (с. 188–189). Особую ценность имеют документы, впервые введённые им в оборот. И всё же нельзя полностью согласиться с тем, что он «первым обратил внимание на самый факт учреждения при Академии наук гимназии и университета, тем самым расширив представления о просвещении в XVIII веке» (с. 191). До него об этом ещё в 1830-х гг. писали И.П. Шульгин

³¹ Председательствовал в ней член Государственного совета И.Д. Делянов, занимавший в 1866–1873 гг. пост товарища министра народного просвещения, а в 1882 г. возглавивший учебное ведомство. Подробнее о её деятельности и о вызванном ею резонансе см.: Университетский вопрос (извлечение из материалов, собранных отделом высочайше учреждённой комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года) // Журнал министерства народного просвещения. 1876. Ч. 187. Отд. IV. С. 134–135, 137–139, 143, 148; *Клыкова Е.Д.* Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. № 1; *Котов А.Э.* «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 91–134; *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 418–420.

³² ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 117, л. 1; *Ольховский Е.Р.* Тайный арест академика Фаминцына // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 7. СПб., 1998. С. 132–145.

³³ *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Ист[орическое] исслед[ование]. Т. 1–2. СПб., 1876–1877.

³⁴ *Толстой Д.А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 38. 1885. № 5. С. 1–114; *Толстой Д.А.* Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук // Там же. № 6. С. 1–67.

и А.В. Никитенко³⁵. Однако торжества в Санкт-Петербургском университете, начиная с 1844 г., чётко отграничивали его от Петербургской Академии, чему способствовал и гр. Толстой, являвшийся одним из организаторов празднования 50-летнего юбилея в 1869 г. Кстати, утверждая, что академический «университет угас», граф доводил изложение его истории до окончания директорства кн. Е.Р. Дашковой в 1796 г., но не рассматривал уже трансформацию Академии после изменения её устава и выведения университетских структур за её пределы³⁶.

Сообщая в монографии о знакомстве графов С.С. Уварова и Д.А. Толстого, Барыкина невольно подталкивает читателя к сравнению этих просвещённых сановников (с. 76–77, 168). С одной стороны, в их убеждениях, действиях и карьере можно обнаружить немало схожего. Оба достигли высоких должностей благодаря сочетанию собственных талантов, трудолюбия и семейных связей, были известны как интеллектуалы и идеологи самодержавия, поддерживали привилегии дворянства, совмещали исследовательские штудии с государственной службой, пестовали академиков и желали превращения университетов в научные центры, чуждые политических страстей. Но жили они в разные эпохи. И если Уваров часто оказывался либеральнее своего времени, с чем связаны его отставки с поста попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (из-за «дела профессоров») в 1821 г. и министра народного просвещения (из-за намечавшегося пересмотра «учебных уставов») в 1849 г., то гр. Толстой, напротив, обычно был консервативнее тех, кому уступал место и в 1861 г., и в 1880 г.

Очевидно, пик противостояния с либеральными бюрократами и значительной частью общества пришёлся на последние годы его жизни, когда он возглавлял МВД. При освещении данного периода Барыкина, к сожалению, ограничилась краткой характеристикой участия министра в разработке плана контрреформ, игнорируя его борьбу с революционерами. Между тем причастность, пусть и сугубо формальная, к делу А.И. Ульянова и казни в 1887 г. несовершеннолетних участников несостоявшегося покушения окончательно укрепила в обществе «злодейскую» репутацию графа.

А она и раньше оставляла желать лучшего (с. 131–132). Мемуаристам запомнились «бездушные дрессирователи молодёжи времён графа Д.А. Толстого»³⁷. Иным казалось, будто «снисходительное отношение к “волнениям” студентов объясняется не только тем, что в Петербургском университете господствовало либеральное направление профессуры, но и тем, что тогдашний министр просвещения граф Д. Толстой возбудил против себя даже самые умеренные круги русского общества»³⁸. Из всех руководителей учебного ведомства столь же резкую неприязнь, как гр. Толстой, вызывал у своих оппонентов, пожалуй, только Л.А. Кассо³⁹.

³⁵ Шульгин И.П. О начале и постепенном возрастании Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1838. С. 12–13; Никитенко А.В. Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу всероссийскому, отцу Отечества. СПб., 1838. С. 9–10.

³⁶ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии... С. 61–62.

³⁷ Пеликан А.А. Студенческие годы // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках. В 3 т. / Сост. Е.А. Ростовцев. Т. 2. Кн. 1. СПб., 2024. С. 59.

³⁸ Шебакин М.П. Клочки воспоминаний // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках... Т. 2. Кн. 1. С. 223.

³⁹ Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Образ чужого: «проклятый цыган» (Л.А. Кассо в воспоминаниях современников) // Клио. 2018. № 12. С. 27–36.

Книга Барыкиной, конечно, не даёт исчерпывающий ответ на все вопросы, связанные с личностью и деятельностью гр. Толстого, но она содержит ценный материал для размышлений о его исторической роли. По словам автора, «как “человек системы”, с юности отличавшийся организованностью и дисциплинированным умом, Д.А. Толстой часто больше внимания уделял форме, чем содержанию. Эта особенность мышления, проявившаяся в его сочинениях, отразилась и на политических взглядах: все свои силы он направлял на то, чтобы удержать в рамках традиционного общества процесс модернизации, не признавая его необходимости и неизбежности для России. Однако эта идея оказалась нежизнеспособной: если в конце XIX столетия консервативное течение одержало верх, то в начале XX в. старые формы государства и порядка управления были сметены революционным взрывом» (с. 271).

И.Е. Барыкиной удалось показать, как приверженность гр. Толстого бюрократическим правилам и методам преобразования жизни фактически привела к неудаче многих его начинаний, в том числе и реформы образовательной системы. Даже под руководством столь энергичного человека, как гр. Толстой, чиновничья машина зачастую работала вхолостую. Но если граф отрицал необходимость и неизбежность модернизации, то почему он не противостоял ей, а пытался удержать её в «рамках традиционного общества»? Характерно, что автор вполне справедливо причисляет его к «западникам», полагавшим, что социально-экономическое развитие российского общества идёт по европейскому пути (с. 165–166). Возможно, в этом и заключалась трагедия русских охранителей пореформенного времени, включая гр. Толстого, Делянова и др., пытавшихся следовать известной формуле Уварова: «*Быть Русским по духу прежде, нежели стараться быть Европейцем по образованию*». Однако на деле модернизация культуры и науки, а также связанные с ней изменения в экономике и языке, отставали от трансформации массового сознания, но одновременно заметно обгоняли темпы преобразования институтов управления. Синхронизировать эти процессы безуспешно пытались и либеральные консерваторы, и консервативные либералы (в том числе и состоявшие на государственной службе), и последовавший в начале XX в. революционный крах свидетельствовал об общем провале интеллектуальной и политической элиты Российской империи.

Александр Котов: Портрет загадочного триумвира⁴⁰
Aleksandr Kotov (Saint Petersburg State University, Russia):
Portrait of the mysterious triumvir

DOI: 10.31857/S2949124X24040206, EDN: FEIPAQ

Граф Д.А. Толстой традиционно воспринимается, наряду с М.Н. Катковым и К.П. Победоносцевым, как один из «триумвиров», направлявших политику «контрреформ». Ещё Е.М. Феоктистов иронизировал в своих воспоминаниях по поводу этого «триумvirата», сравнивая его с лебедем, раком и щукой⁴¹. Однако,

⁴⁰ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

⁴¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 221.

хотя в стереотипное представление о царствовании Александра III как времени «застоя» и «реакции» эти образы вполне укладываются, при ближайшем рассмотрении и они, и сама эпоха приобретают иные черты, а описываемое в чёрно-белых тонах противостояние «прогрессистов» и «консерваторов» распадается на множество объективных и субъективных (но от того не менее значимых) коллизий. Так, выясняется, что идеологов и деятелей «контрреформ» критиковали не только либералы, но и другие консерваторы. Например, для государственного контролёра Т.И. Филиппова редактор Московских ведомостей и обер-прокурор Святейшего Синода отнюдь не соратники по «контрреволюционной партии». Для него «сочетание питерского Копронима с московским опричником (Катков) есть миниатюрное изображение “зверя со змием”»⁴².

Но если судьбы и взгляды других триумфиров описаны уже достаточно разносторонне⁴³, то гр. Толстому повезло меньше: его историографический портрет, как и во времена П.Н. Милюкова и А.А. Корнилова, продолжает устрашать потомков всевозможными оттенками серости петербургского бюрократизма. Даже в наиболее обстоятельной и продуманной его биографии можно обнаружить инерцию обличающего «освободительного» пафоса и некритическое воспроизведение анекдотов, например, о том, как по дороге в Ливадию министр внутренних дел изображал лошадь и кричал: «Человек, порцию сена!»⁴⁴.

Поэтому монография И.Е. Барыкиной в известном смысле не только нова, но и уникальна. Конечно, она написана в традициях всё той же либеральной и советской историографии и частично сохраняет их клише и оценки, но всё же её сдержанная стилистика далека как от чрезмерной комплиментарности, так и от карикатуры. Значительная часть книги посвящена характеристике научного наследия гр. Толстого (с. 164). При этом он предстаёт как последовательный западник, который в одной из своих работ «в каждой главе... проводил параллели, подчёркивая общие черты России и Западной Европы и придя в заключение к выводу о тождественности элементов русской и западноевропейской финансовых систем и их исторического развития, обусловленной “одинаковостью степени общественных цивилизаций”» (с. 165). В то же время к числу мыслителей, повлиявших на графа, автор относит и П.Я. Чаадаева (с. 212).

Опровергая традиционный стереотип о «реакционности» и «мракобесии» Толстого, Барыкина отмечает его осторожность и, в частности, нежелание «расправляться со всеми печатными изданиями». Так, в 1882–1884 гг. «он долго щадил самое демократичное из них — “Отечественные записки”». Несмотря на крайне негативное отношение к направлению, которое представлял редактор журнала М.Е. Салтыков-Щедрин, министр внутренних дел не мог нарушить неписанный закон лицейской дружбы. Журнал был закрыт только под давле-

⁴² Пророки византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 330.

⁴³ См., в частности: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; *Полунов А.Ю.* Победоносцев: русский Торквемада. М., 2014; *Санькова С.М.* Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Первалова Е.В.* «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М., 2020.

⁴⁴ *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 262.

нием заместителей Д.А. Толстого — В.К. Плеве и П.В. Оржевского» (с. 137). После смерти графа А.В. Богданович записала в дневнике: «[А.С.] Суворин просидел сегодня долго вечером у нас, он жалеет Толстого, говорит, что печать никогда подобного не будет иметь. Что Толстой никогда никому её не выдавал, что четыре раза он попадался, на него жаловались Толстому, и всё-таки Толстой, не зная его, отстоял все 4 раза: история дружины, Вильома, статьи о Лорисе и Шувалове»⁴⁵.

Немало страниц в монографии занимает рассказ о дяде и наставнике будущего министра — гр. Д.Н. Толстом, которому, по мнению исследовательницы, были свойственны «консервативные устремления типичного представителя небогатого поместного дворянства, полагавшего, что главные задачи правительства состоят в наведении порядка и поддержке высшего сословия» (с. 48). Но в отличие от тогдашней «аристократической партии», Толстые, как дядя, так и племянник, настаивали на защите православия и «русских начал», в том числе на западных окраинах империи. Старший из них был хорошо знаком с рижским епископом Филаретом (Гумилевским) (с. 38), младший — с виленским митрополитом Иосифом (Семашко) (с. 215). Впрочем, будучи обер-прокурором Святейшего Синода, граф распоряжался в «петровском» духе и никогда не сомневался в том, что православная Церковь во всех мирских делах должна подчиняться государству (с. 102). Как пишет Барыкина, он разделял «неприязненное отношение к чёрному духовенству», распространённое «в чиновничьей среде»: «Видя в каждом епископе претендента на роль патриарха, Толстой выступал против предоставления Русской православной церкви самостоятельности. К вопросу веры Дмитрий Андреевич относился с рациональной точки зрения, считая, что она не должна быть слепой... Несомненно, он был верующим человеком, но не отличался религиозностью, редко причащался и храмы посещал не очень часто» (с. 104)⁴⁶. Правда, это не мешает автору утверждать при анализе антикатолической публицистики графа, будто «Д.А. Толстой был ревностным православным христианином» (с. 205).

Между тем нельзя не учитывать весьма непростое отношение в те годы представителей «русского направления» (отчасти «восторжествовавшего» при Александре III) к «государственному православию». В книге оно проскальзывает лишь при упоминании о замечаниях, высказанных И.С. Аксаковым и М.О. Кояловичем по поводу трудов гр. Толстого (с. 178–180), однако полемика славянофилов консервативных сторонников церковной самостоятельности с «катковским направлением»⁴⁷, к которому принадлежал граф, полностью игнорируется.

Собственно, невнимание к идеологическим аспектам описываемых сюжетов и является, пожалуй, главным недостатком книги. Даже о роли «Московских ведомостей» в пересмотре наследия А.В. Головнина сказано крайне скупое: «Убедившись в необходимости “классической” реформы как для образования,

⁴⁵ РГИА, ф. 1620, д. 243, л. 35. К сожалению, Барыкина ссылается лишь на изданную под названием «Три последних самодержца» советскую компиляцию дневника Александры Викторовны, где данный фрагмент отсутствует.

⁴⁶ Если верить генералыше Богданович, петербургский митрополит Исидор (Никольский) выразился ещё резче: «Никто не помнит, когда он причащался» (*Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 112; РГИА, ф. 1620, д. 243, л. 50).

⁴⁷ *Котов А.Э.* Был ли Катков православным консерватором? // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 59–67.

так и для политического строя Российской империи, Д.А. Толстой доверил теоретическую сторону сподвижникам М.Н. Каткова, а сам, как практик, энергично взялся за её осуществление, решительно преодолевая все препятствия, главным из которых было сопротивление членов Государственного совета: А.В. Головина, Д.А. Милютин, К.К. Грота...» (с. 122). При этом более чем осведомлённый чиновник учебного ведомства Феокистов в 1871 г. отмечал: «Нет ни малейшего сомнения, что если нынешняя реформа увенчается успехом... то заслуга этого будет принадлежать Каткову, одному Каткову. Он делал во всё это время истинные чудеса. Прежде всего удалось ему совершенно овладеть графом Толстым... Нельзя сказать, чтобы присутствие Каткова не ощущалось довольно тягостно: он не давал покою Толстому, а Толстой, и без того уже нервный, не давал покою нам — и вообще всё министерство находилось как бы в лихорадке»⁴⁸. Трудно назвать подобную деятельность «теоретической».

Барыкина полагает, что на рубеже 1850—1860-х гг. гр. Толстой являлся чуть ли не крепостником, разделявшим, вместе с дядей, «типичную для представителя родовитого (хоть и небогатого) поместного дворянства» позицию: «По его мнению, подготовку реформы взяла на себя “чиновничья петербургская партия”, состоявшая “исключительно из чиновников, литераторов и журналистов” и действовавшая вопреки интересам помещиков и государства. Следствием стала необдуманность преобразований 1860-х гг., которые вызвали разочарование и недовольство как помещиков, так и крестьян» (с. 41). При освобождении крепостных в его рязанских имениях граф действовал в полном соответствии с идеалами «помещичьей партии» (с. 85). Поэтому и в политике, проводившейся им в 1880-е гг., автор, следуя советской историографической традиции, видит всё ту же логику: «По словам М.В. Толстого, принимая министерский портфель, Д.А. Толстой предупредил Александра III о том, что он является убеждённым сторонником дворянских привилегий и, став министром, будет всячески их защищать. Это было не голословное заявление. Одним из главных результатов деятельности Толстого в МВД стала разработка “Положения о земских начальниках” и земская контрреформа... Император выделил Толстого из всей “консервативной партии” за его последовательность в действиях и верность однажды принятой позиции. От Толстого даже не потребовали представить программу будущих действий. Сама его фигура олицетворяла охранительное направление» (с. 135).

Однако под «охранительным направлением» в то время могли понимать совершенно разные вещи. Представители высшей знати, составлявшие «аристократическую оппозицию» 1860-х гг.⁴⁹ или входившие в Святую дружину, заигрывавшую с левым подпольем, также считали себя «охранителями» — как самодержавия, так и дворянских привилегий. Современники же отчётливо видели разницу между такими «консерваторами» и гр. Толстым: «Я думаю, — писала 30 декабря 1888 г. Богданович, — что Толстой, раз он хлопочет об усилении губернаторской власти, не хочет потакать дворянам в том, что они этой власти не повинуются, и дать им возможность похвалиться, что по их просьбе меняют губернаторов»⁵⁰. В историографии на это довольно точно указал В.Л. Степанов: «В своих убеждениях граф шёл до известных пределов. Дворянство ни в коем

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 318, д. 9121, ч. 2, л. 21.

⁴⁹ Подробнее см.: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. М., 2002.

⁵⁰ РГИА, ф. 1620, д. 241, л. 88.

случае не должно было претендовать на политическую власть в государстве и конкурировать с тронем. Интересы самодержавия Толстой ставил превыше всего. Чтобы не допустить сплочения дворянской олигархии, он категорически запретил предполагавшийся в Москве накануне празднования столетия Жалованной грамоты съезд губернских предводителей дворянства»⁵¹. Таким образом, намечавшееся на рубеже 1860–1870-х гг. сближение «катковцев» с «дворянской партией» оказалось весьма условным и непрочным.

Совсем ступшевался на страницах книги главный разработчик сословных «контрреформ» и один из ближайших сотрудников гр. Толстого в последние годы его жизни — А.Д. Пазухин. Хорошо знавший его К.Ф. Головин, ценивший в нём «искренность и теплоту, столь чуждые нашим бюрократам», вспоминал: «Он искренно любил московского чиновника, приказного дьяка, “служилого человека”, как он называл этого очень малосимпатичного субъекта. Пазухин чистосердечно воображал, будто наши служилые люди коренным образом отличались от юристов, судей и разных коронных чиновников, служивших королевской власти на Западе»⁵². В Европе, по мнению Пазухина, «вместо крепостного права землевладельцев установилось худшее крепостное право — ростовщиков»⁵³. В России же дворянское сословие, созданное Петром Великим, всегда укреплял приток «новых сильных элементов»: «Аристократическая исключительность и сословная замкнутость противны характеру нашей истории и началам нашего государственного быта... Мудрость законодателя состоит в искусном устройстве ворот, не настолько широких, чтобы в них ворвались негодные элементы, но и не настолько узких, чтобы затруднить получение дворянства для наилучших элементов из других сословий»⁵⁴.

Пазухин доказывал, что «крепостное право было временным спутником поместной системы, но не было её исторической основой», а «нынешнее дворянство не нуждается для поддержания своего хозяйства в тех мерах, без которых не могли обойтись служилые люди первых царей Дома Романовых»⁵⁵. Соответственно и Положения 19 февраля 1861 г., ставшие продолжением начинаний Александра I и Николая I, не прервали прежние связи в обществе, но предоставили дворянству «новое право выставять из среды своей лиц для приведения в исполнение реформы и для управления крестьянским сословием»⁵⁶. Тем самым, в отличие, например, от Р.А. Фадеева, Пазухин рассматривал дворян не как незаменимый «культурный слой» русского общества, но как важнейший элемент государственного строя, что и обеспечило публицисту поддержку Каткова.

Но взгляды Пазухина разделяли не только «катковцы». Солидаризируясь с ним, подконтрольный Филиппову «Голос Москвы» заявлял: «Дворянин, являющийся действительно знатоком и защитником русского дворянства, резко расходится с верховниками, и не только не стремится, в противоположность требованиям нашей истории, закрыть доступ в дворянство другим сословиям, но, напротив, желает мер, направленных к тому, чтобы двери для входа в дво-

⁵¹ Степанов В.Л. Дмитрий Андреевич Толстой. С. 275.

⁵² Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет (1859–1894). Изд. 2. Т. 2. СПб.; М., [б.г.]. С. 101–102.

⁵³ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1885. С. 52.

⁵⁴ Там же. С. 48, 57.

⁵⁵ Там же. С. 28.

⁵⁶ Там же. С. 10.

рянство были открыты для всех выдающихся лиц других сословий. Он желает, чтобы неудачное понятие “интеллигенция” перестало существовать, потому что всё действительно развитое соединено в одно сословие, которое пользуется полным доверием царя, опирающегося на него в деле местного самоуправления»⁵⁷. Сочувствовал Пазухину и К.Н. Леонтьев⁵⁸.

Речь, таким образом, шла не о «попятном движении» (с. 138), но о коррекции Великих реформ, опирающейся как на национальный (пусть иногда и превратно понимаемый), так и на западный опыт, который, кстати лежал в основе программы университетской «контрреформы»⁵⁹. И не случайно осуществлять эту политику пришлось именно такому государственному деятелю, как гр. Д.А. Толстой, который, судя по исследованию И.Е. Барыкиной, являлся не «мракобесом» и «реакционером», но осторожным европейским интеллектуалом, добросовестно служившим русской власти.

Андрей Мамонов: Просвещённый реакционер

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): An enlightened reactionary

DOI: 10.31857/S2949124X24040218, EDN: FEFPIW

Свой «опыт биографии министра» И.Е. Барыкина делит на «две сюжетные линии: бурные коллизии чиновничьей жизни и кабинетное затишье научных штудий» (с. 8). Но начинается она «с самых истоков», рассказывая про «родственное окружение» Дмитрия Андреевича (с. 9–53), его учёбу в Лицее (с. 53–69), друзей и знакомых (с. 69–80), семью (с. 80–89). Исследовательница вынуждена признать, что не сохранилось никаких сведений о детстве графа, об «атмосфере, царившей в родительском доме, об играх и забавах», о его болезненном младшем брате Всеволоде, умершем в 19 лет, и проч. (с. 18). Тем не менее она пытается собрать всё, что известно о домашней обстановке и фамильных преданиях той ветви графского рода, к которой принадлежал консервативный сановник. Так, в книге ярко представлен его хорошо образованный и обеспеченный дед гр. С.Ф. Толстой, скончавшийся задолго до рождения своего знаменитого внука и оставивший 12 детей, навсегда рассорившихся при разделе наследства. Тут же сообщается о сломанной судьбе П.И. Колошина (мужа двоюродной сестры гр. Д.А. Толстого), попавшего в 1825 г. под следствие по делу о мятеже на Сенатской площади, к которому, проживая в Москве и давно покинув тайные общества, он не имел никакого отношения. Летом 1826 г. его освободили, но выгнали со службы, оставив «в сильном подозрении» с испорченным в каземате зрением; через 10 лет он полностью ослеп. Ещё трагичнее сложилась судьба отца Дмитрия Андреевича: гр. А.С. Толстой, являвшийся, по словам Барыкиной, «типичным светским молодым человеком», в 1830 г. был убит во время попойки обиженным собутыльником. Молодая вдова, которой не исполнилось тогда 25 лет, оставшись с двумя сыновьями и дочерью, вскоре вступила в брак с их гувернёром. Вслед за Е.М. Феоктистовым автор сообщает,

⁵⁷ Действительный голос с места // Голос Москвы. 1885. № 46. 12 февраля.

⁵⁸ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. / Под ред. О.Л. Фетисенко. Т. 8(2). СПб., 2009. С. 51.

⁵⁹ Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова... С. 98–99.

что старший сын так и не простил матери «вторичное замужество». В 1849 г. он не приехал на её похороны, оставшись по делам службы в Западном крае (с. 20). Мог ли он прервать командировку? Хотел ли? Вероятно, это уже никто не выяснит.

Так или иначе, графа мало что связывало с родителями. С девяти лет он воспитывался в Дворянском институте при Московском университете, а в 1836–1842 гг. — в Царскосельском лицее. Впрочем, и об этом периоде его жизни сказать что-либо трудно: лицеисты XII выпуска воспоминаний о своей учёбе не написали. В результате характеризовать лицейские порядки тех лет автору пришлось по «Запискам для немногих» А.В. Головнина — едва ли не главного антагониста и антипода графа (с. 55–57). И Головнин, окончивший курс двумя годами ранее, и гр. Толстой числились первыми по успеваемости и удостоились золотой медали, а также права поступать на службу с чином IX класса. Но их жизненный опыт и личные качества всё же слишком различались, и одинаковые условия обучения могли восприниматься и оцениваться ими по-разному.

Лицей славился своими корпоративными традициями, но крепких дружеских связей в его стенах гр. Толстой, похоже, не приобрёл. Более того, в 1842 г. его заявления вызвали отчисление одного из учащихся, после чего остальные прекратили общение с графом. Проявив характер, он отказался признать вину и провёл последний год в гордом одиночестве. Любопытно, что это не мешало ему в дальнейшем участвовать в праздновании лицейских годовщин и даже собирать однокурсников в 1860 г. у себя на квартире (с. 61–63). Судя по всему, юношеский конфликт удалось уладить. Во всяком случае, возглавив в 1865 г. духовное ведомство, граф предложил должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода другому лицеисту XII выпуска — Ю.В. Толстому, который и занимал этот пост в 1866–1878 гг., вплоть до своей смерти. Биографы редко пишут про этот тандем (к примеру, Барыкина упоминает Ю.В. Толстого лишь в связи с присуждением ему Уваровской премии (с. 250)). Между тем Юрий Васильевич был, пожалуй, единственным сотрудником гр. Толстого, знавшим его с молодых лет. С другими одноклассниками, среди которых — директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стremoухов, сенатор Н.П. Семёнов, учёный и публицист Н.Я. Данилевский, граф, видимо, особых отношений не поддерживал. Барыкина не без оснований называет «друзьями» гр. Толстого, хотя и «не близкими», А.Л. Жемчужникова и В.Р. Зотова, принадлежавших к XI выпуску (с. 63–65). Своим «товарищем по Лицею» считал он и Е.И. Ламанского из XIV выпуска (с. 66).

Лицеисты получали не только престижное воспитание и определённый запас знаний, но и наилучшие возможности для начала карьеры. Однако нельзя не согласиться с Барыкиной в том, что «независимо от специфики подготовки и уровня образования чиновников, бюрократический аппарат Российской империи на протяжении всего существования сохранял главную свою особенность — залогом восхождения по его ступеням было покровительство маститых вельмож» (с. 91). Само по себе это характерно, наверное, для любых иерархических систем. Особенность же ситуации, сложившейся в России в середине XIX в., заключалась именно в возникновении у «вельмож» потребности в таких сотрудниках, которые были бы сравнительно широко образованы и подготовлены к аналитической (и даже исследовательской) работе. От их способностей теперь во многом зависел успех их патронов в межведомственном соперниче-

стве за ресурсы и внимание императора, которому направлялся всё возрастающий поток докладов, записок, проектов и отчётов. Разумеется, сановники не переставали из-за этого помогать родственникам и клиентам, но теперь от них ожидалось не только лояльность, «умеренность и аккуратность», но и высокие профессиональные качества.

В первые десять лет службы гр. Д.А. Толстой, по-видимому, действительно «опирался на поддержку» своего дяди гр. Д.Н. Толстого, служившего в Министерстве государственных имуществ, а затем в МВД, и его благодетелей и друзей — статс-секретаря Н.М. Лонгинова, управлявшего Канцелярией императрицы Александры Фёдоровны, и директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД В.В. Скрипицына (с. 32–35, 91–92).

Молодого чиновника у Лонгинова поначалу явно не перегружали поручениями, по сути, позволяя ему удовлетворять интеллектуальное любопытство за казённый счёт. Правда, содержание ему выдавалось скудное (даже на холостяцкую жизнь его хронически не хватало), опыта в делах он не приобретал, на скорое повышение рассчитывать не мог. Оставалось уповать на репутацию просвещённого труженика. В сочетании с семейными и лицейскими связями она дала ему возможность в 1847 г. стать членом Русского географического общества (секретарём которого в 1845–1848 гг. состоял Головин). В конце 1840-х гг. это был по-своему уникальный центр, объединявший учёных и государственных деятелей разных поколений и ведомств и, благодаря председательству вел. кн. Константина Николаевича, приближавший их к источнику верховной власти. Одним из создателей Общества являлся В.И. Даль, входивший в число ближайших сотрудников министра внутренних дел Л.А. Перовского. Лев Алексеевич «любил окружать себя пишущими людьми» и «без просьб, без ходатайств, переводил... молодых людей, заявивших чем-нибудь себя в науке или литературе», даже если их соперниками выступали «кандидаты с сильными протекциями»⁶⁰. В результате, в мае того же 1847 г., получив за рукопись своей книги о финансовых учреждениях Демидовскую премию Академии наук (с. 162–163), граф вышел в отставку, но уже в сентябре вернулся на службу, устроившись чиновником особых поручений в департамент Скрипицына, где ему вскоре пришлось взяться за составление «истории управления иностранными исповеданиями в России» (с. 93).

Барыкина называет это задание «ответственным» (с. 92) и даже пишет про «повышенный интерес, с которым правительство следило за работой коллежского асессора», объясняя его «обострением международной обстановки в 1848–1849 гг. в связи с революционной волной, прокатившейся по Европе» (с. 175). Однако почему же революции, не имевшие ярко выраженного конфессионального оттенка, должны были отразиться на отношении к положению российских католиков и протестантов? И почему тогда в 1850 г. представленный графом компендиум отправился «в архив», если «обострившийся в начале 1850-х гг. “восточный вопрос”» (с. 175–176), наоборот, имел заметный религиозный аспект⁶¹? Всё же вернее, кажется, другое объяснение, также предложенное Барыкиной: Скрипицыну нужен был «справочный материал», причём, как вскользь упоминает исследовательница, потребовался он именно «после

⁶⁰ Мельников П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. Т. 104. Март. С. 310–311.

⁶¹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война, 1853–1856 гг. М., 2012. С. 16–65.

подписания в 1847 г. Николаем I конкордата с Ватиканом, передававшего католические монастыри под управление российского правительства» (с. 92). К сожалению, дальше этот сюжет не развивается, хотя в судьбе Скрипицына он играл немалую роль. Как вспоминал гр. М.Д. Бутурлин, Валерий Валерьевич «всячески старался не исполнять конкордата», поскольку «ему пришлось выбирать одно из двух: или прислуживаться Римской курии, или служить чисто русским интересам». Это привело к столкновениям с графами Д.Н. Блудовым и К.В. Нессельроде, и в конце 1855 г. директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий пришлось покинуть свой пост. Иными словами, Скрипицын, видя в гр. Д.Н. Толстом близкого друга и единомышленника, «чересчур ревностного ко всему, что относится до нашего вероисповедания»⁶², отправлял его племянника не просто за справками, а за материалом, который помог бы уклониться от выполнения дипломатического соглашения. Такую миссию нельзя было доверить случайному чиновнику. И вряд ли о чём-то подобном докладывалось императору, хотя формально обзор составлялся графом по высочайшему повелению (с. 93).

Неизвестно, догадывался ли о целях своих подчинённых Перовский, выступавший для Скрипицына «подпорой»⁶³. Но министру, который в конце 1840-х гг. сочувствовал обращению в православие латышей и даже втянулся из-за этого в конфликт с остзейским дворянством, подробный очерк конфессиональной политики и управления инославными мог оказаться крайне полезен. Впрочем, когда Перовскому чего-то сильно хотелось, он навязывал чиновникам лихорадочный стиль работы. Здесь же этого не наблюдалось: гр. Толстой занимался спокойно, не торопясь. Видимо, его сочинение находилось где-то на периферии забот главы МВД, которого скорее интересовало другое: объезжая в 1849 г. католические епархии Западного края, граф выполнял и «секретное поручение докладывать о настроениях священников, монахов и семинаристов» (с. 93). А в этом уже чувствовался стиль Перовского, всегда придававшего большое значение организации осведомительной работы, причём преимущественно в виде своей личной, неформальной «контрполиции», как её тогда называли⁶⁴.

Характерно, что сам гр. Толстой не сразу увлёкся заданной ему темой. Какое-то время он сочетал её разработку с иными изысканиями. Так, одновременно по заданию Перовского он подготовил в 1848 г. доклад о статистических работах при Екатерине II, опубликовав его затем в виде статьи в ведомственном журнале (с. 171). И лишь в мае 1849 г., ознакомившись с материалами собственного департамента и Святейшего Синода, граф приступил к изучению местных архивов. Причём его отъезд удивительным образом совпал с началом следствия по делу «петрашевцев». 2 мая в Петербург из Москвы под конвоем доставили лучшего друга графа — А.Н. Плещеева, посещавшего злополучные «пятницы» в Коломне, а в конце месяца Дмитрия Андреевича уже не было в столице. Вернулся он только в середине ноября, когда следственные действия закончились и судьбу подсудимых решали в Военно-судной комиссии и генерал-аудиториате. Где находился гр. Толстой 22 декабря, когда приятель, посвящавший ему стихи (с. 73, 276), ожидал вместе с остальными осуждёнными расстрела на Семёновском плацу, не установлено.

⁶² Записки графа М.Д. Бутурлина. Т. 2. М., 2006. С. 289.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: Шкерин В.А. «Поединок на шпионах»: Дело петрашевцев и политическая провокация в России. М., 2019. С. 118–123.

В 1850 г. гр. Толстой провёл ещё несколько месяцев в московских архивах и завершил свой труд только поздней осенью. К этому времени активность Перовского, достигшая пика весной 1849 г. (когда он получил графский титул), пошла на спад: изменить политику в Остзейском крае не удалось, дело М.В. Петрашевского не только не усилило, но скорее скомпрометировало МВД, раздувший его И.П. Липранди вынужден был оправдываться, кружки просвещённой бюрократии попали под подозрение, началось ужесточение цензуры, Даль в июне 1849 г. добился своего перевода на службу в провинцию... Поэтому не удивительно, что сочинение гр. Толстого в тот момент не привлекло к себе никакого внимания. Причём Скрипицына это вполне устраивало. Похоже, он остался доволен своим протее и не забывал представлять его к наградам: в 1848–1850 гг. граф получил звание камер-юнкера и чин надворного советника. В ноябре 1851 г. он, уже коллежский советник, стал вице-директором и в 1852–1853 гг. по 4–5 месяцев управлял департаментом вместо Скрипицына (с. 95).

Тем временем осенью 1852 г. гр. Перовского, назначенного министром уделов, в МВД сменил Д.Г. Бибииков. И в следующем же году гр. Толстой стал зятем нового начальника. Брак оказался крепким и удачным, хотя отношения с семьёй супруги у графа не сложились. Приданное жены наконец-то обеспечило ему прочное материальное положение, всего десять лет в его жизни отделяли крайнюю бедность от богатства, но он полагал, что тесть с тещей его обделили, и не желал с ними общаться. Разбогатеv, граф становился всё более скупым и алчным: вёл скандальные тяжбы, после 1861 г. выжимал всё, что мог, из крестьян. Но это не шло ему впрок, «состояние Дмитрия Андреевича к концу жизни уменьшилось» (с. 89).

А вот разлад с Бибииковым скорее даже способствовал карьере графа. Министр внутренних дел, отличавшийся жёстким характером, не сумел поладить с наследником престола, защищавшим польских помещиков Западного края, и в августе 1855 г. лишился своего поста. Уйдя со службы, он открыто критиковал политику нового императора. Поэтому, дистанцировавшись от тестя, гр. Толстой лишь выигрывал в глазах Александра II. К тому же граф ещё в 1853 г., через месяц после свадьбы, покинул МВД, понимая, что под началом близкого родственника продвигаться по службе будет гораздо сложнее.

И тут пригодилось давнее знакомство с Головниным, который с осени 1850 г. состоял при вел. кн. Константине Николаевиче и довольно быстро стал не только наиболее влиятельным его советником, но и другом⁶⁵. Поэтому когда в 1853 г. великий князь вступил в управление морским ведомством, именно Головнин, по свидетельству кн. Д.А. Оболенского, «начал подбирать людей», на которых мог бы опереться молодой генерал-адмирал⁶⁶. В декабре 1853 г. гр. Толстой занял пост директора Канцелярии Морского министерства. По словам Головнина, тогда «в нём предполагали большие административные способности, но вскоре оказалась ошибочность этой мысли и обнаружилось, что способности его весьма ограничены и не выше департаментского весь-

⁶⁵ Стафёрова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 46–52. Подробнее см.: Воронин В.Е. «Небывалое бывает»: генерал-адмирал русского флота в Крымской войне. М., 2024. С. 52–126.

⁶⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879 / Отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 448–449.

ма хорошего правителя канцелярии»⁶⁷. Характеризуя графа в своих мемуарах, Александр Васильевич признавал, что «он был человек весьма образованный, с многосторонними познаниями, чрезвычайно трудолюбив и способен работать долго и усердно над предметами весьма неинтересными, но в коих видел пользу для дела»⁶⁸. Между тем ни Головнин, ни Барыкина не упомянули о том, что кн. А.С. Меншиков (до весны 1855 г. находившийся в Крыму, но формально ещё остававшийся морским министром) в начале 1850-х гг. желал передать место директора Канцелярии своему адъютанту Н.К. Краббе. Того приходилось учить ведению служебной переписки, но зато он «держал себя в отношении к князю Меншикову очень хорошо»⁶⁹. Вернувшись в январе 1854 г. из Севастополя в Петербург, Краббе обнаружил, что его обошли. В июне, после очередной командировки в Крым, он удовлетворялся более скромной ролью вице-директора Инспекторского департамента, однако уже через год сидел в директорском кресле, сравнившись тем самым с гр. Толстым.

Рассматривая участие графа в «составлении проектов реформы морской администрации» и заседаниях различных ведомственных комитетов (с. 95–99), Барыкина утверждает, что «влияние Д.А. Толстого на великого князя становилось всё сильнее», и это будто бы «не могло не беспокоить» Головнина, который «решил избавиться от соперника, удалив его из окружения» генерал-адмирала (с. 99). Но подтверждения этому в книге не приводится, а дневники вел. кн. Константина Николаевича свидетельствуют скорее об обратном. Так, с октября 1858 по декабрь 1859 г. граф, докладывавший четыре раза в неделю, упомянут в них всего один раз, в первом полугодии 1860 г. — трижды. Причём два из четырёх упоминаний связаны с желанием гр. Толстого покинуть ведомство⁷⁰. О своей работе с А.В. Головниным, С.А. Грейгом, Н.К. Краббе, кн. Д.А. Оболенским, М.Х. Рейтерном великий князь писал чаще и в ином контексте.

По-видимому, в конце 1850-х гг. гр. Толстой чувствовал себя всё более неуютно. С Головниным и либеральными чиновниками он разошёлся, а для моряков остался чужаком, далёким от жизни флота, но навязывающим ей свои канцелярские формы. В 1857–1858 гг. он год лечился за границей, и в декабре 1859 г. великий князь уже «уговаривал Толстого оставаться у нас в министерстве, которое он хотел оставить, взбеленившись на [Н.Ф.] Метлина»⁷¹. Взаимопонимание с непосредственным начальником (управляющим Морским министерством) у графа явно отсутствовало. Став к 1860 г. действительным статским советником и камергером, но не видя перспективы для дельнейшего роста в чужой и отторгавшей чужих корпорации, Дмитрий Андреевич болезненно реагировал на успехи других. 22 апреля 1860 г. вел. кн. Константин Николаевич уже «говорил очень серьёзно и строго с нашим Толстым, который обиделся наградой [кн. Н.М.] Голицына (аудитора) и хотел было выходить вон»⁷². Но ещё

⁶⁷ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича / Сост. Б.Д. Гальперина и Б.П. Миловидов. СПб., 2006. С. 193.

⁶⁸ Головнин А.В. Записки для немногих / Под ред. Б.Д. Гальпериной. СПб., 2004. С. 47.

⁶⁹ Фишер К.И. Записки сенатора. М., 2008. С. 253.

⁷⁰ 1857–1861: переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1994. С. 213, 228, 243, 250.

⁷¹ Там же. С. 213.

⁷² Там же. С. 243.

более тяжёлым ударом для графа стало назначение в апреле того же года Краббе преемником Метлина. Как считал Головнин, «пожираемый честолюбием и исполненный зависти и тщеславия, он не мог помириться с мыслью, что будет под начальством контр-адмирала Краббе, который был одновременно с ним директором» (с. 99). Впрочем, помимо «зависти и тщеславия», у графа могло быть вполне прагматичное и трезвое понимание того, что с Краббе им не ужиться, и уходить лучше, не дожидаясь столкновения. Так или иначе, обязанности директора канцелярии гр. Толстой сложил 19 сентября — в тот же день, когда Краббе был утверждён в должности управляющего.

При этом Барыкина справедливо указывает на то, что у Дмитрия Андреевича имелся ещё один мотив искать новое место службы. Подготовка крестьянской реформы близилась к концу. Вел. кн. Константин Николаевич и либеральная часть его окружения всё более активно поддерживали проекты Редакционных комиссий. Гр. Толстой, напротив, сочувствовал оппозиции, критиковавшей эмансипаторов. В конце 1860 г. он даже подготовил собственную записку, получившую «широкую известность в петербургском обществе», в которой доказывал, что задуманная реформа грозит дворянству разорением, если крестьяне при освобождении получают не только усадьбу, но и надел полевой земли. Характерно, что «император назвал записку “пасквилем”, свидетельствующим о “неблагонамеренности или совершенном незнании дела”» (с. 83–84). Если бы гр. Толстой по-прежнему служил в морском ведомстве, подобное выступление вело бы к прямому столкновению с темпераментным генерал-адмиралом, что могло обернуться катастрофой для фрондирующего чиновника.

Но следует ли из этого, будто «в борьбе двух бывших однокашников за влияние на великого князя Константина Николаевича Д.А. Толстой потерпел поражение», поскольку «Головнин оказался хитрее», а «Толстой так и не стал настоящим “константиновцем”, оставаясь на консервативных позициях» (с. 100)? Скорее стоит задуматься о том, что же на самом деле представляли собой «константиновцы». В морском ведомстве в 1850-е гг. собралась (а в 1860-е гг. столь же «дружно» из него вышла) крайне пёстрая и разнородная команда. Она включала не только либеральных западников (Головнин, Рейтерн) и славянофилов (кн. Оболенский), но и умеренных (С.А. Грейг) и крайних (гр. Толстой) консерваторов, ревнителей православия (Б.П. Мансуров), технократов (А.В. Воеводский), бесцветных (Д.Н. Набоков) и циничных (Краббе) оппортунистов и проч. Все они в той или иной мере пользовались протекцией августейшего патрона, что отнюдь не делало их чем-то единым и не превращало в некое подобие «группировки». Это была рыхлая клиентела, в которой слаженное взаимодействие наблюдалось ничуть не реже, чем острые конфликты. Тот же гр. Толстой, не теряя поддержки вел. кн. Константина Николаевича (как в крупных государственных делах, так и в межведомственных спорах), не раз вступал в противоборство с другими «константиновцами» — Головинным, кн. Оболенским, Грейгом.

Поэтому отставка 1860 г. для гр. Толстого являлась не столько «поражением», сколько предусмотрительным отступлением, позволившим сохранить политический потенциал. Ещё труднее говорить о какой-либо победе Головина. Ведь если гр. Толстой был приглашён по его рекомендации, то на выбор его преемника Александр Васильевич уже не влиял. В итоге графа заменил Грейг — ещё один адъютант кн. Меншикова, блестящий конно-гвардейский офицер, сын и внук прославленных адмиралов, обладавший широкими связями как

в морских, так и в аристократических кругах, и прекрасно подходивший для Краббе. Если уж говорить о борьбе за влияние на великого князя, то в морском ведомстве победа досталась не вкрадчивому Головнину и не упрямому и резкому гр. Толстому — оба они с разницей в считанные месяцы покинули министерство, оставив его Краббе и Грейгу. Причём, в отличие от просвещённых бюрократов Головнина и гр. Толстого, Краббе, по выражению Д.А. Милютин, был «топорный, малообразованный», «грубый до цинизма, шутник, сквернослов». «Краббе, — отмечал в дневнике военный министр, — прикрывал свою хитрость и изворотливость постоянным юмором и паясничеством; никто не говорил с ним серьёзно, а между тем он умел забрать в свои руки всё морское ведомство, сделаться правой рукой генерал-адмирала Константина Николаевича, и пользовался расположением всех членов императорской фамилии». Но цена такого успеха оказалась немалой: в 1876 г. он скончался после длительного психического расстройства⁷³.

Расставшись с морским ведомством, гр. Толстой на какое-то время увлёкся критикой Редакционных комиссий, ездил в деревню наблюдать за началом реализации Положений 19 февраля 1861 г. Вернувшись осенью из деревни, граф говорил, что «года через два — в 1863 году — у нас откроется резня»⁷⁴. Пока же он числился членом Главного правления училищ в Министерстве народного просвещения. Там его консервативное настроение пришлось как нельзя кстати, особенно когда министром стал адмирал гр. Е.В. Путятин, попытавшийся пресечь брожение в университетах, но лишь вызвавший своими распоряжениями новые беспорядки. К тому же адмирал плохо сходил с людьми. Директор Департамента народного просвещения И.Д. Делянов и вице-директор А.С. Воронов ушли в ноябре 1861 г. в отставку, и министр обратился к гр. Толстому, охотно согласившемуся принять директорский пост. Более того, стараясь оправдать доверие, Дмитрий Андреевич всячески дистанцировался от либеральной бюрократии, к которой консервативные моряки после опытов 1850-х гг. относились с предубеждением. 3 декабря министр внутренних дел П.А. Валуев отметил в дневнике, что «Толстой ненавидит Головнина и рассказывает про него и про Оболенского чёрные были». Но уже не оставалось сомнений, что «Путятин решительно выходит», хотя «не знают, кем его заменить»⁷⁵. Не исключено, что гр. Толстой питал даже надежды на повышение. Однако 25 декабря Александр II поставил во главе учебного ведомства Головнина. В тот же день гр. Толстой пополнил ряды сенаторов.

Внешне вручение министерского портфеля приближённому вел. кн. Константину Николаевича выглядело как триумф и самого генерал-адмирала, и Головнина. Но если это и была победа, то пиррова. Сосредоточившись на ведомственных хлопотах, Головнин неизбежно отдалялся от великого князя, на которого всё больше влияли другие люди. Если раньше генерал-адмирал нуждался в интеллектуальной помощи своего личного секретаря, то теперь Головнину то и дело требовалась политическая поддержка патрона. Выигрывая в статусе, он терял источник своей силы — постоянную близость к брату императора, позволявшую направлять его шаги.

⁷³ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 28–29.

⁷⁴ Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 2. Л., 1955. С. 241.

⁷⁵ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 131.

Тем временем гр. Толстой, не найдя себя в судебном ведомстве, где спешно готовились масштабные преобразования, и наблюдая за обострением обстановки в Польше и Западном крае, вспомнил про своё давнее сочинение о католицизме и при содействии Валуева и Скрипицына, проживавшего тогда за границей, опубликовал его в 1863–1864 гг. в Париже (с. 176–178). Если граф хотел напомнить о себе, то это ему удалось. Барыкина убедительно показывает связь между данной публикацией и назначением её автора в 1865 г. обер-прокурором Святейшего Синода (с. 101–102).

Впрочем, едва ли оно состоялось под влиянием «противостояния с католической Европой» (с. 101) и вследствие того, что «участились нападки европейской прессы на действия российского правительства» (с. 102). С этим вполне справлялись кн. А.М. Горчаков и М.Н. Катков. А вот выбор руководителя духовного ведомства представлял для Александра II непростую задачу. После смерти в 1855 г. гр. Н.А. Протасова обер-прокуроры Святейшего Синода гр. А.П. Толстой (1856–1861) и А.П. Ахматов (1862–1865), будучи глубоко верующими людьми, по сути, не столько осуществляли государственный надзор за духовенством, сколько являлись представителями Церкви и её интересов в правительственных сферах. Тот же Ахматов категорически отказывался исполнять повеления царя, направленные на расширение веротерпимости. В частности, он противился отказу от принуждения к воспитанию в православии детей от смешанных браков, что и послужило поводом к его отставке. Но замену ему не удавалось найти несколько месяцев. Поиски осложнялись тем, что требовался чиновник, способный разобраться в проблемах церковной жизни и регулировать их в интересах государства, не вызывая подозрений в каких-либо уступках полякам, католикам и т.д.

Граф Д.А. Толстой оказался в этом отношении находкой: критик папизма и твёрдый государственник, он, в отличие от того же Ахматова, не тянулся ни к церковникам, ни к «русской партии», но и не принадлежал к её «полякующим» оппонентам. Любопытно, что даже в 1867 г. современники видели в обер-прокуроре не консерватора и реакционера, а нечто совершенно иное. Так, 29 ноября 1867 г., сообщая Ю.Ф. Самарину о похоронах митрополита Филарета (Дроздова), И.С. Аксаков сетовал на то, что «теперь скоро придётся бороться против бюрократических и канцелярских прогрессивных исправлений Церкви Толстого»⁷⁶. Барыкина весьма удачно подметила, что «он провёл преобразования внутри духовного ведомства таким образом, что направления их — административное, образовательное и экономическое — повторяли реформы Морского министерства» (с. 97). Книга убеждает и в том, что каноническое устройство Церкви и её внутренний уклад были для обер-прокурора ничуть не ближе, чем повседневные будни флота (с. 102–115). Лучше всего ему удавалось наведение порядка в синодальном делопроизводстве и устройство архива (с. 111–113).

Неудивительно, что для духовенства он все 15 лет своего управления оставался таким же чужаком, как и для моряков. Едва ли не единственным иерархом, с которым граф сумел наладить тесное сотрудничество, являлся архиепископ Литовский и Виленский (1868–1879), а затем митрополит Московский и Коломенский (1879–1882) Макарий (Булгаков), которого Барыкина называет

⁷⁶ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Публ. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведова. СПб., 2016. С. 245.

«соратником Толстого» (с. 114). Видимо, это было далеко не случайно и во много объяснялось сходством личных черт и наклонностей. Характерно, что преемник гр. Толстого К.П. Победоносцев, беседа 10 июня 1882 г. с митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Исидором (Никольским), весьма нелицеприятно отзывался о преосвященном. По его словам, «он был только учёный человек, но для Церкви ничего не сделал, а во время пребывания в Вильне множество распустил людей в католичество», «очень редко служил и прятался от народа», а также «не умел обращаться с людьми ласково», из-за чего «в Москве его не любили»⁷⁷.

Тем не менее Александр II был явно доволен своим выбором и деятельностью гр. Толстого в Синоде. Это отчётливо выразилось в решении объединить в его руках духовное и учебное ведомства, которое император принял вскоре после каракозовского покушения 1866 г. Барыкина считает, что «назначение Толстого явилось следствием усиления в правительстве позиций консерваторов», лидером которых стал гр. П.А. Шувалов, вступивший через несколько дней в должность шефа жандармов (с. 116). Между тем сам гр. Шувалов заявлял летом 1881 г.: «За Толстого я ни в чём не ответствен; он назначен министром за четыре дня до моего собственного назначения»⁷⁸. Действительно, обстоятельства перестановок, происходивших в правящих кругах в 1866 г., выглядят несколько сложнее, чем обычно изображается в историографии.

К началу 1866 г. отставка Головнина была практически предрешена⁷⁹. При этом критика его управления в значительной мере отражала не полемику «либералов» и «консерваторов», а споры вокруг политики умиротворения, проводившейся вел. кн. Константином Николаевичем по указанию Александра II в Польше в 1862–1863 гг. Вызвав открытый мятеж, она скомпрометировала и самого генерал-адмирала, и его приверженцев. Головнина, как первого из них, атаковали сильнее других. И основную роль здесь играли «Московские ведомости», которые в середине 1860-х гг., когда они отстаивали «милютинскую систему» в Польше и русификацию Западного края, трудно отнести к консервативной печати.

Отставка Головнина естественно должна была ударить по великому князю. Но царь, видя, что министр народного просвещения превратился в источник проблем, вовсе не желал ослаблять положение своего брата, репутация которого заметно пострадала в 1863–1864 гг. Напротив, император его всячески усиливал, сделав в 1865 г. председателем Государственного совета. Поэтому замену Головнину он искал среди бывших «константиновцев». Гр. Толстой подходил на эту роль как нельзя лучше. И не случайно слухи о его назначении министром народного просвещения ходили в столице ещё до покушения Каракозова⁸⁰. Весьма показательно, что 13 апреля, узнав об увольнении своего друга и протеже, великий князь сразу же бросился объясняться во дворец, но после бурной сцены с объятиями и слезами вышел из императорского кабинета

⁷⁷ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 450, л. 134. «Даже об[ер]-пр[окурор], — вновь писал владыка несколько дней спустя, — по смерти его, выразился: “Впрочем, что же он сделал для Церкви? В Вильне множество православных (18 деревень) уступил католикам. Был учёный, — и больше ничего!”» (Там же, л. 137).

⁷⁸ Половцов А.А. Дневник. 1859–1882 / Публ. О.Ю. Голечковой, С.В. Куликова, К.А. Соловьёва. Т. 2. М., 2022. С. 435.

⁷⁹ Стафёрова Е.Л. А.В. Головнин... С. 221–400.

⁸⁰ Там же. С. 389–390.

примирённым⁸¹. Звучавшие же тогда рассуждения о желательности какого-то особого взаимодействия духовного и учебного ведомств больше напоминали отговорку: от гр. Толстого, которого обвиняли в секуляризации духовной школы, меньше всего стоило ожидать клерикализации светского образования.

Очутившись во главе Министерства народного просвещения без внятной программы действий и проверенных временем помощников, гр. Толстой сделал беспроигрышную ставку на врагов своего врага, найдя поддержку у Каткова и его сотрудников. Одна из ключевых проблем, с которой сталкиваются исследователи политики гр. Толстого 1866–1880 гг., заключается в том, чтобы определить, в какой мере министр проявлял собственную инициативу и насколько он зависел от рекомендаций своих чиновников и редакции «Московских ведомостей». К сожалению, в книге Барыкиной окружение гр. Толстого именно этого времени представлено как-то блёкло. Даже П.М. Леонтьев, по верному замечанию исследовательницы — «один из авторов школьной реформы», упомянут в монографии всего один раз и то — как соученик гр. Толстого по Дворянскому институту (с. 54). А.И. Георгиевский появляется в тексте дважды — в перечне членов комитета, готовившего праздник по случаю десятилетия со дня назначения графа министром, и среди тех, кто не покинул Дмитрия Андреевича в 1880 г. (с. 128, 132). Товарищи министра И.Д. Делянов и кн. А.П. Ширинский-Шихматов также не удостоились не только развёрнутой (как, например, гр. Д.Н. Толстой или А.Н. Плещеев), но и краткой характеристики.

Гораздо лучше освещены Барыкиной «подводные камни гимназической реформы» 1871 г. (с. 115–126). Осуществив её со свойственной ему решительностью, граф, по словам исследовательницы, «показал себя... не только убеждённым, но и деятельным сторонником “охранительного направления”» (с. 116–117). Но следует ли усматривать в спорах о «классическом» и «реальном» образовании непременно столкновение «охранителей» и «либералов»? Идея резкого увеличения роли древних языков в гимназическом курсе исходила от катковского кружка, вдохновлявшегося заветами Т.Н. Грановского. Поначалу «классицизм» ассоциировался с уваровской гимназией «замечательного десятилетия», а «реализм» — с её ломкой в годы «мрачного семилетия» (которую все признавали крайне неудачной и вредной). И Головнин, и гр. Толстой с большим пиететом относились к гр. С.С. Уварову и апеллировали к его наследию. Собственно и Головнина критиковали именно за «непоследовательный» классицизм. И только в пылу полемики «реализм», т.е. отказ от древних языков как основы обучения, стали обвинять в насаждении материализма, нигилизма и чуть ли не крамолы, забыв, что ранее едва ли не главным «реалистом» был Николай I.

При обсуждении проекта реформы, предложенного гр. Толстым, в правительственных сферах чёткого размежевания между охранителями и либералами опять же не наблюдалось. В Особом присутствии против него выступали не только Головнин и Милютин, но и известный своим консерватизмом (и одновременно глубоким классическим образованием) гр. В.Н. Панин, инженер николаевской школы генерал К.В. Чевкин, президент Академии наук адмирал гр. Ф.П. Литке, а также товарищ министра финансов Грейг, близкий в то

⁸¹ Подробнее см.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 87–92.

время и к генерал-адмиралу, и к гр. Шувалову. Сам же вел. кн. Константин Николаевич, когда дебаты продолжились в общем собрании Государственного совета, солидаризировался с гр. Толстым. Как вспоминал гр. Милютин, «председатель на этот раз держал себя не беспристрастно: он явно клонил в пользу классиков, не давал высказаться противной стороне и даже не допускал вовсе общих суждений об основной идее проекта»⁸². В то же время гр. Шувалов не скрывал равнодушия к сути дискуссии: «Не думаешь ли ты, — говорил он Альбединскому, — что меня занимают эти скучнейшие распри о классицизме и реализме? Я стою на стороне Толстого только потому, что он принадлежит к моей партии и никогда не изменит мне»⁸³. Видимо, под влиянием великого князя и шефа жандармов Грейг изменил свою позицию. «Нас удивило, — писал позднее Милютин, — что и гр. Панин, стоявший прежде решительным противником этих проектов, теперь перешёл на сторону ультраклассицизма. Говорили, что он передался из одного лагеря в другой вследствие личных объяснений с ним Государя»⁸⁴. Тем не менее голосовал гр. Панин вместе с большинством, отвергшим предложения министра народного просвещения. К нему примкнули и весьма консервативные генералы П.Н. Игнатьев и министр внутренних дел А.Е. Тимашев, а также председатель Комитета министров кн. П.П. Гагарин. К меньшинству же присоединились как «шуваловец» министр юстиции гр. К.И. Пален, так и его будущий преемник — «константиновец» Д.Н. Набоков, и предшественник — Д.Н. Замятнин, продвигавший судебную реформу 1864 г.⁸⁵

Едва ли верно и то, что основной спор шёл о предоставлении права на поступление в университет исключительно выпускникам классических гимназий (с. 117, 122–123). Во всяком случае, ни Головин, ни Милютин не придавали этому принципиального значения. Важнее для них было то, чтобы «реальные» учебные заведения имели общеобразовательный, а не узкопрофессиональный характер⁸⁶. Катковцы же, включая гр. Толстого, напротив, настаивали на том, что полноценное среднее образование может базироваться исключительно на изучении древних языков, и категорически не допускали какой-либо альтернативы, справедливо опасаясь, что при её наличии классические гимназии могут и опустеть.

Сам по себе такой подход не вызывает у Барыкиной особых возражений. Она напоминает, что «широта образования, дававшегося в классической гимназии, признавалась современниками», и именно «из “толстовских” гимназий вышли поэты Серебряного века». Однако «разумной идее вредило её неразумное воплощение» (с. 125). Действительно, «классическое образование» в катковско-толстовской гимназии предполагало не столько чтение античных авторов (не говоря уже о святоотеческих творениях), сколько решение филологических ребусов, рассчитанных на зубрёжку исключений из грамматических

⁸² Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 380. Феоктистов связывал это с тем, что «Катков сумел проникнуть даже к нему» (Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 184).

⁸³ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 183.

⁸⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873. С. 380.

⁸⁵ См.: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 523–524.

⁸⁶ Головин А.В. Записки для немногих. С. 261–273, 308–310, 489–491; Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873. С. 372–381.

правил. При острой нехватке учителей это, естественно, существенно затрудняло усвоение материала, поощряло педагогический произвол, вело к значительному отсеву и сокращению числа учащихся в старших классах (с. 123–126).

Страдали от этого отнюдь не только представители малообеспеченных слоёв. Более чем состоятельный М.Т. Лорис-Меликов рассказывал в 1875 г. М.П. Погодину, что не нашёл гувернёра, владеющего латинским и греческим языками, хотя предлагал жалование в несколько тысяч рублей. «А беднейшие родители как?», — недоумевал генерал⁸⁷. Сыну П.А. Валуева из-за проблем с получением аттестата пришлось сдавать экзамены по курсу военных гимназий, не подчинявшихся гр. Толстому⁸⁸. Неудивительно, что именно в высшем обществе насаждение классицизма вызывало едва ли не наибольшее раздражение (с. 126–129). Вместе с тем, объективно описывая издержки политики графа, Барыкина полагает, будто «стремление добиться быстрого эффекта в деле воспитания молодёжи диктовало чрезвычайные методы осуществления преобразований. Что, в общем-то, было свойственно всем российским реформам» (с. 123). Но какие же «чрезвычайные методы» применялись в ходе земской, судебной или военных реформ? Почему ранее без них обходились, преобразовывая гимназии, Уваров и Головнин?

Впрочем, переменами в среднем образовании деятельность графа не ограничивалась. «Несмотря на общественное недовольство, — пишет Барыкина, — под напором “консервативной партии” Д.А. Толстой решительно проводил охранительную линию. Он усилил контроль над начальными народными училищами и занялся подготовкой нового университетского устава» (с. 130). К сожалению, в данном случае не уточняется, кто именно составлял эту «партию» — сторонники гр. Шувалова (летом 1874 г. утратившего бывшее влияние) или всё тот же катковский кружок, подбивавший графа на реформирование университетов? Однако о необходимости ограничения или полной отмены автономии профессорских коллегий на Особых совещаниях середины 1870-х гг. говорили не только консерваторы, но и либералы Милютин и Рейтерн. Более того, гр. Толстой наименее охотно согласился тогда на этот шаг, понимая, что именно на него обрушится негодование профессуры и студентов⁸⁹. Меры же, предпринятые графом в отношении народных школ, одобрялись даже его оппонентами. В 1880 г. в отзыве на министерский отчёт за 1878 г. Головнин признавал: «Неоспоримыми и весьма важными заслугами нынешнего Министерства народного просвещения являются учреждение значительного числа учительских семинарий, учреждение инспекторов начальных училищ и постоянное увеличение числа инспекторов и создание министерских одноклассных и двухклассных начальных народных училищ». Ему даже не верилось, что все эти школы существуют не только на бумаге, но и на деле. Правда, по мнению Александра Васильевича, их численность следовало увеличить ещё больше⁹⁰. Между тем именно при устройстве народной школы гр. Толстой был свободен от своих московских опекунов.

В 1880 г., по словам Барыкиной, «правительство удалило Толстого как символ консервативного направления, чтобы продемонстрировать обществу свою

⁸⁷ ОР РГБ, ф. 231, к. 37, д. 2, л. 7.

⁸⁸ Там же, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 3–4.

⁸⁹ Подробнее см.: *Мамонов А.В.* Правящая бюрократия и высшее образование в России в середине 1870-х гг. // *Российская история.* 2017. № 6. С. 24–51.

⁹⁰ ОР РНБ, ф. 208, д. 136, л. 17–18; РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 16, л. 61–62.

готовность к либеральным преобразованиям». Тем самым «император решился пожертвовать своим верным министром ради успокоения общественного мнения» (с. 130—131). Но тут же уточняется, что непосредственным поводом для отставки графа послужило его столкновение с далеко не либеральным министром внутренних дел Л.С. Маковым. Как же это соотносилось?

Граф Толстой и впрямь был настолько непопулярен, что сперва Ф.Ф. Трепов (в декабре 1879 г.), а затем гр. М.Т. Лорис-Меликов (в апреле 1880 г.), возглавлявший тогда Верховную распорядительную комиссию, настойчиво рекомендовали Александру II отказаться от «классической системы» и услуг министра, настраивавшего общество не только против себя, но и против правительства⁹¹. Царь на эти призывы не реагировал. Однако положение Дмитрия Андреевича усугублялось тем, что он находился в состоянии личной вражды с заметно усилившимися в конце 1870-х гг. графами Милютиным и Валуевым. Им были недовольны великие князья Александр Александрович и Константин Николаевич. Когда же к числу его недоброжелателей прибавился гр. Лорис-Меликов (схлестнувшийся с гр. Толстым ещё в 1879 г.), министр народного просвещения оказался буквально в кольце врагов, готовых обрушиться на него в любую минуту. Стоило ему неосторожно намекнуть в кулуарах Комитета министров на то, что Маков и Валуев небескорыстно помогают раскольникам, как его слова тут же передали, и Маков, уверенный в общем сочувствии, потребовал извинений и уже готовился к дуэли. Императору пришлось успокаивать не публику, а своих же сановников, включая наиболее близких. Гр. Толстой превратился в такой же, если не больший, источник конфликтов и проблем, как некогда Головнин. Поэтому неудивительно, что, объявляя графу об отставке, Александр II, любивший повторяться, произнёс почти дословно ту же фразу, которой в 1866 г. провожал его предшественника (с. 131).

Впрочем, если непопулярность гр. Толстого способствовала его «падению» в 1880 г., то она же стала залогом его возвращения к власти в 1882 г., теперь уже в роли министра внутренних дел. После «либеральной системы» гр. Лорис-Меликова и заигрывания гр. Н.П. Игнатьева со славянофилами Александру III понадобился во главе МВД человек, в принципе не способный выстраивать какие-либо отношения с обществом. гр. Толстой подходил для этого идеально.

Внешне всё выглядело как установление или «возвращение» твёрдой власти, чему порою сочувствовали не только консерваторы. 12 июня гр. Милютин отметил в дневнике: «Великий князь [Константин Николаевич], всегда покровительствовавший графу Толстому и давший ему ход в службе, ожидает полезных для дела результатов от твёрдости характера и самостоятельности нового министра внутренних дел, в противоположность “шатанию” графа Игнатьева, вследствие известной его изворотливости и лживости. Почти в том же смысле высказывается и А.В. Головнин в своём письме ко мне». Сам же Дмитрий Алексеевич был поражён случившимся: «Назначение это не только странно, оно чудовищно... Граф Дм. Толстой сделался ненавистным для всей России, притом он — олицетворённая неспособность; справиться с таким обширным министерством... при настоящих обстоятельствах он, конечно, не в силах, даже и под руководством Каткова»⁹².

⁹¹ ОР РГБ, ф. 120, к. 12, д. 21, л. 24; Былое. 1918. № 4—5. С. 157—158, 160—161.

⁹² Милютин Д.А. Дневник. 1882—1890 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 44, 46.

Ещё любопытнее была реакция столичного митрополита Исидора (Никольского), который симпатизировал гр. Игнатьеву, видя в нём «истаго рускаго». «Евреи торжествуют! И не без основания», — писал он в дневнике 30 мая 1882 г., приводя ряд историй о сделках гр. Толстого с С.С. Поляковым, о полученных от него взятках и т.п. «Теперь жида, не терпевшие Игнатьева и величавшие его Аманом, возлагают всю надежду на ходатайство Полякова и благодетеля его Толстова», — заключал владыка⁹³.

Характерно, что Победоносцев, рекомендовавший гр. Толстого императору, не опасался встретить в нём соперника и нажать врага (хотя Дмитрия Андреевича не могло не коробить то, как новый обер-прокурор обращался с его наследием). Да и сам Александр III, весной 1881 г. подозревавший либеральных министров в том, что они хотели его «забрать в свои лапы и закабалить»⁹⁴, не ожидал от гр. Толстого ничего подобного. По словам Барыкиной, «от Толстого даже не потребовали представить программу будущих действий. Сама его фигура олицетворяла охранительное направление» (с. 135). Так от него и ждали именно «олицетворения», а вовсе не «программы» или «действий». Напротив, попытка согласовать общую правительственную программу и стала причиной отставки гр. Лорис-Меликова.

В силу своих личных качеств гр. Толстой заведомо не мог сформировать какую-либо команду единомышленников как в правительстве, так и в собственном министерстве. В 1880 г. от него не отвернулись лишь пять-шесть прежних сотрудников. Его предал даже Катков, с которым граф с тех пор не желал общаться. В 1882 г., вступая в должность, министр внутренних дел «принял только директоров, а с прочими чиновниками не захотел видаться». «Он совсем недоступен», — констатировал митрополит Исидор, услышав об этом от Е.В. Богдановича⁹⁵. Из тех, с кем работал раньше, граф позвал в новое ведомство одного Феофистова, возглавившего в 1883 г. Главное управление по делам печати. По сути, это означало передачу контроля над прессой в руки катковской литературно-политической партии.

За внешней оболочкой носителя «твёрдой власти» скрывался нелюдимый, разочарованный и ожесточённый интеллектual, часто болевший и ограничивавшийся ведением текущих дел и преследованием газет и журналов. Принимая в 1882 г. царское предложение, он декларировал свою неприязнь к «мужицкой России», осудил «все главные реформы последнего царствования», объявил о негодности земства и необходимости не то искать помощи у дворянства, не то, наоборот, помогать благородному сословию⁹⁶. Но из всего этого сходу получилось только «дать всем успокоиться от бесконечных тревог, бывших со времени Лориса и Игнатьева» (с. 134–135). Ему остро не хватало поводыря, пока он не нашёл его в А.Д. Пазухине, очаровавшись его сословной утопией. В по-

⁹³ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 450, л. 129. Схожие ожидания выражал, разговаривая 12 июля с А.А. Половцовым в Мариенбаде, берлинский банкир Г. фон Блехрёдер, близкий к кн. О. фон Бисмарку и Ротшильдам. «Русское правительство, — утверждал он, — действиями Игнатьева восстановило против себя евреев целой Европы, а евреи имеют на биржах большое влияние. Правда, теперь гр. Толстой совершенно изменил политику правительства по этому вопросу, но этого мало» (Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 481–482).

⁹⁴ Цит. по: Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 3. М., 2009. С. 248.

⁹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 450, л. 138.

⁹⁶ Половцов А.А. Указ. соч. С. 480, 490–491.

следние годы жизни граф снова боролся с судебным ведомством и большинством Государственного совета, готовился ломать действовавшие институты, внося не столько порядок, сколько разлад в местное управление и провоцируя конфликт с реальным дворянством (сидевшим в земстве) ради усиления воображаемого. Впрочем, граф скончался, так и не вкусив плодов с искусственного дерева затеянных контрреформ.

Но, как ни странно, существовало учреждение, в котором гр. Толстой был удивительно органичен и конструктивен, где он не создавал, а гасил возникавшие конфликты. Таковым являлась Петербургская академия наук, где граф провёл семь лет в президентском кресле. Страницы, посвящённые этой части его биографии (с. 218–241), наряду с описанием графской библиотеки в имении Маково (с. 145–152), принадлежат к наиболее удачным и запоминающимся разделам монографии. Почему же во главе учёного сословия граф вёл себя осторожно и уважительно, стараясь не навредить делу? Возможно, ему самому там было намного уютнее, чем в духовном, учебном или полицейском ведомствах. Похоже, именно там он чувствовал себя ближе к вечности. Просвещённый реакционер, он не любил время, в которое ему довелось жить, и был невысокого мнения о своих современниках. Его вдохновляла безвозвратно ушедшая эпоха Екатерины II, с её нравами, вкусами, героями. Но с ней он соприкасался только в библиотеке и в учёных беседах, ненадолго отвлекавших от злобы дня.

Монографию дополняют хорошо подобранные приложения. Среди них генеалогические схемы (с. 272–275), стихи, посвящённые гр. Толстому — от романтической лирики до резких эпиграмм (с. 276–283), список трудов графа (с. 283–285) и грустные, но очень выразительные фотографии руин его усадьбы, напоминающие о бренности бытия и исподволь примиряющие читателя даже с такими деятелями прошлого, как гр. Д.А. Толстой. В целом же, книга И.Е. Барыкиной будит мысль и не оставит читателя равнодушным⁹⁷.

⁹⁷ Огорчает лишь то, как с ней обошлось издательство, сэконобившее на редактуре. Текст пестрит досадными описками и опечатками. Так, на первой же странице «Пролога» сказано, что между 1811 и 1843 г. «минуло четыре десятилетия» (с. 4). Далее говорится про «63 года чиновничьей карьеры» гр. Толстого (с. 6), хотя на службу он поступил в 1843, а скончался — в 1889 г., прожив всего 66 лет. Причём МВД он возглавил в 1882 г. «на девять лет» (с. 6). Епископ Рижский Филарет (Гумилевский) назван «главой прибалтийской православной церкви» (с. 38), Головин — «статс-секретарём» вел. кн. Константина Николаевича (с. 99). Академия наук в книге просит «о содействии Сибирской экспедиции Н.Х. Бунге» (с. 230), а не А.А. Бунге. Русские чиновники будто бы создавали в Лифляндии «противовес помещикам-католикам» (с. 37), а в планы Петербурга входила «организация управления католическим населением таким образом, чтобы вывести его из духовного подчинения Ватикану». Причём происходило это «после разделов Речи Посполитой и вхождения её западных территорий в состав Российской империи» (с. 172), и т.д., и т.п.

Никита Башнин, Марина Черкасова

Епархиальное устройство в Центральной России и начало петровских реформ*

Nikita Bashnin

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences),

Marina Cherkasova

(Vologda State University, Russia)

Eparchial structure in Central Russia and the beginning of Peter the Great's Reforms

DOI: 10.31857/S2949124X24040227, EDN: FECLJZ

В новейшей отечественной и зарубежной историографии активно изучаются преобразования Петра I¹. Специальное внимание уделяется его церковным реформам и, в частности, их начальному этапу, о котором до сих пор мало известно. В последние годы сформировался пристальный интерес к комплексу переписных книг церковно-монастырских учреждений начала 1700-х гг., сохранившихся в фонде Монастырского приказа в РГАДА (ф. 237). Поэтому большое значение имеет выход монографии И.Н. Шаминой о Коломенской епархии на рубеже XVII–XVIII вв. и коллективного труда об имущественном и правовом положении высшего духовенства в указанный период².

Обращение к переписным материалам Коломенского архиерейского дома, монастырей и приходских церквей в монографии Шаминой является логическим продолжением предыдущих исследований³. Отметим источниковую фундированность книги, органично сочетающей научно-исследовательскую и археографическую составляющую.

Хотя в последние годы возобновился интерес к истории архиерей-

ских домов, традиция изучения которых прервалась после выхода работ И.М. Покровского и Б.Д. Грекова в первой трети XX в.⁴, Коломенский архиерейский дом, как отмечает во введении Шамина, ранее специально не изучался, что отчасти обусловлено плохой сохранностью его документации (с. 11). Теперь благодаря её архивным изысканиям и археографическому труду сведения о Коломенской кафедре стали широко доступны.

Книга имеет продуманную структуру. Научные наблюдения автора изложены в четырёх разделах, включающих 15 глав и шесть приложений. Первый раздел посвящён истории изучения переписных книг 1701–1702 гг. и переписи, осуществлённой Монастырским приказом на начальном этапе церковных преобразований Петра I⁵. В таблице 1 (с. 39–41) впервые собраны сведения о 40 стольниках и дворянах, работавших в 1701–1703 гг. над составлением описаний архиерейских домов, монастырей и приходских церквей на территории многих уездов Российского государства. Под руководством этих людей был создан обширный комплекс исторических источников, к которому многие годы обращаются учёные.

* *Шамина И.Н.* Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 578 с.

Наблюдения Шаминой (с. 22) корректируют устоявшееся в историографии мнение И.А. Булыгина о широких хронологических рамках переписных мероприятий: 1701–1705 гг.⁶ Установленная ею хронология переписи в Коломенской епархии с апреля–мая 1701 г. по июль 1702 г. приведена в приложении 2 (с. 364–367). Однако отметим, что сейчас известен как минимум один документ, датируемый 1705 г., — это опись Соловецкого монастыря, выявленная А.А. Богомазовой в музее «Московский кремль»⁷. В 1705 г. был описан кандалакшский Пречистенский монастырь. С.А. Никонов высказал предположение, что эта перепись проводилась в рамках общегосударственной, организованной Монастырским приказом, однако потом скорректировал свою точку зрения и пришёл к выводу, что документ возник при «отводе» монастыря от строителя Александра к строителю Пахомию⁸. Таким образом, вопрос о временных рамках проведения переписи на начальном этапе церковной реформы Петра I остаётся дискуссионным и требует дальнейшего исследования.

Во втором разделе Шамина приводит сведения о Коломенском архиерейском доме и епархии, одной из самых древних в составе Русской Церкви, но сравнительно небольшой по территории. Её архив сохранился хуже, чем, например, Новгородской или Вологодской кафедр, и остаётся ещё недостаточно разработанным (главы 1–2). Автором дан обзор 15 монастырей и пустыней, расположенных как в городах (Коломна, Кашира, Орёл, Тула, Крапивна и др.), так и в сельской местности, мужских и женских, вотчинных и безземельных (глава 3). По большинству из них переписные книги 1701–1702 гг. обнаружены и только по двум — Богоявленскому в Венёве и Спасо-

Преображенскому в Ефремове — подобные описания не уцелели или пока ещё не выявлены.

Одним из принципиально важных наблюдений исследовательницы стало то, что Коломенская епархия состояла из двух частей. На представленной в книге карте (с. 74) показаны её границы, названы соседние епархии (Патриаршая область, Крутицкая, Рязанская, Воронежская) и обозначены основные монастыри. Заметим, что похожее явление имело место и на севере — Вологодская и Великопермская епархия так же состояла из двух частей, разделённых между собой владениями ростовского архиерея. После преобразований в 1657 г. епархиальная территория Вологодского и Белозерского архиепископа Маркелла стала более монолитной⁹. Эти наблюдения выводят на повестку дня проблему пересмотра и усовершенствования карты средневековых русских епархий, изданной И.М. Покровским¹⁰. Стоит отметить, что при картографировании границ епархий и Патриаршей области можно опираться на окладные книги церквей XVII в., подчинённых тому или иному архиерею.

В третьем разделе монографии рассмотрены положение Коломенской епархии в начале XVIII в. и непосредственный процесс её описания в 1701–1702 гг., осуществлённый стольниками И.В. Кикиным и М.Т. Толубеевым (с. 131–142). Для источниковедческой разработки переписных книг начала 1700-х гг. важны наблюдения автора над преамбулами описаний коломенских монастырей, по которым устанавливается смысловая связь с петровскими указами 31 января и 11 марта 1701 г. об улучшении монашеского быта и искоренении накопившихся в нём недостатков. На их основе были составлены наказы переписчикам Монастырского приказа (своего рода «должностные ин-

струкции»), с которыми они приезжали на места (с. 349)¹¹.

Больше 20 лет (1681–1704) Коломенской кафедрой управлял архиепископ Никита (Тотемский), на время которого пришлось государственная перепись архиерейских кафедр и церковно-монастырских владений. Ранее он возглавлял Кирилло-Белозерский монастырь, где при нём были построены новые каменные стены с башнями¹². Став архиереем, он продолжил свою строительную деятельность в Коломне. Шамина подчеркнула, что при архиепископе Никите была сооружена каменная колокольня при Успенском соборе, на архиерейском дворе возведён каменный архиерейский дом, некоторые деревянные приходские церкви перестроили в камне. Также он приумножал и укреплял вотчину Коломенского архиерейского дома (с. 89). Несомненной авторской удачей следует признать находку описи келейного имущества Никиты (Тотемского) 1704 г.¹³ Подобные источники довольно редки, хотя за последнее время ряд из них выявлен и опубликован¹⁴. Они позволяют уточнить некоторые биографические сведения об архиереях, придают историко-церковным работам несомненную антропологическую направленность.

Третья глава третьего раздела посвящена рассмотрению приходской структуры Коломенской епархии в начале XVIII в. На это низовое и основополагающее «звено» в любой епархиальной организации, зафиксированной в архиерейских и монастырских переписных книгах, внимания обычно обращали недостаточно. Шамина удачно выявила и систематизировать сведения по 38 приходским церквям, численному составу их причта в Коломенском, Тульском и Каширском уездах (таблица 6, с. 178–179), сравнить статистические данные по приходам

епархии на 1657 и 1706 гг., что показало их общий количественный прирост более чем вдвое (таблица 7, с. 184–185; приложения 5–6, с. 378–388) по Коломенскому и Каширскому уездам. Рассмотрены вопросы имущественного положения причта и храмоименования приходских церквей (таблицы 8–10, с. 190–193).

Многочисленные данные о приходах и храмоименованиях показывают, что переписные книги 1701–1702 гг. содержат глубокую и многоплановую социокультурную информацию. Это становится ещё очевиднее с учётом сведений этих ценных источников о книжных собраниях обителей. Неслучайно отдельная глава в четвёртом разделе посвящена книжности (с. 225–240), тем более что, как отмечает автор, данные вопросы в отношении коломенских монастырей (в отличие от духовных обителей Русского Севера или Сибири) до сих пор остаются слабо изученными. Данные об этом важны для понимания соотношения рукописных и печатных книг, изменения их репертуара (богослужебные и четьи книги, религиозного и светского содержания) в России в переходную эпоху от Средневековья к раннему Новому времени¹⁵.

О кропотливой работе автора свидетельствует приложение 6, где систематизирован репертуар печатных книг в четырёх монастырях — коломенских Спасо-Преображенском, Голутвине, Бобрёнёве и тульском Иоанно-Предтеченском (с. 389–405). Каждое наименование было идентифицировано на основе имеющихся каталогов (А.С. Зерновой, Т.А. Быковой и др.). Здесь встречаются Острожская Библия Ивана Фёдорова, Лексикон словеноросский Памвы Берынды, Скрижаль патриарха Никона, Вечера душевная Симеона Полоцкого, Синописис Иннокентия (Гизеля) и другие издания. В таблице 11 (с. 240) отраже-

но поступление книг кириллической печати в обители из Москвы в XVI–XVII вв. По их количеству лидирующие позиции занимали коломенский Голутвин (49) и тульский Иоанно-Предтеченский (48) монастыри.

Важны также наблюдения Шамина о составе монастырских архивов и о ретроспективных сведениях, касающихся документов XVI — начала XVIII в., в переписных книгах 1701–1702 гг. Исследовательница установила количественное, видовое, хронологическое распределение этой документации, показав существенные различия между монастырями (таблица 13, с. 251). Отдельные документы, упоминаемые в переписи, позволяют уточнить время основания некоторых монастырей, например, тульского Иоанно-Предтеченского (около 1545/46 г., с. 250).

Не ограничиваясь перечнями грамот в переписи 1701–1702 гг., Шамина привлекла сохранившиеся акты ряда монастырей из Коллегии экономии в РГАДА (ф. 281). Проведённая работа позволила установить, что не все акты были учтены переписчиками в 1701–1702 гг.¹⁶ Исследовательница блестяще выполнила научную реконструкцию архива каширского Троицкого Белопесоцкого монастыря, до 1700 г. входившего в Коломенскую епархию, а затем приписанного к Троице-Сергиеву монастырю. Здесь она обратилась к переписной книге 11 приписных монастырей «большой» Троицы, среди которых была выявлена перепись Белопесоцкого монастыря¹⁷. Архивные изыскания позволили составить перечень актов этой обители, который включает 101 документ 1507–1701 г. (с. 259–270, 352–253). В нём учтены имеющиеся более ранние издания белопесоцких грамот, однако автором допущена небольшая неточность в названии публикации — Акты не Российского, а Русского государства, 1505–1526 гг. (М., 1975).

На основании описания иконописного собрания Преображенской церкви коломенского Спасо-Преображенского монастыря автору удалось составить схему её иконостаса начала XVIII в. (с. 213). Сведения из документа 1702 г. о постройках Иоанно-Предтеченского монастыря в Туле позволили представить план его строений. Результаты кропотливых подсчётов и систематизации сведений из документов представлены в 28 таблицах в основном тексте исследования и в пяти объёмных таблицах в приложении. Безусловно, каждая из таблиц имеет самостоятельное значение, однако в монографии не хватает их общего перечня, а оформление не всегда унифицировано. Так, после таблицы 5 (с. 161) есть сведения об источнике, на основании которого она составлена, а, например, после таблицы 26 (с. 336) их нет. Кроме того, в книге присутствуют многочисленные топонимы. Введённые в научный оборот документы проливают свет не только на историю Коломенской епархии, но и дают сведения о многих населённых пунктах, однако указатель географических названий, к сожалению, отсутствует.

В приложениях (с. 406–530) опубликованы семь документов, извлечённых из конволюта в 742 листа, хранящегося в фонде Монастырского приказа. Шамина представила полное археографическое описание рукописи, на высоком уровне прочитала и подготовила для публикации тексты. Однако имеются и некоторые недочёты. Прежде всего, иногда нарушается один из археографических принципов научно-критического издания документов — графика текста не передаётся. В результате попытки её передать возникают предложения без точек, становится не ясно, когда заканчивается и начинается абзац (например, это хорошо видно на с. 489). Также при

издании источников принято текст рукописи набирать прямым шрифтом, а примечания археографа — курсивом. В монографии же использован только прямой шрифт, в результате чего в примечаниях при пояснении особенностей текста появились кавычки (с. 422 и др.). Публикатором проделана большая работа по отождествлению упоминаемых в описях монастырских грамот с сохранившимися подлинниками (РГАДА, ф. 281). Однако эти сведения соседствуют в примечаниях одного уровня с указанием на археографические особенности текста (с. 415–420). Для разведения смысловых и археографических примечаний стоило бы использовать два уровня примечаний — буквенные и цифровые. Другим способом представления результатов этой работы могла бы стать таблица или перечень такого же вида, как тот, что сделан для актов Троицкого Белопесоцкого монастыря. Сведения о делопроизводственных пометах и рукоприкладствах (с. 435, 440, 448) уместнее было бы поместить в археографическом предисловии.

Встречаются отдельные неточности в библиографических данных, например, в примечании 46 на с. 154 (Чернов С.В. вместо Чернов С.З). В примечании 7 на с. 274 дана ссылка на автореферат докторской диссертации Е.В. Кустовой 2017 г. по монастырям и монашеству Приуралья, но с тех пор вышла фундаментальная монография этой исследовательницы¹⁸. Было бы удобнее работать со сплошной нумерацией церквей на с. 178–179 в таблице 6. В Приложении 3 (с. 368–377), где дан именной перечень служащих Коломенского архиерейского дома, также нет единой нумерации. Возможно, следовало бы привести общий алфавитный список этих лиц.

Подводя итог, отметим, что выводы И.Н. Шаминой основаны на скрупулёзном анализе исторических

источников. Её фундаментальная монография является весомым вкладом в изучение преобразований рубежа XVII–XVIII вв. Она имеет большое значение для систематизации и интерпретации сведений, имеющих общероссийское значение и позволяющих по-новому оценить начальный этап церковной реформы Петра I.

Примечания

¹ В конференции к 350-летию со дня рождения Петра I приняли участие учёные из Греции, Италии, России, США, Туниса, Франции (Пётр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции «Значение преобразований Петра в Новой и Новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2022).

² Значительную часть в данном издании занимают подготовленные ею крупные по объёму переписные книги Коломенского архиерейского дома и его вотчин 1701–1702 гг. См.: *Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

³ *Шамина И.Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 17–107; *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 96–226; *Шамина И.Н.* Деятельность Монастырского приказа в первые годы после его возрождения по расходной книге 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4 (67/68). С. 254–302; и др.

⁴ См., например: *Никулин И.А.* Приходо-расходная книга Тобольского архиерейского дома 1696/97 г.: денежные выплаты служащим // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 302–330; *Манькова И.Л.* Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020; *Матисон А.В.* Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021; *Устинова И.А.* «Ревнители церковного благолепия»: строительство архиерейских резиденций во второй половине XVII в. // Российская история. 2022. № 6. С. 101–114; и др.

⁵ Как справедливо отметил С.М. Шамин, в современных работах не всегда верно оценивается количество опубликованных или частично изданных переписных книг 1701–1703 гг., вышедших в конце XIX – начале XX в.: *Шамин С.М.* Перепись церковных владений 1701–1703 гг. в дореволюционных и современных публикациях: к вопросу о закономерностях развития исторических исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2023. № 4. С. 17–36.

⁶ *Бульгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 35.

⁷ *Богомазова А.А.* Флот Соловецкого монастыря в XVI – начале XVIII в. М.; СПб., 2024. С. 37. Приведём цитату из преамбулы: «Лета Господня 1705-го месяца майа... по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по грамотам из Монастырского приказу за приписью дьяка Ивана Иванова, каковы присланы на Устюг Великий к переписищу к столнику Андрею Михайловичу Вешнякову, по памятем из Монастырского же приказу, каковы присланы на Колмогоры архиерейского холмогорского дому к дьяку Карпу Андрееву в прошлом 1704-м и в нынешнем 1705-м годех, велено ему, дьяку Карпу, ехать в Соловецкой монастырь и тот монастырь описать по наказу, и того монастыря вотчины в тамошних поморских странах крестьянские и бобыльские дворы, и в них людей по имьяном с отцы и с прозвищем, и у кого сколько детей, и в которые лета и по чему они каких оброков и всяких податей в монастырь платят, и что у них каких угодей оброчных и необрочных статей переписать все имьяно порознь, и тому всему учинить переписные книги в дестевые тетрази, и те книги прислать к великому государю к Москве в Монастырской приказ» (Музей «Московский кремль» (Инв. № Рук. – 1404, л. 1–1 об.). Благодарим А.А. Богомазову за предоставленные сведения.

⁸ *Никонов С.А.* Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. В 2 ч. Ч. 1. Мурманск, 2011. С. 54; Переписные книги Кандалакшского Пречистенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалакса XVIII века / Сост. С.А. Никонов, Л.В. Пушкина. М.; СПб., 2019. С. 13.

⁹ *Башнин Н.В.* Вологодский архиерейский дом Св. Софии в конце XIV – начале XVIII в.: власть и собственность. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022.

¹⁰ *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистическо-

го и географического исследования. Т. 1. XVI–XVII вв. Казань, 1897. Отметим, что А.Л. Грязнов составил и опубликовал три карты, на которых показано расположение более пятисот обителей севера и северо-запада России XV–XVII в. Подробнее см.: «Строения ради монастырю». Архиерейское, монастырское и церковное строительство на Руси в конце XIV – начале XVIII в.: исследования, карты и тексты / Отв. ред. и сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2024.

¹¹ Ранее Шаминой удалось выявить такой наказ среди документации Государственного архива Вологодской области. В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН имеется черновик аналогичного документа, датируемый мартом 1701 г. без указания числа; в рукописи не отмечено имя стольника, не названы архиерейский дом, епархия, уезд и монастыри, в которых следовало провести перепись (Архив СПбИИ РАН, кол. 183, ед. хр. 345, сст. 1–7 об.). Поскольку наказ хранится среди новгородских актов, можно предположить, что он возник при переписывании с грамоты, присланной из Монастырского приказа в Новгородский архиерейский дом Св. Софии. Опись последнего пока не выявлена, хотя известно, что она была составлена. Подробнее см.: *Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство... С. 164, 195.

¹² *Устинова И.А.* Никита (Тотемский) // Православная энциклопедия. Т. 49. М., 2018. С. 548–549.

¹³ *Шамина И.Н.* Архиепископ Коломенский и Каширский Никита (Тотемский), его переписка и опись келейного имущества // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 2. М., 2023. С. 227–254.

¹⁴ *Никулин И.А.* Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 155–157; *Башнин Н.В.* Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 г. // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2(41/42). С. 8–17; и др.

¹⁵ См., например: *Соколова Н.В.* К проблеме совместного бытования рукописных и печатных книг в среде провинциального духовенства на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторический курьер. 2017. № 2(28). С. 35–48.

¹⁶ При этом исследовательница опирается и на свои предшествующие публикации: *Шамина И.Н.* Архив Троицкого Белопесочского монастыря на рубеже XVII–XVIII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 232–233; *Шамина И.Н.* Документы по ранней истории орлов-

ского Введенского монастыря // Вестник церковной истории. 2018. № 3/4(51/52). С. 29–39.

¹⁷ См.: Шамина И.Н. Переписная книга Троицкого Белопесочского монастыря 1701 г. //

Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 1. М., 2022. С. 187–217.

¹⁸ Кустова Е.В. Мир повседневности средневекового приуральского монастыря. М., 2020.

Александр Репников

Рец. на: Раздвигая научные горизонты... Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения) / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.: ИРИ РАН, 2023. 352 с.

Alexander Repnikov

(All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management, Moscow)

Rec. ad op.: Razdvigaya nauchnye gorizonty... Sbornik statey pamyati doktora istoricheskikh nauk P.N. Zyryanova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Moscow, 2023

DOI: 10.31857/S2949124X24040234, EDN: FEBQJY

Павел Николаевич Зырянов (1943–2007), памяти которого посвящена рецензируемая книга, относился к числу людей принципиальных и имевших «исключительно горячий, взрывной темперамент», который вместе с тем «был скрыт бронёй интеллигентности, джентльменства и педантичности» (с. 35). Такое сочетание при реальном понимании своей значимости как исследователя и одновременно скромности, даже определённой «незаметности», как правило, сулит обладателю всех этих качеств сложную, но интересную судьбу. Тема Судьбы и Рока в жизни человека, как отмечают многие авторы воспоминаний (особенно пронизательно об этом пишет В.П. Булдаков), была важна для Зырянова. Размышления о роли Судьбы и Всевышнего в нашей жизни характерны и для православных авторов, а Павел Николаевич был верующим¹. Возможно, что его искренний интерес к мировоззрению и философии японцев соединился с православной верой и многолетними поисками Истины и в итоге породил этот не-

громкий (ибо себя он не рекламировал, в отличие от многих) феномен.

Сложность судьбы Зырянова отнюдь не означает её несчастья, поскольку историк смог максимально раскрыться в том направлении, которое он считал для себя наиболее важным. Внешние показатели такой самореализации (занимаемые должности, книги, публикации и проч.) наличествуют в биобиблиографических словарях². Однако при всей огромной пользе, которую дают нам подобные справочники, за стереотипными строчками практически невозможно увидеть индивидуальные особенности людей. И вот тогда на помощь нам приходят их работы³, мемуары⁴, дневники⁵, письма⁶, интервью. Особняком стоят фотодокументы⁷. Чтобы приблизиться к пониманию личности историка, нужно задействовать весь корпус этих источников. Поэтому рекомендую читать новый сборник уже после ознакомления с дневником, воспоминаниями и письмами Павла Николаевича.

Текст дневника, зачастую не предназначенного автором к прижизнен-

ной публикации, — это всегда разговор с самим собой, форма рефлексии, монолог, обращённый не к конкретному читателю, а к себе, в расчёте на чтение в будущем. Воспоминания — то, что предназначено к публикации. Отсюда — потребность автора к предваряющим пояснениям тех мотивов, которые неожиданно (неожиданно ли?) заставили превратить *личное* в публичное. Так, свои воспоминания (не случайно, как мне кажется, именно в Японии начатые) Зырянов предварил словами: «В 50 лет садиться за мемуары, наверно, ещё рановато. Но от запросов времени нельзя отмахиваться. Попросят рассказывать о Столыпине — надо рассказывать о Столыпине. Попросят рассказать о себе — тоже надо рассказывать»⁸. Вместе с тем, к сожалению, никому не дано определить, когда писать воспоминания ещё рано, а когда уже поздно, ведь многие коллеги-историки, скоропостижно ушедшие из жизни, уже никогда не смогут представить нам свои наблюдения. В случае с Зыряновым мы, к счастью, располагаем различными видами источников.

Логично, что в первую очередь читателю интересна личность историка. В этой связи важна большая вводная статья Л.В. Мельниковой «Павел Николаевич Зырянов в исторической науке и в жизни». Выбор именно этого автора для вступительной статьи вполне логичен. Любовь Владимировна была первой (и единственной) аспиранткой Зырянова, дошедшей до защиты, и в своём дневнике он тепло отзывался о её успехе⁹. Мельникова также удачно использовала различные источники, в том числе личное дело Зырянова из Научного архива ИРИ РАН. Она подробно остановилась и на проблемных ситуациях, осложнявших жизнь и деятельность историка в стенах института (с. 20–21, 24–25). Честно рассказано о его серьёзных тре-

ниях с тогдашним директором ИРИ РАН А.Н. Сахаровым. Сам Зырянов подробно писал об этом в дневнике, который был опубликован В.В. Шелохаевым уже после его смерти, но ещё при жизни Сахарова¹⁰. Невольно возникает вопрос, а стоит ли вновь затрагивать эти острые моменты? Полагаю, что стоит, поскольку в итоге всё закончилось тем, что Зырянов дважды подавал заявление об уходе из института, подорвал своё здоровье и 15 апреля 2007 г. скоропостижно скончался от второго инфаркта. Приказ о его увольнении так и не успели издать (с. 40). В этой связи конференция, посвящённая юбилею учёного, и данный сборник, вышедший под грифом ИРИ РАН, стали своего рода исполнением долга памяти не только со стороны коллег и учеников, но и со стороны института.

Сборник содержит три текста, которые непосредственно относятся к жанру воспоминаний. Их авторы — А.К. Алексеев, В.И. Дурновцев и В.В. Шелохаев — уже писали ранее о Павле Николаевиче в сборнике 2008 г., но их новые и старые тексты практически не дублируются. Вышедшие же ранее воспоминания, несомненно, послужат для читателя необходимым дополнением¹¹.

Из тех качеств Зырянова, которые отмечают авторы воспоминаний, можно выделить принципиальность; выявившуюся уже с подростковых лет тягу к новым знаниям; несомненные творческие задатки (в особенности — хороший литературный слог); приверженность к порядку во всем, от работы в архивах и библиотеках до уборки квартиры. Вместе с тем оговорки о стремлении историка «к широким мировым просторам, будь то космос и морские глубины» (с. 40), позволяют разглядеть за строгой самодисциплиной романтического человека. Наконец, это несомненная многолет-

няя преданность науке и стремление к максимальному погружению в изучаемые темы. В длительной научной командировке в Японии он стал изучать японский язык, побывав в Италии — итальянский, а в конце жизни — испанский. В круг интересов Зырянова входили живопись, архитектура, театр, литература и даже футбол.

Сборники, посвящённые памяти человека и приуроченные к его юбилеям, имеют свои каноны. Если в части личных воспоминаний (родственников, друзей, коллег) всё достаточно традиционно, то раздел «статьи» зачастую наиболее уязвим. Как правило, его наполнение составляют публикации коллег и учеников или же тексты, развивающие и продолжающие темы, которыми занимался ушедший от нас исследователь. Иногда мне приходилось отказываться от участия в сборнике памяти того или иного историка, поскольку лично я его не знал или знал шапочно. В этой связи крайне важным представляется *чёткий* критерий отбора авторов и статей. В рецензируемой книге мы этот критерий видим: статьи затрагивают направления работы историка и написаны людьми, знавшими Зырянова лично. Например, статья «Оценка деятельности П.А. Столыпина на страницах правой газеты “Русское знамя”» написана И.В. Омелянчуком, упоминание о встрече с которым мы находим в дневнике Павла Николаевича (к сожалению, с искажённой и не исправленной при публикации дневника фамилией «Игорь Олемянчук»¹²).

Наиболее удачны статьи В.В. Кондрашина и В.П. Булдакова. Кондрашин уделил внимание актуальности исследований Зырянова о крестьянской общине. Булдаков чрезвычайно интересно описывает творческий процесс работы Зырянова над книгой про А.В. Колчака, показав важнейшие уточнения, сделанные им к биогра-

фии адмирала. Справедливо отмечается, что «Павел, в отличие от многих косноязычных представителей новой генерации историков, умел писать так, как это делали в большинстве своём коллеги из “его” времени... Литературные вкусы Павла Николаевича были не только разнообразными, но и по-своему многозначительными: Л. Андреев, Г. д’Аннунцио, Ю. Мисима. Всякому историку стоит их читать и перечитывать» (с. 112). Тот факт, что правые¹³ по взглядам д’Аннунцио и Мисима были в числе любимых писателей Зырянова, говорит о человеке многое. Такая информация важна для реконструкции личности, но об этом мы из научных работ почти наверняка не узнаем. Здесь помогут только документы личного происхождения. Многого раскрывается в интервью (были ли таковые у Зырянова, сохранились ли, пока неизвестно).

В целом можно говорить о том, что в своей профессиональной деятельности Зырянов занимался темами, созвучными его внутреннему миру. Большая часть статей сборника охватывает исследовательские направления, которые были центральными для работ Павла Николаевича. Это крестьянство дореволюционной России (В.В. Бабашкин, А.С. Рогожина, О.А. Сухова); личность и деятельность Столыпина (П.С. Кабытов, К.А. Соловьев, Н.Б. Хайлова); общественные движения и история православной Церкви (Е.В. Белякова, Е.Б. Емченко, М.И. Быхова, А.Е. Иванов, Н.А. Иванова, Д.Н. Шилов); деятельность политических институтов (Н.Ф. Бугай, А.С. Минаков, О.А. Плех). Статья О.В. Волобуева про Н.Н. Муравьева-Амурского посвящена неосуществлённому замыслу Зырянова обратиться к написанию биографии этого человека. Историка «привлекала тема открытия, приобретения, освоения новых земель

и историческая роль незаурядных личностей, вложивших немалые труды в дело строительства великой державы» (с. 131).

К сожалению, в двух сборниках, посвящённых памяти П.Н. Зырянова (2008 и 2023 гг.), нет полной библиографии его работ, имеется только список избранных трудов. Остаётся открытым и вопрос о возможной полной публикации дневников историка с научными комментариями.

Примечания

¹ 28 февраля 1998 г. он принял крещение — «решение, назревавшее очень давно». См.: Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 402.

² См.: Зырянов П.Н. // Чернобаев А.А. Историки России конца XIX — начала XXI века: Биобиблиографический словарь. В 3 т. Т. 1. М., 2016. С. 492; Зырянов П.Н. // Институт российской истории РАН 1936—2021 гг.: Очерки истории. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. Ю.А. Петров, А.А. Чернобаев. М., 2021. С. 255.

³ Избранные труды П.Н. Зырянова // Долг и судьба историка... С. 458—461.

⁴ Зырянов П.Н. «Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника // Acta Slavica Iaponica. Т. XIII. Sapporo, 1995. С. 256—271; Зырянов П.Н. Вино воспоминаний. Ч. 1. «Далеко от Москвы» // Долг и судьба историка... С. 454—457.

⁵ [Зырянов П.Н.] Дневниковые записи (1968—2007 гг.) // Долг и судьба историка... С. 336—435. Дневник историк вёл каждодневно в течение более 40 лет. К сожалению, к опубликованным Шелохаевым дневникам отсутствуют комментарии, а ведь в тексте упоминается значительное число людей и многие из них названы

только по именам. Уже сейчас не всегда можно понять, о ком идёт речь, а в перспективе подобное понимание будет ещё больше затруднено.

⁶ [Зырянов П.Н.] Письма // Долг и судьба историка... С. 436—453.

⁷ См.: Мельникова Л.В. Мастера российской историографии: Павел Николаевич Зырянов (1943—2007) // Исторический архив. 2023. № 1. С. 68—83. В рецензируемой книге есть подборка фотографий, размещённых на вклейке, частично дублирующая снимки, ранее опубликованные в «Историческом архиве».

⁸ Зырянов П.Н. «Школа Сидорова»... С. 256.

⁹ См.: Долг и судьба историка... С. 415.

¹⁰ Запись в дневнике Зырянова от 12 апреля 2006 г.: «Звонил Рогожин... Спросил, не хочу ли я когда-нибудь вернуться. Я ответил, что слабо верю во второе своё пришествие, но если когда-нибудь вернусь, то только на должность главного. Спросил, не вернусь ли я, если Сахаров пообещает главного. Ответил, что при Сахарове не вернусь ни в коем случае» (Долг и судьба историка... С. 435).

¹¹ В сборнике 2008 г. это тексты В.П. Булдакова, О.В. Волобуева, Л.Н. Доброхотова, Г.А. Жакова, Н.А. Ивановой, В.Н. Пономарёва, В.М. Шевырина.

¹² Долг и судьба историка... С. 430.

¹³ Сам Зырянов правым не был, хотя ещё в советский период непублично критически оценивал существующую систему. В личном письме В.И. Дурновцеву он писал: «Историю советского периода, как и историю КПСС, изучать сейчас невозможно — это избитая истина. Все абсолютно загажено, и тысячи ответственных церберов охраняют этот навоз» (Долг и судьба историка... С. 30). В своих дневниках Зырянов упоминает, что в 1991 г. участвовал в антикоммунистическом митинге, характеризует главу ГКЧП Г.И. Янаева как «грубое животное», но затем критически отзываясь о политике и личности победившего Б.Н. Ельцина («чудовище привели к власти»). Осенью 1993 г. он поддержал Верховный совет, а в итоге в 2000 г. голосовал на выборах за Г.А. Явлинского (См.: Долг и судьба историка... С. 371, 372, 378, 384—386, 407).

Анастасия Туманова

«Университетский вопрос» в правительственной политике России начала XX в.*

Anastasiya Tumanova

(HSE University, Moscow, Russia)

The «university question» in the Russian government policy at the beginning of the 20th century

DOI: 10.31857/S2949124X24040247, EDN: FEAMPE

В новой монографии А.Е. Иванова анализируется политика самодержавия по отношению к университетам в 1899–1908 гг. Автор развивает отдельные положения, которые высказал ещё в кандидатской диссертации, успешно защищённой в 1975 г.¹, и заметно раздвигает хронологические рамки рассматриваемого периода. В каком-то смысле эта книга призвана «увенчать здание» исследований, раскрывающих историю взаимоотношений власти и университетского сообщества во второй половине XIX — начале XX в. Многие десятилетия над их изучением трудились такие специалисты, как Р.Г. Эймонтова, Г.И. Щетина, В.П. Яковлев, Е.А. Ростовцев и сам А.Е. Иванов².

В начале XX в., как убедительно показал автор, «университетский вопрос» превратился в барометр публичной жизни. Он будоражил умы профессорско-преподавательского корпуса и студенчества, занимал заметное место в программах и практике как политических партий, так и правящей бюрократии. Академическое сообщество стремилось к автономии, т.е. к некоторой учебно-педагогической самостоятельности и самоуправлению в стенах учебного заведения. Но университеты в России готовили к поступлению на государ-

ственную службу и поэтому требовали, по мнению представителей власти, пристального контроля. В то же время студенчество и профессура имели собственные представления о культурно-историческом предназначении высшей школы.

Накануне революции 1905 г. университеты стали центрами антиправительственных волнений. Весной 1905 г. возник оппозиционный Академический союз (Всероссийский союз деятелей науки и просвещения), а 27 августа Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения фактически восстановили ограниченную университетскую автономию, отменённую при введении устава 1884 г. При этом, как считает автор, проникнув в аудитории, революция не прервала и не ослабила протекавшую там научную работу.

Исследование Иванова основано на широком корпусе источников, включающем различные нормативные акты и делопроизводственные материалы, документы личного происхождения, а также публицистические произведения и публикации в периодической печати.

Книга состоит из семи глав. В первой из них (с. 13–70) показано состояние 11 университетов, действо-

* Иванов А.Е. Университеты и самодержавная власть в Российской империи. Начало XX века. М.: Принципиум, 2023. 320 с.

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2024 г.

вавших в империи, не считая Великого княжества Финляндского, в конце XIX — начале XX в. (тогда как в Германии к 1911 г. их насчитывалось 32, во Франции — 27, в Великобритании — 18), характеризуется студенчеством и профессорско-преподавательским корпусом, анализируются проекты разделения фундаментального и прикладного образования и констатируется, что в отличие от европейских стран в России не прижилось совмещение традиционных факультетов (историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский) с «народнохозяйственными».

Как отмечает учёный, результаты университетской контрреформы 1884 г. не оправдали ожиданий правящих кругов и только тормозили развитие отечественной науки. Студенческие беспорядки 1899 и 1905–1907 гг. свидетельствовали об укреплении горизонтальных связей учащихся и их организаций в различных городах и учебных заведениях. Министерство народного просвещения безуспешно противостояло реформаторски настроенному большинству профессуры, активно пополнявшей в 1905–1906 гг. ряды либеральных партий. Всё это придавало академическому пространству конфликтный характер, поскольку большая часть как профессоров, так и студентов, разделявших демократические убеждения, сопротивлялась охранительным методам управления университетом.

В шести главах Иванов последовательно раскрывает политику 1898–1908 гг., проводившуюся министрами народного просвещения — Н.П. Боголеповым (с. 71–157), П.С. Ванновским (с. 158–186), Г.Э. Зенгером (с. 187–225), В.Г. Глазовым (с. 226–270), гр. И.И. Толстым (с. 271–299) и П.М. Кауфманом (с. 300–311). Каждый из них, действуя в рамках правительственного курса, придавал

руководству ведомством свой персональный оттенок. Так, для «прямолинейного консерватора» московского профессора Боголепова, опиравшегося на поддержку министра внутренних дел И.Л. Горемыкина и вел. кн. Сергея Александровича, были свойственны недоверие к студенчеству и стремление усилить полицейский надзор за университетами. В итоге репрессии против участников всеобщей студенческой забастовки в феврале–марте 1899 г. и санкционирование в 1900 г. отдачи студентов, участвовавших в беспорядках, в солдаты стоили сановнику жизни: 14 февраля 1901 г. он был тяжело ранен террористом и вскоре скончался.

Возглавивший после этого министерство генерал Ванновский, занимавший в 1881–1897 гг. пост военного министра, совершил «либеральный» поворот и не только освободил студентов от отбывания солдатской службы, но и предоставил учащимся возможность самоорганизации, разрешив проведение курсовых сходов, а также устройство столовых, касс взаимопомощи и научно-литературных кружков. Однако и эта политика «сердечного попечения о студентах», в которой Иванов видит «университетскую зубатовщину», не оправдала надежд охранителей и лишь усилила не прекращавшиеся волнения. Продержавшись всего год, в апреле 1902 г. Ванновский уступил свою должность петербургскому филологу-классику Зенгеру, состоявшему с ноября 1901 г. товарищем министра, а до того служившему профессором и попечителем в Варшаве. Тот поначалу пытался продолжить курс на «сердечное попечение» и создал в конце 1902 г. комиссию для выработки нового университетского устава, оставившую после себя пять увесистых томов, посвящённых положению университе-

тов в России и за рубежом. Впрочем, до реформы дело не дошло, тогда как студенческое движение с конца 1902 г. нарастало, приобретя особый размах после начала русско-японской войны. Тем не менее, когда в январе 1904 г. Зенгер подал в отставку, заменить его оказалось непросто, и лишь в апреле освободившееся место занял генерал-лейтенант Глазов, в 1901—1904 гг. — начальник Николаевской академии Генерального штаба. В августе того же года он инициировал съезд попечителей учебных округов, который выработал положение о гимназиях и новый проект университетского устава, предполагавший некоторое увеличение полномочий профессорских коллегий и, в частности, предоставление им права выбирать ректора и деканов. Одновременно профессорам предписывалось сосредоточиться на научно-учебной деятельности.

27 августа 1905 г. Николай II подписал указ о введении в действие Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения. Иванов признаёт их «временной университетской автономией», поскольку они расширяли компетенцию факультетов, профессорского дисциплинарного суда по студенческим делам и совета, которому передавалось избрание ректора и деканов. В стенах учебного заведения студенты могли теперь рассчитывать на неприкосновенность и подчинялись только университетской администрации. Это являлось своего рода «авансом» готовившейся коренной реформы, но правительство всегда могло вернуться к прежней модели управления.

Из общего ряда царских министров резко выделялся гр. Толстой, вошедший в октябре 1905 г. в правительство, сформированное гр. С.Ю. Витте. Начав с радикальной чистки мини-

стерства от чиновников, не сочувствовавших либеральным реформам, гр. Толстой в атмосфере широкой гласности и при активном участии профессуры создал ещё один проект университетского устава (уже третий после появившихся во времена Ванновского—Зенгера и Глазова). Граф намечал введение в университетах «предметной системы» преподавания, собирався отменить нормы, ограничивавшие число студентов еврейского происхождения и препятствовавшие обучению женщин. По словам Иванова, это был первый министр народного просвещения, защищавший учёное достоинство высшей школы и не разделявший чисто бюрократический взгляд на её задачи, при котором они сводились к подготовке служащих для правительственного аппарата (с. 373). Он также открыто и официально обличал государственный антисемитизм и не использовал антифеминистскую риторику.

Этот определённо прогрессивный курс отчасти сохранялся и при Кауфмане, стоявшем во главе учебного ведомства с апреля 1906 г. по декабрь 1907 г. Он пытался законодательно оформить такие важные элементы реформаторской программы гр. Толстого, как приём в университеты женщин наравне с мужчинами, отмена процентных норм для «лиц иудейского исповедания», стремившихся к высшему образованию, упразднение непопулярной инспекции по студенческим делам. Вместе с тем его управление запомнилось и Положением 11 июня 1907 г., которое поставило корпоративные организации учащихся (кружки, общества и т.д.) под жёсткий контроль полиции и лишило их права выступать «в качестве представительных органов всех студентов данного учебного заведения» (с. 309). Кратким очерком об этом времени, которое стало «пере-

ходным от безбрежно-либерального курса его предшественника гр. Толстого к ультраконсервативному курсу его преемника А. Н. Шварца» (с. 302), и завершается книга. Она не оставляет сомнений в том, что политика самодержавия в университетских делах являлась результирующей различных тенденций, которая определялась расстановкой сил в правящих кругах, позицией императора, динамикой общественных настроений в тот или иной момент. Частая смена министров народного просвещения при Николае II, по справедливому наблюдению историка, свидетельствовала о противоречивости правительственного курса.

Граф Толстой, о котором автор монографии пишет с явной симпатией, сравнивал своё министерство с «огромной фабрикой», выбрасывавшей ежегодно тысячи циркуляров, отношений и отзывов, оснащённой массой рычагов, колёс, паровых котлов и целой армией мастеров, рабочих, надсмотрщиков и десятников³. Что же мешало ей организованно настроиться на новый лад и двигаться к утверждению в России западноевропейской модели высшего образования в соответствии с пожеланиями либерально настроенной профессуры и демократического студенчества? Прямого ответа на этот вопрос, невольно возникающий у читателя, Иванов не даёт. Но он показывает, что, даже идя на определённые уступки и усовершенствования, самодержавная власть не меняла охранительной сущности своей политики. Очевидно также, что чиновники и профессора зачастую по-разному оценивали происходившие события и преследовали разные цели. Это разномыслие иногда приобретало острый конфликтный характер.

В утверждённых императором 4 марта 1906 г. Временных правилах об обществах и союзах и о публичных собраниях Иванов несколько односто-

ронне усматривает символ отказа от уступок, вырванных высшей школой у власти в 1905 г. (с. 298). В частности, особое внимание в книге уделено предоставлению полиции права закрывать студенческие собрания по собственному усмотрению. Но именно этот указ, регулировавший новый порядок, впервые официально допускал проведение в учебных заведениях публичных собраний образовательного характера или разрешённых действовавшими уставами. Правила о союзах позволяли студентам создавать ассоциации, но также лишь на основаниях, определённых уставами своих учебных заведений и за их пределами. В целом же общеимперскому законодательству о союзах и собраниях были присущи схожие противоречия, что и описанной в книге политике Министерства народного просвещения по отношению к высшей школе.

В первую главу автор включил содержательные приложения (с. 64–70). Опираясь на министерские отчёты, он проследил динамику прироста числа университетских профессоров и приват-доцентов в изучаемый период, численность утверждённых в учёных званиях и т.п. Списки служащих по учебному ведомству позволили раскрыть сословный состав профессорско-преподавательского корпуса университетов и выявить тенденцию к его демократизации.

Монография написана авторитетным учёным ярко и увлекательно. Она несомненно войдёт в «золотой фонд» исследований по истории высшей школы Российской империи. Нельзя не упомянуть и о том, что свой труд А. Е. Иванов «с глубоким почтением» посвятил «светлой памяти Станислава Васильевича Тютюкина» — блестящего знатока описанной в книге эпохи, с которым её автора связывали многие годы близкого и плодотворного сотрудничества.

Примечания

¹ Иванов А.Е. Университетская политика самодержавия накануне Первой русской революции. 1899–1904. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

² Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX в. М., 1993; Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в универси-

тетском вопросе (1905–1911). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017; Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века. Избранные статьи. М., 2019; и др.

³ Мемуары графа И.И. Толстого / Публ. Л.И. Толстой, Р.Ш. Ганелина и А.Е. Иванова. М., 2002. С. 48–49.

Елизавета Хатанзейская

Дневник крестьянина Ивана Глотова*

Elizaveta Khatanzeiskaya

(HSE University, Moscow, Russia)

Diary of a peasant Ivan Glotov

DOI: 10.31857/S2949124X24040256, EDN: FEAHLK

Книга, удачно названная «На разломе жизни», открывается обращением к читателям выдающегося историка С.О. Шмидта, в котором обозначено значение публикации: «Дневники, подобные глотовскому, являются первостепенного значения источниками для всех, причастных к краеведению, которое после беспощадного разгрома в 1920–1930-е гг. возрождается ныне как сфера научно-просветительской деятельности» (с. 5). Крестьянский дневник — довольно редкий вид исторического источника личного происхождения¹. Особенно редки такие дневники советской эпохи. Записки Ивана Глотова фиксируют традиции многовековой крестьянской культуры Европейского Севера России и одновременно суждения о жизни человека, многие годы прожившего в Петербурге. Погружаясь в текст, мы проходим жизненный путь автора — сначала северного селянина, затем городского

обывателя и заводского служащего, далее снова крестьянина, — находя на страницах дневника скудные сведения о трагической эпохе коллективизации, приведшей к разрушению устоев крестьянской жизни. Дневник прерывается на 1931 г., когда завершилась её первая волна. Свободная и радостная работа, способная прокормить большую крестьянскую семью, осталась в прошлом — ей на смену пришли тяжёлые трудовые повинности в обстановке нищеты и голода. Не случайно тем же годом заканчивается ещё один вельский дневник — горожанин Н.Е. Зенков записал: «На этом кончаю... нет ни тетрадок, ни бумаги. Буду записывать только выдающееся»².

Автор опубликованного дневника был не только достаточно грамотным, но и «книгоцеем», что неудивительно: большинство крестьян Поморья знали грамоту. Этому способствовали и распространение старообрядчества,

* «На разломе жизни»: дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области, 1910–1931 гг. / Подгот. публ. М.И. Мильчик, Г.А. Верёвкина. Изд. 2, испр. и доп. Вологда: Древности Севера, 2022. 448 с.

и товарно-денежные отношения, развитые здесь значительно сильнее, чем в центральной России. К тому же на Севере никогда не было крепостного права, поэтому многие крестьяне занимались не только межрегиональной, но и международной торговлей. Они практиковали и «отхожие промыслы» — выполняли в крупных городах (Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Архангельске) работы по строительству, устраивались на заводы и фабрики и благодаря своему трудолюбию нередко становились управляющими производством, что приобщало их к городской культуре.

Рукопись подготовлена к изданию автором многочисленных публикаций по истории культуры Европейского Севера России, выдающимся петербургским искусствоведам М.И. Мильчиком, а также сотрудниками Вельского краеведческого музея Г.А. Верёвкиной и М.А. Шумар. Мильчик обнаружил в музее этот уникальный источник ещё в самом начале 1970-х гг. Уже тогда его поразили «почти безупречная грамотность, красивый почерк, а главное — тщательное, можно сказать любовное описание сельскохозяйственных и плотницких работ, богатство народной лексики» (с. 6). Однако в то время о его издании не могло быть и речи — семья Гловых принадлежала к числу раскулаченных, а драма коллективизации в исторической науке и публицистике оставалась под запретом. Опубликовать дневник удалось в 1997 г. в серии «Библиотека русского этнографа» при поддержке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН³ как источник по истории крестьянской семьи, истории Пежмы, её микро- и гидротопонимике. Публикацию отличали существенные лакуны: отсутствовало начало — записи до 1915 г., записи 1916–1917 гг., когда Гловы жили в Петрограде, 1925, 1927 и сере-

дины 1929 гг. К счастью, после выхода книги в Вельский музей поступили ещё две части дневника от внуков Глотова. Рассматриваемое издание, как результат, состоит из трёх частей, публикуемых в хронологической последовательности, что позволяет восстановить, по существу, весь источник.

В предисловии к книге Мильчик представил подробный обзор опубликованных крестьянских дневников и их источниковедческих особенностей. Известные науке источники такого рода имеют преимущественно северорусское происхождение и относятся к концу XIX — первой половине XX в. Однако лишь немногие из них уделяют внимание происходившему в мире, большинство концентрируется на семейной и хозяйственной жизни. Повествование Глотова во многом сходно с летописным жанром (фактография ежедневных событий), иногда с приходно-расходными записями, по которым мы можем судить об уровне и образе жизни автора дневника. Он начинается с краткого описания жизни автора (с. 51). Гловы родились в 1873 г., «учился грамоте в Пежемском двухклассном сельском училище 5 лет, окончил по образованию 3-го разряда учителя». Воинскую службу (один год и два месяца) проходил писарем в г. Мышкине Ярославской губ. С декабря 1895 г. по апрель 1896 г. жил дома, в деревне. Последующие записи свидетельствуют о том, что автор несколько раз отправлялся на «отхожие промыслы» в Ярославскую губ., где работал на строительстве железной дороги Ярославль—Рыбинск, затем вернулся на зиму домой, а в апреле 1897 г. «ушёл на стройку Вологодско-Архангельской железной дороги». После каждого похода он делал приписку: «Денег дал в хозяйство 30 руб.». Далее Иван принял решение отправиться в Санкт-Петербург, устроился на завод Н.Н. Струка

и проработал там до 1918 г. — сначала рабочим, а затем конторским служащим. В 1915–1916 гг. он оформлял на заводе военные заказы.

В столице жизнь Глотова стала самодостаточной и окончательно обрела смысл: он устроился на достойную работу, а в 1906 г. женился на Таисии Михайловне — девушке из соседней деревни, жившей «в услужении». Сравнительно высокий уровень дохода позволил ему снимать хорошую квартиру на Выборгской стороне, пользоваться услугами портного, лекаря и извозчика, покупать статусные вещи и дорогие подарки супруге. При этом ему удавалось каждый год посылать деньги родителям в деревню. В Петербурге у супругов один за другим родились четверо детей (выжили трое: Михаил, Анатолий и Зинаида); позже, уже в деревне, родилась дочь Мария.

На страницах дневника Глотов предстаёт перед нами заботливым мужем и отцом, для которого не существует мелочей. У читателя возникает образ человека долга, высокой и устойчивой нравственности, сильной веры и порядочности. Ежедневные бытовые зарисовки, состоящие в основном из покупок, забавно переплетаются с ценными замечаниями о хозяйственных навыках и здоровье человека: «Наше сердце. Сердце нормального человека в среднем делает в минуту 70–86 ударов, по возрастам число ударов изменяется следующим образом» (с. 105).

В 1917 г. жизнь в столице резко подорожала и стала опасной. Ещё в 1915 г. Глотов отправил семью в родную деревню, возможно, поэтому и сам решил вернуться. В начале марта 1918 г. получил расчёт и уехал в Печму вести собственное хозяйство. Это спасло семейство от голода и чехистского произвола, свирепствовавших в Петрограде в те годы.

Примечательно, что события большой истории отражаются в дневнике лишь в связи с изменениями в частной жизни. Например, война сказалась задержкой поездов и беспокойством о близких. Почти полное отсутствие рефлексии, размышлений и рассуждений о происходящем — характерная черта крестьянских дневников, которая здесь проявилась в полной мере. Например, о Первой мировой сказано так: «Война всё продолжается, взяли уже ратников 2 разряда, срока призыва с 1910 по 1916 г. Работы для государственной обороны на заводах, а равно и специально приготовленных на время войны мастерских от военных комитетов и высших учебных заведений идут усиленно. Все граждане стараются что-либо сделать для обороны государства и солдат. Прожитие стало дорогое, как в столице, в больших городах и провинции дорого, но и недостаток почти во всём, хлеб 5 коп. ф[унт], ситный 15 коп. ф[унт], булки французские — вес очень маленький, но достать трудно, ждать в очередь, мясо тоже в очередь, достать можно два раза в неделю по 28 к[оп]. ф[унт], телятина 60 к[оп]. ф[унт], кура 2 р[уб]., баранина 40 к[оп]., колбаса варёная чайная 1 р[уб]. ф[унт], сахарный песок 20 к[оп]. ф[унт], сахар головной 22 к[оп]. ф[унт], но купить сахар нужно стоять в очередь 5–6 часов и получить можно только 2 ф[унта], дрова березовые длиной 8 вершков за сажень 19 руб. 00 коп., молоко бутылка в два чайных стакана 15 коп. Вообще прожить очень дорого, но зато себе не позволяешь лишнего, только и заботишься достать чего нет, чтобы дети не остались голодными» (21 ноября 1915 г., с. 105).

Подробные записи о хозяйственной и семейно-бытовой жизни в Петрограде превратились в скупые и даже скудные записи о деревенской жизни 1918–1921 гг.: «12 октября 1918 г. помер брат Афанасий. С 1 ок-

тября приступили к общему переделу всей деревней податной и луговой земли сроком на 20 лет с уравнием через 10 лет. Я получил на одну душу» (с. 127). С 1919 г. упоминаются трудовая и гужевая повинности: «В 1919 г. в феврале месяце наряд песку тракт Вельск—Коноша. Осенью 1919 г. был в наряде 9 суток с лошастью в военном обозе, делал две поездки: 1 — до Пустыньги за Вельск, вторая — до Ровдино к Архангельску» (с. 127). Регулярно фиксировались явления природы, связанные с хозяйственным календарём, например: «Весна 1920 г. была ранняя, 25 марта вынесло лёд в Пежме. 10 апреля поехали сеять овёс, 17 апреля был выпущен скот на волю» (с. 127). Записи о природе и погодных явлениях вообще занимают в дневнике существенное место. В отличие от хозяйственной жизни и проблем, связанных с обеспечением семьи, к политике автор почти равнодушен: «1 июня по-новому стилю по избранию в исполкоме избран членом на 6-й крестьянский съезд, пробыл там до 9 июня» (с. 128). 1 марта 1921 г. Глотова избрали от деревни председателем сельского посевного комитета, что почти никак не отразилось в дневнике, зато записано: «В весну 1921 г. выехал орать 3 апреля по ст. ст. в Бор в полянку» (с. 128).

В дневнике нашли отражение реалии «военного коммунизма»: галопирующая инфляция, снижение роли денег как всеобщего эквивалента. К примеру: «Ездили в село и в кооперативе выменял на жито 50 ф[унтов] соли, фунт за фунт. Тая посолила мясо» (13 марта 1922 г., с. 149). Или: «На апрель месяц курс довоенного рубля 200 000 р[уб.].» (28 марта 1922 г., с. 150). Одновременно в деревне сохранялись черты прежнего жизненного уклада: часто упоминаются посещения церкви и пиры в честь того или иного православного праздни-

ка. Однако автор регулярно отмечает смутное беспокойство по поводу изменений в жизни, свидетельствующих о переменах к худшему. Например: «Святая Пасха — Светлое Христово Воскресенье. Ходил в церковь. Ночью погода ветреная, но чистая. В церкви во время службы в алтаре горела 25-ти свечевая керосиновая лампа, и под аркой между алтарями горела такая же лампа, свечей горело очень немного, в большом висячем паникадиле-люстре горело только три свечи, перед Голгофой одна лампадка вместо свечей. Люди стояли без свечек за утреней» (3 апреля 1922 г., с. 150).

Коллективизация привела к краху крестьянского мира. В записи от 1 сентября 1928 г. читаем: «Было собрание: одни пошли в коллектив, в общину... и 9 семей на выселок, в том числе и я» (с. 267). 30 апреля 1929 г. уже «насильственно постановили произвести классовый передел земли» (с. 314). В Пежме начались бесконечные собрания и комиссии по пересмотру наделов покосной и огородной земли, деление крестьян по степени зажиточности, единоличников обложили непосильными налогами (они в 10 и более раз превышали налоги колхозников). Глотов многократно обращался в исполком с просьбой о переводе «из зажиточных в крепкие середняки», но всякий раз получал отказ, с горечью отмечая: «Знал бы всё это — не стоило бы унижаться» (с. 347). Это редкий случай яркого эмоционально-оценочного суждения. В целом же Глотов фиксировал события коллективизации почти без оценок, принимая их неотвратимость как явления природы. Сдав по продразвёрстке весь хлеб, он отметил: «Выгреб из ступ и привёз домой муку из круглины и разного мусора» (с. 348). Вскоре была продана корова, а семья получила штраф, на оплату которого средств не нашлось: описали всё имущество, вплоть до «пиджака серого»,

«жакетки женской» и «ковшика медного». Лишь спустя полгода, когда под угрозой оказалось само существование семьи, на страницы дневника прорвалось: «К вечеру положение обострилось. Пришла весть, что вновь вводят в кулаки и выселение неизбежно. Вся энергия к работе упала и жизнь стала нерадостной» (с. 349).

5 ноября 1929 г. Гловы подал жалобу председателю ЦИК СССР М.И. Калинину на то, что его принудили сдать сельхозналог наряду с кулаками, тогда как формально он относился к зажиточным середнякам: «Положение моё самое тяжёлое и безвыходное — с семьёй остаться на голодовку» (с. 350). Будучи крепким и работающим хозяином, нажившим имущество непосильным трудом, в годы коллективизации он потерял всё, пережил голод, унижения и жуткий страх за семью («Вся семья унылая, больная, загнанная» — 17 декабря 1929 г. (с. 350)). 14 февраля 1930 г. пленум Пежемского сельсовета объявил Глотова кулаком и «лишенцем»⁴. Несмотря на это, они с женой не побоялись поставить подписи под обращением в защиту священника Богоявленской церкви Александра Голубцова, который служил там с 1913 г. (с. 350). Вскоре батюшку арестовали и расстреляли, а после смерти последнего священника Николая церковь разграбили и закрыли.

Итогом коллективизации стал страшный голод 1932–1933 гг., который охватил не только хлеботорговые районы СССР, но и Европейский Север, о чём написано значительно меньше. При этом руководство страны не снизило планы по сдаче государству зерна, шерсти, мяса и другой продукции, не говоря уже о помощи голодающим. На глазах Глотова раскулачили семью его покойного брата Анатолия, сослав всех её членов на Соловки, многочисленных (самых

трудолюбивых и достойных) соседей. Семью самого Ивана эта участь миновала: 11 июня 1931 г. Гловы записались в артель «Красная звезда», при этом дом, двор, плуг и скот у них отобрали (с. 385). Дорогие сердцу работы на земле сменились многочисленными бессмысленными собраниями, где обсуждались вопросы самообложения, займов индустриализации и т.д. Немного позднее Иван стал счетоводом, а Таисия — овощеводом, в колхозе они и проработали до конца жизни. На Великую Отечественную войну ушли двое их сыновей (один из которых, Анатолий, погиб незадолго до Победы) и два зятя.

Помимо текста дневника, издание содержит фотографии семьи Глотова, географический и топонимический указатели, словарь местной лексики и специальной терминологии, карты-схемы южной части Вельского уезда, список селений его Никифоровской волости с указанием принадлежности к сельским обществам и приходам, вступительную статью Мильчика и сотрудников музея с описанием хода коллективизации в Вельском районе и рассказом о дальнейшей судьбе Ивана и его семьи. Также в книге приведено несколько документов эпохи, в частности письмо агронома села Дмитриево В.У. Попова своему брату, работавшему в те годы секретарём Черевковского райкома ВКП(б) и возглавлявшему коммуны «Большевик» в Великом Устюге «О ходе коллективизации в селе Дмитриево (Алферовской) Устьянского района Архангельской области» от апреля 1930 г. (с. 440–441) (оба брата были расстреляны в 1938 г. «тройкой» НКВД по Архангельской обл., а в 1956 г. реабилитированы за отсутствием состава преступления). Это очень личное и искреннее письмо рисует яркую картину хода коллективизации, поразительно совпадающую с описанным

в дневнике Глотова. Коллективизация на Севере стала не менее масштабным явлением, чем в хлеботорговых и скотоводческих районах страны, и тоже привела к чудовищному голоду в связи с лишением крестьян возможности жить своим трудом, целенаправленным и планомерным разрушением многопрофильного хозяйства Севера с целью его советизации. В планах руководства страны роль региона сводилась лишь к развитию лесозаготовительного комплекса для создания «золотого валютного резерва страны»⁵.

Дневник И. Глотова — ценнейший источник по микро- и гидротопонимике, лингвистике (особенности местного говора прокомментированы публикаторами и восходят к былинной древности). Своеобразие повседневности и быта жителей северной глубинки оказалось уничтожено коллективизацией, богатейшие северные сёла стали рядовыми советскими населёнными пунктами, усреднёнными в экономическом и культурном отношении с остальной Россией, а в 1960-х гг. многие из них и вовсе объявили «неперспективными». К настоящему времени уже невозможно восстановить исчезнувший пласт культуры с его органичной экономикой, размеренным, но при этом эффективным хозяйственным укладом жизни, говорами, песнями, деревен-

скими праздниками, удивительной архитектурой, созданной безымянными зодчими. Всё это было доступно лишь носителям этой культуры, жившим когда-то на северной земле. Много веков назад они смогли превратить тайгу в цветущий оазис. Исторические источники, подобно дневнику Ивана Глотова, напоминают современному читателю о драме XX столетия, которая привела к разрушению этого мира.

Примечания

¹ Исключения составляют несколько дневников: *Маркелов Г.В.* Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX в. в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск; М., 2011; Мужской род. Первое лицо. Единственное число: дневники Д.И. Лукичёва и Д.П. Беспалова. СПб., 2013.

² Цит. по: *Мильчик М.И.* Предисловие // На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области, 1915–1931 гг. М., 1997. С. 10–11.

³ На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова...

⁴ Согласно Конституции СССР 1924 г., лишённые избирательных прав лишались также права на труд на советских предприятиях и в учреждениях, на образование, медицинские услуги, социальные пособия, пенсии и др.

⁵ Подробнее см.: *Хатанзейская Е.В.* Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в годы индустриализации и Второй мировой войны. М., 2021.

Сергей Фирсов

Трагедия противостояния: религиозный фактор в Гражданской войне в России*

Sergey Firsov

(Saint Petersburg Theological Academy, Russia; Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

The Tragedy of the confrontation: the religious factor in the Russian Civil War

DOI: 10.31857/S2949124X24040266, EDN: FDVMTG

История Гражданской войны в России активно изучалась как отечественными, так и зарубежными исследователями. При этом историкам неизбежно приходилось обращать внимание и на наличие в данном конфликте религиозного фактора. Однако в советское время его, как правило, игнорировали, а верующих и, в частности, православную Церковь, характеризовали как заведомо контрреволюционную и «реакционную» силу. Однако и отказ от марксистско-ленинской идеологии, как показали последние три десятилетия, отнюдь не стал гарантией «беспристрастности». Как некогда заметил В.П. Булдаков, «“совокупность фактов”, тем более их системно-пространственную иерархизацию, куда проще подменить “возвышающим обманом” мифа»¹. Идеализированные представления о «России, которую мы потеряли», в определённой мере заместили советские догмы о закономерности победы большевиков.

Понимая, что нельзя «объять необъятное», коллектив авторов, попытавшихся осветить значение религиозной составляющей Гражданской войны (А.С. Пученков, Н.Н. Смирнов, А.В. Сушко, И.В. Петров, В.В. Калиновский, Ю.А. Бирюкова и В.Н. Кальниченко), осознанно оставил за пределами рассмотрения феномен «красной обрядности», судь-

бы русских сектантов, представителей западных конфессий в России и народов Сибири, Урала и Дальнего Востока, исповедовавших свои традиционные культы. Вместе с тем учёные сосредоточились на анализе положения Православной Российской Церкви на Севере, небольшевистском Северо-западе и Юге России, в Поволжье (подробно описаны церковная революция 1917 г. в Казанской епархии и жизнь Самарской епархии под властью Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания), в Сибири и на Дальнем Востоке, говорится о позиции старообрядцев (преимущественно поповцев), российских буддистов и иудеев, о горском движении и влиянии на него ислама, особое внимание уделено ситуации в Крыму, где проживали последователи самых разных вероисповеданий. Не случайно в первой же главе речь идёт о региональной специфике проявлений религиозности в Гражданской войне.

Нельзя не отметить, что авторы проделали колоссальную работу, изучив сотни источников, хранящихся в 20 федеральных и региональных архивах (включая ГА РФ, РГИА, РГВА, РГАСПИ, Российский государственный архив Дальнего Востока, Национальный архив Республики Калмыкия, государственные архивы Архангельской, Иркутской, Мурманской, Но-

* Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А.С. Пученкова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2024. 572 с.

восибирской, Псковской, Ростовской и Самарской областей, Республик Бурятия и Татарстан, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краёв, Исторический архив Омской обл. и Центр документации Новейшей истории Ростовской обл.), а также в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и Архиве Санкт-Петербургской епархии.

По словам авторов монографии, «религиозный фактор есть совокупность множества составляющих, воздействующих на социальную, общественно-политическую, духовную, культурную и национальную жизнь общества, определяющих порядок функционирования религии и её институтов в системе отношений государства и общества, а также влияние религии как социального института на нерелигиозные формы общественной жизни» (с. 8). Одновременно они приводят и «удачное определение» В.Н. Рагузина, под «религиозным фактором» понимающего «функциональное состояние и характер взаимосвязей и взаимодействия религии и её компонентов с объектами влияния: обществом, политикой, культурой, государственной властью, нацией и т.д.». Исходя из этого, по их мнению, «следует, что религиозный фактор реализуется в тот момент, когда религия оказывает существенное влияние на явления, институты, события». Поэтому в книге он раскрывается «как процесс влияния религии на начало, ход и исход войны, на деятельность противоборствующих сил, политические институты и общественное мнение» (с. 11–12).

Вероятно, в данном случае было бы корректнее писать не о *религии* (т.е. определённой системе взглядов, обусловленной верой в сверхъестественное), а о тех или иных *религиозных институтах*, прежде всего — о Православной Российской Церкви, ока-

завшейся в условиях Гражданской войны заложницей политики «белых» и «красных». Но велико ли было её воздействие на «ход и исход» происходивших тогда в России событий? Выяснить это особенно важно, так как сами же авторы монографии утверждают, что «религиозный фактор имеет место только в тех случаях, когда религия оказывает существенное влияние на политику, общество, государство» (с. 13).

Конечно, религиозные представления и институты неизменно влияют на общество, хотя и не всегда непосредственно. Однако по документам, составленным представителями той или иной конфессии, далеко не всегда возможно определить степень религиозности различных социальных групп, рост или упадок их веры и т.п. Авторы монографии, по-видимому, хорошо это осознали, и их попытку нарисовать подробную и широкую картину духовной жизни России в годы Гражданской войны следует признать вполне успешной.

Как показано в книге, и белые, и красные осознали значительный политический и духовный потенциал Церкви. Неудивительно, что её иерархи — патриарх Тихон (Беллавин), митрополит Антоний (Храповицкий), епископ Вениамин (Федченков), как и многие другие священнослужители, так или иначе становились действующими лицами конфликта. Однако в итоге, по мнению исследователей, «можно констатировать, что крупнейшие российские конфессии — православие и ислам — в годы Гражданской войны не сумели должным образом консолидироваться, а их институты не стали влиятельными субъектами политики в общегосударственном масштабе, не оказав серьёзного влияния на ход вооружённой борьбы» (с. 59)².

Фактически религиозные структуры существовали как бы «параллель-

но» власти (как «белой», так и «красной»), которая устанавливалась на той или иной территории. Причём было не «двоевластие», а нечто похожее скорее на «когнитивный диссонанс», возникающий при столкновении в сознании взаимоисключающих идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. Видимо, в этом и заключалась суть «религиозного противостояния», если таковое вообще наблюдалось. Во всяком случае, адекватно оценить (тем более — признать) логику «нового мира», которую навязывали большевики, в условиях Гражданской войны было в принципе невозможно. Их откровенное богоборчество отталкивало миллионы верующих, говоривших с ними на разных языках и не желавших отказываться от своих религиозных идеалов.

Безусловно, авторы монографии прекрасно осознают, что их труд — лишь начало исследования того, как коллизии Гражданской войны воспринимались верующими людьми. Причём осмысление данной темы требует знания не только «фактологии», но и «философии истории». Постепенно единственно возможным способом существования религиоз-

ных институтов в Советской России стал конформизм, окончательно утвердившийся после издания печально знаменитой «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) в июле 1927 г. Впрочем, как справедливо указывают авторы, «и лояльность по отношению к власти не гарантировала... сохранения жизни и свободы ни в 1920-е годы, ни в эпоху Большого террора» (с. 538).

Вместе с тем профессионально и ярко написанная книга станет ценным пособием для всех, кто интересуется трагедией Русской смуты начала XX в. и пытается постичь причины победы большевиков в Гражданской войне.

Примечания

¹ Булдаков В.П. Историческая память и ремесло историка России // Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008. С. 43.

² Следует только уточнить, что если православие — это одно из направлений в христианстве, то ислам — мировая монотеистическая религия, о «конфессиональном оформлении» которой говорить затруднительно. Правильнее было бы сказать о Православной Российской Церкви и мусульманской умме в России.

Даниил Коцюбинский

Почему вера проиграла идеологии?*

Daniil Kotsyubinsky

(European University at Saint Petersburg, Russia)

Why did faith lose to ideology?

DOI: 10.31857/S2949124X24040274, EDN: FDONSR

Коллективную монографию известных российских историков Ю.А. Бирюковой, В.В. Калиновско-

го, В.Н. Кальниченко, И.В. Петрова, А.С. Пученкова, Н.Н. Смирнова и А.В. Сушко с полным основанием

* Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А.С. Пученкова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2024. 572 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

можно назвать прорывом в освещении судеб представителей разных вероисповеданий в событиях 1917–1922 гг. Хотя в последние десятилетия, как отмечено во Введении, «отечественная историография изучения истории Гражданской войны в России переживает подлинный ренессанс», однако «до сих пор не появилось концептуальных трудов, всесторонне позволяющих оценить роль религиозного фактора в Гражданской войне» (с. 9, 11).

Впрочем, делая важный шаг к заполнению указанной лакуны, авторы не пытались «закрыть тему» или хотя бы охватить её во всей полноте. Так, в книге не говорится о том, что собой представляла «религиозная политика советской власти в целом», поскольку ключевые её аспекты «достаточно подробно рассмотрены в исследованиях отечественных и зарубежных историков». При этом читатель найдёт многочисленные упоминания о «её реализации на местах» (с. 22–23, 25), о чём известно гораздо меньше. Особый интерес авторов к окраинам (с. 51–60) обусловлен прежде всего тем, что именно там религиозная жизнь в условиях «русской смуты» протекала — и порой сравнительно долго — вне зависимости от директивно-репрессивной власти Совнаркома. Правда, территории, находившиеся в 2021 г. («на момент начала работы») за пределами Российской Федерации, учёным пришлось обойти стороной из-за очевидных затруднений, ограничивающих доступ к местным архивам (с. 25). Кроме того, в монографии «нет главы, посвящённой адептам западного христианства» (с. 25), не раскрыты в ней и проблемы, с которыми сталкивались мусульмане в Поволжье (с. 25), а также малые религиозные группы, «кого принято было раньше именовать “сектами”» (с. 23). Основное внимание авторы уделяют

конфессиональной политике антибольшевистских властей и их взаимоотношениям с православным духовенством (этому целиком посвящены 7 из 13 глав и значительная часть той, в которой изложены события в Крыму). Положение мусульман Северного Кавказа, буддистов, иудеев и староверов описано более сжато.

Тем не менее в книге охвачены ключевые регионы, находившиеся в различные периоды Гражданской войны под контролем небольшевистских сил — Север, Северо-запад, Юг, Крым, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, и прослеживаются, хотя и с разной степенью полноты, испытания, выпавшие на долю основных конфессиональных и этнокультурных сообществ, проживавших на этом пространстве. Бесспорным достоинством монографии является её богатейшая источниковая база. Авторы тщательно изучили материалы архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Симферополя, Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя, Нальчика, Омска, Читы, Хабаровска, Иркутска, Новосибирска, Владивостока и некоторых других городов.

При написании разделов авторы иногда придерживались проблемно-хронологического принципа, в других случаях составляли главы из небольших очерков, в которых рассказывали об отдельных городах, епархиях и даже персонах, поскольку «жизненные неурядицы каждого конкретного священнослужителя являются олицетворением судьбы всего старого мира в миниатюре, а шире — фотографии большой общей беды, постигшей Россию в великом и беспощадном XX в.» (с. 536).

Весьма характерна имплицитная полемичность некоторых оценок, встречающихся в различных разделах монографии. Так, авторы главы «По-

литические режимы и Русская православная церковь в Сибири» (с. 291–371) Пученков и Сушко пишут о том, что «коммунистическое государство практиковало *точечное* (здесь и далее курсив мой. — Д.К.) уничтожение своих врагов в рясах», причём «расправа над священнослужителями проводилась *не из-за их религиозной деятельности, а именно из-за их участия в политической борьбе* на стороне противников советской власти» (с. 371). В следующей же главе «Православная церковь на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны» Петров, касаясь, помимо прочего, и сибирских реалий, подробно сообщает о массовых репрессиях против представителей православного духовенства, державшихся в стороне от политики (с. 380–384).

Порою оценки приобретают условно «просоветский» или, наоборот, «антисоветский» оттенок. Так, Пученков и Сушко используют выражения «поповские мятежи» и «поповские восстания» — как правило, в кавычках, но иногда и без них (с. 324), и возражают тем историкам, которые называют подобную терминологию «большевистским штампом». По мнению Пученкова и Сушко, «дефиниция “поповский мятеж” вполне точно отражает суть происходившего. События в Омске и Томске — яркий показатель того, что в Сибири Русская православная церковь стала одним из столпов антибольшевистского движения» (с. 316). Но в других разделах книги чувствуется авторская симпатия к священникам и антибольшевистским силам. Тому же Петрову «*отрадно*, что на территории Забайкальской епархии редкостью был массовый характер антицерковной деятельности именно среди бывших прихожан» (с. 430–431). В другой раз он признаёт, что, «*к сожалению*, добиться большего архиепископу не удалось» (с. 109). Затем констатирует, что «в условиях адми-

нистративного кризиса самой церкви это было непростой задачей и, *к сожалению...* не способствовало выходу из него» (с. 173); 8 июня 1918 г., по его словам, появилось «*долгожданное* воззвание Комуча» (с. 271), и т.д.

Явные методологические и эмоциональные расхождения в главах, безусловно, подталкивают читателя к самостоятельному осмыслению щедро насыщенного фактами текста. Во введении об этом сказано прямо: «Получившаяся работа — результат труда коллектива авторов: каждый из них сыграл важную роль в подготовке книги; в спорах, иногда довольно ожесточённых, но всегда служивших общему делу, рождалась сначала концепция будущего исследования, а затем и сама монография» (с. 23). Уже поэтому «данное издание стоит считать не только первой попыткой концептуально осветить роль религиозного фактора в событиях Гражданской войны, но и *приглашением к дискуссии* для всех, кто интересуется как историей “русской смуты”, так и церковной историей в целом» (с. 25). Не случайно в Заключении отмечено, что «очерковая форма сама по себе является чрезвычайно уязвимым жанром — по сути, она выражает лишь взгляд автора (авторов) на наиболее интересные и важные — с их и только их точки зрения — сюжеты». Правда, «собранные авторами материалы и не предполагают однозначного мнения по тому или иному вопросу» (с. 535–536).

Соответственно и Заключение завершается заведомо дискуссионным выводом: «Военное поражение антибольшевистских сил привело к поистине катастрофическим последствиям для судеб российского православия: духовенство, немалая часть которого *нерасчётливо* сыграла на стороне белых в период Гражданской войны, на многие десятилетия оказалось в роли заложников в руках советской вла-

сти» (с. 538). Данное высказывание, по сути возлагающее ответственность за антицерковные репрессии советской власти на политически «нерасчётливых» священнослужителей, очевидно противоречит рассуждениям на предыдущей странице о том, что репрессии против пастырей и паствы «делали неизбежным переход наиболее активных их представителей к тем или иным формам сопротивления большевикам» (с. 537). Кроме того, характеристика выступления Церкви на стороне белых как «нерасчётливого» плохо согласуется с критикой во Введении (с. 51) позиции патриарха Тихона (Беллавина), уклонившегося от «безусловной поддержки Белого движения» и не сумевшего стать «общенациональной силой».

И всё же противоречивые выводы, подкрепляемые «разбросанными» по тексту яркими и точными наблюдениями авторов, позволяют глубже осмыслить не только значение религиозного фактора в годы Гражданской войны, но и её фатум, поскольку в очередной раз указывают на обстоятельства, предопределившие победу большевиков и поражение их противников.

Как известно, «антибольшевистские силы» состояли из разных, нередко враждебных друг другу элементов и не имели единой идейно-политической программы. Лишь лозунг «непредрешения» обеспечивал их зыбкий консенсус, но этот лозунг не мог ни зажечь, ни увлечь даже тех, кто его декларировал.

Следствием внутренней разобщённости была организационная рыхлость, которая, в свою очередь, порождала конфликты даже в белогвардейском «ядре». Едва ли не наиболее крупным из них на Юге России стало противостояние А.И. Деникина и войсковых правительств Дона, Кубани и Терека, которое проявилось и на Юго-Восточном русском цер-

ковном соборе. При этом священноначалие отнюдь не осталось «над политической схваткой», но решительно поддержало Главнокомандующего (с. 149—150). В итоге, хотя на Кубани в «каждой станице, в каждом селении и хуторе в течение всех лет Гражданской войны храмы были полны молящимися» (с. 170), между местными иерархами и казаками-автономистами возникло заметное отчуждение.

По тем же причинам лидеры Белого движения не смогли использовать в своих интересах областнические настроения, широко распространённые в Сибири и ставшие первоначальной основой для формирования там антибольшевистских правительств (с. 334). Призывы А.В. Колчака не соответствовали настроениям значительной части сибиряков, не исключая и местных клириков. К примеру, «6 августа 1919 г. отец Геннадий был приглашён отслужить молебен и выступить с напутственным словом перед мобилизованными в белую армию казаками. Эта миссия не соответствовала политическим взглядам батюшки, который... произнёс следующую речь: “Братцы! Я как священник не могу вас напутствовать, чтобы пошли проливать кровь своих братьев. Нам не нужна Россия. Будем жить в Сибири. Там борются из-за помещичьих земель, из-за буржуев. В Сибири их нет. Берегите, братья, свою кровь» (с. 353).

Неудивительно, что «отсутствие реального лозунга дня и прежде всего определения конечной цели движения закономерно ослабляли позиции и военного командования белых, и создаваемых ими органов гражданского управления на подконтрольных территориях. Население было наслышано о том, что большевики ставили задачу построения “нашего, нового мира” в противовес лидерам Белого движения, подобных целей не имевшим» (с. 536).

По сути, противники красных предлагали исключительно «возрождение» того, что уже однажды рухнуло и совсем не привлекало социальные «низы», не поддерживавшие ни вступившую в мировую войну «Великую Россию», ни февральскую «демократию», ни продолжение вооружённой борьбы против Германии (до ноября 1918 г.), ни частную собственность на землю, ни Учредительное собрание. Митрополит Вениамин (Федченков), являвшийся в 1919 г. епископом Севастопольским, констатировал в мемуарах, что «не религия двигала белых», которые в своей борьбе воодушевлялись «великой Россией, национализмом, собственностью», ненавистью к большевикам (с. 215). Православная Церковь также не звала в «светлое завтра», а выступала скорее символом возвращения к прошлому. И это отдаляло её служителей от народных масс, которые прекрасно понимали, что «возрождение России» подразумевает и восстановление прежнего уклада общественной жизни (с. 210).

Сказывалась и враждебность крестьян к духовенству, выражавшаяся, в частности, в захватах приходского и монастырского имущества — пашен, пасек, лесов и т.п., — которые начались ещё до издания большевистского Декрета о земле, по сути легализовавшего конфискацию сельскими обществами (формально — волостными земельными комитетами и уездными советами крестьянских депутатов) не только помещичьих, но и церковных земель (с. 120—122, 238—243, 262—263). Как полагает Бирюкова, «в условиях крушения прежнего порядка, с которым церковь в общественном сознании прочно связывалась, она неминуемо была обречена на столкновение с веками сидевшей в народе обидой на её богатство и близость к власти» (с. 244). По словам Петрова, в период Гражданской войны «сельское насе-

ление стало опаснее для церкви, чем городское» (с. 384). В монографии приведено множество фактов, подтверждающих данное утверждение.

Рабочим, крестьянам, солдатам и матросам импонировали не реставрационные замыслы, а советские декреты о земле и о мире, а также перспектива экспроприации «награбленного» и легализации ненависти и насилия по отношению к «помещикам, буржуазии и попам».

К тому же антибольшевистские правительства дискредитировала зависимость от помощи со стороны Германии или Антанты (с. 351). Без иностранного вмешательства им не удалось бы структурироваться и на какое-то время установить свою власть на Севере и Северо-западе России, в Крыму, Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Лишь на Юге Белое движение, пусть и не сразу, получило массовую поддержку казачества. Однако и там содействие европейских держав оставалось для русских генералов жизненно важным. Со своей стороны, церковные деятели считали такое сотрудничество «меньшим злом» или же вовсе безоговорочно одобряли (с. 328).

Представителей нерусских народов, для которых религия зачастую являлась базовым «признаком этничности» (с. 229), конечно, настораживала атеистическая пропаганда большевиков. Но в конце концов значительная часть «националов» поддержала советскую власть, так как белые правительства несли с собой русский державный национализм и заявляли о приоритете православия перед другими вероисповеданиями (с. 307—309). Сами же служители Церкви, опираясь на решения Поместного собора 1917—1918 гг., стремились одновременно обрести независимость от государственной власти и сохранить казённое финансирование, по-преж-

нему рассчитывая на особое отношение администрации к своим нуждам. Связанные с этим коллизии многократно возникали на территориях, контролировавшихся антибольшевистскими силами (с. 307).

Подробно излагая все эти обстоятельства, авторский коллектив во многом именно благодаря очерковой многовекторности своего исследования создал прочную основу для дальнейших изысканий и дискуссий, существенно расширив их диапазон. Разумеется, в тексте встречаются и незначительные упущения. Так, во

Введении неточно приведено название Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (с. 20). РКП(б) «по старинке» именуется РСДРП(б), хотя говорится о событиях августа 1918 г. (с. 68). Священник В.И. Немерцалов, принадлежавший в IV Думе к фракции «прогрессивных националистов», ошибочно зачислен в «ряды прогрессистов» (с. 285). Но эти изъяны легко исправить, если не только главы, написанные Ю.А. Бирюковой (с. 23), но и все остальные разделы книги будут со временем трансформированы в отдельные монографии.

Игорь Богомолов

Рабочее движение и революционная социал-демократия на окраинах позднеимперской России*

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The Labor movement and Revolutionary Social Democracy in the borderlands of late Imperial Russia

DOI: 10.31857/S2949124X24040285, EDN: FDJQKP

Эрик Блан — профессор Ратгерского университета (США), исследователь рабочих организаций, трудового активизма, забастовок и политической активности рабочего класса. Хотя значительная часть его вышедших и готовящихся трудов повествует о современном рабочем движении, в 2021 г. Блан выпустил полноценное исследование о революционной социал-демократии в позднеимперской России. Во введении автор отмечает, что многолетние исторические и социологические исследования российской революции «имели общий недостаток: они рассматривали только

центральную Россию, а не империю в целом. Русская революция была гораздо менее русской, чем часто предполагалось»¹. Поскольку «нерусские» социалистические партии были «проигнорированы или маргинализированы... представления о революционной России остаются в лучшем случае односторонними, а в худшем — вводящими в заблуждение» (р. 1).

Истоки этого «однобокого» представления о социалистическом движении в царской России Блан усматривает в особенностях развития историографии после окончания холодной войны. В 1990-х гг. возрос-

* *Blanc E. Revolutionary social democracy: Working-class politics across the Russian Empire (1882–1917). Leiden: Brill, 2021. 455 p.*

шее внимание учёных к истории рас и национальностей привело, помимо прочего, к всплеску академических исследований на периферии Российской империи. Тем не менее, поскольку «имперский поворот» произошёл одновременно с «паническим бегством от исследований рабочих движений и социалистических партий, подавляющее большинство этих новых работ продолжало игнорировать марксистов пограничья» (р. 2). Сведение социал-демократического движения к двустороннему конфликту меньшевиков и большевиков затемнило «гораздо более динамичную картину: более дюжины марксистских партий дискутировали, сотрудничали, раскалывались и объединялись по всей империи» (р. 4).

Отметив, что первая марксистская организация в Российской империи возникла в Польше в 1882 г. (более чем за 20 лет до появления большевиков и меньшевиков), Блан приводит и статистические сведения. Так, в империи, где нерусские народы составляли 58% населения, приграничные партии представляли более 75% организованных марксистов (с. 4). Однако этот фактор практически не учитывался в западной литературе. Другой недостаток существующей историографии — устойчивое представление о «большевистской исключительности». Согласно распространённой точке зрения, большевики отделили себя от всех других социалистических партий той эпохи, «порвав с умеренным социализмом», воплощённым в немецкой СДПГ. Если либеральная историографическая школа трактовала этот разрыв как часть «генезиса советского тоталитаризма», то социал-демократическая считала его «предварительным условием победоносной Октябрьской революции, а также программным основанием для спасения марксизма от его предполагаемо-

го второго международного развала» (р. 9).

На окраинах империи не было ни одной крупной большевистской позиции, которую не разделяли бы различные социалистические партии. При этом ни одна такая позиция «сама по себе не могла привести непосредственно к октябрю 1917 г., или, как сказали бы учёные-антикоммунисты, — к сталинизму» (р. 10). Для более глубокого и всестороннего изучения борьбы российского рабочего класса рубежа XIX—XX вв. требуется гораздо большее внимание к социал-демократическим партиям на окраинах империи. Этот анализ в конечном счёте поможет объяснить «поражение самого серьёзного вызова, когда-либо брошенного глобальному капитализму: международной революционной волны после 1917 г., сдерживание которой проложило путь к консолидации буржуазного правления на Западе и последующему возникновению сталинского авторитаризма в России» (р. 4).

Монография состоит из десяти глав, разделяющих повествование по проблемному и хронологическому принципам. В первой главе Блан кратко освещает социально-экономический и политический контекст развития рабочего класса в центральной России и на окраинах империи на рубеже XIX—XX вв. Хотя большинство пролетариев в дореволюционный период оставались в стороне от марксистских организаций, сформировалось «прочное и растущее ядро социалистических активистов рабочего класса». Вплоть до начала XX в. рабочие движения на окраинах были значительно сильнее, чем в центральной России, что является «одной из причин, по которой революция 1905 г. дальше всего продвинулась на периферии» (р. 25). Отсутствие политических свобод в целом сделало социал-демократические партии в самодержавной России «бо-

лее радикальными как на словах, так и на деле, чем их родственные организации на Западе» (р. 36).

Во второй главе анализируются широкие политические рамки революционной социал-демократии до 1905 г. В то время как социал-демократы стремились основывать свою стратегию на уроках прошлого и своём понимании экономических тенденций капитализма, они также отмечали непредсказуемость политической жизни. В странах с гражданскими свободами и парламентами революционные марксисты утверждали, что социал-демократические партии должны сосредоточиться на продвижении своих идей через прессу, на участии в выборах, создании сильных партийных организаций и профсоюзов. Напротив, условия в поздней имперской России исключали любые попытки перенять организационную структуру или политическую направленность СДПГ. Стратегия «терпеливого накопления сил» не могла быть реализована в ситуации, когда государство пресекало попытки самоорганизации рабочих. Поэтому подпольные социалистические организации в России больше полагались на «тактику массовых действий, чем их товарищи за рубежом». Создание «нелегального марксистского движения в контексте самодержавия стало беспрецедентным историческим экспериментом» (р. 55).

Дискуссиям в среде российской интеллигенции о природе социализма и путях его достижения посвящена третья глава. У рабочих вызывал недовольство тот факт, что интеллигенты-социалисты «не сталкивались с такими же материальными лишениями и эксплуататорскими отношениями, как их товарищи-пролетарии». Социалисты, вышедшие из «высших классов» общества, зачастую имели образование, свободное время и достаточное количество денег, что да-

вало им возможность формировать партийную политику и доминировать в руководстве партий (р. 76). После 1905 г. разочарование в рабочем классе охватило интеллектуалов всех национальностей, увидевших, что «их прежние надежды на власть пролетариата были неуместны». Вопрос об отношениях между рабочими и интеллигенцией также отошёл на второй план по той причине, что «интеллигенции в социалистических партиях стало значительно меньше» (р. 81).

По сравнению с 1905 г. «лишь незначительное меньшинство интеллектуалов после свержения царя в феврале 1917 г. поддержало борьбу за пролетарскую гегемонию». К этому времени среди интеллигенции преобладали либералы, националисты и правые социал-демократы различных оттенков. В отличие от радикальных марксистов, «ни одно из этих течений не считало, что трудящиеся в России способны захватить власть и использовать её для прогрессивных социальных преобразований. Попытки править без буржуазии, по их мнению, могли привести только к контрреволюции, гражданской войне и анархии». Для либералов это недоверие к рабочему классу не было чем-то новым, но означало серьёзный отход от традиций 1905 г. На протяжении 1917 г. «основная критика, выдвигаемая радикальными рабочими в адрес интеллигенции, заключалась не в том, что она господствовала над рабочим движением, а в том, что она отказалась от него» (р. 84).

Отдельная, четвёртая глава посвящена сравнительному анализу стратегии социал-демократов в «подпольной России и парламентской Финляндии». «Условия абсолютизма» препятствовали созданию массового легального рабочего движения по образцу политических систем Западной Европы. В России такой подход был

возможен только в «исключительном случае» Финляндии с её легализованным рабочим движением. Полицейские репрессии «задавали странный ритм деятельности марксистов империи, которым каждые несколько месяцев приходилось начинать свои организационные усилия практически с нуля». Это затрудняло создание прочной партийной системы и организаций рабочего класса (р. 98).

В пятой главе Блан исследует, как марксисты в позднеимперской России подходили к стратегическим альянсам с либеральными партиями. За исключением Финляндии, социал-демократические партии до Первой российской революции в подавляющем большинстве придерживались принципов непримиримой классовой борьбы. После 1905 г. «распался первоначальный консенсус по вопросу о гегемонии пролетариата. Отныне поддержка... блоков с буржуазными партиями и капиталистическими правительствами стала определяющей линией». Деморализованные поражением революции, различные марксистские партии и течения в империи сделали заметный поворот вправо. Прежде всего это проявилось в «отказе от их прежнего антагонистического подхода к буржуазному либерализму». В Финляндии сложилась противоположная ситуация: после 1905 г. ортодоксальные марксисты захватили лидерство в ранее умеренной социал-демократической партии (СДП). Под их руководством финское социалистическое движение «сопротивлялось попыткам создать межклассовое национальное единство, заложив тем самым основу для острых классовых конфликтов 1917–1918 гг.» (р. 150).

Более подробно эволюция взглядов революционной социал-демократии на партийное строительство и место партии в организации трудящихся рассматривается в шестой главе. Со-

гласно доминировавшей до 1905 г. «ортодоксальной» точке зрения, должна существовать только одна партия, с которой все массовые рабочие организации политически и организационно связаны. Такое мнение, которое Блан называет «монополизмом», было «приемлемым в Германии, но оно оказалось неподходящим для самодержавной России, где сосуществовало множество относительно небольших социалистических организаций». На практике такой подход «подрывал эффективную координацию массовой деятельности и приводил к чрезмерным фракционным баталиям». После 1905 г. социал-демократы осознали необходимость единства действий различных течений. В конечном счёте социалисты согласились с созданием массовых беспартийных организаций — профсоюзов, федеральных комитетов и советов — для координации борьбы и организации широких слоёв беспартийных трудящихся. Этот метод стал почти общепризнанным компонентом марксистской практики в России после 1905 г. и одним из решающих факторов для «успеха радикальных социалистов в 1917 г.» (р. 200–201).

Оспаривая тезис о том, что большевики отошли от преобладающей модели партийного строительства Второго интернационала, Блан в седьмой главе подробно проанализировал позиции и практику организации немецкой СДПГ, финской СДП, польской СДКПиЛ и большевиков. Когда дело доходило до совместной партийной работы, большевики «оказывались где-то между вышеупомянутыми польским и финским примерами». С 1912 г. Ленин настаивал на разрыве с меньшевистскими «ликвидаторами», но его непримиримость редко применялась на практике. Только летом 1917 г. создание отдельных большевистских комитетов стало нормой по

всей России. Если бы большевики «преждевременно вышли из РСДРП, их способность сплотить большинство рабочего класса в 1917 г. была бы гораздо менее вероятной» (р. 238).

На протяжении всей книги Блан подробно рассматривает опыт финской СДП как во многом уникальный для российских условий начала XX в. В восьмой главе он показал, что история СДП «опровергает широко распространённые утверждения об оппортунизме “марксизма Второго интернационала”» и представляет собой «лучший пример для изучения теории и практики революционной социал-демократии, чем её бюрократизированная родственная партия в Германии» (р. 284). Благодаря высокой самоорганизации и последовательной политической борьбе финские социал-демократы на выборах 1916 г. получили парламентское большинство. После Февральской революции лидеры партии попытались воспользоваться своей победой и провести законодательным путём ряд радикальных демократических и социальных реформ. В ответ финская и российская правящие элиты распустили парламент, «подготовив почву для революционного восстания под руководством социалистов в январе 1918 г.». Здесь вполне уместна приведённая автором цитата финского историка Р. Алапу-ро: «Урна для голосования не стала гробом революционеров, как это часто утверждается. В случае Финляндии урна для голосования оказалась их колыбелью» (р. 284).

В двух заключительных главах Блан сравнивает особенности тактики социал-демократов в 1905 и 1917 гг. на примере центральной России, а также Украины и Польши. Автор, в частности, доказывает, что в 1905 г. не произошло «серьёзного разрыва» между позицией большевиков и «ортодоксальным марксизмом Второго

интернационала». Напротив, «марксисты по всей России в тот момент выступали за прямой захват государственной власти» и в конце 1905 г. были к этому очень близки. Во многих приграничных регионах империи они действительно захватили власть. Подробно анализируются позиции и практики основных умеренных социал-демократических организаций империи. Особое внимание уделено большевикам, поскольку в 1917 г. они стали «самым влиятельным ортодоксальным марксистским течением, а также потому, что в течение года к ним примкнуло много нерусских радикалов». Блан отстаивает точку зрения, что большевистские лидеры задолго до прибытия Ленина в Россию в апреле 1917 г. призывали к свержению Временного правительства, требовали передать власть в руки советов, немедленно окончить войну, «удовлетворить социальные требования народа и спровоцировать международную революцию». Таким образом, Октябрьская революция, «по сути, выразила и подтвердила стратегию ортодоксального марксизма в исключительном политическом контексте России» (р. 344).

Монография Блана оставляет впечатление капитального труда, основанного на широкой и многоязычной источниковой базе. Впечатляет количество привлечённых к работе финских, латвийских, польских, украинских, русских, немецких и французских источников. Блан проводил исследования в 25 архивах и академических библиотеках в постсоветских и восточноевропейских государствах, Западной Европе и США. Достаточно сложный и насыщенный материал излагается доступным языком, благодаря чему книга читается легко и с интересом. Можно констатировать, что история социал-демократии и рабочего движения в революционной Рос-

сии получила новый импульс к исследованию за рубежом после более чем 30 лет фактического забвения.

Представляется, однако, что монография могла бы быть более компактной без повторов тезисов и сюжетов, которые нередко встречаются в разных главах и усложняют структуру, затрудняют выделение основной мысли и выводов книги. Заявленная во введении цель — показать развитие социал-демократии на окраинах позднеимперской России — во второй части работы отходит на второй план, фактически уступая место полемике о роли и месте большевиков в российской революции. Красной нитью по всей книге проходит тема борьбы с «господствующими», «политизированными», «ошибочными» течениями в исторической литературе, однако не всегда понятно, с кем именно автор спорит. Во введении подчёркивается, что речь идёт в первую очередь о европейской и американской историографии, в то время как «большинство серьёзных исследований о нерусских социалистах, а также первоисточники, на которых они основаны, были написаны на малоизвестных восточно-

европейских языках» (р. 2). В библиографии присутствует немало таких работ, в которых, кстати, уже не раз и весьма подробно рассматривалась поднятая Э. Бланом тема. Неясно при этом, почему они практически не учитываются в критике. Работе в целом не хватило качественного историографического обзора, который необходим при исследовании столь широкой проблемы. Без него указанные эпитеты выглядят порой излишне резко и не вполне обоснованно, придавая серьёзному труду научно-популярный разоблачительский «налёт». Несмотря на это, монография безусловно достойна внимания и вызовет интерес специалистов по революционной России и русской социал-демократии.

Примечание

¹ Соглашаясь с этим тезисом, историк Й.П. Арнасон в своей рецензии на книгу отмечает: «Другая половина правды заключается в том, что чем ближе революционный переворот подходил к окончательному урегулированию, тем более русским он становился» (*Arnason J.P. Book Review: Revolutionary Social Democracy: Working-Class Politics Across the Russian Empire (1882–1917) // Acta Sociologica. 2023. Is. 2. P. 233*).

Юбилей В.П. Булдакова

К своему юбилею Владимир Прохорович Булдаков подготовил себе и читателям подарок — опубликовал книгу «Страсти революции. Эмоциональная стихия 1917 года». Она продолжает серию исследований, объединённых общей темой «красной смуты» — одной из первопричин революции в России. Новизну издания автор определил как «концентрированную подачу материала, который остался незамеченным в прежних моих работах». Но, думается, здесь Владимир Прохорович лукавит. Уже с выходом книги «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» (1997) вокруг высказанных им идей развернулись жаркие споры, которые не утихают по сей день. Это не мудрено, ведь в книгах Булдакова предпринят штурм устоявшихся представлений о причинах и ходе революции 1917 г. — или «Великой Октябрьской социалистической революции, первой пролетарской революции в условиях империализма, совершённой под руководством партии большевиков во главе с В.И. Лениным», как её на протяжении 70 лет определяли во всех книгах, выходивших в СССР, — от школьных учебников до академических монографий.

Такая трактовка стала краеугольным камнем официальной идеологии, основой исторической легитимации советской власти. Осторожные попытки историков уточнить уровень экономического развития страны в начале XX в., особенности сосуществования различных укладов в её экономике и социальной структуре, роль крестьянства на различных этапах революции — всё это в 1960-х — первой половине 1980-х гг. находилось под пристальным цензурным контролем. Пожалуй, главным достижением отечественной историографии этого времени стало исследование деятельности непролетарских партий.

Научная биография В.П. Булдакова сложилась так, что он уже полвека находится в центре обсуждения и изучения важнейших проблем истории России, в особенности истории революции. Его коллегами были И.И. Минц, П.В. Волобуев, Г.З. Иоффе, А.К. Соколов и другие выдающиеся учёные. В 1976 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую «легальному марксизму», а в 1998 г. докторскую — «Октябрьская революция: социокультурное измерение». Но я бы хотел обратить внимание на первые шаги Владимира Прохоровича на исследовательском пути. Это дипломная работа выпускника исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, посвящённая российской историко-художественной публицистике конца XIX — начала XX в. Руководил его становлением как учёного один из самых неортодоксальных профессоров — С.С. Дмитриев. Полагаю, именно от него особое внимание юбиляра к «человеческому измерению» в истории.

Исследования Булдакова насыщены голосами людей времени революции. Они спорят, боятся, ожидают чего-то страшного, ищут способы выжить... Это не иллюстрации. Это — способ соприкосновения с прошлым, проникновения в него со всеми его эмоциями, страстями, иллюзиями. В обстановке ожидания потрясений оживали, казалось бы, позабытые архаические представления о мироустройстве, «мирской справедливости», превращаясь в «революционное правосудие».

Следует констатировать, что такой подход привёл к решительному разрыву не только с прежней партийной трактовкой революции, но и, что су-

щественно важнее, с позитивистской традицией исследования социальных и экономических отношений посредством анализа обильного статистического материала, которая справедливо имеет множество сторонников. Как следствие, неудивительно, что противников нашлось немало. От них в адрес Булдакова нередко можно услышать обвинения в создании направления «смутология». В этой связи вспоминается история появления термина «импрессионизм», которым некий критик не без насмешки определил работы участников художественной выставки 1874 г. Термин и направление прижились. Это вовсе не означало, что к ним свелось всё художественное творчество. Так и с идеями Булдакова. Они, несомненно, открывают новые возможности понимания революции. Служат ли они универсальной отмычкой для объяснения её причин? Нет, конечно же, таковых в науке не бывает. Но на то история и наука, что она на каждом этапе своего развития предлагает новые решения.

Доброго здоровья, дорогой Владимир Прохорович!

Р.Г. Пихоя

Наши авторы

Башнин Никита Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом истории Института научной информации по общественным наукам РАН

Буддаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Варга Беата, PhD, доцент, заведующая кафедрой Всемирной истории Нового времени Сегедского университета (Венгрия)

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Горбатов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета, ведущий научный сотрудник Алтайского государственного университета (Барнаул)

Гусман Леонид Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Давиденко Дмитрий Григорьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН и Российского государственного гуманитарного университета

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Коцюбинский Даниил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге

Мальцев Максим Александрович, протоиерей, председатель комиссии по канонизации святых Кемеровской епархии Русской Православной Церкви

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мангилёва Анна Владимировна, доктор исторических наук, профессор Екатеринбургской духовной семинарии

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института региональных исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Пихоя Рудольф Германович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник факультета исторических и политических наук Томского государственного университета

Самыловская Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Стефанович Пётр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Суслова Евгения Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Туманова Анастасия Сергеевна, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Филина Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Фриз Грегори Ли, PhD, профессор Брандейского университета (Уолтем, США)

Хатанзейская Елизавета Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Червяков Руслан Юнадиевич, преподаватель исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и источник

П.С. Стефанович

- Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси
(конец XIII — начало XIV в.) 3

Институты и общности

Д.Г. Давиденко

- Городские протопопы в общественной жизни России в эпоху политического
кризиса начала XVII в. 20

И.Н. Шамина

- Проведение переписи 1701—1703 гг. в монастырях: от ревизии к управлению . . . 32

Е.Д. Суслова

- Политика территориальной реорганизации церковных приходов в Олонецком
крае во второй половине XVIII — начале XIX в. 50

Диалог о книге

- А.Л. Беглов. Православный приход на закате Российской империи: состояние,
дискуссии, реформы 70**

- А.Ю. Полунов: Православный приход как зеркало пореформенной России 71*

- А.В. Мангилёва: В замкнутом круге бюрократизации и реформ приходской жизни . . . 74*

- Ф.И. Мелентьев: Накануне приходской революции 76*

- Ф.А. Гайда: Приходские преобразования и революция, или Реформирование
нереформируемого 80*

- Г.Л. Фриз: На пути к глобальной микроистории православного прихода 83*

Сюжеты и эпизоды

А.В. Горбатов, М.А. Мальцев

- Террор красных партизан по отношению к духовенству и верующим в годы
Гражданской войны на юге Западной Сибири: опыт обобщения 88

Идеи и образы

В.П. Булдаков

- Европейская культура, мировая война, русская революция. Пути и перспективы
переосмысления 103

Ю.С. Филина

- Концепции репродуктивного поведения и материнства в советском кино
1920—1930-х гг. 124

Профессия и сообщество

В.В. Тихонов

- «Украинский кризис» Общества историков-марксистов 141

Б. Варга

«Национальные историографии» истории России XVI–XVIII вв. на страницах венгерского журнала «RussianStudiesHu»	151
---	-----

Лица и взгляды

Р.Ю. Червяков

Илья Евгеньевич Зеленин: портрет на фоне книжной полки	162
--	-----

Диалог о книге

И.Е. Барыкина. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра	172
<i>А.С. Пученков: Историк во власти</i>	<i>174</i>
<i>Л.Ю. Гусман: Человек железной воли</i>	<i>178</i>
<i>Е.А. Самыловская: Граф Д.А. Толстой — исследователь католицизма</i>	<i>180</i>
<i>Е.А. Ростовцев: «Человек системы»</i>	<i>182</i>
<i>А.Э. Котов: Портрет загадочного триумвира</i>	<i>186</i>
<i>А.В. Мамонов: Просвещённый реакционер</i>	<i>191</i>

Рецензии

<i>Н.В. Башнин, М.С. Черкасова — Епархиальное устройство в Центральной России и начало петровских реформ</i>	<i>207</i>
<i>А.В. Репников — Раздвигая научные горизонты... Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения) . . .</i>	<i>213</i>
<i>А.С. Туманова — «Университетский вопрос» в правительственной политике России начала XX в.</i>	<i>217</i>
<i>Е.В. Хатанзейская — Дневник крестьянина Ивана Глотова</i>	<i>221</i>
<i>С.Л. Фирсов — Трагедия противостояния: религиозный фактор в Гражданской войне в России</i>	<i>227</i>
<i>Д.А. Коцюбинский — Почему вера проиграла идеологии?</i>	<i>229</i>
<i>И.К. Богомолов — Рабочее движение и революционная социал-демократия на окраинах позднеимперской России</i>	<i>234</i>
<i>Юбилей В.П. Булдакова</i>	<i>240</i>
<i>Наши авторы</i>	<i>242</i>

CONTENTS

The historian and the source

<i>P.S. Stefanovich (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Space and identities in two princely vitaes of Medieval Russia (late 13 th – early 14 th centuries)	3
---	---

Institutions and communities

<i>D.G. Davidenko (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow; Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> Urban <i>protopy</i> in the public life of Russia during the era of the political crisis of the early 17 th century.	20
<i>I.N. Shamina (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Conducting the census of 1701–1703 in monasteries: from revision to management . . .	32
<i>E.D. Suslova (Petrozavodsk State University, Humanitarian Innovation Park, Russia)</i> The policy of territorial reorganization of church parishes in the Olonets region in the second half of the 18 th – early 19 th century	50

Discussing recent books

A.L. Beglov. The Orthodox parish at the end of the Russian Empire: state, discussions, reforms.	70
<i>A.Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia): The Orthodox parish as a mirror of post-Reform Russia</i>	71
<i>A.V. Mangileva (Yekaterinburg Theological Seminary, Russia): In the vicious circle of bureaucratization and reform of parish life</i>	74
<i>F.I. Melentev (HSE University, Moscow, Russia): On the eve of the parish revolution</i>	76
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia): Parish transformations and revolution, or Reformation of the Unreformable</i>	80
<i>G.L. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA): On the way to the global microhistory of the Orthodox parish</i>	83

Scenarios and episodes

<i>A.V. Gorbatov (Kemerovo State University, Russia; Altai State University, Barnaul, Russia), archpriest M.A. Maltsev (Kemerovo Diocese, Russian Orthodox Church)</i> The terror of the red partisans against the clergy and believers during the Civil War in the South-Western Siberia: an experience of generalization	88
--	----

Ideas and images

<i>V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> European culture, World War, Russian Revolution. Pathways and prospects for rethinking . . .	103
<i>Ju.S. Philina (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Concepts of reproductive behaviour and motherhood in Soviet cinema of the 1920s–1930s	124

Profession and community

<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> «Ukrainian crisis» of the Society of Marxist Historians	141
---	-----

<i>B. Varga (University of Szeged, Hungary)</i>	
«National historiographies» on the history of Russia in the 16 th –18 th centuries, published in the Hungarian journal «RussianStudiesHu»	151

Persons and views

<i>R.Yu. Chervyakov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Historian Ilya Evgenyevich Zelenin as shown through his scientific library	162

Discussing recent books

I.E. Barykina. «A typical Saint Petersburg official»: Count Dmitry Andreevich Tolstoy (1823–1889). The experience of the Minister’s biography	172
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia): A historian in power</i>	<i>174</i>
<i>L.Y. Gusman (Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Russia): A man of iron will</i>	<i>178</i>
<i>E.A. Samylovskaya (Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University; Saint Petersburg State University, Russia): Count D.A. Tolstoy – researcher of Catholicism</i>	<i>180</i>
<i>E.A. Rostovtsev (Saint Petersburg State University, Russia; Tomsk State University, Russia): «The man of the system»</i>	<i>182</i>
<i>A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia): Portrait of the mysterious triumvir</i>	<i>186</i>
<i>A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): An enlightened reactionary</i>	<i>191</i>

Reviews

<i>N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences), M.S. Cherkasova (Vologda State University, Russia)</i>	
Eparchial structure in Central Russia and the beginning of Peter the Great’s Reforms . . .	207
<i>A.V. Repnikov (All-Russian Scientific and Reserch Institute for Records and Archives Management, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: Razdvigaya nauchnye gorizonty... Sbornik statey pamyati doktora istoricheskikh nauk P.N. Zyryanova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)	213
<i>A.S. Tumanova (HSE University, Moscow, Russia)</i>	
The «university question» in the Russian government policy at the beginning of the 20 th century	217
<i>E.V. Khatanzeiskaya (HSE University, Moscow, Russia)</i>	
Diary of a peasant Ivan Glotov	221
<i>S.L. Firsov (Saint Petersburg Theological Academy, Russia; Herzen University, Saint Petersburg, Russia)</i>	
The Tragedy of the confrontation: the religious factor in the Russian Civil War	227
<i>D.A. Kotsyubinsky (European University at Saint Petersburg, Russia)</i>	
Why did faith lost to ideology?	229
<i>I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The Labor movement and Revolutionary Social Democracy in the borderlands of late Imperial Russia	234
<i>V.P. Buldakov’s jubilee</i>	<i>240</i>
Contributors to this issue	242

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор